

общавшим, что татары «обмазывали свои жилища землей и навозом».¹

Интенсивное оседание земледельцев и ремесленников в зимовищах постепенно превращало эти последние в небольшие поселения-городки. Зимовища, устроенные на месте разрушенных городов и крепостей, были, видимо, укреплены стенами и валами, однако новые зимовища не укреплялись вовсе и представляли собой вид обширных селищ. В случае опасности кочевники, не защищая их, откочевывали в глубь степи.

Совсем иное значение имели города черных клубков, подданных киевского князя. Это были небольшие крепости, в которые скрывалось население во время половецких налетов. В летописи под 1150 г. записано: «... придоша к нему (Изяславу, — С. П.) черни клубуци, жены своя и дети своя в городах затвориша на Поросяи».² Оборонный характер городков объясняется влиянием русских, стремившихся образовать на границе своего государства цепь крепостей, задерживающую половцев.

Помимо городищ-зимовищ, половцы в отличие от печенегов имели под своей властью и настоящие торгово-ремесленные города. Печенегам так и не удалось за 150 лет своего хозяйствования в степях овладеть ни одним крупным причерноморским городом. Хазарский каганат и Византия были еще сильны, чтобы удержать власть над Причерноморьем. Что касается объединения половцев, то оно, как более сильное и централизованное, вытеснило к концу XII в. с берегов Черного и Азовского морей не только ослабленную и разоренную крестоносцами Византийскую империю, но и Русь, пользовавшуюся в причерноморских городах после разгрома Хазарии и образования Тмутороканского княжества исключительным влиянием. В результате агрессивных действий половцев Тмутороканское княжество перестало существовать уже в середине XII в. В конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» включает Тмуторокань в число половецких владений.³ Половцам же принадлежал и описанный Ибн-ал-Асиром (в середине XIII в.) город Судак (Солхат): «... этот город кипчаков,

из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, бургасные меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их».⁴ Определяя географическое положение Судака, В. Рубрук подчеркивает огромное торговое значение этого города на пути от Турции до «Северных стран». В «Половецком словаре»⁵ даны названия самых разнообразных ремесел, занятий и профессий, необходимых в крупном торговом городе, начиная от купца и кончая бравобреем и трактирщиком.

Таким образом, развитие торговли и ремесел в приморских городах не было задержано кочевниками и протекало так, как в любом из крупных европейских и восточных городов. Получая от торговли огромные выгоды, половецкие ханы, как в свое время хазары, всячески поддерживали ее и способствовали ее развитию, стараясь в то же время захватить все торговые пути, проходившие по их землям. Во второй половине XII в. князь Мстислав Изяславич призывает русских князей «поискать отец своих и дед своих пути», поскольку половцы у них «и греческий путь изътимают, и соляный, и залозный».⁶ Захватывая пути, половцы поощряли и не грабили даже в случае войны купцов, ездивших по ним. Примером может служить летописный рассказ о том, что в 1184 г. во время крупного похода русских князей в степи им навстречу попались купцы, благополучно прошедшие мимо приготовившихся к битве половецких отрядов: «Устретося гости, идущи противу себе ис Половец и поведоша, им яко половцы стоять на Хороле».⁷ Правда, изредка половцы нападали на русских «гостей», по всей вероятности для того, чтобы заставить их платить пошлину. Так, в 1167 г. во время очередной княжеской междуусобицы половцы «шедше в пороги, начаша пакостить гречником».⁸ Упорно борясь за монопольную власть над степной торговлей, половцы более полустолетия вели войну с Белой Вежей — русским торговым го-

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884.

² Codex Cumanicus, стр. 104, 105.

³ Ипат. лет., стр. 368.

⁴ Ипат. лет., стр. 429.

⁵ Ипат. лет., стр. 360.

¹ Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 337.

² Ипат. лет., стр. 279.

³ Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 12.

родом, стоявшим почти в центре половецкой земли и связанным с Тмутороканским княжеством. Только в 1117 г. борьба эта за-

кончилась разгромом Белой Вежи, превратившейся после того в небольшой половецкий городок-зимовище.

III. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ПРАВО, ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ

1

Письменные источники, в которых в той или иной степени авторы касаются вопросов общественного строя кочевников X—XIII вв., немногочисленны и лаконичны, поэтому восстановить полную картину их общественной жизни не представляется возможным. Другой причиной, затрудняющей изучение общественных отношений кочевников в их динамике, является консервативность кочевнического общества, происходящая от замедленности развития производительных сил в кочевом, скотоводческом хозяйстве. Патриархально-родовой строй характерен для общества скотоводов-кочевников от начала нашей эры до ХХ в. Естественно, что проследить в нем черты зарождения феодализма, превращения его в полупатриархально-полуфеодальный строй на протяжении трех столетий почти невозможно. Однако из источников очевидно, что общественный строй печенегов, половцев и черных клубоков¹ в период их пребывания в южнорусских степях претерпел значительные изменения, в результате которых в конце XII в. половецкий племенной союз превратился в государственное, хотя и непрочное образование, а черные клубоки вошли в феодальное русское государство.

2

Константин Багрянородный, посвятивший печенегам несколько глав своего знаменитого трактата, обратил внимание читателей не только на дипломатические выгоды дружбы византийцев с дикими печенегами, но постарался разобраться в связях между отдельными ордами и в некоторых обычаях, характерных для печенегов.²

Он делил печенегов на две ветви, в каждую из которых входило по 4 округа, т. е. пле-

ми. По существу западные и восточные печенеги не представляли собой единого племенного союза. Это были два объединения, с различной территорией и различным этническим составом.

Местоположение кочевий четырех западных (правобережных) племен, с которыми византийцы имели постоянные сношения, Константин указывает с предельной для того времени точностью: «... округ Гиазихон соседит с Булгарией, округ Гила соседит с Туркией, округ Харовои соседит с Русью, а округ Явдиертим соседит с подвластным Русской земле областями, именно Ултинами, Деревлинами, Лензенинами и прочими славянами» (рис. 1, I).

На левом восточном берегу Днепра располагались кочевья округов Кварциппур, Сирукалпей, Вороталмат и Вулацоспон, обращенные «к восточной и северной сторонам Узии, Хазарии, Алании, Херсону и прочим Климатам». Несмотря на то, что византийцы безусловно общались и с восточными племенами, поскольку последние граничили с Херсоном и «Климатами», Константин не счел нужным указывать точно местонахождение каждого из них. Мы знаем только из сочинения Иосифа-бен-Гориона, что племя тилмац, или вороталмат, кочевало на берегах Волги. Как располагались остальные три племени на огромных пространствах между Днепром и Доном, неизвестно (рис. 1, I).

Восемь округов, или племен, печенежских делились на 40 частей, или родов, т. е. в каждое племя входило 5 родов. Родоплеменная структура печенежского общества по схеме 1 : 2 : 2 : 5 (40) существует и поныне у каракалпаков.¹ Во главе племен стояли «великие князья»,² во главе родов — «меньшие князья». Князья выбирались на племенном совете, в который входила вся разбогатевшая родовая верхушка. О существова-

¹ Общественному строю гузов посвящена значительная часть монографии акад. В. С. Гордлевского «Государство сельджуков Малой Азии» (М., 1941).

² Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 1—9, 13, 14, 38, 40, 42.

¹ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. АЭХЭ, М., 1952, стр. 481.

² Во времена Константина Багрянородного имени князей 8 округов были: Куэль, Куркут, Ипай, Кондум, Коста, Ватан, Гиази, Манну.

нии таковой у печенегов говорит наличие богатых погребений. Русский летописец называет ее представителей «лучшие мужи в родах». В венгерских летописях говорится, что из числа последних избирались все должностные лица: сотники, десятники и т. д.¹ Наличие родовой верхушки подтверждается свидетельствами епископа Бруно (XI в.) и Анны Комнина (XII в.).²

Роль племенных и родовых князей сводилась главным образом к роли военачальников. Общего военачальника над всеми восемью округами-племенами у печенегов не было. Каждое племя действовало, по-видимому, в значительной степени самостоятельно. Во время грабительских войн власть князей и родов, к которым они принадлежали, усиливалась, в их руках сосредоточивались огромные богатства. Все это привело к тому, что власть некоторых родов стала наследственной. Причем интересно, что власть наследовалась не по прямой линии, а племянником или двоюродным братом.³ Узурпация власти отдельным родом вызывала недовольство аристократии других родов. На этой почве возникали междоусобицы, подрывавшие силы и без того непрочных племенных объединений печенегов. Примером междоусобной смуты является разгоревшаяся в среде причерноморских печенегов борьба между правящим богатым родом Тираха и родом Кегена, описанная в XI в. византийцем Кедрином.⁴

Епископ Бруно и Анна Комнина противопоставляют совету старейшин народные собрания, которые Бруно именует советом, а Анна Комнина сходкой. Совет-сходка всех печенежских воинов собирался в исключительных случаях, чаще всего во время походов, когда аристократии приходилось считаться с мнением рядовых кочевников. Таким образом, у печенегов прослеживаются все органы военной демократии, а именно совет старейшин, выбранные на совете военачальники и народное собрание.

Во время военных походов печенеги захватывали огромное количество рабов, ко-

торых они затем в подавляющем большинстве случаев продавали. Кроме того, ал-Бекри сообщал еще об одном чрезвычайно интересном использовании пленников: печенеги предоставляли военнопленным «на выбор, желают ли они оставаться у них на условиях полной равноправности и даже вступления в брак у них, если того пожелают, или быть отправлены обратно в безопасное для них место».¹ Такие «равноправные» пленники превращались в силу обстоятельств в вассалов отпустившего их рода, поскольку у них не было ни собственной земли, ни скота для ведения самостоятельного хозяйства. Возможно, что в подобных случаях имел место обычай суан, охарактеризованный С. П. Толстовым² как «зерно кочевого феодализма»: богач давал бедняку на выпас скот, от которого бедняк кормился и за это пас стада зазерена и выполнял другие порученные ему работы.

Рабов, судя по письменным источникам, у печенегов не было. Можно только предполагать, что оставленные печенегами для себя женщины-пленницы в единичных случаях превращались в рабынь и даже убивались на похоронах мужчины, о чем говорит парное печенежское погребение, обнаруженное в большом кургане под Кишиневом.³

Сообщение ал-Бекри о «равноправных» пленниках-вассалах имеет огромную важность, поскольку означает, что внутри рода племенного печенежского общества появились разлагающие его элементы феодализма. Однако они не получили, по-видимому, достаточного развития во время пребывания печенегов в южнорусских степях. В этот период истории печенегов для них была характерна высшая стадия рода-племенного строя — военная демократия. Об этом свидетельствует самая политика печенегов — политика постоянных войн, грабежей и разорения соседних земледельческих стран.

3

Восстановить географию половецкой земли по имеющимся источникам значительно труд-

¹ А. Куник. О торских печенегах и половцах по мадьярским источникам. ЗАН, т. III, вып. 5, 1855.

² Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 76; Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 334.

³ Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 16.

⁴ В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 9—14.

⁵ Изв. Молдавск. фил. АН СССР, № 5 (25),

Кишинев, 1955, стр. 48.

нее, чем печенежской, так как единого и связного описания ее, подобного описанию византийского императора, не сохранилось. Русская летопись дает материалы только для того, чтобы определить расположение отдельных половецких орд.¹ Об объединении этих орд в две группы, или два союза, говорится в «Географии» XII в., написанной арабом Идриси. Анализ этого источника был сделан Б. А. Рыбаковым.² Благодаря его работе стало очевидно, что Половецкая земля (Дешт-и-Кипчак) делилась в середине XII в. на Белую и Черную Куманию. Белая, или Западная, Кумания включала в себя приднестровские и приднепровские орды. Центром Черной Кумании был Северский Донец. В нее входили земли, перечисленные в «Слове о полку Игореве» под общим называнием «земли незнамой», на которую двинулся Игорь Святославич в 1187 г., — Волга, Поморье, Посулие, Сурож, Корсунь, Тмуторокань.

Таким образом, деление на два крыла (или ветви) характерно было как для печенегов, так и для половцев. Б. А. Рыбаков справедливо замечает, что деление племен на две ветви является обычным у многих тюркских народов (в частности, у хазар).

Структура половецкого общества внешне мало отличается от того общественного устройства, которое прослежено у печенегов. Основой уклада в XI и даже в XII в. продолжал оставаться патриархальный род. В источнике XII в. — «Житии черноризца Никона» говорится о половчинах, который «крестился и быс монах и с родом своим».³ Еще под 1172 г. летописец упоминал: «Концак с родом своим».⁴ Роды объединялись в более крупные образования. В летописи неоднократно встречаются названия: Отъперлюеве (1152 г.), Токсобичи (1152 и 1147 гг.), Елтукови (1147 г.), Бурчевичи (1193 г.).⁵

¹ Пользуясь русской летописью, К. В. Кудряшов в сборнике «Половецкая степь» (М., 1948) составил карту расположения половецких орд Приднепровья.

² Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г.

³ Памятники русской литературы XII—XIII вв. стр. 96.

⁴ Ипат. лет., стр. 375.

⁵ Араб Эннувейри в XV в., ссылаясь на летопись эмира Руккедина Бейбира, приводит названия половецких (кипчакских) племен: Токсоба, Иета, Бурджоглы, Бурлы и др.; см.: В. Г. Тиезигаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 540—541.

Значение, которое придает летописец перечисленным группировкам, заставляет предположить, что это были не роды, а племена, или орды. О существовании последних у половцев было известно итальянцам даже в XIII в.: слово «orda» в «Половецком словаре» переведено по-латыни как «cūgia». Все это говорит как будто о крепости родо-племенных отношений в половецком обществе. Несмотря на это, из источников становится очевидным, что половцы переживали период бурного разложения рода-племенного строя, хотя многие внешние черты последнего оставались у них вплоть до татарского нашествия. Внешняя патриархальная оболочка долгое время скрывала от исследователей сущность половецкого общества, ставшего к началу XII в. феодальным.

Общественная дифференциация половцев подтверждается прежде всего их экономической дифференциацией, установленной благодаря анализу половецких погребений (богатые и бедные погребения). Половцы разделились в XII в. на ряд экономически и политически различных групп. Какие это были группы, говорит, на наш взгляд, следующая фраза летописца: «... ополониша Ростислав и черни клобуце... челядью и колодники много взымаша, княжичевых и добрым мужи».¹ Как видим, кроме княжичей и «добрых мужей», в цитате говорится о колодниках и челяди. Колодниками летописец считал только взятых в плен воинов. В 1111 г. непосредственно после боя и победы над половцами русские разговаривали с колодниками, а в 1103 г., когда русские взяли вежи, упоминается челядь, а не колодники. Таким образом, половцы разделены летописцем на две группы — на воинов-хозяев и на челядь, зависимую от первых, называемую «Половецким словарем» «eudágí eřoi» (лат. «familiu»), т. е. «домашние рабы».² О последних говорится и в «Сказании о пленном половчине»: половец «повеле рабам своим нарядитися и стадо коней отлучити».³

Тот же источник — «Сказание о пленном половчине» — свидетельствует о разложении рода, о появлении новой общественной единицы — семьи: «... иде в дом свой и созва весь род свой и племя (т. е. семью,

¹ Ипат лет., стр. 455.

² Codex Cumanicus, стр. 93, 103.

³ Памятники старинной русской литературы, т. I. СПб., 1860, стр. 73.

— С. П.).¹ Глава семьи владел всеми богатствами независимо от рода, который в свою очередь не оказывал ему материальной поддержки. Вполне возможно, что понятие «семья» тождественна понятию «чадь», с которым мы встречаемся неоднократно на страницах летописей (1147, 1170, 1172 гг.). В феодальную семью, по словам акад. В. Я. Владимирова, входили не только близкие — домочадцы и челядь, но и воины-дружинники (нукеры) хана или баатура.² И. И. Срезневский трактует «чадь» как «дети, люди, народ, свои, товарищи, дружины», а Даль — как «дружины, ополчение, челядь».³ Таким образом, понятие «чадь» в их толковании объединяет все составные элементы феодальной семьи.

Появление у половцев семьи — ячейки классового общества — по существу уничтожало родо-племенную структуру. Старые родовые традиции существовали в дальнейшем только формально, прикрывая хищнические тенденции феодальной верхушки половецкого общества. Иерархическая феодальная лестница заключала вассальные отношения половцев в строгие и продуманные рамки. Внизу лестницы стояли свободные половецкие воины — главы феодальных семей. Наиболее богатые из них назывались русским летописцем «добрими мужами» или «господчиками». «Половецкий словарь» имеет их беями (лат. «baron», перс. «эмир»).⁴ Как беи, так и бедные, но свободные главы семей были вассалами беков — князей, стоявших во главе родов («княжичи» по русской летописи). Беки в свою очередь подчинялись главам орд или племен, называемым в «Словаре» солтанами (лат. «тех»).⁵ Правители половецких племенных союзов назывались у половцев ханами (лат. «imperator»).⁶ Сила и прочность власти ханов зависела от их военной активности; если хан возглавлял и организовывал постоянно военные походы, обогащающие аристократию, она под-

держивала его, власть хана возрастала почти до абсолютной. Такими могущественными ханами были Боняк и Тугоркан, делившие власть над Белой Куманией в конце XI — начале XII в., или хан Шурукань, владевший Черной Куманией. В первой половине XII в. власть ханов свелась к минимуму, вероятно в связи с многочисленными удачными походами русских в глубь степи, разгромивших оба объединения половцев (Белую и Черную Куманию).¹ Именно этим можно объяснить слова еврейского путешественника Петахи: «...куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии».² Князьями Петахи имеют, вероятно, солтанов, возглавлявших орды, а «благородные фамилии» — это беи и беки, богатые главы семей и родов.

Власть ханов и солтанов по старым племенным обычаям была выборной и ограничивалась советом старейшин — съездом аристократии, описанным в XII в. пещерским монахом в одном из житий: «...приключился сному быти князем их и вельможем, съехавшемя мнозем». Однак ханы и солтаны, как и в печенежском обществе, могли избираться только из определенных богатых и знатных родов, и поэтому власть их по существу оставалась наследственной, хотя и не передавалась по прямой линии от отца к сыну. Так, в начале XII в. Боняк передал власть брату Таазу, а уже у Тааза наследовал ее сын Боняка — Севенч. Точно так же, по-видимому, Шарукану наследовал Сугр (брать?), а после Сугра власть пришла к сыну Шаруканя, Сырчану, и затем кнуку Шаруканя и племяннику Сырчана — Кончаку.

Развитие феодальных отношений в половецком обществе, борьба антагонистических классов привели в конце XII в. к необходимости создания сильной центральной власти. В качестве хана — объединителя всей половецкой земли был выдвинут половецкой аристократией хан Кончак. Вся политическая деятельность Кончака была направлена на создание из разрозненных

¹ Так, в 1103 г. пассивная политика Тяньязя Урусобы в отношении Руси привела к тому, что «уньшие», т. е. рядовые, половцы вышли из повиновения и без его согласия двинулись на Русь (Ипат. лет., стр. 183—184).

² П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв. СПб., 1881.

³ Хрестоматия по русской истории. СПб., 1870, стр. 1281.

половецких орд и эфемерных союзов единого государства с крепкой наследственной властью. По-видимому, в какой-то степени ему удалось добиться этого, поскольку известно, что наследником Кончака был его сын — Юрий Кончакович, названный русским летописцем «большой всех половец». Государство Кончакидов не имело еще ни стройной налоговой системы, ни управленческого аппарата, ни достаточных средств для поддержания власти хана. Неокрепшее и рыхлое, оно распалось и бесследно исчезло при первом же столкновении половецких войск со скованной железной дисциплиной феодальной армией татаро-монголов.

4

Что касается черных клубков, то общественный строй их, как и у половцев XII в., характеризуется чертами полупатриархального-полуфеодального быта. Семья с «клиентами» — «чадь» — существовала и у черных клубков, о ней дважды упоминается в русской летописи.

Социальное устройство черных клубков в значительной степени было подчинено социальному строю Киевской Руси, так как они были гражданами этого государства и вассалами русских князей. Наверху иерархической лестницы стояли «лепшие мужи» и князья, возглавлявшие роды, т. е. беки. Верховными владельцами черных клубков, такими, как ханы у половцев, являлись русские князья, которым черные клубки служили. Для поросских кочевников это были киевские столичные князья. В конце XII в. Поросье с центральным городом Торческим стало одним из уделов киевского князя, который давал этот удел наиболее удалым князьям. Это было последним шагом к включению Поросья в систему феодального государства.

5

Правовые отношения кочевников совершенно не освещены источниками. Исключением является право половцев, определенное русским летописцем: «половцы закон держать отец своих».¹ О двух основных законах так называемого обычного права говорится далее: «крови проливати, а хвалящуся о сем» (обычаи кровной мести), «по-

имають мачехы своя и ятрови» (обычай левирата).

Араб Ибн-Батута отмечает еще один закон обычного права, бытовавший у кипчаков-половцев: «. . . у скотины их нет ни пастухов, ни сторожей вследствие строгостей постановлений их за воровство. Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину его и вместе с тем дать ему 9 таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают».¹ Подобный закон обычного права сохранился до XVII в. у бурят, о чем писал С. А. Токарев. Там за кражу лошади вор должен был отдать 7 лошадей.²

Специальных судей у половцев не было, однако понятие «судья» (половецк. «yarguzi», лат. «potestas») существовало (см. «Половецкий словарь»).³ Вероятно, знатоки обычного права в качестве судей жили только в крупных торговых городах с этнически пестрым населением, подобно тому, как жили судьи для язычников в хазарском Итиле. Судьи следили за исполнением законов половцами и разъясняли их представителям других народов в случае недоразумений, возникавших между ними и половцами.

6

«Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот», — писал Энгельс.⁴ У кочевников, для которых война и грабеж являлись одним из основных средств обогащения, военная организация была неразрывно связана с общественным строем. В период военной демократии и позднее, при феодализации кочевнического общества, войско не отделялось от народа, поскольку «вооруженный народ и был войском», и участие в «войске было правом и обязанностью всех свободных».⁵ Этим обстоятельством объясняются огромные по тому времени размеры кочевнических войск, которые,

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, стр. 282.

² С. А. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. Истор. архив, т. II, М.—Л., 1939.

³ Codex Cumanicus, стр. 104.

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1945, стр. 156.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 347.

¹ Ипат. лет., стр. 9.

по образному выражению русского летописца, выступали «аки борове и не бе перезрети их».¹

Основной тип войска у кочевников — конница. Она делилась на два вида — легкую и тяжелую. В мужских могилах X—XIII вв. встречаются погребения воинов трех видов:

1) погребения с конем или без него, с остатками лука и наконечниками стрел;

2) погребения с конем, взнузданным и оседланым, с пикой-копьем, остатками лука, стрелами, колчаном, иногда с остатками кольчуги и с саблей;

3) погребения с конем, взнузданным и оседланым, богато украшенным сбруей, с полным набором наступательного оружия (саблей, пикой, луком и т. д.), как правило, со шлемом и кольчугой; в некоторых случаях оружие покрыто серебряной насечкой и в могилу положены дорогие, серебряные и золотые предметы.

Первый вид — воины-стрелки, входившие в легкую конницу. Во время расцвета военной демократии легковооруженные воины выделялись из наиболее молодых и ловких наездников, с разделением же общества на классы эта часть войска стала составляться преимущественно из беднейших кочевников, лишенных возможности приобрести более дорогие доспехи. Второй вид воинов — всадники с пикой и саблей (лук и стрелы обязательны для всякого кочевника), составлявшие тяжелую конницу кочевников. Третий вид — богатые и знатные воины. Они не составляли специальных отрядов, а входили в тяжелую и легкую конницу в качестве военачальников — батариров.² О делении кочевнической конницы на легкую и тяжелую пишет русский летописец. Легкую конницу он называет стрельцами и противопоставляет ее остальному войску — «силе половецкой»: «... выехаша ис половецких полков стрельцы и пустившее по стреле на Русь и тако поскочиша... . . . поскочиша же и ти половци сили половецкие».³

Кочевническое войско, несмотря на наличие в нем тяжелой конницы, было несрав-

ненно более легким и подвижным, чем западноевропейское и даже русское; поэтому естественно, что у них выработались особые, отличные от других народов военный строй и тактика.

Вот как описывает военный строй печенегов Анна Комнина: «Скифы (печенеги, — С. П.) тоже построились в боевой порядок: они, от самой природы наученные военному делу, расположились по фалангам, разместились засадами, связали свои ряды по правилам тактики и, оградив войско крытыми повозками, будто башнями, двинулись на самодержца по отрядно и стали издали метать стрелы».¹ Рашид-эд-дин объясняет возникновение этого способа наступления и обороны следующим образом: «В стариные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца и старейший из них был подобен точке в середине круга, — это называли курень. В нынешнее время, когда приближается неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель».² Принцип наступления под укрытием повозок-веж, составленных в кольцо или каре, прослеживается П. В. Голубовским вплоть до XVI в. (у казаков).³ Для удобства маневрирования войско кочевников делилось на части: фаланги — по словам Анны Комнина, полки — по выражению русского летописца: «и ту приеха к нему (князю Глету, — С. П.) все чернии клубуци с радостью великою всеми своими полки»⁴ или: «[Боняк] разделился на два полка по 50 на сторону».⁵ Еще в XI в. Гардиши рассказывал, что у печенегов «есть знамена и копья, которые они поднимают во время битв».⁶ Выражение «поднимают знамена» очень интересно. Русский летописец, подчеркивая готовность половцев к бою, писал: «. . . половци пришедшее к валове, поставиша стяги своя».⁷ Поднятые во время боя стяги изображены над головами сражающихся полов-

¹ Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 327.

² Рашид-эд-дин. История монголов, т. I. Перевод М. Н. Березина. СПб., 1858.

³ П. В. Голубовский. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором. Тр. XI АС, т. II, М., 1902.

⁴ Ипат. лет., стр. 216.

⁵ Ипат. лет., стр. 178.

⁶ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 120.

⁷ Ипат. лет., стр. 186.

¹ Ипат. лет., стр. 437.

² С. Е. Малов полагает, что таинственные тюркские слова из «Слова о полку Игореве» — олбери, могуты, щельбиры, топчаки, ревуги — обозначают высшие чины кочевнического войска (см.: ИАН, Отд. литер. и яз., т. V, вып. 2, 1946).

³ Ипат. лет., стр. 431.

цев в Радзивилловской рукописи¹ (рис. 20 и 21). Описывая поражения половцев, летописец прежде всего констатирует: «...не взмогоша и стяга поставити, но побегоша хватаючи копии».² На миниатюре в Радзивилловской летописи, изображающей эту

битву, половецкий стяг нарисован сильно наклоненным, почти падающим (миниатюра, л. 153; рис. 22). Стяги были эмблемой власти военачальников и предводителей отдельных полков. О значении их во время боя (ориентир, к которому стягивались воины) писал Б. А. Рыбаков.³

Рис. 20. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 69, лицевая).

битву, половецкий стяг нарисован сильно наклоненным, почти падающим (миниатюра, л. 153; рис. 22). Стяги были эмблемой власти военачальников и предводителей отдельных полков. О значении их во время боя (ориентир, к которому стягивались воины) писал Б. А. Рыбаков.³

Для тактики легко вооруженного войска кочевников характерны стремительность нападения, засады, ложное бегство, быстрые отступления при неудаче и поражении. Анна Комнина, из рассказов отца прекрасно осведомленная о всех особенностях кочевниче-

ским летописцем битвы князей Давида и Боняка с уграми в 1097 г., половцы для «наведения на засады» в ложном бегстве использовали наиболее быструю и легкую часть своего войска, возглавляемую молодым князем Алтунопой: «Алтунопа же пригна к первому заступу и стрелившему побегу перед Угра, Угры же погнаху по них, мъянаху Боняка бежаща».²

Кочевники редко осаждали крупные города. Византийцы (Анна Комнина, Георгий Акрополит) отмечали, что они овладевали только городками, которые были слабее

¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902.

² Ипат. лет., стр. 186.

³ ИКДР, т. I. М.—Л., 1948, стр. 413.

¹ Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 24, 30 и сл.

² Ипат. лет., стр. 178.

Рис. 21. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 233, лицевая верхняя).

Рис. 22. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 153, лицевая).

укреплены.¹ На русские города кочевники отваживались нападать лишь тогда, когда князь и его дружины были в отсутствии и не могли защищать их. Русскому летописцу известны некоторые способы, которые применяли кочевники, чтобы принудить осажденных к сдаче. Так, в 997 г. печенеги обложили Белгород и не «дадяхуть вылести из града, бе бо голод велику».² В 1093 г. половцы осадили Торческ и «нача налагати, отоймати воду, изнемогати начаша угороде жаждою водоною и гладом».³ В конце XII в., при Кончаке, у половцев появились усовершенствования, направленные для взятия и уничтожения городов — своеобразная осадная артиллерия, заимствованная из восточных, среднеазиатских или малоазиатских, стран. Под 1184 г. русский летописец записал: «Пошел бяше окаянный и безбожный и треклятый Кончак...

похупся яко пленити хотя грады русские и пожеши и огнем: бяже бо обред муже та-кового басурменина, иже стреляше живым огнем, бяху же у них луки тузи самострельни, одва 50 муж можашети напрящи». ¹ Это были, вероятно, машины, подобные катапультам, заряжающиеся «сфероконусами». В «Слове о полку Игореве» они названы шереш-рами, а жидкость, наполняющая ядра, — смесью, т. е. нефтью.²

О стратегических военных расчетах кочевников можно сказать очень мало. Стратегия, как и тактика, определялась в значительной степени условиями их жизни. Например, кочевники нападали на Русь только летом, поскольку в это время года кочевья их были ближе к русским границам, а также потому, что зимой много времени уходило на уход за скотом.

IV. БЫТ И РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ

1

Жилища, средства передвижения, пища кочевников теснейшим образом связаны с их способом производства.

Классическое описание кочевнического жилища дано Плано Карпини в середине XIII в.: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скучности людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на выночных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках».⁴

В. Рубрук дал интересное дополнение к описанию П. Карпини: «...бревнами его дома служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса (туйник, как на-

зывают его современные туркмены, — С. П.),³ из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком».⁴

Оба эти автора описывают татарские кибитки. Единственным источником по изучению более ранних, в частности половецких, кибиток являются миниатюры Радзивилловской летописи, дающие три типа жилищ: ульевидные неподвижные, поставленные на землю, ульевидные подвижные — на повозках и кибитки в виде навеса (рис. 23—27). Два первых типа описаны П. Карпини, причем характерно, что туйник у второго типа юрт очень небольшой в диаметре и от него поднимается изгибающаяся в виде знака вопроса труба; это позволяет отождествлять данный тип юрт с описанными В. Рубруком. Третий тип половецких жилищ, судя по рисунку, сделан из досок или бревен. Это, вероятно, неподвижные и тяжелые деревянные зимо-

¹ Ипат. лет., стр. 428, 429.

² П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве». ИАН, Отд. русск. яз. и словесн., т. II, 1902; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 26.

³ Я. Р. Винников. Современное жилище колхозников туркмен. СЭ, 1950, № 2.

⁴ В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 69.

¹ Летопись великого логофета Георгия Акраполита. Под ред. Н. Троицкого. СПб., 1853 (сер. «Византийские историки»).

² Ипат. лет., стр. 87.

³ Ипат. лет., стр. 154.

⁴ Плано Карпини. История монголов, стр. 6—7.

Рис. 23. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 154, лицевая средняя).

Рис. 24. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 196, лицевая нижняя).

Рис. 25. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 242, оборстная).

Рис. 26. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 232, оборотная).

вища, возникшие у кочевников под влиянием русских. В отличие от обычных домов-кибиток или юрт половцы называли их по-русски — избами, о чем свидетельствует имеющееся в «Половецком словаре» слово «izba».¹

Подвижные, т. е. поставленные на повозки, кибитки (или вежи, как называет

леса которой равнялся 1.3 м. Тягловой силой для передвижения веж служили лошади, верблюды и волы. Способ управления ими в татарское время описан был арабом Ибн-Батута в XIV в.: «... тот, который заправляет арбой, садится верхом на одну из ведущих лошадей, на которой [находится] седло. В руке его плеть, кото-

Рис. 27. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 237, оборотная нижняя).

их русский летописец) употреблялись кочевниками во время передвижения по степи. Повозки, которыми пользовались половцы, ставились на два или на четыре колеса. И тот и другой вид повозок изображен на радзивилловских миниатюрах. Кроме того, в позднем половецком погребении² раскопками Д. И. Эварницкого найдены были обломки двухколесной повозки, диаметр ко-

рую он приводит в движение для погонки, и большой шест, которым он направляет ее [арбу], когда она сворачивается с пути».¹ Таким же способом управляли повозкой и лошадьми половцы. Русский художник-миниатюрист изобразил погонщика-половца с длинным кнутом в руке, сидящего верхом на запряженной в повозку лошади (рис. 26).

Помимо кибиточной езды, подавляющее большинство кочевников передвигалось по степи верхом на лошадях и верблюдах. Верховой ездой прекрасно владели как муж-

¹ Ananiasz Zajaczkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Prace wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, ser. A, № 34, Wrocław, 1949.

² Днепропетровская обл., дер. Афанасьевка, кург. 7. См.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 123—124.

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, стр. 281.

чины, так и женщины. Анна Коминн указывала, что женщины участвовали в боях наравне с мужчинами,¹ а Плано Карпини отмечал, что «девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины».²

Очень существенным моментом в кочевке по степи являлись переправы через реки. Впервые описание способа, которым пользовались средневековые кочевники при переправах, сделано Ибн-Фадланом в начале X в.: «Люди вытащили свои дорожные мешки, а они из кож верблюдов... потом они наложили их одеждами и [домашними] вещами, и, когда они наполнились, то на каждый дорожный мешок села группа человек в пять-шесть-четыре, меньше или больше. Они взяли в руки деревянки из белого тополя и держали их как весла... А что касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь».³ О переправе на тюках, набитых имуществом или сеном, писали и византийцы. В XIII в. Георгий Акрополит сообщал, что половцы, «теснимые татарами... переплыли на мехах Дунай».⁴ Плано Карпини, дополняя Ибн-Фадлана, писал: «...этот корабль [т. е. мешок с вещами, — С. П.] они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед наравне с лошадью человека».⁵ Иных средств для переправы у кочевников, видимо, не было.

Главными продуктами питания для кочевников-скотоводов были, естественно, мясо и молоко. Гардизи сообщал о кимаках, что «на зиму они заготавливают сущеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств».⁶ Мясом перечисленных животных питались кочевники на протяжении тысячелетий. О способах приготовления мясной пищи, кроме описания Гардизи, имеются сведения в письме еврея Петахья, проезжавшего по половецкой земле в XII в.: «...они кладут куски мяса под седло лошади, на которой

едут, и потом гоняют ее, пока она не вспотеет. Мясо делается теплым и они едят его».⁷ Петахья наблюдал, вероятно, способ, довольно часто употребляемый кочевниками, но им не понятый. В действительности кочевники не кладали мясо под седло лошади, так как это неизбежно привело бы к образованию на спине коня тяжелых ран, а пришивали мясо к задней луке седла. Под летним солнцем мясо в несколько дней провяливалось и становилось годным в пищу.

Главное место среди молочных продуктов занимали кобылье молоко и его производное — кумыс. У того же Гардизи находим сведения, что летом кимаки «питаются кобыльем молоком, которое у них называется кумысом»,⁸ а Петахья отмечал, что куманы (половцы) употребляют «кобылье молоко вместо питья».⁹ Какую важную роль играло молоко в жизни кочевников, можно судить по описанию одного из обрядов их клятвы: «...медный сосуд, имеющий форму человеческого лица, наполняется молоком; путешественник и его спутник пьют из него, и после этого никогда не бывает измены».¹⁰ Об употреблении половцами кумыса сообщал и русский летописец. В 1185 г. в день бегства Игоря Святославича из плена «половци напились бяхуть кумысу, а и бы при вечере».¹¹ Большую роль играло молоко и в изготовлении половцами мучной пищи: «хлеба они не употребляют в пищу, но едят рис и просо, сваренные в молоке», — писал в том же письме Петахья.

О мучных продуктах у кочевников южнорусских степей X—XIII вв. сведений почти не сохранилось. Только в «Половецком словаре» в 20-й группе слов помещено слово «пекарь» («etmači») и связанные с его специальностью слова: печь, лопата, тесто, хлеб и др.¹² Половецкое слово «рец» взято из русского языка, что свидетельствует, по-видимому, о заимствовании как самой печи, так и ремесла пекаря у русских.

¹ Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 342.

² Плано Карпини. История монголов, стр. 16.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 163.

⁴ Летопись великого логофета Георгия Акрополита, стр. 63—65.

⁵ Плано Карпини. История монголов, стр. 30.

⁶ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106—107.

⁷ П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.

⁸ П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.

⁹ П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.

¹⁰ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106—107.

¹¹ Ипат. лет., стр. 438.

¹² Codex Cumanicus, стр. 100—104.

Господствующей религией у южнорусских кочевников X—XIII вв. был шаманизм. Основные черты его отображены в источниках IX—XIII вв.: поклонение вещам, волхование, вера в злых духов и главного бога, вера в загробную жизнь, являющуюся продолжением земной.

Гардизи писал о том, что у тюрков существовал «обычай испрашивать дождя посредством камня».¹ О подобной вере в чудодейственную силу вещей и о поклонении им сообщал персидский Аноним: «... они поклоняются каждой вещи, которая [чемнибудь] хороша или удивительна. Они почитают лекарей и всякий раз, как видят их, [им] поклоняются. Эти лекари распоряжаются и жизнью и имуществом их».²

В русской летописи дана яркая сцена половецкого волхования (XII в.): «Идущими же има и сташа к почълегу и яко бысть полунощи и встав Боняк, отъеха от рати и поча выти волъчски, и отвеся ему волк, и начаша мнози волцы выти; Боняк же приеха поведе Давыдови, яко победа ны есть на Угры».³ Перекличкой с волками Боняк стремился узнать результат предстоящего боя. Смысл этого волхования и личность самого Боняка подробно охарактеризованы в работе В. А. Гордлевского «Что такое „босый волк“».⁴

Главного бога половцев звали, по словам Карпини, Кам; «они удивительно боятся и чтят его и приносят ему много даров», — сообщает этот автор.⁵ О вере в злых духов говорят некоторые обычаи, связанные с болезнью: «А если заболевает человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему и никто из домочадцев не приближается к нему. Для него ставят палатку в стороне от домов и он остается в ней, пока не умрет или не выздоровеет», — так писал Ибн-Фадлан об обычаях гузов.⁶ Подобный обычай наблюдал 350 лет спустя монах В. Рубрук у половцев: «... никто не посещает недужного, кроме прислуживаю-

щего ему», так как «они опасаются, чтобы со входящими не явился злой дух или ветер».¹

В качестве амулетов (оберегов) от злых духов служили острые, режущие предметы. Доброе женское божество Умай по верованиям сибирских тюрок отгоняло злых духов мечом, стрелой, веретеном.² Южнорусские кочевники с целью защиты от духов в могилы женщин часто клади в изголовье ножницы и маленькие ножки без футляров. Иногда ножницы-обереги изображались и на головном уборе каменных статуй (рис. 32, № 37).

Анализ погребального обряда кочевников неопровергимо доказывает веру их в продолжение земной жизни за гробом.

В источниках сохранились сведения о проникновении в кочевническую среду мусульманства и христианства. У ал-Бекри читаем, что уже в XII в. «случился у печенегов пленный из мусульман, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его... и стала распространяться между ними пропаганда ислама».³ О принятии южнорусскими кочевниками христианства дошло значительно больше известий. В 1008—1009 гг. епископ Бруно писал, что во время пятимесячного пребывания его у печенегов он обратил в христианство около 30 душ, и «было тогда посеяно христианство между самым грубым и самым свирепым... языческим народом».⁴ Особенно интенсивно христианизация степного населения началась в XII в. под непосредственным влиянием христианского центра Руси — Киево-Печерского монастыря. О переходе половцев в христианство целыми родами известно из повествований, написанных монахами этого монастыря, — «Жития черноризца Никона» и «Сказания о пленном Половчине». В записи от 1224 г. русский летописец отмечал важный политический шаг великого половецкого князя Бастия, который, находясь под угрозой нападения татар, бежал в Киев и крестился там, перейдя тем самым и передав свой

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 103—104.

² МИТТ, т. I, стр. 211.

³ Ипат. лет., стр. 177.

⁴ ИАН, Отд. литер. и яз., т. VI, вып. 4, 1947.

⁵ Плано Карпини. История монголов, стр. 10.

⁶ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 63.

¹ В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.

² Н. П. Дыренкова. Умай в культе тюркских племен. Сб. «Культура и письменность Востока», кн. III, Баку, 1928.

³ А. Кунчик и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах, т. I, стр. 58.

⁴ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. М., 1936, стр. 76—77.

Рис. 28. Каменные статуи.
1 — № 11; 2 — № 1.

Рис. 29. Каменная статуя
№ 15.

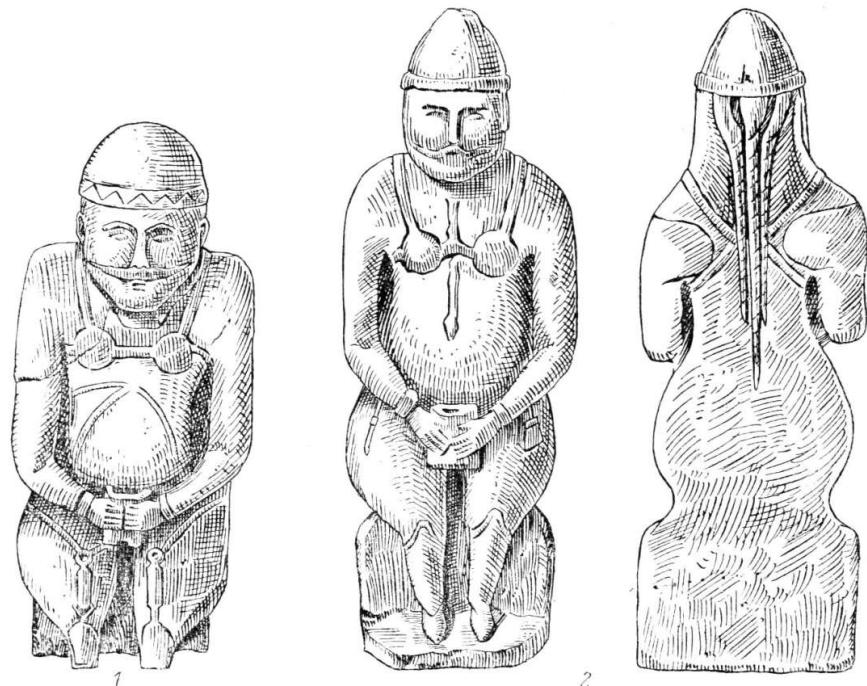

Рис. 30. Каменные статуи.
1 — № 12; 2 — № 13.

народ под защиту христианского государства.

Однако, принимая новую религию, кочевники не отказывались полностью от древних верований своего народа. В. Рубрук как нельзя лучше подтверждает это, описывая типично языческий обряд погребения человека, про которого говорили, «что он окрещен».

3

Искусство у кочевников X—XIII вв., как и у всех средневековых народов, тесно связано с религией. Памятники половецкого изобразительного искусства — каменные статуи (бабы) — являются важнейшим элементом погребального, т. е. одного из религиозных, обряда половцев. Обычай ставить в могилах или над ними балбалов с различным значением (изображение самого воина или его слуг) существовал у многих тюркских народов начиная с VIII в.¹ Однако половецкие каменные статуи наиболее совершенны по тщательности и художественности отделки. Естественно, что заказывать изображения умерших родичей могли только наиболее богатые кочевники, поэтому статуи изображали всегда представителей аристократической верхушки половецкого общества (знатных князей, баатуров и их жен). Ремесленники-камнерезы, изготавливавшие статуи, воплощали в них идеалы воинов и женщин.

Л. А. Евтюхова в работе о каменных изваяниях Сибири писала, что в подавляющем большинстве случаев статуи ставились не на могилах, а в специально сооруженных оградках из камней, игравших, по-видимому, роль жертвеников.² В. А. Городцов, раскопавший специально 8 больших курганов с каменными бабами над ними, в 6 из них не нашел никаких следов кочевнических погребений, а в насыпях двух остальных обнаружил бедные впускные погребения, к которым статуи, стоявшие на насыпях,

по признанию самого автора, не могли иметь никакого отношения.¹ Таким образом, кочевники южнорусских степей, как и сибирские тюрки VIII в., ставили свои памятники отдельно от могил умерших, которым они были посвящены. Чтобы статуя была издана заметна и привлекала внимание, ее ставили на большие курганы пре-

Рис. 31. Каменная статуя № 14.

дыущих эпох (отсюда возникла версия, что каменные бабы сделаны были скифами или в бронзовую эпоху).

Установленные на высоких курганах статуи играли, по-видимому, роль дорожных жертвеников. В памятнике XVII в., «Книге Большому Чертежу», неоднократно упоминаются каменные мужские и женские статуи, стоящие на видных местах при скрещении степных дорог или на высоких курганах: «Человек камен, а у него кладут из Белгорода станичники доездные грамоты, а другие памяти кладут на Самаре у дви девок каменных» или «курган высок, а на нем 3 человека каменных».² Таким же до-

¹ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. Нередко кочевники изображали человека не из камня, а из дерева. Так делали гузы, а 800 лет спустя — казахи, о чем писал в 1771 г. этнограф-путешественник Рычков (Киргизы Букеевской Орды. М., 1889). Деревянные изображения дошли до нас только в исключительных случаях.

² Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии.

¹ Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 215.

² Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

Рис. 32. Каменная статуя № 37.

Рис. 33. Каменная статуя № 34.

Рис. 34. Каменные статуи.

1 — № 33; 2 — № 38.

рожным жертвенником был, вероятно, и «Тмутараканский блъвань» о котором писал автор «Слова о полку Игореве».¹

Выполненные с замечательным реализмом половецкие каменные статуи могут быть прекрасным источником для изучения одежды

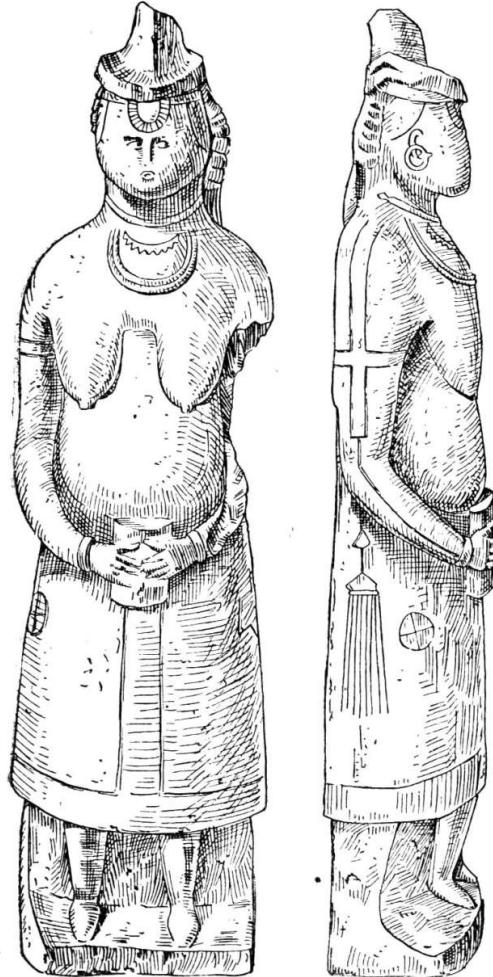

Рис. 35. Каменная статуя № 35.

кочевников (рис. 28—36). Ниже мы даем описание 68 хорошо сохранившихся и нигде не изданных каменных статуй (рис. 37, 38). Они входят в коллекции Новочеркасского, Днепропетровского, Таганрогского и Ждановского музеев. В начале XX в. проф. Н. И. Веселовский описал и издал коллекцию статуй Одесского музея.² В нашу ра-

боту мы включили только 4 из изданных Веселовским статуй (рис. 37, №№ 1а, 2а, 3а, 4а). Все они исполнены с таким искусством и такими подробностями в одежде,

Рис. 36. Каменная статуя № 36.

что не включить их в обобщающую таблицу было невозможно, поскольку это обеднило представление о всех южнорусских статуях в целом.

Мужские статуи (рис. 37)

А. Головные уборы. На 20 статуях изображены конические шлемы, на трех — полушаровидные (№№ 3, 5, 12) и на одной — конический с небольшим, стершившимся от времени шишаком (№ 6). Дошедшие до нас шлемы половецкого времени очень похожи по форме на шлемы каменных статуй. На некоторых из них изображены даже прутья каркаса (№№ 6, 11, 14, 15), шишаки (№ 6), наносники (№ 15) и дополнительные пластины, укреплявшие шлемы (№ 2). На некоторых миниатюрах летописец-художник нарисовал степняков в высоких остроконечных шапках с отогнутыми вверх полями (миниатюры на листах 72 об., 127 об.). Подобные войлочные островерхие шапки употребляются тюркскими народами до настоящего времени, но на каменных статуях их нет, вероятно, потому, что воинским боевым

¹ Слово о полку Игореве, стр. 12.

² Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах. ЗООИД, т. XXXII, 1915.

головным убором кочевника-половца был шлем. Из-под шлема по спине статуй спускаются три косы, иногда они слиты на затылке в одну косу (№№ 5, 18). Изредка затылок воина прикрыт бармицей в виде квадратной лопасти, спускающейся от шлема (№№ 7, 8, 11). В одном случае из под бармицы выпущены косы (№ 11).

Некоторые изваяния выделяются замечательно выточенными лицами (№№ 11, 12, 13, 15). Все они европеоиды с большими глазами, высокими, даже в скульптуре, носами и длинными густыми усами. Обычай носить усы существовал и у печенегов, и у половцев.¹ На лицах статуй, опубликованных Н. И. Веселовским, гораздо сильнее сказывается монголоидность: у них широкие лица, узкие глаза и тонкие усы (№ 1а). По-видимому, среди половцев встречались различные типы, как европеоиды, так и монголоиды.

Б. Одежда. Почти на каждой статуе, выполненной хотя бы с минимальной тщательностью, грудь воина прикрыта двумя бляхами-кругами, прикрепленными к системе ремней, охватывающей весь торс воина. Иногда ремни покрыты поперечными полосками, изображающими, возможно, небольшие поперечные бляшки. Остатки нагрудных блях, сделанных из толстых кожаных и войлочных кругов, заключенных между железными и серебряными пластинами, неоднократно были находимы в кочевнических комплексах XII—XIII вв.

Одежду половецких воинов составлял длиннополый кафтан, настолько плотно охватывавший верхнюю часть тела, что о наличии его на руках и груди статуи можно судить только по узким обшлагам и нашивкам на рукавах (№№ 1, 7, 11).

В. Обувь. Ноги у стоячих статуй вытасчивались в виде бутылок горлышками вниз. Расширение в верхней части ног, вероятно, обозначало широкие штаны. Голенища сапог изогнуты, заходят на колени (№ 1) и подхвачены выше колен поножами (№ 4), уходящими под полы кафтана. Особенно хорошо видны поножи на сидячих статуях, поскольку у них полы кафтанов забраны в шаровары. Высокие сапоги при-

стегнуты к ременным поножам, охватывающим бедра и прикрепленным к поясу.¹

Г. Поясной набор. К поясу слева и справа подвешивались различные предметы обихода и оружия: слева — мешочки и кресала, справа — ножи и гребешки. На одной статуе (№ 4) слева на боку помещена искривленная сабля с отогнутой к лезвию ручкой, висящая на двух ремнях, прикрепленных у эфеса и на середине ножен. К эфесу прикреплен какой-то треугольный предмет, вероятно кисть. В двух случаях на левом боку воинов изображены сложные луки в налучьях (№№ 2а, 3а), у одной статуи с правого бока изображен кельтовидный колчан со стрелами и накладкой посередине и своеобразный овальный предмет — лопатка или весло, в котором Н. И. Веселовский склонен видеть типично кочевнический струнный инструмент — комс. Помимо этих обычных в кочевническом быту предметов, на поясе одной из статуй был процарапан контур человечка, вероятно куклы-божка. Возможно, это обозначало, что изваянnyй воин при жизни был шаманом.

Д. Сосуды. Руки статуй соединены на животе и держат сосуд. Формы сосудов однообразны: простые цилиндры, лишь изредка некоторые из них усложнены толстыми венчиками (№№ 7, 9, 15, 23); в трех случаях сосуды горшковидные (№№ 11, 17, 21). У всех сосудов выдолблены небольшие ямки, которые могли предназначаться для жертвоприношений.

Женские статуи (рис. 38)

А. Головные уборы. Головные уборы женщин очень сложны, это даже не головные уборы, а сложнейшие прически, составленные из «шляпы», волос, лент, цепочек и колец. Основной частью прически являлись «шляпы», прикрывающие макушку и темя. Формы их разнообразятся различной высотой тульи, величиной и степенью изогнутости полей. К приподнятым на затылке полям «шляпы» часто прикреплялась спускающаяся на спину лопасть (№№ 31, 32, 36, 37, 42, 58, 64). Если на статуе изображались спускающиеся на спину косы, лопасть

¹ Н. И. Веселовский писал, что подобная ма-неры привязывания голенищ к поясу существовала в XIX в. у некоторых бурят.

¹ П. В. Голубовский. Половцы в Венгрии. Универс. изв., № 12, Киев, 1889.

делалась гораздо миниатюрнее (№№ 44, 50) или совсем отсутствовала (№№ 34, 43). Косы никогда не изображались с насечками — видимо, их носили заключенными в футляры. На концах кос изредка вытасчивались тонкие лунницы (№ 34). Обычай носить косы, а также спускающуюся с головного убора на спину лопасть, отмечал А. Терещенко у казахов в середине XIX в.: «Волосы женщины и девушки разделяют на 2 и 3 косы: 2 висят по плечам, третья обшиита в бархат. Иногда вместо косы — лопасть, украшенная кистями, лентами и бляхами».¹

Следующим важным элементом прически являются «рога» — полукруги, обрамляющие лицо статуи. Археологические остатки подобных украшений встречены во многих кочевнических могилах XI—XIII вв. Это серебряные легкие полукоильца, нашитые на войлочные валики. Их находят почти всегда у висков и лба покойниц. Рубчатость валиков на статуях подтверждает то, что они были составлены из отдельных членников — поперечных полукоильца.

Высокие «шляпы» с «рогами» были наиболее праздничным нарядом женщин. «Рога» имели не только декоративное, но и смысловое значение. Они были, вероятно, символом девушки-невесты. Предположение это позволяет сделать прослеженная этнографами у торок свадебная игра — скачка, в которой невеста отождествлялась с барном, а жених и его дружки с волками, обязанными догнать девушку.

Второй тип убора на головах статуй представляет собой небольшую, круглую и плоскую шапочку (№№ 28, 33). Особенно роскошна и тщательно выточена шапочка на статуе № 33. Затылок женщины прикрыт полукруглым козырьком и перехвачен лентой, сходящейся на лбу. По щекам к ушам проведена цепочка.

Третьим типом головных уборов являются низкие плоские «шляпы» (№№ 63, 65), имеющие аналогии среди головных уборов современных кочевых народов; это повязка из фаты, называемая «жаулык», — принадлежность пожилой замужней женщины.²

¹ А. Терещенко. Следы Дешт-и-Кипчака и внутренняя Киргиз-Кайсатская орда. Москвитин, № 22, кн. 2, 1853, ноябрь, стр. 68.

² Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах, стр. 437.

Б. У крашения. В ушах статуй изображаются кольчатые серьги — без подвесок, с биконической подвеской и с кистью. Шея, как правило, увешана наборами различных украшений: гривнами гладкими и витыми, с несходящимися концами, ожерельями из крупных бус и ромбических подвесок, наконец, лентой, покрытой бляшками (№ 33). На груди статуй — квадратные, ромбические, круглые, пальметообразные бляхи-подвески. Это или талисманы или, как полагал Н. И. Веселовский, коробочки-капторги для хранения парфюмерных принадлежностей.

В. Одежда. Все стоячие статуи женщин — в длинных кафтанах с расходящимися полами, в юбках, из-под которых видны заправленные в сапоги шаровары. Сидячие женские фигуры встречаются редко. Обычно полы их кафтанов не заправлялись в шаровары, хотя встречались статуи и с заправленными полами. В таком случае они отличались от мужских статуй только головным убором и наличием груди. Грудь у всех женских статуй обнажена. Одежда богата украшена различными орнаментальными вставками. В действительности она, вероятно, украшалась вышивкой.

Г. Поясной набор. На поясе женщины, как и мужчины, носили много предметов. Это прежде всего зеркала в круглых мешочках, часто на кожаном витом шнурке (№№ 32, 34, 35, 38, 43, 50, 51), гребешки в квадратных футлярах или без них (№ 51), ножики и длинные кисти непонятного назначения (может быть, многохвостные плетки).

Д. Сосуды. Руки женских статуй, как и мужских, соединены на животе и держат сосуд, обыкновенно цилиндрической формы с утолщенным венчиком. Кроме этого основного типа, встречаются горшкообразные и бокаловидные сосуды.

Одежда других средневековых кочевых народов, в частности печенегов, торок и особенно черных клубков, вероятно, была похожа на половецкую. У печенегов отсутствовали только некоторые детали костюмов, появившиеся в XII—XIII вв. (нагрудные ремни, серьги, синие подвески и др.).

Кроме скульптуры, половцы прекрасно владели родственным ей костерезным ремеслом. Они покрывали кость пышным растительно-геометрическим и звериным узором, используя часто оригинальный и изящный

прием врезания в кость квадратов и треугольников, расположенных в различных комбинациях. Узор этот так прост, что им пользовались и камнерезы для украшения статуй (№ 34).

О других видах искусства у кочевников говорить трудно, поскольку от них не осталось материальных памятников. О наличии в половецкой среде музыкантов (гудцов) и певцов сообщают нам русский летописец в знаменитом рассказе о Сырчане и Отроке («оставъши у Сырчана единому гудьцу же Орели, посля й в Обезы... пой же ему песни половецкии»)¹ и «Половецкий словарь», в котором упомянуты профессии музыканта (*cobuhči*), певца (*ugči*) и их инструменты — рог (*surguna*) и барабан (*taf*).² Кроме этих двух инструментов, половцы пользовались комсом — двухструнной мандолиной, изображенной на одной из мужских статуй (№ За). В. А. Пархоменко делает очень интересное предположение о том, что в русских летописях иногда ощущается «половецкая литературная струя».³ Он приводит ряд мест из летописи, которые могут считаться взятыми из половецкого

эпоса. Таковы упомянутое повествование о Сырчане и Отроке, описание съезда половецких князей в 1103 г. и др.

Несмотря на эти отрывочные сведения и гипотезы, очевидно, что в культурном отношении кочевники южнорусских степей стояли значительно ниже своих оседлых соседей. В этом отношении чрезвычайно показательно отсутствие у них письменности, т. е. собственного алфавита. О существовании последнего у южнорусских кочевников X—XIII вв. не сохранилось никаких сведений. В «Половецком словаре»¹ в отделе письменных принадлежностей перечислены на латинском и персидском языках различные предметы, относящиеся к письму (буква, бумага, чернила, перочинный нож, книга, записная книжка и др.), но ни одного из этих слов нет на половецком языке.

Это обстоятельство как нельзя лучше свидетельствует о том, что тюркоязычные кочевники X—XIII вв., в отличие от сибирских тюрок и своих предшественников болгар и хазар, не имели собственной письменности.²

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ (КОЧЕВНИКИ И РУСЬ)

1

Политическая история кочевников южнорусских степей X—XIII вв. неразрывно связана с историей Руси. Русь была в эти столетия единственным государством, способным сдержать движение хлынувших из азиатских степей кочевников и принять основную силу их ударов. Поэтому история кочевников является по существу историей отношений их с Русью. Взаимоотношения эти нашли подробное отражение на страницах русской летописи. Все остальные государства, соприкасавшиеся в какой-то степени с печенегами, торками и половцами в период их пребывания в южнорусских степях, или были слишком слабы (Хазарский каганат), или находились далеко (Булгарское царство, Грузия, Византия), в связи с чем они не могли играть существенной

роли в истории степняков. Все три народа безусловно имели большую историю до вторжения в южнорусские степи. На некоторых

¹ Codex Cumanicus, стр. 99.

² В Венгрии, в Миклоше, был обнаружен клад из нескольких серебряных, богато орнаментированных сосудов. На некоторых из них процарапаны от руки знаки, похожие на орхонское и салтово-маяцкое письмо. Известный венгерский тюрколог Немет полагает, что надписи и сосуды принадлежат печенегам. Не зная языка, трудно говорить о том, прав Немет или нет. Приведу только ряд соображений о принадлежности сосудов и о всаднике, изображенном на одном из них. Поскольку вооружение этого всадника аналогично оружию салтовских погребений VII—VIII вв., можно полагать, что сделаны сосуды были в эти века по заказу одного из салтово-маяцких воинов. Им же, по-видимому, были процарапаны надписи на своем языке. Предположение это тем более вероятно, что некоторые языковеды, в частности А. М. Щербак, считают эти надписи булгарскими. См.: J. Hampe. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd. I—III. Braunschweig, 1905; I. Nemeth. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Budapest, 1932; А. М. Щербак. О приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954.

¹ Ипат. лет., стр. 479.

² Codex Cumanicus, стр. 206.

³ В. А. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения, 1940, № 3.

фактах этой истории мы остановимся в той мере, в какой они связаны с событиями, происшедшими в последующую эпоху.

2

В заволжский период своей истории печенеги были со всех сторон окружены сильными народами: хазарами и буртасами с запада, гузами с юга, кипчаками с востока, булгарами и башкирами с севера. «Все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают в рабство»,¹ — писал Гардизи. Наиболее слабым звеном в окружавшем печенегов кольце был дряхлеющий и распадающийся на части Хазарский каганат. Естественно, что печенеги, отступая под давлением юго-восточных соседей, столкнулись с хазарами. Последние, пытаясь ослабить напор печенегов, вынуждены были заключить союз с гузами, основным и наиболее сильным врагом печенегов. «...узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны», — писал в 50-х годах X в. Константин Багрянородный.² Событие это произошло, по его словам, примерно в последней четверти IX в.

Хазары ошиблись в расчетах. Разбитые орды печенегов, убегая от гузов, хлынули на территорию каганата, который не смог противостоять этому. Годы завсевания печенегами южнорусских степей не получили достаточного отражения в источниках. Только в персидском географическом труде «Границы мира», составленном неизвестным автором X в. «из книг и рассказов умных людей»,³ говорится несколько слов о печенегах, разделенных на две ветви. Географическое положение одной из них, «турской», он описывает следующим образом: «Восток их страны граничит с гузами, на юг от них буртасы и барадасы, на запад от них мадьяры и рус, на север от них [река] Рута».⁴ Описание это запутано и неясно, однако,

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 119.

² Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14.

³ Изыскания В. В. Бартольда обнаружили влияние на него Балхи и Истахри, а также Ибн-Русте и ал-Джайхани, от которых он и взял свои сведения о печенегах.

⁴ V. F. M i n o r s k y. Hudud-al-Alem, стр. 160.

если признать, что река Рута — Дон в среднем его течении, в том месте, где он делает изгиб на восток,¹ то окажется, что сведения обо всех остальных соседях печенегов даны Анонимом совершенно точно (рис. 1, 3). Тюркские печенеги в период, описанный Анонимом, кочевали в Донецко-Донском междуречье.

Другая ветвь — «хазарские» печенеги — расположилась на землях, на восток от которых проходили «Хазарские горы, на юг от них — аланы, на запад — море Gurz, на север от них — мирваты».² Хазарскими горами Аноним мог назвать только холмистую гряду предгорий Кавказа, тянущуюся вдоль Кума-Манычской впадины, так как настоящих гор, идущих с севера на юг, на территории южнорусских степей вблизи Хазарского каганата нет. В таком случае «море Gurz» — вероятнее всего, Хазарское, или Азовское, море, а это значит, что хазарские печенеги занимали земли в устье Дона и Кубани (рис. 1, 3). Название «туркские» и «хазарские» Аноним дал, по-видимому, по основному, наиболее опасному для печенегов соседу: у «турских» печенегов это были гузы-торки (торки), у «хазарских» — хазары.

«Хазарские» печенеги, вклинившись между основной территорией Хазарии и подвластными ей в IX в. крымскими городами, прервали всякую связь между ними и этим нанесли экономике каганата сильный удар. Вероятно, пострадали от печенегов и самые города Крыма и Тамани, однако данных об этом ни письменных, ни археологических у нас нет. Хазары всячески старались вытеснить печенегов с захваченных последними земель. Они постоянно нападали на печенегов, уводили и продавали их в рабство, угоняли скот и т. п. К каким-либо явственным результатам это не привело, печенеги не покинули междуречья Кубани и Дона. В X в. Константин Багрянородный писал, что они были очень близки к Херсону, но еще ближе к Боспору и что они «окружали» Боспор,³ т. е. подходили к нему не только со стороны Крыма, но и с востока.

¹ Так располагал печенегов Б. А. Рыбаков на карте, составленной по Худуд-ал-Алему (доклад на Секторе этногенеза в ИИМК в 1950 г.).

² V. F. M i n o r s k y. Hudud-al-Alem, стр. 160.

³ Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14 и 42.

«Тюркские» печенеги захватили Донецко-Донское междуречье, разрушили все донские и донецкие крепости, построенные местным населением (Маяцкое, Салтовское, Мокначевское, Гомольшевское и другие городища) и подчинили это население (в основном болгар и яссов). Только небольшая часть местного населения бежала на юг, в земли собственно Хазарского каганата. Видимо, в этот период крепость Саркел превратилась в пограничный городок с этнически пестрым населением. Послойный анализ керамического материала позволил сделать заключение, что кочевники занимали в составе этого населения значительное место. Это были, вероятно, печенеги, перешедшие на службу к хазарскому кагану и поселенные им в пограничном городке. Часть наиболее ранних погребений из кочевнического могильника близ города оставлена безусловно вассальными Саркелу печенегами.

После захвата донецких степей печенеги начали упорную борьбу за расширение своей территории. Движение на восток, откуда их только что вытеснили гузы, было невозможно, движению на юг препятствовали хазары. Печенеги вновь обратились на запад. На этот раз противниками их оказались мадьяры и русские.

Для борьбы с мадьярами печенеги заключили союз с Дунайской Болгарией. Воспользовавшись тем, что основные силы мадьяр находились в походе, печенеги вторглись на их земли и почти полностью вырезали оставшееся там население (женщин, стариков, детей). Вернувшись из похода мадьяры нашли свою землю «пустою и разграбленною» и потому решили поселиться в другом месте,¹ тем более что передовые орды печенегов, вероятно, уже заняли к этому времени все основные места их кочевок.

Вытеснение мадьяр из Причерноморья произошло в 90-х годах IX в. В годы борьбы за Причерноморье печенеги сталкивались и с Русью. Об этом косвенным образом свидетельствует составленный русским летописцем хронологический перечень кочевых народов, проходивших в VIII—IX вв. через южнорусские степи, — «булгаре», «воловхи», «угре белии», «обре», «печенезе» и «угре черни». Последний раз угры подходили к Киеву, по словам летописца,

в 898 г.¹ Это были, по-видимому, угры черные, упомянутые в хронологическом перечне VIII—IX вв. последними. Очевидно, печенеги подходили к границам Руси раньше 898 г., т. е. в разгар борьбы их за днепровские степи. К этому времени (конец IX в.) относятся оттеснение уличей, живущих в луке Днепра, на север в Поросье и построение близ Сугны сильно укрепленного уличского города Пересечена.² В эти же годы были разрушены славянские (тиверские) городки в Приднестровье.³ Как и донецкие крепости, города эти были превращены в груды развалин, что и отмечал в середине X в. Константин Багрянородный: «...по сю сторону р. Днестра... имеются опустевшие города».⁴ Разгромом тиверцев завершен был захват причерноморских степей. К началу X в. печенеги окончательно овладели территорией, очерченной Константином Багрянородным (рис. 1, I).

С первых лет появления в южнорусских степях печенеги разделились на две основных ветви, или на два объединения. Константин Багрянородный писал о том, что границей между объединениями в X в. был Днепр. Действия Восточного, или Левобережного, объединения не нашли отражения в письменных источниках. В силу географического положения оно было связано с Хазарским каганатом, по истории которого в этот период не сохранилось никаких сведений. Русский летописец только один раз упоминает о столкновении Восточного объединения с Русью.

В 993 г. «печенезе придоша по оной стороне от Сулы».⁵ Битва печенегов и русских началась со знаменитого единоборства «Кожемяки» с «печенежином» и кончилась разгромом печенежского войска и бегством его. Поражение оказалось гибельным для Восточного объединения. В дальнейшем печенеги уже ни разу не нападали на Русь с левой стороны Днепра. В начале XI в. епископ Бруно, проезжавший по Печенегии, говорит только о четырех племенах

¹ Ипат. лет., стр. 14.

² Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

³ Г. Б. Федоров. Доклад на пленуме ИИМК АН СССР в 1951 г.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14.

⁵ Ипат. лет., стр. 83—85.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 19.

печенежского союза, т. е. только о Западном объединении.¹ О существовании заднепровских печенегов он даже не слышал.

Западное печенежское объединение оказалось более сильным и устойчивым. Все соседящие с ним страны постоянно подвергались опустошительным набегам печенежских полчищ. Болгария и Венгрия с трудом могли противостоять им. Оба эти государства вели по отношению к печенегам пассивную оборонительную политику, поскольку, «будучи многократно... побеждены и ограблены ими, они по опыту знали, что хорошо и полезно жить всегда в мире с ними».² Один из крупных походов печенегов к Дунаю отмечен под 915 г. русским летописцем: «...придоша печенези первое на Русскую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю».³

Отношения печенегов с приморскими портами в значительной степени обусловливались отношениями с Византией, поскольку эти города с начала X в. вновь перешли под власть Греческой империи. Помимо оживления торговли, которую вели печенеги с портами, они, по сообщению того же Константина, «делали набеги и грабили самый Херсон и так называемые Климаты».⁴ Византия, отделенная от печенегов двумя странами (Венгрией и Болгарией), менее страдала от их грабительских налетов. Византийский император, предотвращая попытки кочевников проникнуть в его государство, постоянно посыпал печенегам подарки и получал от них заложников из среды самой влиятельной аристократии, что помогало византийским политикам не только поддерживать мир, но и воздействовать на внешнюю политику печенегов, побуждая их к войнам против наиболее опасных врагов Византии — русов и болгар.

После 915 г. до второй половины X в. о печенегах не упоминается в русской летописи. П. В. Голубовский объясняет это тем, что печенеги не вмешивались в эти годы в жизнь Киевской Руси, т. е. не грабили и не разоряли ее земли.⁵ Однако Кон-

стантин Багрянородный, использовавший и обобщивший в своем трактате материалы IX—первой половины X в., утверждал обратное: «...печенеги... когда живут не в мире... грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков... Руссы... не могут даже выступать в заграничные войны, если не живут в мире с печенегами... руссы в случае войны с печенегами не могут свободно передвигаться по Днепру».¹ Таким образом, не только пограничные земли страдали от соседства печенегов, но и торговля и внешняя политика Киевской Руси были парализованы ими уже в начале X в.

Русские князья различными способами пытались обезопасить свои земли от кочевников. Так, в 920 г. князь Игорь возглавил поход в степь. Чаще русские, как и византийцы, использовали печенегов в своих целях.

«Руссы, — писал Константин, — стараются быть в союзе с ними (печенегами, — С. П.) и получать от них помощь, чтобы вместе и избавляться от вражды с ними и пользоваться помощью».² В 944 г. тот же Игорь, по сведениям летописца, «совокупив воя многие варяги, и русь, и поляны, и словены, и кривичи, и печенеги ная... поиде на греки в лодьях и на конех».³ Эта политика в отношении печенегов проводилась русскими на протяжении нескольких десятилетий — в периоды княжения Игоря и Святослава. Печенеги могли участвовать в походах Святослава, в частности в походе на Хазарию в 965 г., так же как они участвовали в военных предприятиях Игоря.⁴ Святослав, организуя поход на хазар, должен был прежде всего обезопасить свой тыл союзом с печенегами, через земли которых он проходил. Как уже говорилось, Византия всеми средствами старалась влиять на внешнюю политику Печенегии в отношении Руси. Особенно активизировалась враждебная деятельность византийских дипломатов во времена Святослава, который, захватив болгарские земли, грозил Византии. Вероятно, что в 968 г., когда Святослав овладел Переяславцем на Дунае, именно благодаря интригам Византии печенеги предприняли большой поход на Русь

¹ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 77.

² Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 6—7.

³ Ипат. лет., стр. 26.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 5.

⁵ П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, стр. 68.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 5.

² Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 6.

³ Ипат. лет., стр. 28.

⁴ Ипат. лет., стр. 42.

и впервые подошли к Киеву «и оступиша... город в ислу тяжьце, бещисленое множество».¹ Надежды, возлагаемые в Константинополе на этот поход печенегов, оправдались: «Святослав вборзе всед на конь с дружиною своею и приде к Кыеву»,² оставив на время приудайские земли.

Второе столкновение печенегов со Святославом, кончившееся разгромом русской дружины и убийством князя, опять-таки было организовано врагами Русского государства — переяславцами (болгарами) и, возможно, византийцами, которые сообщили печенегам о возвращении Святослава из Доростола в 971 г. с полоном «бещислен» и с «малой дружиной». Печенеги, с которыми Святослав, отправляясь в поход, не заключил мира, «заступиша пороги». Святослав вынужден был перезимовать в Белобережье, что окончательно подорвало силы его дружины, а весной сделал попытку прорваться сквозь печенежское окружение; но «нападе на ня Куря князь Печенежский и убиша Святослава. И взяша голову его и во лбе его зделаша чашю, оковавше лоб его золотом и пьяху в нем».³

Следующий период истории печенегов связан исключительно с Русью. Он начался в княжение Владимира Святославича на киевском столе, в конце X в. Возросшая активность печенегов заставила Владимира заняться укреплением южных границ своего государства: «... и нача ставити города по Десне и по Устреви, по Трубешеви, и по Суле, и по Стугне». Часть знаменитых Змиевых валов сооружалась, видимо, в то время, а более древние укрепления по Суле, Трубежу⁴ и т. п. были обновлены и укреплены сторожевыми постами и городками. Об укреплениях, расположенных южнее

Стугны, упоминает в своем письме епископ Бруно (1008—1009 гг.): «Русский государь (Владимир, — С. П.) ... два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него, для безопасности от неприятеля, на очень большом пространстве обведены со всех сторон самыми завалами».¹ Несмотря на попытки печенегов отодвинуть границу Русского государства к северу, Владимир укрепил ее и к концу своего княжения увеличил расстояние между Русью и печенежскими кочевьями с одного дня пути, как было при Константине Багрянородном, до двух дней.

В первые годы XI в. епископ Бруно и его спутники, проехавшие в землю печенегов через Киевское государство, «от лица (и, видимо, по просьбе, — С. П.) русского князя заключили с печенегами мир». Русский князь обещал выполнить ряд их требований и «дал печенегам в заложники мира сына своего».² В чем состояли требования, установить невозможно, заложником же был, вероятно, Святополк — нелюбимый и опальный сын Владимира.³ Не случайны дальнейшие связи Святополка с печенегами при его попытке после смерти Владимира (1015 г.) захватить киевский стол и стать единовластцем на Руси.⁴ Грабительские походы печенегов вместе с князем Святополком окончились полным разгромом печенежских полков. По-видимому, поражение было настолько серьезным, что в начале княжения Ярослава напор печенегов значительно ослабел. Русские незамедлили воспользоваться передышкой и в 1132 г. «Ярослав поча ставити города по Рси».⁵ Русь заняла территорию, долгое время остававшуюся нейтральной зоной, отделявшей ее границы от кочевников.

Теснимые с востока торками, а с севера Русью, печенеги, пытаясь удержаться на прежних землях, предприняли в 1036 г. большой поход на Русь и осадили Киев. Ярослав, бывший в то время в Новгороде,

¹ Ипат. лет., стр. 42—43. Описания этого набега и обмена оружием между русским дружиныком и печенежским князем неоднократно приводились русскими историками. Русское летописное изложение этого события А. Н. Бернштам (Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. СЭ, 1935, № 6) связывает с легендой о походе Огуза на Урум и Урус.

² Ипат. лет., стр. 48.

³ Ипат. лет., стр. 48.

⁴ В. Г. Ляскоронский указывает, что Змиевые валы сооружались различными племенами и народами на протяжении тысячелетий; см. работы В. Г. Ляскоронского, опубликованные в «Трудах XI (т. I), XIII (т. I) и XIV (т. III) археологических съездов».

¹ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., стр. 76.

² Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., стр. 77.

³ В 90-х годах X в. Владимир раскрыл заговор Святополка с Болеславом и арестовал сына вместе с его женой и духовником (В. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 467).

⁴ Ипат. лет., под 1016, 1018 и 1019 гг.

⁵ Ипат. лет., стр. 105.

поспешил на юг с сильной дружиной. Пойдя к Киеву, он вступил в бой с печенегами. Вот как характеризует эту битву и ее результаты русский летописец: «И бе сеча зла и одва одолев к вечеру Ярослав. И побегоша печенезе раздно, и не ведахуся камо бежаче, и овии бегающе тоняху в Ситомли, инеи же во инех реках, и тако погибоша, а прок их пробегоша и до сего дни».¹ Блестящая победа Ярослава фактически уничтожила Западное печенежское объединение, а вместе с тем и печенежскую опасность.

В середине XI в. 4 округа западных печенегов распались и самой крупной административной единицей стала считаться часть (как называл ее Константин Багрянородный), или колено. По сообщению византийца Кедрина,² 13 печенежских колен обитали на берегу Черного моря, между Днепром и Дунаем, примерно в тех местах, где некогда кочевали округи Гиазихопон и Хавуксингил (рис. 1, I). Однако номинальный правитель — хаан — еще возглавлял печенежские орды. Это был Тирах, человек безынициативный, а потому не пользовавшийся популярностью у соплеменников. На борьбу с Русью у печенегов уже не хватало сил, отдельные восточные колена отражали натиск напирающих с востока торков. В схватках с ними, как полагает В. Г. Васильевский, выделился новый вождь — Кеген. Он попытался захватить власть над всеми 13 коленами, но знать, видимо, воспротивилась этому и поддержала Тираха. Кеген бежал от Тираха в Византию, за ним последовал и сам Тирах (видимо, под давлением гузов — торков). Орды Тираха были разбиты и поселены Византией на ее границах — между Балканами и Дунаем — в качестве пограничных войск.

Дальнейшая история печенегов связана уже с западными странами — Византией и Венгрией. Она нашла отражение в работе В. Г. Васильевского «Византия и печенеги», а также в трудах венгерских ученых и отчасти в статье Д. А. Расовского «Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угарии»,³ написанной по венгерским источникам.

¹ Ипат. лет., стр. 106.

² Изложение глав из работы Кедрина, посвященной печенегам, и толкование их см. в работе В. Г. Васильевского «Византия и печенеги». Труды, т. 1, СПб, 1908.

³ SK, т. VI, Praga, 1933.

3

Оставшиеся небольшие роды печенегов влились в орды торческо-печенежского союза, пытавшиеся в середине XI в. пробиться к Византии для соединения там с основными силами сельджуков. Это заставляло торков поддерживать мирные и даже союзные отношения с Киевской Русью — наиболее сильным и опасным противником в Восточной Европе. Союзные отношения торков с Русью начались еще при Святославе, когда торки кочевали в заволжских степях. По свидетельству Ибн-Асира, торки напали на Хазарию в том же 965 г., что и Святослав, и были отброшены от ее границ только благодаря помощи хазарам со стороны Хорезма.¹ Дружественные связи с торками продолжались и при Владимире Святославиче. В 985 г. торки помогали князю Владимиру в походе на волжских булгар.² Наконец, борьба Руси с печенегами велась, видимо, тоже в союзе с торками, которые, стараясь обойти Русь, направили основной удар на печенегов, занимавших южнорусские степи.

Несмотря на кажущуюся миролюбивость торков в отношении Руси, русские князья учитывали опасность, которая грозила Киеву в случае соединения торческих отрядов с сельджуками, пытающимися захватить Балканский полуостров. Надо полагать, что немало дипломатических усилий для организации разгрома торков приложили греки. Характерно, что борьбу с торками начал Всеволод Ярославич, женатый на «царице грекине». В 1055 г. «иде Всеволод на торки зиме к Воиню и победи торки».³ В 1060 г. его поддержали остальные князья «триумвирата» (Изяслав и Святослав) и Всеслав Полоцкий, которые «совокупивше воя бещислены и поидаша на конях и в лодьях бещисленное множество на торки».⁴ Торки не приняли битвы, «убоявшись, пробегоша», и, как пишет летописец, «бог избави крестиан от поганых».

Разгромленные и ослабленные орды торков в массе своей двинулись на Византию. В 1064 г. они впервые появились на Дунае,

¹ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Сов. востоковедение, т. I, 1940, стр. 34; М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952.

² Ипат. лет., стр. 56.

³ Ипат. лет., стр. 114.

⁴ Ипат. лет., стр. 114—115.

Однако «византийское золото и повальные болезни»¹ заставили их уйти с правого берега Дуная. Только часть из них осталась на императорской службе. Подавляющее большинство вернулось назад, в южнорусские степи, и перешло в подданство к русскому князю, заселив пограничные русские земли.

4

История кочевников, ставших под покровительство Руси, делится на два этапа. Первый этап длился около 100 лет (60-е годы XI в.—40-е годы XII в.). В течение этого времени Поросье было заселено тремя народами — торками, печенегами и берендеями. Все они неоднократно упоминаются на страницах Ипатьевской летописи: под 1080, 1095, 1126 гг. — торки; под 1085, 1093 гг. — Торческий град; под 1105 г. — торки и берендеи; под 1142 г. — печенеги; под 1097, 1121 гг. — торки, печенеги и берендеи. Они не составляли в этот период единого целого; видимо, каждый из них имел отдельные договорные отношения с Русью, причем, возможно, договоры заключались не только с племенами, но и с отдельными ордами этих племен. В 1080 г. «зараташи торци переяславлестили на Русь, Всеволод же послал на не сына своего Володимера, Володимер же шед, побив тороки».² Летописец подчеркивает, что не все торки, а только одна их орда — переяславская — участвовала в восстании.

Как полагает Б. Д. Греков,³ киевские князья, предоставляя кочевникам свободные территории, едва ли занимались благотворительностью. Они поселяли их на выгодных для себя условиях. Самое поселение их на границах Русского государства свидетельствует о намерении создать из тюрков щит, пограничное войско, сочетающее в себе подвижность кочевников и устойчивость оседлых племен. Второй обязанностью кочевников было предоставление военной вспомогательной силы в войска русских князей, в особенности киевского великого князя. Последнее обстоятельство превращало их в опору центральной власти в Киевском государстве в борьбе с феодаль-

ными центробежными стремлениями. В случае невыполнения принятых обязательств русские князья быстро и решительноправлялись с непокорными (пример 1080 г.), а в отдельных случаях даже изгоняли их из пределов своего государства. Так, в 1121 г. «прогна Володимер беренъдици из Руси, а торци и печенези сами бежаша».¹ Все перечисленные обязанности, выполнявшиеся торками, берендеями и печенегами в первый период их зависимости от Руси, с еще большей силой выявились впоследствии, при слиянии их в единый черноклобуцкий союз.

Впервые термин «черные клубуки» употреблен летописцем под 1146 г.: «И ту прислашася к нему (Изяславу Мстиславичу, — С. П.) черни клубуци и все Поросье».² Записи последующих лет дают основание считать это название общим для всех кочевников Поросья. Так, под 1151 г. говорится, что к Киеву «Володимер приде с всими черными клубуки», и далее: «Изяслав и Ростислав повелеша Володимиру пойти с берендеи... ко Олгове... а коуеве и торчи и печенези туда сташа у Золотых ворот... до Лядских ворот».³ Приведенная цитата свидетельствует также о том, что, несмотря на объединение племен в единый союз, каждое из них сохранило свое имя и выступало по требованию киевского князя не только в соединении с остальными, но и самостоятельно. С 1146 по 1193 г. кочевники Поросья фигурируют на страницах Ипатьевской летописи в 24 записях из 47, в том числе: черные клубуки в 14 записях,⁴ берендеи — в 17,⁵ торки — в 8,⁶ печенеги — в 3,⁷ коуи — в 2,⁸ каепичи — в 1.⁹

Судя по тому, что берендеи упоминаются в летописи чаще остальных племен, они стали, вероятно, в союзе самым крупным и влиятельным племенем, хотя главный город Поросья по-прежнему назывался Торческим. Возросшее значение берендеев

¹ Ипат. лет., стр. 205.

² Ипат. лет., стр. 230.

³ Ипат. лет., стр. 296.

⁴ Ипат. лет. под 1146, 1150, 1151, 1152, 1153, 1154, 1162, 1169, 1174, 1177, 1187, 1190, 1191, 1193 гг.

⁵ Ипат. лет. под 1146, 1147, 1148, 1151, 1153, 1157, 1160, 1162, 1169, 1170, 1172, 1173, 1174, 1177, 1184, 1185 гг.

⁶ Ипат. лет. под 1151, 1154, 1160, 1162, 1169, 1170, 1173, 1193 гг.

⁷ Ипат. лет. под 1151, 1162, 1169 гг.

⁸ Ипат. лет. под 1151, 1162 гг.

⁹ Ипат. лет. под 1160 г.

¹ В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 28.

² Ипат. лет., стр. 143.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 344.

объясняется их политической активностью. Остальные племена, по-видимому, быстрее поддались русскому влиянию, осели и стали менее подвижны в военном отношении, а потому реже использовались Русью и меньше интересовали киевского летописца.

Образование черноклобуцкого союза совпало с периодом ожесточнейшей междоусобной смуты на Руси, поэтому естественно, что именно в эти годы окончательно оформились отношения между киевским князем и кочевниками Поросья. Киевский великий князь, нуждаясь в военной силе для обуздания своевольных феодалов, установил тесный контакт с черными клубуками, превратив их из федератов, какими они были в первый период, в вассалов. Уже в 1146 г. черные клубуки называют великого князя своим князем. Особенно четко вассальные отношения черных клубуков отображены летописцем под 1154 г., когда умер великий князь Изяслав Мстиславич: «...плакася по нем вся Русская земля и всеи черни клобуци и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци».¹

Помимо обязанности помогать киевскому князю против остальных русских князей, черные клубуки должны были по-прежнему нести пограничную службу и участвовать в походах против внешних врагов Руси (половцев). Обыкновенно в русских войсках они играли роль легкой конницы, употреблявшейся для погони (1162, 1172 гг.), в передовых разведывательных отрядах (1160, 1184 гг.), в засадах и т. п. В 80—90-е годы XII в., в период затишья феодальных усобиц на Руси, они использовались уже как самостоятельное войско. В 1185, 1187 гг. черные клубуки, возглавляемые русским дружиинником Романом Нездиловичем, выступают против половцев по приказу великого князя Святослава, а в 1190, 1192, 1193 гг. ими руководили уже «лепшии мужи» из их же среды, которые сами планировали поход и предлагали русскому князю Ростиславу Рюриковичу, сидящему в удельном Торческе, лишь возглавить его, что лишний раз подчеркивает их вассальную зависимость от отца Ростислава — Рюрика.

Кроме Поросья и Переяславской земли, небольшие орды кочевников окружали многие русские города. Под 1185 г. специально упоминаются летописцем коуи чернигов-

ские, участвовавшие в знаменитом походе Игоря Святославича. Часть берендеев, по-видимому, во времена княжения в Киеве Юрия Долгорукого переселилась в Ростово-Сузdalскую землю, где оставила после себя след в топонимике. Наконец, степной город Белая Вежа, форпост русских, тоже был окружен кочевьями «своих поганых», от которых сохранились кочевнические могилы под стенами города. Косвенным доказательством в пользу того, что торки и печенеги были вассалами Белой Вежи, является рассказ летописца о двух последовавших одно за другим событиях. В записи под 1116 г. говорится: «... биша половци и с торки и с печенеги у Дона и секоша ся два дни и две нощи и придоша на Русь к Володимеру торци и печенези».¹ Запись 1117 г. сообщает о том, что жители Белой Вежи ушли с донских берегов на Русь. Связь обоих событий очевидна. После того как военный заслон беловежцев был разгромлен и оставил степи, незащищенный город не смог продолжать своего существования среди половцев, особенно озлобленных удачными походами Владимира Мономаха.

Целый ряд тюркских названий в топонимике Галиции и Волыни говорит о заселении кочевниками этих земель. Летописцы неоднократно сообщают об участии половцев в первой половине XIII в. в жизни Галицко-Волынской земли.

5

Основной причиной, заставившей торков и печенегов, оставшихся в степях, стать в подчиненное отношение к русским князьям, было нашествие на южнорусские степи половцев, оказавшихся более безжалостным и жестоким врагом для прежних владельцев степей, чем русские. О периоде завоевания половцами южнорусских степей нет никаких известий в источниках. Очевидно только, что половцы были значительно более мощным племенным объединением, чем два предыдущих. В 1055 г. их передовая, разведывательная орда впервые появилась на левом берегу Днепра под Переяславлем: «... приходи Блуж с половци и створи Всеялод мир с ними и возвратиша (половцы, — С. П.) въсвояси».²

¹ Ипат. лет., стр. 204.

² Ипат. лет., стр. 114.

История половцев в южнорусских степях (с 1055 по 1223 г., до Калкинской битвы) разделена мной на несколько периодов. Внешняя политика половцев была обусловлена процессами, происходящими внутри их общества, и в значительной степени силой сопротивления, оказываемого им Русью.

Первый период длился с середины XI до начала XII в. Это период разложения рода-племенного строя и возникновения двух крупных государственных объединений — Днепровского и Донского. Резко агрессивная политика половцев объясняется стремлением крепнущей кочевой аристократии к обогащению. За время от 1061 г., когда «придша половци первое на Руськую землю воевати»,¹ и до 1092 г. Ипатьевская летопись постоянно сообщает о грабежах и разорении пограничных русских земель: «рать велика... от половец отовсюду».²

Несмотря на отпор, даваемый Русью, половцы в эти годы чувствовали превосходство своих сил над русскими и потому, естественно, вели себя дерзко и вызывающе. В 1093 г., после смерти великого князя Всеволода, половцы направили к его преемнику Святополку послов. Предложенные половецкими послами условия мирного договора были настолько тяжелы и оскорбительны, что Святополк «послы всаже в погреб» и категорически отказался от переговоров, несмотря на уговоры Владимира Всеволодовича. Половцы двинулись на Русь. Русские дружины не смогли противостоять половецким силам, и «створи бо ся плач велик у земле нашей, и опустели города наши, и быхом бегающе и перед враги нашими». Это вынудило киевского князя в 1094 г. заключить мир: «створи мир с половце Святополк и пая жену, дщерь Тугортоканю, князя половецкого».

Победа половцев над киевским князем не дала им абсолютного перевеса над Русью, так как уже в следующем году русские князья демонстративно нарушили договор 1094 г. В 1095 г. половцы правобережных днепровских орд ушли в поход на Византию с одним из претендентов на византийский престол — Девгеневичем.³ Опасаясь

нарушения мира со стороны русских князей, половцы левобережной орды (или двух орд) во главе с Итларем и Китяном направились к Владимиру под Переяславль для заключения повторного договора о мире.¹ Владимир же, воспользовавшись отсутствием основных половецких сил, хитростью убил Итларя и Китяна, перебил их дружины и затем совместно со Святополком «всжи их взяхом, шедше за Голтавом» (т. е. на Ворсклу).² Византийский поход половцев кончился неудачей, императору удалось захватить Девгеневича, и половцы вынуждены были вернуться в свои степи.

Набег половцев на поросский город Юрьев,³ предпринятый тотчас после их возвращения, был, видимо, местью за смерть Итларя и Китяна. Юрьев был сожжен, окрестности его ограблены, однако половцы, ослабленные византийским походом, не решились проникнуть в глубь русских земель. Летом 1096 г. борьба между Русью и Приднепровским объединением, во главе которого стояли князья Тугоркан и Боняк,⁴ разгорелась с новой силой. Правобережные половцы совершили налет под предводительством князя Кури на окрестности Переяславля и г. Устье. Святополк и Еладимир в это время были заняты междуусобной расприей с Олегом Святославичем, бежавшим от них в Стародуб, в котором он был осажден дружинами князей-союзников. За набегом Кури последовали более серьезные военные действия половцев: Боняк в мае подступил к Киеву («повоеваша окол Киева»),⁵ а Тугоркан — к Переяславлю. Святополк и Владимир поспешили к Киеву («идохом с Святополком на Боняка за Росью»,⁶ — писал сам Владимир в «Поучении»), а затем направились через Заруб к Переяславлю, где неожиданным нападением смешали ряды половцев; «иуля в 19 день побежени быша иноплеменьице и князь их Тугортъкан убъен бысть». Чтобы оттянуть силы русских от Переяславля и

¹ Ипат. лет., стр. 158.

² Повесть временных лет, стр. 161.

³ Ипат. лет., стр. 159.

⁴ Оба эти князя стали известны еще раньше, чем русским, византийскому императору Алексею Комину, которому они пришли на помсъ в его борьбе с печенегами. Анна Комин называет их Маниак и Тогортак (см.: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 98 и сл.).

⁵ Ипат. лет., стр. 161.

⁶ Повесть временных лет, стр. 181.

¹ Ипат. лет., стр. 115.

² Наиболее крупные набеги указаны летописцем под 1068, 1071, 1092 гг.

³ Самозванец, выдававший себя за Константина, сына императора Романа-Диогена.

помочь Тугоркану, Боняк снова подошел к Киеву и «мало в город не вогнаше половци».¹ Взять город Боняку не удалось, и он ограничился тем, что разграбил Печерский монастырь и его окрестности. Совершилось это, по указанию летописца, 20 июля, т. е. после разгрома половцев под Переяславлем. По-видимому, после того как до Боняка дошли известия о гибели Тугор-

тику систематического наступления на половцев. Он положил начало новому (третьему) периоду половецкой истории, который определяется не столько внутренними процессами (продолжающееся разложение родоплеменного строя, начало феодализации), сколько внешними причинами, прежде всего активизацией Руси в отношении кочевников. Ипатьевская летопись насчитывает в пе-

Таблица 2

Участники со стороны половцев	Походы Руси на половцев		Походы половцев на Русь	
	удачные	неудачные	удачные	неудачные
Западное (Днепровское) объединение	1 (1103 г.)	—	3 (1105, 1107, 1107 гг.)	2 (1106, 1113 гг.)
Восточное (Донское) объединение	3 (1103, 1111, 1116 гг.)	—	—	—
Западное и Восточное объединения	—	—	—	1 (1107 г.)
Неизвестные	—	—	1 (1110 г.)	2 (1110, 1126 гг.)

кана, он решил отступить, тем более что к Киеву возвращался Святополк с дружиной.

Успешные действия русских и большие потери, понесенные кочевниками, побудили половцев завязать мирные отношения с Русью. В 1101 г. «прислаша половци слы ото всех князь къ всей браты (к русским князьям, — С. П.) и просяще мира».² Мир был заключен. Русские князья охотно заключали перемирия с половцами, так как это давало хотя бы временную передышку от грабительских налетов кочевников, однако влиятельнейший и умнейший князь того времени, Владимир Мономах, настаивал на продолжении военного нажима на половцев, что являлось главным условием для обеспечения полного спокойствия русских границ.

Долобский съезд русских князей (1103 г.) утвердил предложенную Мономахом поли-

риод от 1103 до 1132 г. 9 набегов половцев на Русь, из которых 5 окончились поражением половцев и ответными походами русских в степь (см. табл. 2).

В этот период в борьбу против Руси было втянуто и Восточное (Донское) объединение. До 1107 г. и Русь и донские половцы избегали серьезных столкновений. Тем не менее сильное половецкое объединение мешало Руси в торговле с Востоком, отрезая ее от Белой Вежи и Волги. Разгромив войско Шаруканя, соединенное с боняковскими дружинами, в 1107 г. под Лубном, русские перешли в решительное наступление против донской группировки, нанеся ей ряд крупных поражений. По образному выражению летописца, «Володимер Мономах пил золотым шоломом Дон и приемлю землю их всю»,¹ изгнавши Отрока в «Обезы» за «Железные ворота», о чём сохранились известия в грузинских хрониках. Царь Грузии Давид, нуждавшийся в отборной коннице,

¹ Ипат. лет., стр. 162.

² Повесть временных лет, стр. 182.

¹ Ипат. лет., стр. 479.

принял на службу 40-тысячное войско половцев под командой Отрока, на дочери которого, Гурандухт, он впоследствии женился.¹

Другая часть половцев отступала на восток. Вероятно, именно во время этого отступления, начавшегося после похода 1116 г., половцы разорили Белую Вежу, столкнувшись с окружавшими ее печенегами и торками² и, наконец, в 1117 г. подошли к волжскому городу Булгару. Князь Булгара выслал им под видом почетного угощения отравленное вино «и пив Аепак и прочии князи, вси помроша».³ Булгар освободился от необходимости давать половцам военный отпор. При Мстиславе Владимировиче половцы, по словам летописца, загнаны были «за Дон и за Волгу, за Яик».⁴ Третья часть половцев (преимущественно восточных), выбитая из привычной колеи походами русских князей, составила особую группу — это так называемые «дикие» (т. е. не входящие в объединения) половцы.

Борьба с половцами, организованная и возглавленная Мономахом, оставила глубокий след в народной памяти. Многочисленные былины и сказания русского народа сохранили имена влиятельных князей половецких, разгромленных и убитых в ходе этой борьбы (Тугарин—Кудреванко—Тугоркан, Идолище—Итларь, Буняк—Боняк).⁵ Некоторых из западных половецких князей Владимир пытался обезвредить и подчинить своему влиянию посредством браков своих сыновей на дочерях половецких ханов. В 1107 г. Георгий Владимирович женился на дочери князя Епиопа,⁶ в 1117 г. «поя Володимер за Андера внуку Тугортоканию».⁷ Сам Мономах заявляет в «Поучении», что он «миров есмъ створил с половечьскими князи без одного 20».⁸ Правда, несмотря

на родственные связи, половецкие князья иногда нарушали договоры и соединялись с Боняком, подчиняясь ему как старейшему. Тем не менее в целом политика Владимира, заключавшего сепаратные договоры с влиятельными князьями, нарушила единство и подтачивала непрочное государственное объединение половцев. Половецкое наступление было остановлено.

Однако это не означало, что Русь в последующие годы избавилась от половецких набегов. В 30-х годах XII в. начинается новый период половецкой истории, характеризующийся в основном участием кочевников в междоусобицах русских князей, разделившихся на два враждебных лагеря — Мономаховичей и Ольговичей. Ольговичи широко привлекали в борьбе против Мономаховичей половцев Восточного объединения, среди которых у них было много родни и союзников. Об этом прямо говорит летописец, конкретно указывая орды, близкие Ольговичам: «Отперлюе, Токсобици и вся Половецкая земля, что же межи Волгою и Днепром».¹ За 30 с небольшим лет (1128—1161 гг.) русская летопись отмечает 15 налетов половцев на русские земли в качестве союзников Ольговичей. В условиях междоусобных распрей кочевники беспрепятственно проходили по русской земле, «воююче села и города... люди емлюще, а другие секуще».² Возможно, именно за счет постоянных грабежей обогатилось и благодаря этому окрепло и возродилось разбитое Мономахом Донское объединение половцев.

С 70-х годов начался четвертый период половецкой истории. О взаимоотношениях Руси и половцев в этот период дает представление табл. 3. Из таблицы прежде всего становится очевидной большая роль Восточного объединения в борьбе с Русью в 1172—1187 гг. Это время можно назвать периодом политического возвышения восточных половцев, возглавляемых ханом Кончаком. Западные половцы так и не сплотились вновь в единый массив. Номинальным правителем западных орд был хан Кобяк, не сумевший создать из них сильного объединения.

Таким образом, поход великих князей Святослава и Рюрика в 1184 г. на запад-

¹ Урбнели. Давид-Строитель и его время. Тифлис, 1894, стр. 19—20.

² Ипат. лет., стр. 204.

³ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 44; Ипат. лет., стр. 205.

⁴ Ипат. лет., стр. 217.

⁵ Кузьмичевский. Шолудивый Буняка в украинских народных сказаниях. Киевская старина, 1887, № 8; Архангельские былины и исторические песни. Собрание О. Д. Григорьева, т. III. СПб., 1910; Онежские былины. Ред. Ю. М. Соколова. Изд. АН СССР, М., 1948, и др.

⁶ Ипат. лет., стр. 186, 205.

⁷ Ипат. лет., стр. 157.

⁸ Повесть временных лет, стр. 162.

¹ Ипат. лет., стр. 315.

² Ипат. лет., стр. 213.

Таблица 3

Участники со стороны половцев	Походы половцев на Русь		Походы Руси на половцев	
	удачные	неудачные	удачные	неудачные
Восточное (Донское) объединение	2 (1185, 1187 гг.)	3 (1179, 1183, 1184 гг.)	—	1 (1185 г.)
Западное (Днепровское) объединение	—	2 (1172, 1173 гг.)	3 (1184, 1187, 1187 гг.)	1 (1187 г.)
Западное и Восточное объединения	—	1 (1174 г.)	1 (1174 г.)	—
Неизвестные	1 (1177 г.)	2	2 (1133, 1185 гг.)	—

ных половцев как на наиболее слабое звено единого половецкого наступления был результатом стратегического расчета. Русские наголову разбили кочевников, «а по ганого Кобяка из луку моря от железных великих пльковъ половецких яко вихрь выторже: и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святославли».¹

Кончак после смерти Кобяка остался единственным ханом, способным продолжать борьбу с Русью. В 1184 г. в ответ на разгром западного войска и убийство Кобяка он выступает в поход на Русь, угрожая «пленити грады русские и пожеши огнем».²

Особенно серьезным и разорительным для Руси был поход Кончака и Гзака в 1185 г. после победы над Игорем, когда эти князья разорили окрестности Переяславля и Путиня, взяли Римов и ушли с полоном в степи. Поход этого года на Русь Кончак демонстративно объявил местью за великого днепровского хана Боняка и его дружину, погибших на «киевской стороне», что явственно выявляет тенденцию Кончака объединить под своей властью все половецкие земли от Волги до Днестра. Претензии Кончака сделаться единовластцем у половцев были, видимо, широко известны не только в половецких землях, но и за их преде-

лами. В одном из архангельских вариантов былины о Ваське-пьянице говорится:

Подымается на Киев да Кудреванко царь
А да с любимым-то зятелком со Артаком,
Он с любимым-то сыном да все со Коньшиком.
Да у Артака силушки сорок тысячей,
Да у Коньшика силы да сорок тысячей,
А у самого Кудреванка да числа-смету нет.¹

Историческая правда в этом отрывке (упоминание Отрока вместе с Кончаком и сорокатысячного войска, сопровождавшего Отрока в Грузию) переплетена с вымыслом (трактовка Кончака как сына Тугорканы). Вымысел этот мог возникнуть только под влиянием хорошо известного русским стремления Кончака объявить себя наследником великих западных ханов. В конце своего княжения Кончаку удалось достигнуть известного единства, так как с 1187 г. отряды под его руководством или по его приказу воевали уже на правом берегу Днепра: «воева Кончак по Рси с половци: по сем же почаша часто воевати по Рси».² Русское государство выдержало и отразило организованное Кончаком наступление на южнорусские княжества. Начиная с 90-х годов напор половцев становится слабее. Походы русских князей 1190—1193 гг.³

¹ Былины. Ред. М. Сперанского. М., 1916, стр. 229.

² Ипат. лет., стр. 439—440.

³ Ипат. лет., стр. 451—453.

¹ Слово о полку Игореве, стр. 18.

² Ипат. лет., стр. 428.

подорвали силы половцев, и в конце XII в. набеги последних прекратились почти совершенно. Большую роль сыграли в ослаблении половцев, в уменьшении их набегов оседание, обнищание масс, а в связи с этим разгорающаяся борьба внутри общества.

В 1224 г. под угрозой татарского порабощения половцы во главе с Юрием Кончаковичем и князем Бастием¹ обратились за помощью к русским, считая их своими союзниками и покровителями в борьбе с новым врагом.

Разгром половцев татарами и дальнейшее существование их в составе Золотой Орды освещены А. Ю. Якубовским в книге «Золотая Орда и ее падение».²

Как в середине XI в. обессиленные неравной борьбой с Русью печенеги и торки перешли в подданство к киевскому князю, так и в середине XII в. к этим мерам прибегли некоторые группы половцев, образовавшие самостоятельные от остальных половцев отряды, зависимые от того или иного русского князя и называемые летописцем «дикими половцами». Появились они, как полагает Б. А. Рыбаков,³ в результате сокрушительных ударов Владимира Мономаха на половецкие объединения. Часть половцев потеряла из-за этих походов и вежи и земли, превратившись в своего рода «изгоев», а это побудило их искать защиты у соседей, в частности у русских князей.

Место обитания «диких половцев» установить невозможно. Очевидно только, что они кочевали на Левобережье Днепра. Политическая близость их к Юрию Долгорукому дает возможность предположить сравнительную близость их кочевий к Ростово-Суздальской земле (примерно в верховьях Донца и Дона). «Дикие половцы» не были вассалами русских князей, они занимались к ним на службу за землю и военную добычу, т. е. были федератами.

О «диких половцах» Ипатьевская летопись сообщает под 1146, 1148, 1151, 1159, 1195 и 1196 гг. В эти годы они 3 раза участвовали в походах Ольговичей, 4 раза — в походах Юрия Долгорукого на Киев. В 1195 г., после смерти Святослава Всеволодовича Рюрик Ростиславич сел на Киевский стол. Он сразу же постарался привлечь на свою сторону давнишних врагов Мономаховичей — «диких половцев»: «дикими половци отпусти в вежи своя, одарив я дарами многими».¹ Испытанный в отношении кочевников политика подкупа дала желаемый результат: в 1196 г. «Рюрик же приведъ братю свою и дикими половци и почаша воеватися со Олговичи».²

Дальнейшие сведения о них прекращаются, возможно, потому, что большая часть их стала в вассальное отношение к Рюрику и влилась в черноклобуцкий союз (отсюда и массовость половецких погребений в Поросье).

VI. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

О трех основных тюркоязычных народах (печенегах, торках и половцах), занимавших в X—XIII вв. степные пространства от Волги до Прута, до нас дошли многочисленные, хотя и отрывочные, письменные данные и археологические памятники. Изучение дошедших источников дает возможность сделать следующие выводы.

¹ Ипат. лет., стр. 495.

² Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, гл. 2—3. Археологические памятники кочевников XIII—XIV вв. позволили Л. П. Зяблину подтвердить вывод А. Ю. Якубовского о том, что население Дешт-и-Кинчак в эти века состояло в основном, как и до прихода татаро-монголов, из половцев (Л. П. Зяблин. О татарских курганах. СА, XXII, 1955).

³ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г., стр. 44.

1

1. Печенеги овладели южнорусской степью в конце IX в. Это было большое кочевое племенное объединение, оттеснившее или поглотившее все остальные племена, обитавшие в южнорусских степях.

2. Административно печенеги делились на две большие группы, граница между которыми проходила по Днепру.

3. На протяжении всей своей истории печенеги оставались кочевниками-скотоводами, для которых было типичным натуральное хозяйство. Ни развитого ремесла, ни развитой торговли у них не было.

¹ Ипат. лет., стр. 463.

² Ипат. лет., стр. 466.

4. Политика завоевания земель и грабежа соседних государств и народов обуславливалась общественным строем печенегов (военная демократия, базисом которой являлся патриархально-родовой строй). Войско их составлял весь вооруженный народ, что особенно характерно для периода военной демократии.

5. В середине XI в. сильно ослабевшие вследствие давления на них Руси и внутренней междоусобицы печенеги оставили степи, перейдя в подавляющем большинстве в Византию и Венгрию.

2

1. Торки—гузы, которым до настоящего времени придавалось преувеличено большое значение, не играли, по моему мнению, значительной роли в южнорусских степях.

2. В VIII—IX вв. в Средней Азии образовался гузский союз, состоявший преимущественно из тюркских племен. Крупным соединением, влившимся в состав этого союза, были печенеги, оставшиеся на территории между Волгой и Уралом после ухода основной массы народа на Запад.

3. В XI в. северная ветвь гузского союза двинулась через южнорусские степи на соединение с южной ветвью, подошедшей к Дарданеллам через Переднюю Азию.

4. Поставленная торками цель побуждала их не задерживаться в степях и сохранять нейтральные отношения с Русью. Тем не менее русские князья поняли опасность, грозившую им в случае захвата кочевниками Балканского полуострова. В двух последовавших одна за другой битвах они наголову разбили торков.

3

1. Потерпев поражение, торки—гузы вместе с печенегами, оставшимися в некотором количестве в степях, стали в подчиненное отношение к киевскому князю, который поселил их в Поросье, вдоль южной границы Русского государства.

2. Этнический состав тюркских подданных киевского князя, как и состав гузов, был весьма разнообразен, однако печенеги, вероятно, играли в нем немаловажную роль, поскольку влились в гузский союз дважды — за Волгой и на Днепре.

3. Погребений собственно печенежских и собственно торческих обнаружено в юж-

норусских степях немного, однако изучение их дает возможность говорить о преобладании печенежского обряда погребения у черных клубков, а это позволяет предполагать, что печенеги являлись одной из основных частей гузского, а затем черноклубецкого союза.

4. Вначале отношения тюркских племен к киевскому князю носили федеративный характер, позднее, в XII в., племена объединились в единый черноклубецкий союз и превратились в вассалов киевского князя.

5. Обязанности, возложенные на черных клубков, заключались, во-первых, в сторожевой, пограничной службе; во-вторых, в участии в войнах с внешним врагом и, в-третьих, в поддержке киевского великого князя в междоусобных распрях.

6. Черные клубки, как и печенеги и торки, были кочевниками, однако они быстрее, чем все остальные кочевники, поддались влиянию Руси — начали оседать и вместе с тем переходить к новому для них типу производственных отношений — феодализму.

7. Вассалы-кочевники группировались не только в Поросье, но и вокруг крупнейших русских городов — Чернигова, Переяславля, Белой Вежи и др.

8. Использование тюрок в качестве подсобной военной силы и опоры центральной власти было характерно для многих соседящих с ними средневековых государств (Византии, Венгрии, Грузии, Хорезма и др.).

4

1. Половцы впервые появились в южнорусских степях в середине XI в. и на протяжении 170 лет (до 1223 г.) оставались их абсолютными хозяевами.

2. Большое количество письменных и археологических памятников, дошедших до нас о половцах, говорит о том, что народ этот отличался многочисленностью и силой.

3. Как и печенеги, половцы делились на два объединения — Западное (Приднепровское) и Восточное (Донецкое).

4. За полтора столетия пребывания половцев в южнорусских степях в их хозяйстве и обществе произошли значительные изменения. Примерно до второй четверти XII в. для них были типичны такие же хозяйство и общественный строй, какие прослежены у печенегов. Со второй четверти XII в. у половцев появляются земледелие,

некоторые ремесла, развивается внешняя торговля. В середине XII в. в половецкое общество проникли феодальные порядки, а в 70-х годах началось интенсивное укрепление центральной власти, что объясняется общей исторической обстановкой и деятельностью крупнейшего половецкого политического деятеля — хана-объединителя Кончака.

5. В отличие от внутренней, внешняя история половцев дробится на более мелкие периоды. Пять этапов внешней истории половцев обусловлены не столько внутренними процессами, сколько ходом их борьбы с основным противником — Русью. Сила отпора, даваемого русскими, определяла характер каждого периода.

5

1. На протяжении всей истории кочевники (печенеги, торки и половцы) смешивались с туземным, алано-хазарским населением.

2. Результатом этого слияния явилось появление в бассейне р. Донца населения, выделяющегося из кочевнической массы особым погребальным обрядом, в котором соединены черты салтовского и кочевнического обрядов.

3. Вероятно, это население преимущественно обитало в донецких городках, захваченных и разоренных печенегами еще в IX в. и постепенно возрожденных впоследствии.

6

Исключительно важным фактором для внутренней и внешней жизни кочевников

являлось соседство их с Русью. Влияние Руси оказывается в самых различных областях хозяйства и общественных отношений кочевников.

1. Под непосредственным воздействием соседнего большого земледельческого народа у кочевников начало развиваться земледелие. В XII в. у половцев и особенно у черных клобуков к нему переходили уже значительные группы обедневшего населения.

2. Анализ вещевого материала показывает широкое проникновение русских изделий в кочевую степь и к черным клобукам (шлемы, кольчуги, керамика, стремена с выделенной петлей, черненые вещи, бусы, серьги с дутой бусиной и т. п.). Вещи попадали в степь двумя путями: во-первых, в результате грабежей и, во-вторых, вследствие торговых сношений, особенно активизировавшихся во второй период внутренней половецкой истории (XII в.).

3. Зарождение феодализма, обострение междоусобиц внутри кочевнического общества зависели в значительной степени от соседства с Русью и политики последней в отношении кочевников.

4. Наконец, этапы внешней истории кочевников зависели, как указывалось, от тех взаимоотношений, которые существовали в данный отрезок времени между степью и Киевской Русью.

Таким образом, Русь не только давала военный отпор кочевникам, но как представитель более высокой культуры и общественного уклада воздействовала на кочевых соседей, постепенно подчиняя их своему влиянию и изменяя общее направление их политики.

И. И. Ляпушкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ ЦИМЛЯНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

(По материалам Разведочного отряда Волго-Донской
археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1950—1951 гг.)

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

В истории нашей страны, особенно в ранний ее период, область бассейна р. Дона (древнего Танаиса) играла довольно значительную роль. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Несмотря на это, систематического археологического изучения края не велось. Проводимые здесь работы носили случайный и далеко не равномерный, по отношению к отдельным районам края, характер. И в дореволюционное время, и в послеоктябрьский период наибольшее внимание было сосредоточено на двух участках — на территории бассейна верхнего течения Дона до впадения р. Тихой Сосны и на участке нижнего течения Дона от ст. Цимлянской до устья реки. Район от впадения Тихой Сосны до ст. Цимлянской изучался лишь от случая к случаю. Наибольшее внимание ему было уделено в конце 20-х — начале 30-х годов нашего века в связи с проектированием канала Волга — Дон. Но и эти работы носили преимущественно разведочный характер, охватив в основном зону затопления — от ст. Мигулинской до ст. Цимлянской.¹

¹ М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. (Поселение пред斯基фской эпохи близ хут. Ляпичева на Дону). Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1—2, стр. 51—55; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 169—201.

К моменту начала работ Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (1949 г.) на территории зоны затопления Цимлянского водохранилища было известно всего лишь около десятка древних памятников (поселений и могильников). Территориально они концентрировались в двух точках — в районе ст. Цимлянской Ростовской области (памятники эпохи бронзы и средневековья) и около хут. Ляпичева в Калачевском районе Сталинградской области (памятники эпохи бронзы и раннего железа).

Значительные материальные средства, предоставленные в распоряжение Волго-Донской археологической экспедиции, давали возможность произвести детальное изучение зоны затопления. С этой целью в составе экспедиции был организован специальный Разведочный отряд. Перед отрядом была поставлена задача произвести сплошное обследование зоны затопления с целью выяснения археологического облика района. Вместе с тем на отряд было возложено производство археологических раскопок разведочного порядка на наиболее важных обнаруженных памятниках. Состав отряда был непостоянен. Помимо начальника, в него входило до четырех научно-технических сотрудников и до десяти рабочих, прикомандированных из состава экспеди-

ции в зависимости от характера работы, выполняемой отрядом в тот или иной отрезок времени. Отряд имел в своем распоряжении автомашину.

Работа отряда продолжалась два летних сезона (1950—1951 гг.), в общей сложности около 7 месяцев. За этот период были обследованы оба берега р. Дона и берега его притоков в границах зоны затопления (правый берег от хут. Малого Набатовского Калачевского района Ставропольской области до ст. Цимлянской Ростовской области; левый берег от пос. Калача Ставропольской области до пос. Ново-Соленовского Романовского района Ростовской области) и произведены разведочные раскопки на средневековых поселениях у хут. Карнаухова (левый берег р. Котлубанки) Цимлянского района Ростовской области, у ст. Суворовской (правый берег р. Дона) и у хут. Ближняя Мельница (правый берег р. Чир) Калачевского района Ставропольской области (рис. 1).

В очерченных границах было обследовано около 60 памятников, преимущественно поселений. По своему характеру памятники обоих берегов одинаковы. Хронологически они охватывают время от перехода камня к металлу до средневековья (XIII—XIV вв.). Однако это далеко не означает, что состав данных памятников отражает непрерывный исторический процесс всего этого периода. Памятники времени перехода от камня к металлу единичны. Не обнаружено ни одного поселения скифо-сарматского времени, а также и последующей поры вплоть до VII в. н. э. включительно. Однако нет никакого сомнения в том, что и в этот период край был заселен; это довольно ясно прослеживается по могильным памятникам. Отчетливо выступают памятники лишь следующих хронологических групп: 1) поселения

поздней бронзы (сребного времени, типа поселения у хут. Ляпичева); 2) средневековые поселения.

Из числа обследованных памятников совершенно неясен памятник у хут. Лисенского (№ 58), лепная керамика которого не находит аналогий среди известных нам материалов.

1. ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Поселения эпохи бронзы концентрируются вокруг водных бассейнов — по берегам пойменных рек (притоков Дона) и озер, а также по краю надпойменной террасы Дона. Произведенный внешний осмотр этих поселений, собранный подъемный материал, а также зачистка естественных обнажений в местах, где это было возможно произвести, позволяют охарактеризовать данные памятники следующим образом. Все поселения являются открытыми, следов искусственных укреплений нигде не замечено. Размер поселений в большинстве случаев проследить не представляется возможным вследствие сплошной задернованности обследованной территории или занятости обследуемых участков современными постройками. Только в местах, где имеются естественные обнажения, удается выявить протяженность линии выходов культурных остатков. Судя по этим данным, некоторые поселения имели протяженность до 0,5 км и более, например поселение на северо-восточном берегу оз. Ильмень (№ 8), поселение у хут. Быстрянского (№ 31), у хут. Рубеженского (№ 37) и др. Как далеко распространялись они в глубь берега, сказать трудно. Далее 40—50 м от края берега выходов культурных остатков наблюдать не приходилось. Мощность культурных напластований прослежена лишь на нескольких поселениях — у хуторов

Объяснение к рис. 1.

a — поселения эпохи бронзы; *b* — поселения салтово-маяцкой культуры; *c* — позднесредневековые поселения; *d* — славяно-русские поселения; *e* — курганы; *f* — памятники, известные до обследования 1950—1951 гг. 1 — хут. Ляпичев; 2 — хут. Ляпичев; 3 — хут. Ляпичев (левый берег); 4 — хут. Красный Дон; 5 — хут. Ермохин; 6 — хут. Ильменский (Чирский); 7 — хут. Рубенский; 8 — хут. Рубенский; 9 — хут. Ильменский (Суворовский, северо-восточная окраина хутора); 10 — хут. Ильменский (Суворовский, юго-западный берег озера); 11 — хут. Ильменский (Суворовский); 12 — хут. Ильменский (Суворовский, к западу от озера); 13 — хут. Нижне-Кибиревский; 14 — хут. Молоканский; 15 — хут. Чаусов; 16 — хут. Подрыбничный; 17 — хут. Алдабурский; 18 — хут. Жуков (оз. Линево); 19 — хут. Жуков; 20 — хут. Хороший (между хуторами Средним и Хорошим); 21 — хут. Хороший (берег р. Кумзачика); 22 — хут. Средний (на берегу р. Цимлы); 23 — хут. Средний (на берегу р. Цимлы); 24 — хут. Попов; 25 — ст. Нижне-Чирская (берег р. Чир); 26 — между хут. Ближняя Мельница и хут. Лисенским; 27 — хут. Головский; 28 — хут. Рудаковский; 29 — хут. Мансимов; 30 — хут. Липовский; 31 — хут. Быстрянский; 32 — хут. Генералов; 33 — хут. Красный; 34 — ст. Есауловская; 35 — между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным; 36 — ст. Голубинская; 37 — хут. Красный; 38 — хут. Рубенский; 39 — хут. Малая Лучка; 40 — хут. Самодуровский; 41 — хут. Рычков; 42 — хут. Ильменский (Суворовский); 43 — хут. Хороший (между хуторами Средним и Хорошим); 44 — хут. Средний; 45 — хут. Карнаухов; 46 — хут. Крутой; 47 — хут. Ближний Подгорский; 48 — хут. Островский; 49 — хут. Нижне-Калиновский; 50 — ст. Нижне-Чирская (берег р. Чир); 51 — ст. Суворовская; 52 — хут. Ближняя Мельница; 53 — устье р. Донской Парицы; 54 — ст. Терновская; 55 — хут. Ермохин; 56 — хут. Хороший (правый берег р. Котлубанки); 57 — хут. Малый Набатовский; 58 — хут. Лисенский; 59 — хут. Попов (Левобережное Цимлянское городище); 60 — ст. Цимлянская (Правобережное Цимлянское городище); 61 — хут. Потайновский.

Рис. 1. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища.

Головского (№ 27), Липовского (№ 30), Быстрянского (№ 31) и некоторых других. Ни на одном поселении толща культурного слоя не достигает более 0,75—0,80 м. В большинстве случаев культурные отложения представляют темный гумусированный слой. На некоторых поселениях древний культурный слой сверху оказывается перекрытым

Состав культурных остатков большей части поселений одинаков: керамика, немногочисленные изделия из кремня, а также кремневые отщепы, кости животных и единичные поделки из глины и камня. Количество их на отдельных поселениях неодинаково, что отражает, однако, не насыщенность памятника культурными остатками,

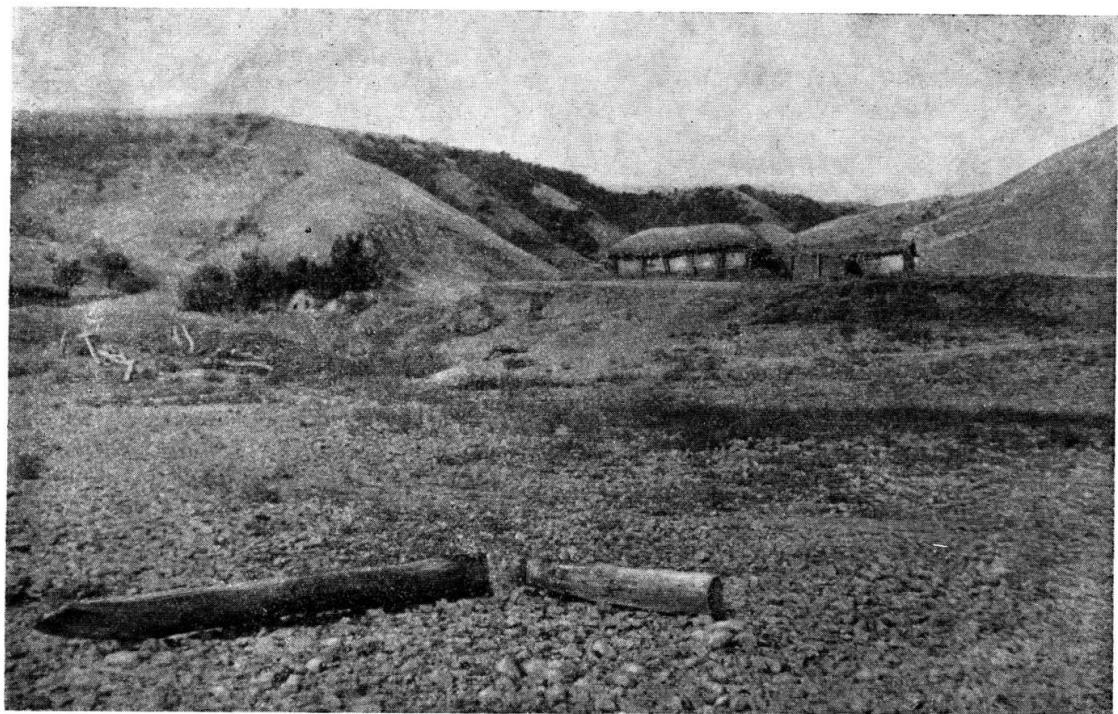

Рис. 2. Правый берег р. Дона (хут. Рубеженский). Место поселения эпохи бронзы и позднего средневековья.

или илистыми отложениями или культурными отложениями более поздних периодов, вплоть до наших дней. Явления подобного порядка чаще всего наблюдаются на поселениях, расположенных по краю надпойменной террасы (хуторы Рубеженский, Нижне-Кибереевский, Малаканский, Подрыночный, Липовский, Быстрянский) (рис. 2).

Культурные отложения поселений, расположенных в пойме (по берегам рек и озер), во многих случаях в какой-то своей части выступают непосредственно на дневной поверхности вследствие размыва дернового покрова весенними водами (северо-восточный берег оз. Ильмень, оз. Линево и др.).

а лишь степень его обнажения. На таких поселениях, как на берегу оз. Ильмень (№ 8), у хут. Быстрянского, у хут. Рубежного и некоторых других, где весенние воды сильно разрушают берега и культурные отложения выходят на поверхность, культурные остатки представлены значительным количеством обломков глиняной посуды и костей животных. Много их и в местах, где хозяйственное сооружения наших дней (погреба, подвалы и т. п.) прорезали древний культурный слой на большую глубину (например, поселение у хут. Самодуровского, № 40). В большинстве же случаев культурный слой обнаружен лишь слегка, вследствие чего культур-

ные остатки выступают на поверхность довольно слабо. Все же материалы эти в достаточной мере выразительны и дают ясное представление о характере памятников. Лучше всего облик поселений определяют керамические остатки. Подавляющая масса поселений эпохи бронзы содержит керамику срубного типа, хорошо известную в этом районе по материалам поселения у хут. Ляпичева Калачевского района Стalingрад-

ской области.¹ В бассейне Дона поселения с керамикой этого типа имеют широкое распространение, начиная от Воронежа (поселение Монастырщина)² и кончая нижним течением реки.³ Очень близки к ним поселения нижнего течения р. Волги (бывш. Хвалынский уезд).⁴

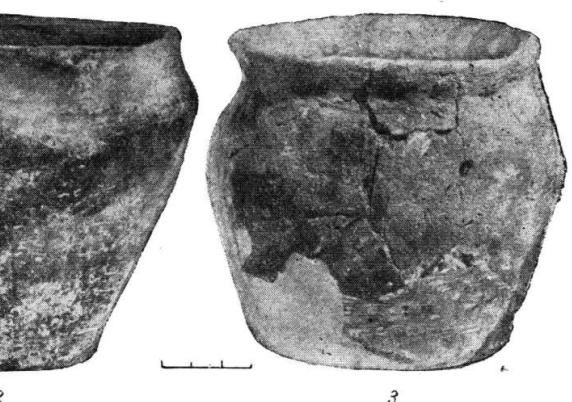

Рис. 3. Керамика эпохи бронзы (срубного времени).

1, 2 — поселение между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным (№ 35); 3 — поселение близ ст. Нижне-Чирской (№ 25).

ской области.¹ В бассейне Дона поселения с керамикой этого типа имеют широкое распространение, начиная от Воронежа (поселение Монастырщина)² и кончая нижним течением реки.³ Очень близки к ним поселения нижнего течения р. Волги (бывш. Хвалынский уезд).⁴

Обломки глиняной посуды составляют основную массу культурных остатков. Все они принадлежат сосудам, сделанным без применения гончарного круга. Тесто их грубое, с примесью дресвы и шамота (?), тем не менее поверхность стенок довольно гладкая. Цвет сосудов разнообразен — от

загнутым внутрь. У большинства сосудов диаметр дна, по-видимому, значительно меньше диаметра горловины (рис. 3).

Значительный процент сосудов орнаментирован. Сосуды баночной формы с загнутым внутрь краем и такие же мискообразные сосуды орнаментированы по верхней части. Орнамент их простой, это вдавления самых различных форм и самых различных сочетаний, нанесенные палочкой или каким-то другим подобным орудием (рис. 4, 1 a —1 g). Острореберные сосуды орнаментировались не только в верхней части, но и в нижней. Наряду с вдавлениями различных форм на них часто можно встретить геометрические фигуры, нанесенные путем прорезывания или оттиска веревочки (рис. 4, 2 a , 2 b). Довольно интересна орнаментация сосудов с венчиком, отогнутым наружу. С этой группой сосудов связан орнамент в виде отпечатков палочки, обмотанной тонкой веревочкой. Для нанесения этого вида орнамента по плечику сосуда выплывался невысокий валик шириной около 1.5 см, по которому и наносились

¹ Фотоархив ИИМК, колл. № II11461—11464.

² Фотоархив ИИМК, колл. № II40842—40869, № 125467—25472.

³ А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 111—117, рис. 20 и 21.

⁴ Фотоархив ИИМК, колл. № II44126—44135. См. также: В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии. Тр. Саратовск. учен. архивн. комиссии, вып. 33, Саратов, 1916, стр. 39—84.

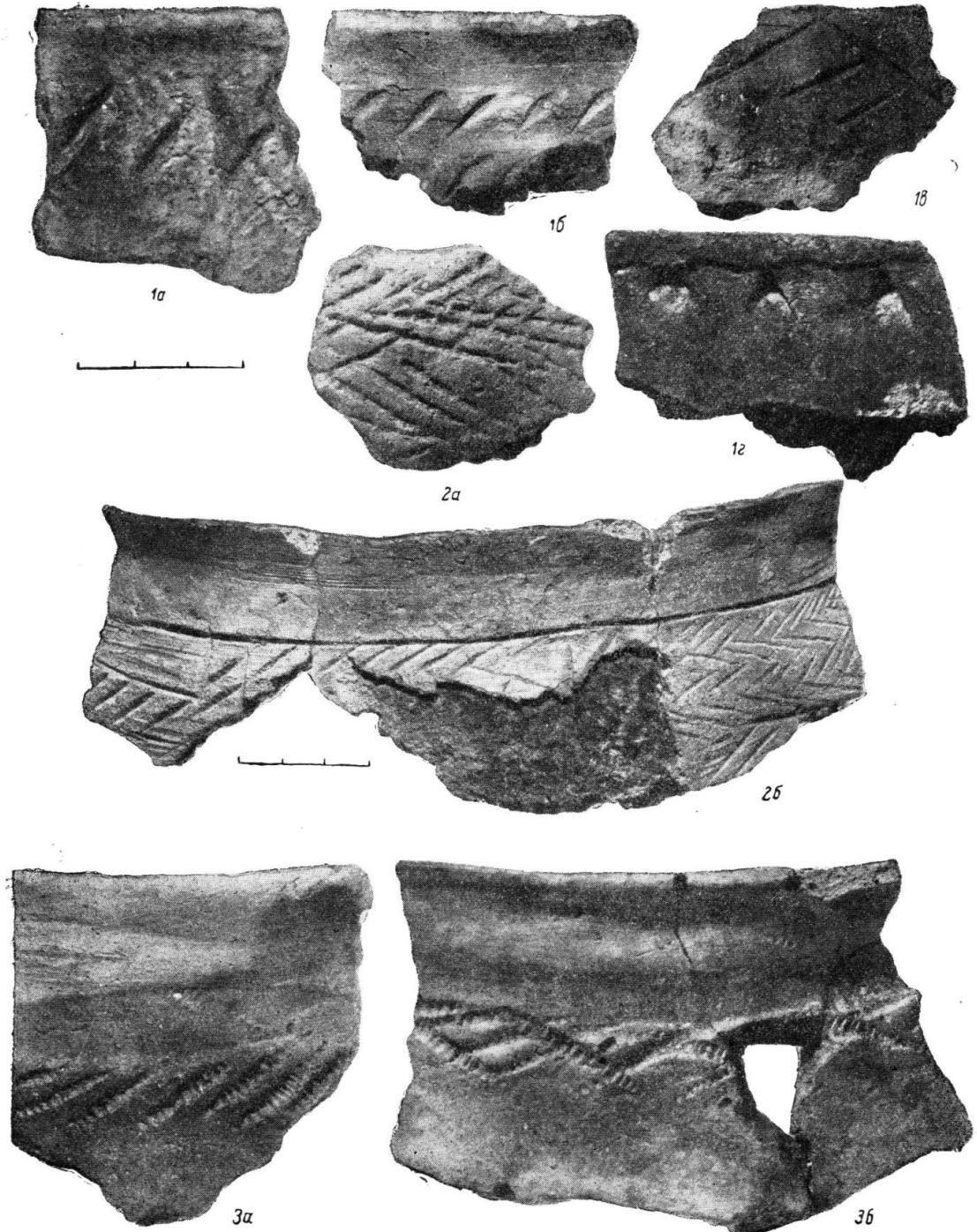

Рис. 4. Орнаментация керамики эпохи бронзы (срубного времени).

1а—1в — сосуды, орнаментированные вдавлениями и насечками по краю венчика; 2а, 2в — сосуды, орнаментированные прочерченными линиями или отисками веревочки; 3а, 3в — сосуды, орнаментированные отпечатками палочки, обмотанной веревочкой.

отпечатки (рис. 4, 3а, 3б). Обломки сосудов этого типа встречены на ряде поселений. Целый такой сосуд найден М. П. Грязновым при раскопках поселения у хут. Ляпичева в 1951 г.

Среди керамических материалов на отдельных поселениях встречены обломки со-

чения принадлежащим домашним животным (бык, лошадь, овца). Какая группа животных была наиболее распространенной в хозяйстве населения изучаемой поры, сказать на основе имеющихся данных невозможно.

Таков в кратких чертах внешний облик остатков основной массы поселений эпохи

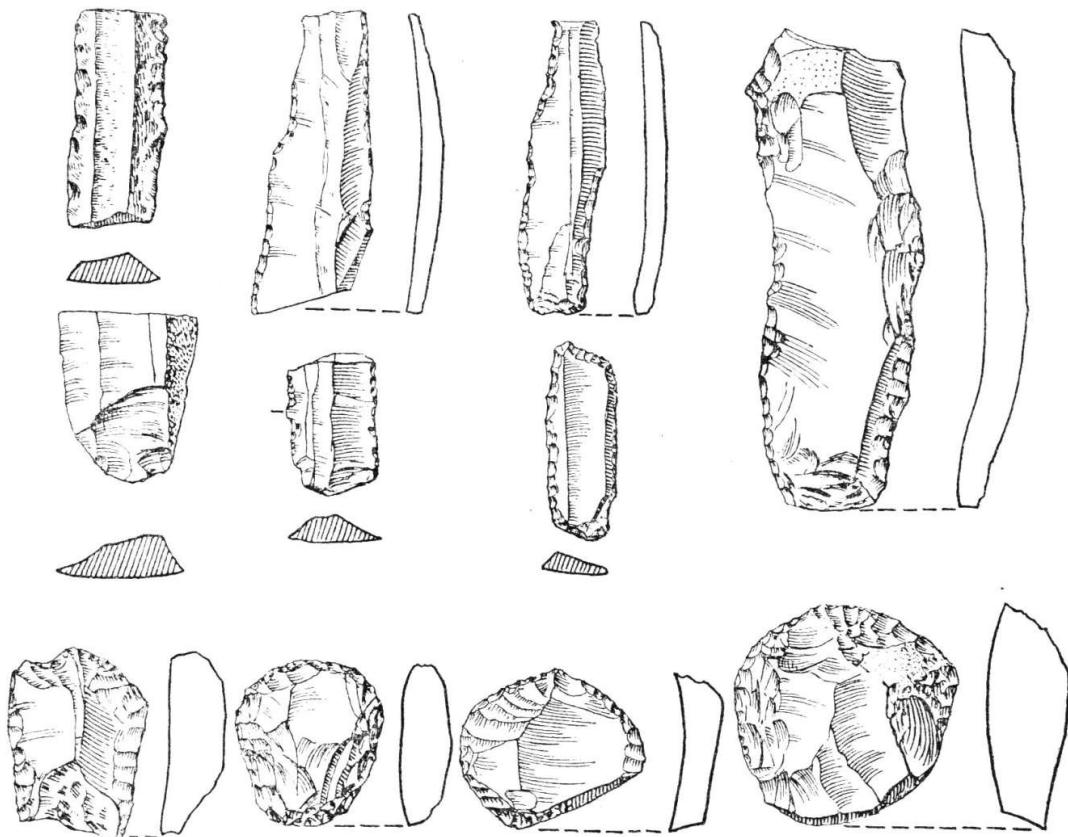

Рис. 5. Изделия из кремня поселений эпохи бронзы (срубного времени).

судов других форм, восстановить которые пока невозможно. Не исключено, что здесь мы имеем дело с керамикой, относящейся к другому времени.

На многих поселениях этой группы найдены изделия из кремня. Наиболее распространенными из них являются скребки округлой формы (рис. 5). Из единичных вещей следует отметить молот из песчаника (поселение на северо-восточном берегу оз. Ильмень) и обломок шлифованного молота (рис. 6).

Немногочисленные кости животных, собранные на ряде поселений, все без исключе-

бронзы. Их содержание наиболее полно раскрыто в материалах Ляпичевского поселения, исследованного путем раскопок в 1923 г. (М. И. Артамонов)¹ и в 1951 г. (М. П. Грязнов).²

Особо следует остановиться на трех поселениях: 1) у хут. Жукова (№ 18, берег оз. Линево-Веребское); 2) у хут. Красного (№ 33, берег оз. Топольное); 3) у хут. Ля-

¹ М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК, стр. 51—55.

² М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. I, М., 1953, стр. 137—148.

ничева (№ 3, между хутором и поселком совхоза, на левом берегу р. Донской Царицы).

В поселении у хут. Жукова в составе культурного слоя наряду с керамическими остатками срубного типа было найдено небольшое число обломков тонкостенных сосудов, изготовленных из глины с примесью

отщепов (рис. 8, 9). В каком стратиграфическом соотношении между собой находятся перечисленные культурные остатки, проследить нет возможности, так как культурный слой сильно перемыт.

Едва ли, однако, будет ошибкой, если немногочисленные остатки тонкостенной керамики, кремневые отщепы и изделия из

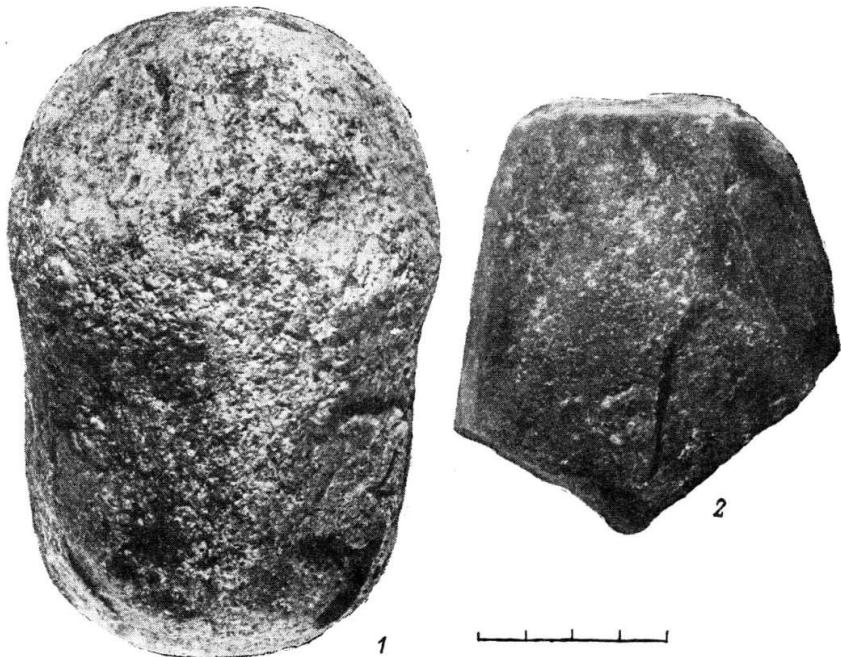

Рис. 6. Изделия из камня поселений эпохи бронзы (срубного времени).

1 — молот, поселение близ хут. Рубеженного, на берегу оз. Ильмень (№ 7); 2 — обломок молота, поселение близ хут. Хорошего (№ 20).

мелкозернистого песка и толченых ракушек. Поверхность их сплошь покрыта орнаментом, состоящим из оттисков гребенчатого штампа и ямочек в различных сочетаниях (рис. 7). Аналогичная керамика известна среди материалов, собранных В. А. Городцовым в бывш. Изюмском уезде и относимых им к эпохе неолита.¹ Но поселение у хут. Жукова выделяется среди других не только наличием особой группы керамики, но и значительным содержанием изделий из кремня и кремневых отщепов, в совершенно не свойственных поселениям срубного типа количествах. Здесь найдено около полсотни кремневых орудий и не одна сотня

кремня мы выделим из остального материала в самостоятельный комплекс, хронологически более ранний, чем существовавшее на этом месте поселение срубной культуры. Не исключено, что мы имеем в этом комплексе остатки стоянки эпохи позднего неолита. По составу культурных остатков близким к поселению у хут. Жукова (№ 18) является поселение у хут. Красного (№ 33, берег оз. Топольного), расположенное в аналогичных условиях. Здесь наряду с типичной срубной керамикой найдено несколько обломков тонкостенных сосудов, напоминающих керамику раннего слоя поселения у хут. Жукова, а также кремневые орудия и отщепы. По-видимому, поселение у хут. Красного представляет собой, как и поселение у хут. Жукова, памятник двух эпох. Правда, ранний период здесь выражен менее отчетливо.

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, табл. XVII, 1, 4.

На территории поселения между хут. Ляпичевым и поселком совхоза (№ 3, левый берег р. Донской Царицы), кроме керамики срубного типа, найдены резко отличные обломки, принадлежащие сосудам

была. Аналогии ей можно указать в материалах катакомбных могил бывш. Изюмского уезда, исследованных В. А. Городцовым.¹ Очевидно, к памятникам катакомбной группы эпохи бронзы и следует отнести

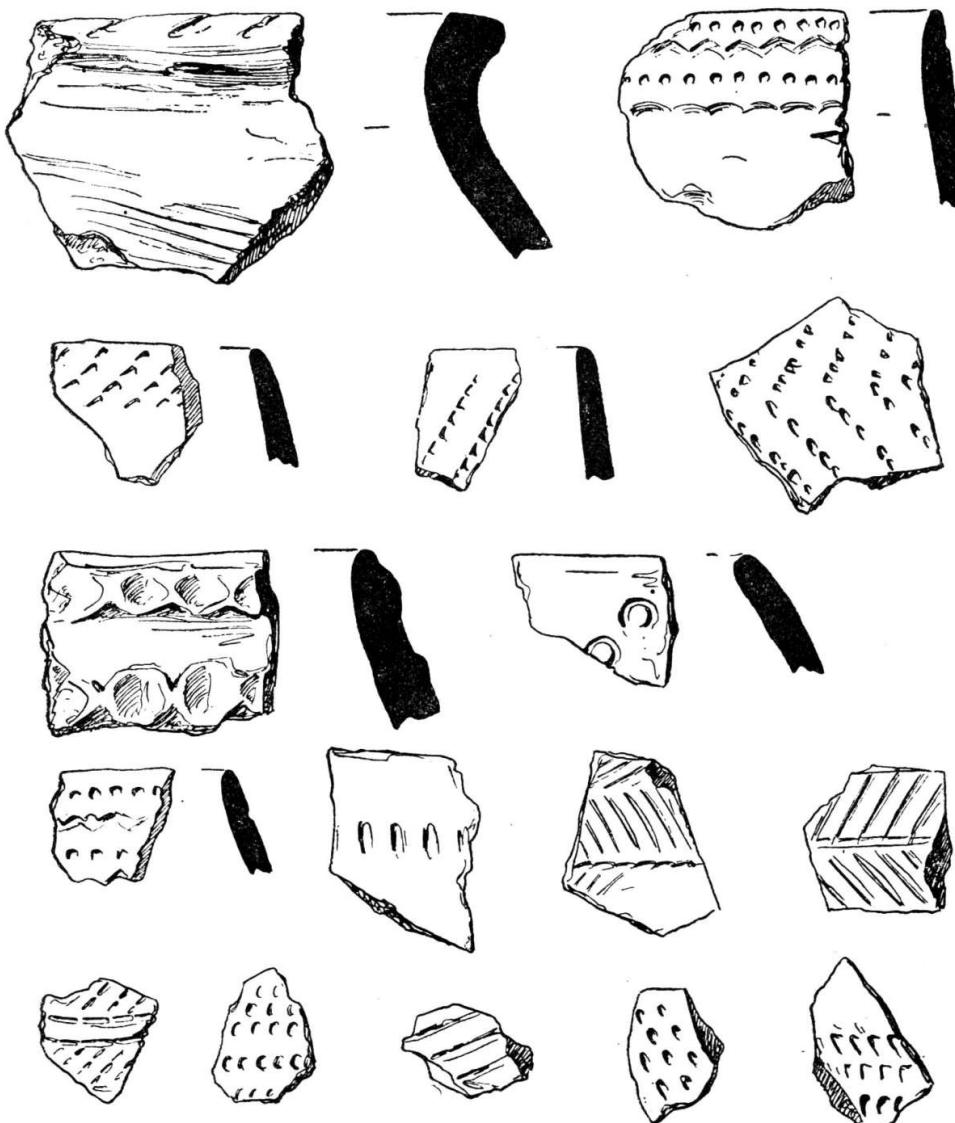

Рис. 7. Керамика поселения у хут. Жукова (берег оз. Линево) времени позднего неолита (?).

с высоким вертикальным венчиком и почти сплошь орнаментированным. Орнаментация нанесена веревочкой или зубчатым штампом. Цвет сосудов красно-бурый или оранжевый (рис. 10). Ни на одном из обследованных в зоне затопления поселений эпохи бронзы керамика этого типа найдена не

рассматриваемые керамические остатки поселения, расположенного между хут. Ляпичевым и поселком совхоза (№ 3, левый берег р. Донской Царицы), найдены резко отличные обломки, принадлежащие сосудам

¹ В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Тр. XII АС, I, М., 1905, табл. VIII и IX.

Рис. 8. Изделия из кремня поселения у хут. Жукова (берег оз. Линево) времени позднего неолита (?).

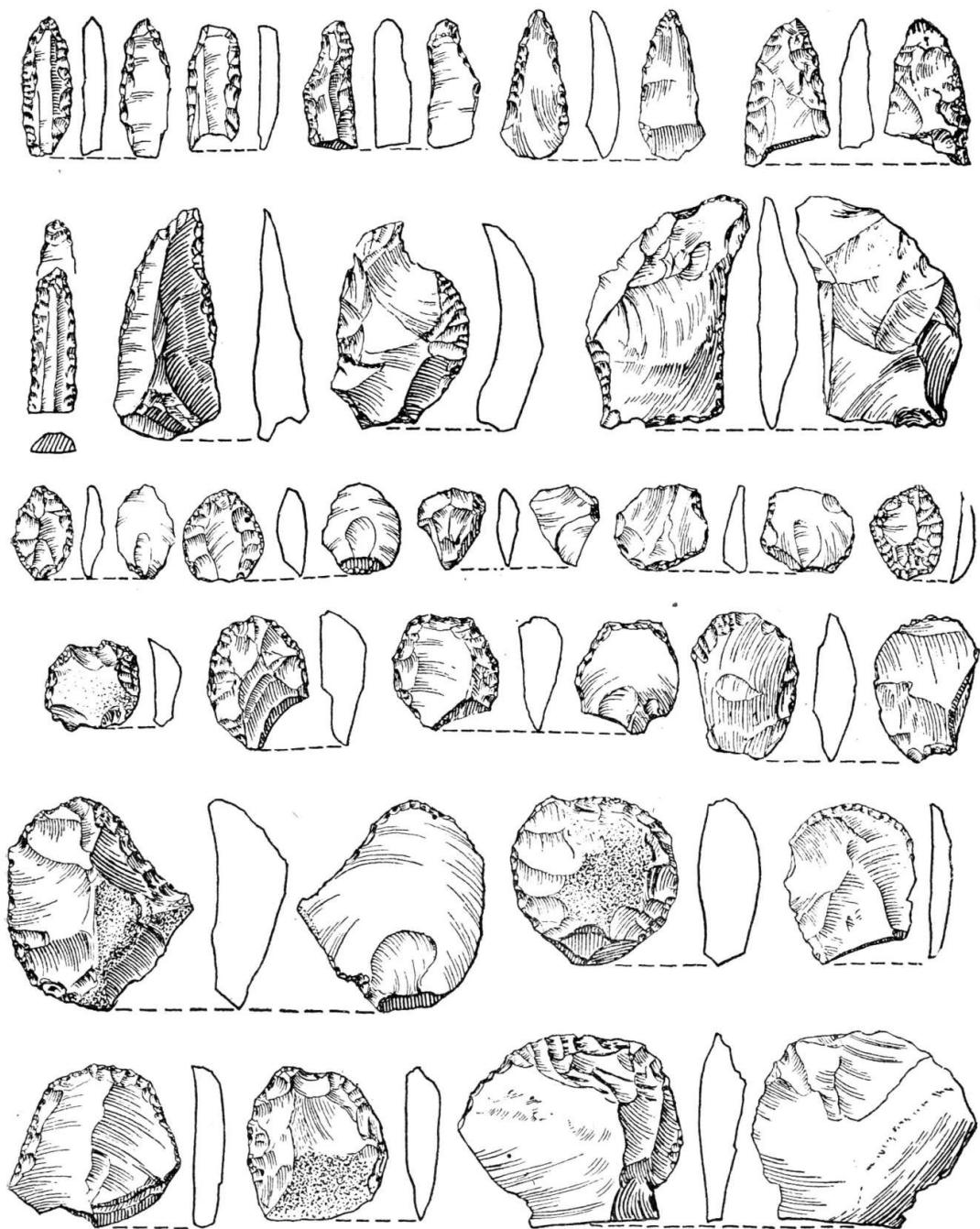

Рис. 9. Изделия из кремня поселения у хут. Жукова (берег оз. Линево) времени позднего неолита (?).

чевым и поселком совхоза на левом берегу Донской Царицы.

Совершенно такие же обломки глиняной посуды были обнаружены А. Н. Рогачевым в 1952 г. на склоне коренного правого берега р. Дона у дер. Александровки, недалеко от палеолитической стоянки Костенки VI.¹

них памятников зоны затопления. Расположены они, как и поселения эпохи бронзы, близ водных бассейнов, а иногда даже на тех же местах. Наибольшее количество их сосредоточено в бассейне правого берега р. Дона. В хронологическом и в историко-культурном отношении памятники среднебронзового века представляют единство.

Рис. 10. Керамика поселения у хут. Ляпичева (между хутором и поселком совхоза).

Характеристика культурных отложений в поселениях эпохи бронзы была бы неполна, если бы мы не отметили, что во многих из поселений были найдены единичные обломки сосудов средневековой поры, преимущественно салтово-маяцких.

2. ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОРЫ

Поселения средневековой поры являются второй отчетливо выраженной группой древ-

невековья не представляют единого целого. Они членятся на три группы: 1) поселения салтово-маяцкой культуры (VIII—X вв.); 2) раннеславянские поселения (VIII—X вв.); 3) средневековые поселения II тысячелетия (XIII—XIV вв.). Датировка памятников дается в тех широких границах, какие приняты для этих групп памятников в нашей археологической литературе. Никаких данных, заставляющих пересмотреть установленные даты, в собранных материалах не содержится.

¹ А. Н. Рогачев. Отчет о работе Палеолитической экспедиции ИИМК АН СССР за 1952 г. Архив ИИМК.

Поселения салтово-маяцкой культуры

Из средневековых памятников поселения салтово-маяцкой культуры являются наиболее многочисленной группой. За время работ Разведочным отрядом было обследовано 10 памятников, из числа которых два (поселения у хут. Карнаухова и хут. Среднего) неоднократно обследовались в прош-

туры в бассейне нижнего и среднего течения р. Дона. Поселения, как правило, расположены на надпойменных террасах, редко поднимаясь на склоны высоких коренных берегов (поселение у ст. Суворовской; рис. 11). Судя по распространению культурных остатков, размеры поселений достигали значительной величины — 0.5×1.5 км (поселение у хут. Карнаухова). Мощность куль-

Рис. 11. Площадка поселения салтово-маяцкой культуры у ст. Суворовской.

лом, остальные 8 ранее совершенно не были известны. Все поселения салтово-маяцкого типа, кроме двух ранее известных (у хут. Карнаухова и хут. Среднего), являются неукрепленными. Поселения у хут. Карнаухова и хут. Среднего оказались памятниками сложными, состоящими из укрепленных частей (городищ) и прилегающих к ним неукрепленных поселков (селищ).

Поселения обнаружены как по берегу р. Дона, так и по берегам его притоков и пойменных озер. В частности, ряд поселений этой культуры обнаружен по берегу р. Чир (правый приток р. Дона). Это обстоятельство весьма важно, ибо оно существенно изменяет наши представления о территории распространения памятников данной куль-

турных отложений колеблется в пределах 0.30—0.60 м. Следует отметить, что на ряде поселений культурные отложения залегают в виде сорных куч (зольников), представляющих собой всхолмления высотой до 1 м, диаметром до 25—30 м и более, состоящие из золы с включением бытовых отбросов — обломков глиняной посуды, разбитых жерновов, поломанных вещей из кости, металла, а также костей животных (поселения у хуторов Карнаухова, Среднего, Крутого, Ближне-Подгорского).

Материалы, собранные при обследовании поселений, состоят в основном из керамических остатков. Вся посуда, за исключением, по-видимому, какой-то ничтожной части, изготавливаясь на гончарном круге.

По формам, составу глины и технике обработки поверхности сосуды неодинаковы. Наиболее разнообразна группа сосудов для хранения продуктов. В их составе значительное место принадлежит кувшинообраз-

ной части поселения у хут. Карнаухова было найдено значительное число обломков ручных жерновов.

Помимо внешнего осмотра, на двух поселениях — у хут. Карнаухова и ст. Суворов-

Рис. 12. Керамика поселений салтово-маяцкой культуры.

ным сосудам. Интересна группа кухонной посуды; в ней наряду с горшками, обычными и для других культур той поры, имеются оригинальные формы в виде сосудов с внутренними ушками типа полевых котлов (рис. 12). Любопытно отметить, что на ряде поселений отдельные типы сосудов как будто отсутствуют (например, в поселениях у станции Суворовской и Нижне-Чирской не встречено круглодонных амфор). На некоторых поселениях были найдены единичные вещи из камня и металла. Так, в неукреплен-

ской — были произведены небольшие разведочные раскопки, давшие дополнительный материал для суждения о характере салтово-маяцкой культуры. На обоих поселениях были открыты остатки жилых и хозяйственных построек, а на поселении у ст. Суворовской — сооружения производственного назначения: гончарные обжигательные печи. Кроме того, в курганном могильнике близ поселения у хут. Карнаухова в одном из курганов были вскрыты две могилы, одна из которых относится

Рис. 13. Общий вид на раннеславянское поселение у хут. Ближняя Мельница (с юго-востока).

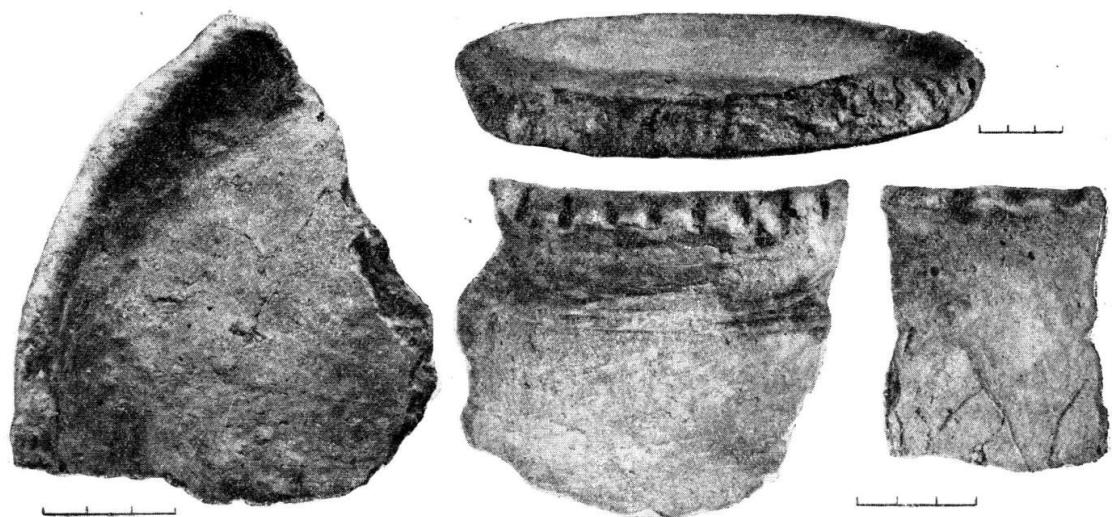

Рис. 14. Керамика раннеславянского поселения.

к позднескифскому времени (IV—III вв. до н. э.), вторая — к сарматскому (III—IV вв. н. э.) (см. стр. 315—322).

Раннеславянские поселения

В 1951 г. в зоне затопления впервые было обнаружено раннеславянское поселение. До этой поры в данном районе был

горшок и сковородки. Сделаны они из глины со значительной примесью крупнозернистого шамота. Поверхность стенок неровная, цвет палевый или буро-красный. Многие сосуды орнаментированы по краю венчиком «щипками» или насечками. Один обломок сковородки орнаментирован зубчатым чеканом (рис. 14). В числе собранного материала есть фрагменты от сосудов с высоким

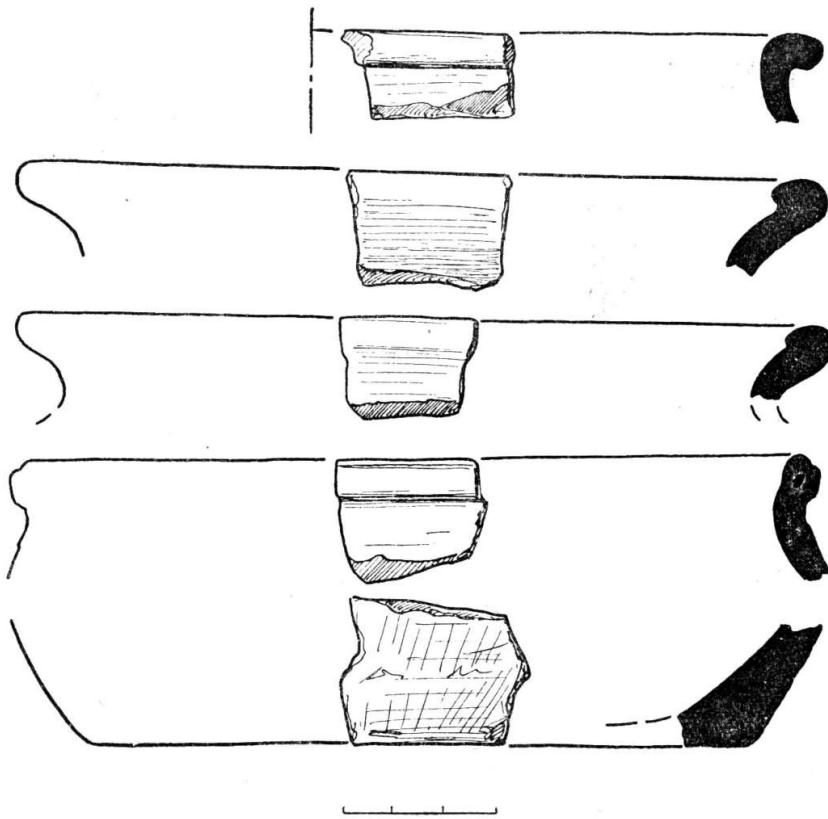

Рис. 15. Русская керамика киевского типа XIII в. Поселение при устье р. Донской Царицы.

известен лишь один памятник раннеславянской культуры — Левобережное Цимлянское городище (Белая Вежа). Открытое поселение находится в долине р. Чир на территории хут. Ближняя Мельница, непосредственно у реки (правый берег; рис. 13). Поселение неукрепленное, с весьма слабо выраженным культурным слоем, но довольно типичными полуземляночными жилищами, с печами-каменками и сопровождающим их керамическим комплексом роменско-боршевского типа. Керамика преимущественно лепная, основные типы — кухонные

вертикальным венчиком. В слое найдены также немногочисленные обломки сосудов салтово-маяцкой культуры — яйцевидных амфор, серых и черных лощенных, — в какой-то мере позволяющие датировать это поселение. На поселении были произведены небольшие раскопочные работы.

Средневековые поселения II тысячелетия

Позднесредневековые памятники зоны затопления немногочисленны и к тому же в историко-культурном отношении не пред-

ставляют единства. Нет достаточных оснований и для их датировки.

Одним из наиболее интересных памятников этой группы является поселение на левом берегу устья р. Донской Царицы, в отложениях которого найдены обломки русской керамики киевского типа XIII в. (рис. 15), а также татарской керамики. Кроме того, на поселении найдена золотоордынская монета Тохтамыша (783—1381/82 г.), чеканенная в Азаке (рис. 16, 1). Керамические остатки обеих групп найдены на поверхности площадки, вследствие чего стратиграфическое соотношение остатков этих двух культур осталось невыясненным.

На ряде поселений обнаружена татарская керамика. Все эти поселения расположены в пойме; они неукрепленные, сравнительно большой протяженности, со слабо выраженным культурным слоем. Основную массу культурных остатков и здесь составляют обломки глиняной посуды. К сожалению, все они настолько измельчены, что нет никакой возможности даже приблизительно восстановить формы сосудов. Большая часть обломков принадлежит красноглиняной посуде, сделанной из хорошей плотной глины, хорошо обожженной. Судя по большому числу найденных ручек, следует предполагать, что в составе красноглиняной посуды было значительное количество кувшинообразных сосудов. Многие обломки покрыты многорядным линейным и волнистым орнаментом или вертикальными лопощеными полосами. Вторую, меньшую группу составляют обломки кухонных, по-видимому, горшкообразных сосудов серого цвета с линейным и волнистым многорядным орнаментом.

Кроме поселений с татарской керамикой, довольно отчетливо выступает еще одна группа средневековых поселений II тысячелетия, правда количественно немногочисленная. Обнаружено всего лишь два поселения этой группы — у хуторов Малого Набатовского и Рубеженского. Это неукрепленные поселения, расположенные на надпойменных террасах р. Дона и его притока — р. Большой Голубой (рис. 17).

По местоположению они напоминают поселения салтово-маяцкой культуры, но по составу культурных остатков эти памятники несколько отличны от последних. Прежде всего следует отметить довольно

своеобразный характер керамики. Вся она красноглиняная, причем очень многие сосуды покрыты красной краской и наложены. Типы сосудов довольно разнообразны: 1) кухонные горшки; 2) миски; 3) горшкообразные сосуды для хранения продуктов; 4) кувшинообразные сосуды, и т. п. Много обломков орнаментированных сосудов. Орнамент линейный, волнистый, гирляндобразный. Все эти виды орнамента часто сочетаются между собой в самых различных комбинациях. Наносился он, по-ви-

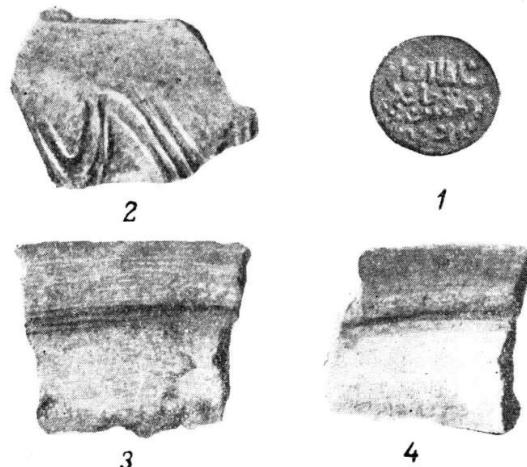

Рис. 16. Поселение при устье р. Донской Царицы.

1 — монета Тохтамыша (чеканенная в 783—1381/82 г.);
2—4 — керамика киевского типа XIII в.

димому, многозубчатым инструментом. Среди собранных остатков есть несколько обломков, орнаментированных отисками такого зубчатого инструмента (рис. 18). В культурном слое много железных шлаков и криц.

Время существования этих поселений определить очень трудно. Подобная керамика известна на Потайновском поселении, где, судя по данным М. И. Артамонова, она залегает выше славянского слоя XI—XII вв.¹ При осмотре Потайновского поселения летом 1951 г. керамика подобного типа нами была там найдена, однако место ее в стратиграфии этого поселения определено не было.

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 89—90.

II. ОПИСАНИЕ ОБСЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ¹

1. ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

1. Хут. Ляпичев, Стalingрадская обл., Калачевский район (правый берег р. Донской Царицы).

В 1—1.5 км к западу от хутора среди поймы на останце первой террасы расположена небольшая группа курганов. Большинство их разрушено траншеями и другими сооружениями военного времени. Курганы, по-видимому, были невысокими, до 1.5—2 м высотой. Из их числа по размерам выделяется курган Дележный, расположенный в северо-западной части останца. Высота его не менее 3 м при диаметре 35—40 м. На склонах останца к пойме в южной, западной и северной частях его встречаются культурные остатки в виде обломков глиняных лепных сосудов баночных и горшкообразных форм. Поверхность некоторых обломков покрыта штриховкой. Материалы маловыразительны. Центральная часть останца возделывается под бахчи, склоны этой части не обрабатываются.

2. Хут. Ляпичев, Стalingрадская обл., Калачевский район (правый берег р. Донской Царицы).

Поселение находится в 1—1.5 км к юго-западу от хутора и в 0.5—0.7 км к юго-востоку от описанного выше останца, в пойме на берегу р. Донской Царицы. Над уровнем воды берег возвышается на 4—5 м. Склон берега довольно крутой. Большая часть склона, как и вся площадь поймы, задернована. В местах размыва прослеживаются культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и единичных поделок из кремня. Керамические остатки такие же, как и на останце (№ 1), но более выразительные. Они принадлежат плоскодонным сосудам баночной формы, а также острореберным горшкам. Многие фрагменты орнаментированы. Имеются обломки, покрытые штриховкой. На пойме видны неглубокие западины, остатки заплывших полуземляночных жилищ.

В 1932 г. поселение было исследовано экспедицией ГАИМК под руководством М. И. Артамонова.² Следы раскопок в виде

удлиненной, четырехугольной в плане ямы размером около 20×10 м заметны еще и сейчас. В 1951 г. поселение исследовалось под руководством М. П. Грязнова.

3. Хут. Ляпичев, Стalingрадская обл., Калачевский район (левый берег р. Донской Царицы).

На склоне обнаженного левого берега р. Донской Царицы между хутором и поселком совхоза (ближе к последнему) обнаружены выходы культурных остатков в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и единичных поделок из кремня. Большая часть собранных керамических обломков принадлежит сосудам несколько иного характера, чем на поселениях правого берега. Они имеют высокий вертикальный венчик, цвет их преимущественно желтый или красный, поверхность вся покрыта орнаментом, нанесенным веревочкой или зубчатым чеканом. Правда, среди этих материалов есть керамика и аналогичная собранной на поселениях правого берега.

Протяженность территории, на которой прослеживаются культурные остатки, незначительная, около 15 м. Распространение культурного слоя в глубь берега проследить не представлялось возможным вследствие сильной задернованности.

4. Хут. Красный Дон, Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

Следы поселения обнаружены по берегу южной оконечности оз. Подстенного, именуемой местным населением Назмище, на расстоянии около 0.7—0.8 км к северу от поселка. Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и кремневых отщепов прослеживаются как по обнаженному склону берега, так и на поверхности дюнного всхолмления, тянущегося к югу от берега. Собранные керамические остатки принадлежат толстостенным плоскодонным сосудам, по-видимому баночной формы. Поверхность некоторых фрагментов покрыта штриховкой. Остатки немногочисленны и маловыразительны. По общему облику они близки керамике поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2).

5. Хут. Ермохин, Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

К западу от хутора р. Мышкова образует небольшую излучину к северо-востоку; на левом берегу у основания излучины

¹ Нумерация описания памятников соответствует нумерации памятников на приложенной карте (рис. 1).

² М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК, стр. 51—55.

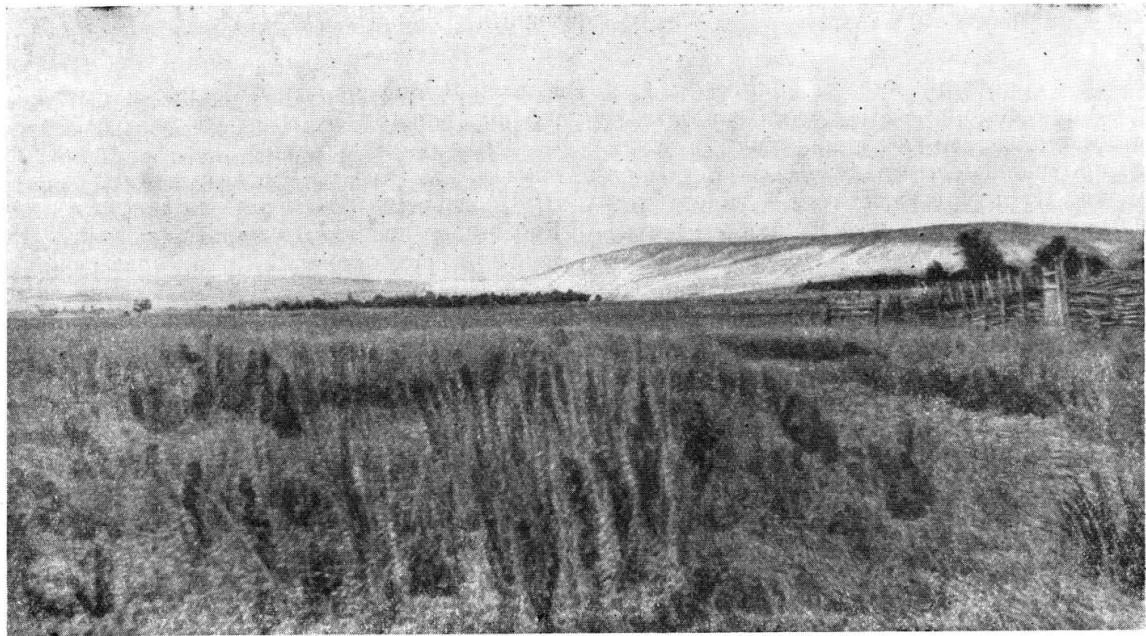

Рис. 17. Позднесредневековое поселение у хут. Малого Набатовского (южная окраина поселения на фоне долины р. Большой Голубой).

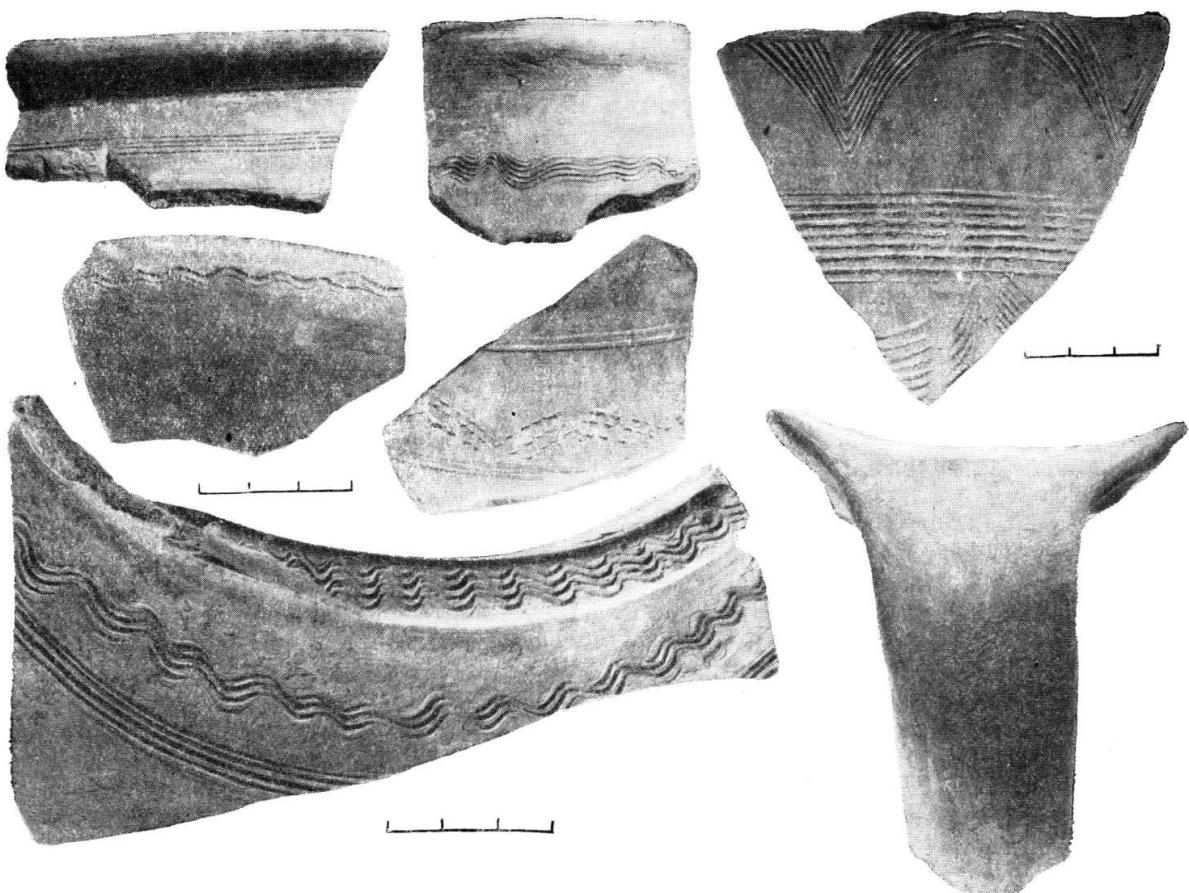

Рис. 18. Керамика позднесредневековых поселений (поселение у хут. Малого Набатовского).

имеется небольшой курган (ближе к юго-восточной стороне). На северо-западной и юго-восточной сторонах излучины, на линии, проходящей через курган, — следы поселения. Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и изделий из кремня прослеживаются по склону берега на северо-запад на протяжении около 30 м, на юго-восток — около 25 м. Керамика такая же, как у хут. Ляпичева (правый берег р. Донской Царицы).

6. Хут. Ильменский (Чирский), Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

В 2—2.5 км к западу от хутора по северо-западному берегу пересохшего оз. Солонецкого заметны следы поселения. Культурные остатки прослеживаются по краю низкого, пологого берега на линии протяженностью около 0.4 км. В ряде мест выходы культурных остатков прерываются. В составе остатков обломки глиняной лепной керамики и кости животных. Керамика преимущественно серая; глина с примесью крупнозернистой дресвы. Судя по обломкам, посуда плоскодонная. Формы неясны, но по общему облику керамика может быть отнесена к группе керамики поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2).

7. Хут. Рубежный, Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение расположено на северном конце оз. Ильмень вдоль восточного берега излучены, в 1—1.5 км к юго-западу от хутора, в пойме р. Дона. Культурные остатки встречаются вдоль берега по линии протяженностью около 0.5 км и до 0.05 км шириной. Дерновый слой на большей части площадки поселения размыт, благодаря чему культурные остатки выступают непосредственно на дневной поверхности. Они размещаются гнездами, отстоящими одно от другого не менее как на 20—25 м. В составе остатков обломки глиняной лепной посуды, кости животных и единичные поделки из камня. Керамика темно-серая и бурая. В тесте имеется примесь дресвы. Сосуды плоскодонные, по форме баночные и острореберные. Многие фрагменты орнаментированы. По общему облику керамика совершенно такая же, как на поселении у хут. Ляпичева. Среди собранных материалов имеется каменный молот из светло-серого песчаника без сверлины. Поверхность его обработана грубо, в средней части по всей окружности проходит выемка, оба конца

тульые. Длина молота 14.5 см, диаметр 8—9.5 см (рис. 6, I).

8. Хут. Рубежный, Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение находится на окраине хут. Рубежного, слева от дороги на хут. Ильменский (Суворовский), на краю надпойменной террасы. Культурные остатки в виде обломков глиняных лепных сосудов, костей животных, а также кремневых отщепов прослеживаются в обрезе террасы и в ее оползнях на линии протяженностью до 0.25 км. Общий облик керамики совершенно такой же, как и керамики поселения у хут. Ляпичева. Некоторые формы сосудов, например острореберные, здесь представлены довольно выразительными фрагментами.

9. Хут. Ильменский (Суворовский), Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

На северо-восточной окраине хутора близ колхозной овцеводческой фермы по краю надпойменной террасы прослеживаются культурные отложения. В их составе обломки глиняных лепных сосудов и кости животных. Остатки немногочисленные и неяркие, однако принадлежность глиняной посуды к группе керамики поселения у хут. Ляпичева не вызывает сомнений. Размер площадки, на которой прослеживаются культурные остатки, не превышает 100×120 м.

10. Хут. Ильменский (Суворовский), Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение находится на юго-западном берегу оз. Ильмень, в 1—1.5 км к северо-западу от хутора. Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных прослеживаются по линии обнаженной кромки берега на протяжении около 0.1 км. Как далеко в глубь берега распространяются культурные остатки, проследить не представляется возможным вследствие сильной задернованности берега. Берег низкий, пойменный, как и вокруг большей части озера. Обломки посуды немногочисленны. Общий облик их такой же, как и керамических остатков смежных поселений (№№ 8 и 9).

11. Хут. Ильменский (Суворовский), Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район.

Совершенно такие же культурные остатки, как и на предыдущем пункте, обнаружены немного западнее оз. Ильмень, по берегу

ерика Ильменского. Протяженность берега, где встречаются остатки, не более 50 м. Керамические остатки немногочисленные и неяркие. Имеются кремневые орудия.

12. Хут. Ильменский (Суворовский), Ставропольский край, Ставропольский район.

Несколько севернее вышеописанного поселения, между ериком Ильменским и Калмыцкой музгой, что западнее оз. Ильмень, были обнаружены следы еще одного поселения. Культурные остатки здесь такие же, как и на поселении вдоль северо-восточного берега оз. Ильмень (№ 7), и выступают гнездами. В составе остатков имеются обломки глиняной посуды, кости животных. По общему облику керамика аналогична керамическим остаткам смежных поселений (№№ 7, 8, 9 и др.). К северо-востоку от поселения на расстоянии около 0.15—0.2 км находится курган.

13. Хут. Нижне-Кибревский, Ставропольский край, Ставропольский район.

Остатки поселения тянутся длинной (около 1 км) полосой, от устья балки Кибрева на север к хут. Ильменскому, по краю надпойменной террасы. Культурные остатки в виде обломков глиняной посуды и костей животных прослеживаются в обрезе террасы и ниже, по склону к пойме. Поверхность террасы задернована, но единичные находки были и здесь. Среди собранных материалов имеются обломки плоскодонных лепных сосудов баночной формы того же типа, что и на поселениях вокруг оз. Ильмень и у хут. Ляпичева. Есть кремневые орудия.

14. Хут. Молоканский, Ставропольский край, Ставропольский район.

Поселение, как и предыдущее (№ 13), расположено по краю надпойменной террасы на территории хутора против Молоканского озера. Культурные остатки прослеживаются как в обрезе террасы, так и в ее оползнях. Единичные находки встречены и на самой террасе на усадьбах колхозников. Как далеко вглубь простираются остатки поселения, сказать не представляется возможным, так как терраса перекрыта мощным слоем отложений современного поселка. По линии север—юг (по краю террасы) культурные остатки прослеживаются на протяжении до 0.4 км. Керамика представлена ярко выраженными обломками сосудов типа найденных на хут. Ляпичеве (№№ 1 и 2).

15. Хут. Часов, Ставропольский край, Ставропольский район.

В 2—2.5 км к западу от хутора на правом берегу р. Есауловского Аксая есть группа курганов. С севера ее огибает старое русло реки. По левому берегу этого старого русла, напротив курганной группы, на линии протяженностью более 0.5 км встречаются культурные остатки в виде обломков глиняных лепных сосудов и костей животных. Остатки немногочисленны и маловыразительны. По общему облику они такие же, как и на поселениях у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2) и вокруг оз. Ильмень (№№ 7, 8 и др.). Старое русло в большей своей части сухое. Только на месте ответвления от современного русла на протяжении 0.2—0.3 км оно заполнено водой. Берег русла крутой, около 3—4 м высоты.

16. Хут. Подрыночный, Ставропольский край, Ставропольский район.

Поселение расположено на восточном берегу оз. Подрыночного в границах существовавшего здесь недавно хутора. Остатки поселения прослеживаются прежде всего в обрезе берега надпойменной террасы, высота которого достигает здесь 2—2.5 м. Выходы культурного слоя обнаружены в ряде мест. Наиболее ярко они выступают вдоль берега по линии север—юг, метрах в 70 от места, где берег круто меняет свое направление на восток—запад. Здесь при очистке обреза собрано значительное число костей животных и обломков глиняной лепной посуды. Мощность культурного слоя достигает 0.75—0.80 м. Древний слой сверху перекрыт наносным песком мощностью 0.20—0.25 м, а также современным культурным слоем. Состав керамических остатков близок к керамике поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2) и вокруг оз. Ильмень (№№ 7, 8, 9 и др.). Протяженность поселения по линии берега значительная, не менее 0.15 км.

В ряде мест выходы культурных остатков прерываются. В глубь берега распространение культурных остатков проследить не представляется возможным, так как они перекрыты наносным слоем и современными отложениями.

17. Хут. Алдабульский, Ростовская область, Дубовский район.

Следы разновременной жизни человека обнаружены вдоль всего западного берега

ерика Огibного, или, по местному названию, Гатного. На линии протяженностью около 1 км, почти от самой окраины хутора до оз. Щучьего, прослеживаются обломки керамической посуды, кости животных и некоторые другие поделки (например, точильные камни). Керамические остатки довольно разнообразны. Тут обломки и лепных сосудов эпохи бронзы (такого же типа, как у хут. Ляпичева), и гончарных сосудов салтово-маяцкого типа, а также, по-видимому, и татарских. Обломки сильно измельчены и маловыразительны. Из их состава более всего выделяются керамические остатки эпохи бронзы. Наибольшая концентрация последних обнаружена на полпути от хутора до оз. Щучьего.

18. Хут. Жуков, Ростовская обл., Дубовский район.

В 1.5—2 км к северу от хутора в пойме р. Дона находится оз. Линево (известное у местного населения больше под именем оз. Веребского), вытянутое по оси северо-восток—юго-запад. Западный берег северо-восточной оконечности озера низкий и пологий. Поверхность склона сильно размыта. В местах обнажений прослеживаются культурные остатки. Они встречаются вдоль берега на линии протяженностью не менее 0.25 км. В составе остатков обломки глиняной посуды, кости животных, изделия из кремня и кремневые отщепы. Культурные остатки, собранные здесь, отличаются от материалов других обследованных нами поселений того же времени наличием большого числа кремневых орудий и кремневых отщепов. Изделия из кремня довольно разнообразны: скребки различных форм, орудия для сверления, наконечники стрел, трапециевидные пластины и некоторые другие (рис. 8). Имеет свою особенность и состав керамических остатков. Наряду с обломками сосудов ляпичевского типа здесь встречены керамические остатки, резко отличающиеся от последних. Это обломки сравнительно небольших, тонкостенных сосудов, изготовленных из глины с примесью мелкозернистого песка или толченых ракушек. Поверхность их сплошь покрыта орнаментом, состоящим из оттисков гребенки и небольших ямочек в самых различных сочетаниях (рис. 7). Близкую аналогию им можно указать в материалах, собранных В. А. Городцовым в 1901 г. в Изюмском уезде Харьковской губернии и относимых

им к неолитической эпохе.¹ Число обломков этих сосудов по сравнению с первой группой невелико.

19. Хут. Жуков, Ростовская обл., Дубовский район.

Хут. Жуков расположен на дюнном холме поймы р. Дона. На юго-западном конце хутора по склону всхолмления ближе к пойме прослеживаются выходы древних культурных отложений, включающие в себя керамические остатки и кости животных. По своей темной окраске они резко отличаются от окружающих их песков. Около кладбища культурные остатки в большом числе рассеяны прямо на поверхности. В их составе обломки глиняной посуды, кости животных и кремневые орудия. Судя по собранным материалам, керамические остатки совершенно такие же, как и на большинстве обследованных нами поселений, т. е. ляпичевского типа (№№ 1 и 2).

20. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

Культурные остатки эпохи бронзы прослеживаются на значительном отрезке правого берега р. Котлубанки, на участке между хут. Средним и хут. Хорошим. Наиболее ярко они выступают по правому берегу старого русла Котлубанки, к северо-востоку от поселения салтово-маяцкой культуры (№ 25), на узкой береговой полосе, свободной от дернового покрова, на линии протяженностью около 0.35 км. В составе остатков обломки глиняной посуды, кости животных и единичные кремневые орудия. Керамика сильно измельчена (территория находится под пастилем), но тем не менее принадлежность ее к кругу сосудов ляпичевского типа и ему подобных не вызывает сомнений.

21. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

Немногочисленные и маловыразительные керамические остатки того же типа, что и на предыдущем пункте, а также кости животных обнаружены в обрезе левого берега р. Кумшачик против хутора, несколько выше соединения ее с р. Котлубанкой. Выходы культурных остатков прослеживаются по линии берега на протяжении более 100 м. Берег обрывистый, высота его до 3 м. Остатки залегают до глубины 0.7—0.8 м в гумусиро-

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., табл. XVII, 1, 4.

ванном слое, ничем не отличающимся от смежных участков.

22. Хут. Средний, Ростовская обл., Цимлянский район.

На расстоянии около 0,4—0,5 км от левого берега р. Цимлы, почти прямо на восток от хут. Среднего, находится большой курган, известный под именем кургана Мурзалетова. Курган расположен на дюнном всхолмлении долины рек Дона и Цимлы. Форма всхолмления овальная, диаметр его до 1,5 км. По юго-западному склону этого всхолмления, обрабатываемому под посевы бахчи и частично занятому виноградником, на линии протяженностью не менее 0,5—0,6 км прослеживаются выходы культурных остатков в виде обломков глиняной посуды, костей животных и кремневых отщепов. Особенно ярко они выступают на территории виноградника, где недавно была произведена вспашка. Керамика лепная, толстостенная, преимущественно темно-серого цвета. Общий облик ее близок к керамике поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2), но имеются и ярко выраженные формы горшкообразных сосудов, не встречающиеся среди материалов других поселений.

23. Хут. Средний, Ростовская обл., Цимлянский район.

Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, по общему облику напоминающие керамику Ляпичевского поселения, обнаружены на левом берегу р. Цимлы в 2—2,5 км ниже кургана Мурзалетова, справа от моста, выстроенного по дороге из ст. Цимлянской в ст. Терновскую, там, где речка образует вторую излучину. Участок, на котором встречаются культурные остатки, постоянно используется как стойло для пасущегося здесь крупного и мелкого рогатого скота, вследствие чего керамические остатки так измельчены и стали настолько невыразительными, что очень плохо поддаются определению. Несомненно, они относятся к тому же типу, что и материалы предыдущего поселения.

24. Хут. Попов, Ростовская обл., Цимлянский район (левый берег Дона).

На расстоянии около 1 км к югу от хутора, справа от дороги на пос. Нижний Соленовский, по склону правого берега Большого, или так называемого Цимлянского, лога прослеживаются выходы культурных остатков в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Обломки

сильно измельчены, тем не менее они в достаточной мере выразительны и не вызывают никакого сомнения в принадлежности их сосудам эпохи поздней бронзы срубного типа. Среди обломков есть венчики от сосудов баночкой формы со слегка загнутым внутрь краем, а также острореберных сосудов, в том числе и орнаментированные. Цвет серый и темно-бурый. Выходы культурных остатков прослежены вдоль берега по линии восток—запад на протяжении более 50 м. Вследствие задернованности берега и прилегающей к нему территории выявить размеры поселения не представляется возможным. К северу от места выходов культурных остатков, в 30—40 м от берега, имеется небольшая группа курганов. Курганы небольшие, сильно расплывшиеся.

В августе 1951 г. А. Д. Столяром на месте выходов культурных остатков было заложено несколько разведочных шурfov.

25. Ст. Нижне-Чирская, Стalingрадская обл. (правый берег Быстрика, рукача р. Чир).

На северной окраине станицы слева от дороги, идущей в направлении хут. Ближнеподгорский—хут. Ближняя Мельница—станция Чир, в обрезе надпойменной террасы, почти полностью уничтоженной при земляных работах, в гумусированном слое, сильно насыщенном рваными камнями (известняк и сланец), обнаружены обломки глиняной лепной посуды. Большая часть обломков принадлежит банкообразным сосудам со слегка загнутой внутрь верхней частью. Край венчика срезан горизонтально. Поверхность некоторых обломков покрыта штриховкой. Стенки сосудов довольно толстые, более 1 см толщиной; цвет от розового до серого, в изломе черный (сажистый).

На склоне одного из обрезов найдены обломки небольшого лепного сосуда горшкообразной формы. Высота его 9,5 см, диаметр горла 9 см, диаметр дна 7—7,5 см. Венчик слегка отогнут, плечи выражены слабо, но тем не менее шейка выступает довольно отчетливо. В глине явная примесь шамота, причем довольно крупнозернистого, вследствие чего поверхность сосуда имеет бугорчатый характер, чем существенно отличается от других керамических остатков, найденных здесь же. Цвет горшка светло-палевый, в изломе черный (рис. 3, 3).

Протяженность участка, на котором встречаются остатки, не превышает 50 м.

Значительная часть террасы уходит под дорогу. По общему облику керамика напоминает срубную, но у нее есть и некоторые особенности. Ближе всего к ней стоит керамика с поселения (№ 22) близ кургана Мурзалетова (левый берег р. Чимлы). Среди материалов этого поселения имеются обломки таких же небольших горшкообразных сосудов, а равно и банкообразных сосудов со слегка загнутой внутрь верхней частью.

26. Между хут. Ближняя Мельница и хут. Лисенским, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

На расстоянии 1—1.5 км вверх от моста через р. Чир, близ хут. Ближняя Мельница, коренной берег отходит от русла реки, образуя надпойменную террасу. Здесь в весенне время устраивается паромная переправа. Выше и ниже переправы в обрезе крутого берега реки в гумусированном слое встречаются выходы культурных остатков в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Ниже парома в оползшем береге обнаружено большое красное пятно обожженной глины, напоминающее развал глиnobитного очага. Керамические остатки сильно измельчены, однако облик их довольно ясен — это обломки сосудов срубного типа. Среди них есть венчик от банкообразного сосуда со слегка загнутой внутрь верхней частью, орнаментированной по краю вертикальными вдавлениями. Цвет поверхности от буро-красного до серого, в изломе в большей части черный.

Протяженность береговой линии, где встречаются остатки, не превышает 80 м.

27. Хут. Головской, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

В северном конце хутора высокий коренной берег, идущий в направлении север—юг, отходит от русла реки, образуя широкую надпойменную террасу, на которой размещается хутор. В ряде мест северная часть террасы прорезана глубокими канавами, отгораживающими одну усадьбу от другой. В обрезах этих канав и в выбросах из них, а также в обрезе северного склона террасы прослежены выходы древних культурных отложений, состоящие из обломков лепной глиняной посуды и костей животных. Мощность культурного слоя достигает здесь 0.50 м. Сосуды плоскодонные, большей частью баночкой формы, со слегка загнутым

внутрь краем. Верхняя часть некоторых сосудов орнаментирована насечками в разных сочетаниях, а также вдавлениями самых разнообразных форм. Есть обломки, поверхность которых покрыта штриховкой. По линии сопряжения стенок с доньем у части сосудов имеется рантик. Цвет сосудов от буро-красного до темно-серого. Остатки достаточно выразительны, они принадлежат сосудам эпохи бронзы срубного типа.

Площадь, на которой прослежены выходы культурных остатков, довольно значительна — 300 (по линии север—юг) \times 200 м (по линии восток—запад).

28. Хут. Рудаковский, Сталинградская обл., Суровикинский район (правый берег р. Чир).

Выше хут. Головского коренной берег на протяжении 4—5 км почти вплотную подходит к руслу реки. В ряде мест проходит между рекой и коренным берегом возможен лишь по узкой тропинке, пролегающей по крутому склону, или по узкой полосе около воды у подножия берега. У хут. Рудаковского высокий берег отходит от русла, уступая место надпойменной террасе, на которой и находится хутор. В границах участка, занимаемого хутором, в обрезах оврагов, прорезающих террасу, а также по склону террасы прослеживаются культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Обломки сильно измельчены, однако нет никакого сомнения в принадлежности их керамике срубного типа. Участок, где встречаются культурные остатки, сильно изрезан канавками и оврагами и перекрыт культурными отложениями наших дней. Протяженность его не более 100 м.

29. Хут. Максимов, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (левый берег р. Чир).

В 2 км к югу от хутора Максимова по направлению к хут. Ерицкому на краю надпойменной террасы стоит большой курган, а около него группа небольших курганов. На расстоянии около 0.7 км от большого кургана в сторону хут. Максимова, слева от дороги, по склону надпойменной террасы на поверхности хорошо прослеживаются сильно измельченные обломки глиняной лепной посуды. Они размещаются гнездами на линии протяженностью 0.15—0.2 км, тянущейся в направлении северо-запад—юго-восток. Обломки принадлежат плоскодон-

ным сосудам баночной формы и, по-видимому, острореберным. Верхняя часть некоторых сосудов слегка загнута внутрь; край венчика горизонтальный или слегка закруглен. По кромке доньев встречаются рантики. Поверхность стенок некоторых обломков штрихованная, иногда и орнаментированная. Орнамент весьма простой как по технике, так и по сложету: всевозможные вдавления, чекан, насечки.

30. Хут. Липовский, Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

Хутор расположен на склоне коренного берега р. Дона и на примыкающей надпойменной террасе. Берег и терраса изрезаны оврагами и балками. На одном из отрезков террасы, на усадьбе Т. С. Перфильева, и выше по Дону в обрезе террасы в хорошо гумусированном слое, лежащем на суглинке, обнаружены древние культурные отложения в виде обломков глиняной посуды, костей животных и кусков обожженной глиняной обмазки. В ряде мест древние отложения перекрыты культурными отложениями наших дней или же перекопаны. Насыщенность культурными остатками очень слабая. Протяженность берега, где встречены остатки, достигает 0.2 км. Мощность культурного слоя не превышает 0.40 м. Все керамические остатки, за исключением одного обломка салтовского (?) сосуда, принадлежат лепным, плоскодонным сосудам. Наряду с обломками, принадлежащими сосудам явно срубного типа, есть ряд фрагментов сосудов несколько иного характера, сделанных из глины с примесью крупных зерен шамота, имеющих неровную поверхность и рваный излом.

31. Хут. Быстрийский, Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

На северо-восточной окраине хутора, на расстоянии 0.1—0.15 км от будки 487-го километра, в обрезе надпойменной террасы р. Дона ясно выступает мощный культурный слой, доходящий до 1.5 м в толщину. Верхнюю часть его составляют отложения наших дней, нижнюю — древние отложения. Мощность последних около 0.6 м. Древние отложения представляют собой гумусированный слой со значительным содержанием зольных остатков, костей животных и обломков глиняной лепной посуды. Судя по собранным обломкам, это остатки плоскодон-

ных сосудов баночной и горшкообразной формы, в том числе острореберных. Есть венчики, имеющие значительный отгиб наружу, есть слегка загнутые внутрь. Много обломков венчиков, орнаментированных насечками и вдавлениями разных форм в различных сочетаниях. Реже орнаментированы стенки сосудов, причем их орнаментация такая же, как и у венчика. Один обломок стенки орнаментирован отпечатками веревочки. Поверхность некоторых обломков покрыта штриховкой, имеющей самое разнообразное направление. Цвет сосудов от красно-бурового до темно-серого. В изломе большинство обломков имеет темную (почти черную) окраску. В глине имеется примесь (дресва, шамот?), однако поверхность большей части обломков сравнительно ровная. Лишь небольшое число обломков значительно отличается от остальных. К сожалению, все они принадлежат стенкам сосудов (а возможно, и одному сосуду). Они имеют красно-бурую внешнюю поверхность и темную внутреннюю. В изломе около $\frac{2}{3}$ толщины (к внутренней стороне) черепка из темной глины; в глиняном тесте этих обломков имеется примесь крупнозернистого шамота (?), вследствие чего поверхность их неровная, бугорчатая.

Общий облик керамического комплекса достаточно характерен и не вызывает сомнений. Это комплекс эпохи бронзы срубного типа. В каком отношении к нему стоят немногочисленные обломки с примесью крупнозернистого шамота (?), имеющие неровную поверхность, сказать на основе немногочисленных данных невозможно.

Культурные отложения в обрезе берега прослеживаются на линии протяженностью до 0.5 км. Много керамики и костей у подножия берега, где они отложились в результате оползания берегового склона. Ширина полосы, где встречаются культурные остатки, достигает у подножия берега 20 м.

32. Хут. Генералов (Погановский), Стalingрадская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

На расстоянии около 1 км к северо-востоку от хутора на западном высоком берегу оз. Шелаева, несколько ниже моста, проложенного через ерик, впадающий в это озеро, в гумусированном слое мощностью около 0.6—0.8 м ясно выступают культурные отложения в виде костей животных и обломков глиняных лепных сосудов. Много костей

и керамики по склону берега, в его оползнях. Керамика довольно толстостенная. В составе теста мелкая дресва, обжиг неравномерный. В изломе стенки темные, цвет поверхности от светло-желтых и оранжевых тонов до темно-серых. Сосуды плоскодонные, баночной и горшкообразной форм. Верхняя часть баночных сосудов слегка загнута внутрь и иногда орнаментирована. Орнамент довольно простой — вдавления различных форм. Сосуды горшкообразной формы имеют сравнительно высокий (до 2 см) венчик и пологие плечики. Последние орнаментированы оттисками зубчатого чекана или веревочкой, намотанной на палочку. На двух фрагментах (возможно, от одного сосуда) по плечику налеплен невысокий валик шириной около 1.5 см. По этому валику нанесен орнамент в виде косых оттисков зубчатого чекана. Совершенно такой же прием орнаментации применен на сосуде из раскопок М. П. Грязнова на поселении близ хут. Ляпичева (1951 г.). Поверхность многих обломков покрыта штриховкой, причем только с наружной стороны.

Сосуды первой группы (банкообразные) довольно типичны, и принадлежность их к срубной керамике не вызывает сомнений. Вторые сосуды (горшкообразные) хотя и встречаются на этих поселениях, но лишь в единичных экземплярах.

Протяженность береговой линии, где встречены выходы культурных отложений, достигает 150 м. В обе стороны от этой полосы берег разрушен. Как далеко распространяются культурные отложения вглубь от берега, сказать не представляется возможным, так как поверхность сильно задернована.

33. Хут. Красный, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

В 1.5—2 км к северо-востоку от ст. Есауловской, близ хут. Красного, на краю надпойменной террасы, идущей параллельно оз. Топольному, близ места, где последнее соединяется с оз. Рыбным, прослеживаются культурные остатки в виде сильно измельченных обломков глиняной посуды, костей животных, кремневых изделий, а также кремневых и кварцитовых отщепов. Большая часть территории задернована, вследствие чего выявить характер культурных отложений не представлялось возможным. Большинство остатков собрано

в обрезе дороги, идущей от хут. Генералова (Погановского) к хут. Красному, и в параллельном этой дороге, незначительном «сдире» края террасы, где культурные отложения выступают на поверхность. Сильная измельченность керамических остатков делает их маловразительными. Тем не менее имеется полная возможность установить в их составе две группы. Одна из них срубного типа, вторая напоминает керамику раннего слоя стоянки у хут. Жукова (берег оз. Линево—Веребское, № 18). С этой ранней группой вероятнее всего связываются кремневые и кварцитовые орудия и отщепы, найденные здесь. Другими словами, здесь мы имеем поселения с отложениями двух культур: 1) времени перехода от неолита к бронзе (?), 2) срубного времени, т. е. совершенно такого же типа, что и на берегу оз. Линево—Веребское у хут. Жукова, но с более бедными материалами.

34. Ст. Есауловская, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

Станица расположена на западном берегу большого озера Рыбное. В черте станицы берег его довольно высокий, не менее 3—4 м высотой. Склон берега сильно ополз, верхняя часть его перекрыта культурными остатками наших дней, ниже лежит гумусированная погребенная почва, а затем материковый песок. Последний сильно разрушен (размыт и растоптан пасущимися стадами) и превращен в сыпучий. По склону берега на линии протяженностью более 0.4 км встречаются разновременные культурные остатки, вплоть до эпохи бронзы. Последние представлены обломками глиняной лепной посуды банкообразной и горшкообразной формы. Есть обломки острореберных сосудов. В целом керамический комплекс довольно отчетливо характеризует поселение как памятник эпохи бронзы срубного типа.

35. Между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Между хут. Малым Голубиным и ст. Голубинской участок зоны затопления представляет узкую пойменную полосу, лежащую у подножия высокого коренного берега. Лишь в одном месте, в 0.4—0.5 км к югу (вниз по течению) от урочища Городище, расположенного на полпути между хутором

и станицей, над поймой лежит широкая терраса. Постепенно повышаясь, она переходит в высокий коренной берег. Склон ее прорезает ряд молодых оврагов, идущих почти параллельно берегу. Приблизительно в центре террасы, в обрезе левого берега крайнего от поймы террасы оврага, на глубине 0.20—0.25 м от поверхности обнаружен небольшой

реберным горшком, 12 см высотой, с диаметром дна около 9 см и диаметром горла 10—11 см (рис. 3, 3). Большая часть поверхности сосуда орнаментирована. По верхней части (выше ребра) проходит меандровый пояс, нанесенный каким-то острием. По ребру тем же острием прочерчена линия, шедшая, по-видимому, вокруг всего сосуда. Под этой

Рис. 19. Поселение между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным. Сосуд срубного типа в обрезе берега оврага.

лепной горшок почти баночной формы со слегка загнутым внутрь верхним краем и почти горизонтально срезанным венчиком (рис. 19). Высота горшка около 13—14 см, диаметр дна 8—8.5 см, диаметр горла 11.5—12.5 см, наибольший диаметр 13—13.5 см. Сосуд асимметричен. Поверхность стенок как с внешней, так и с внутренней стороны покрыта штрихами, нанесенными довольно неравномерно. Цвет сосуда светло-оранжевый; большая часть поверхности покрыта копотью. Верхняя часть сосуда была наполнена землей, нижняя на $\frac{2}{3}$ высоты — золой.

Метрах в 20 от места находки вышеописанного сосуда на дне оврага было найдено несколько фрагментов (составляющих полный профиль) другого лепного сосуда. Найденные фрагменты позволили реконструировать сосуд. Он оказался небольшим остро-

линией идет пояс из неглубоких, треугольной формы вдавлений. Нижняя часть сосуда на высоте 1—1.5 см от дна украшена еще одним орнаментальным поясом из углов, обращенных вершинами кверху. Углы нанесены в той же технике, что и меандр.

Ближе к краю террасы по склону оврага было найдено еще несколько обломков лепных сосудов; один из них орнаментирован отпечатками широкого зубчатого чекана. В обрезе правого берега того же оврага, где найден целый сосуд, но несколько выше (метрах в 150), прослеживаются контуры ниши (катаkomба?). Пол ниши завален обрушившейся сверху землей. Следов кургана над разрушающейся нишой незаметно.

Собранные материалы позволяют заключить, что здесь мы имеем дело безусловно с памятником эпохи бронзы срубного типа.

В силу большой покатости поверхности террасы культурные отложения, по-видимому, в значительной мере разрушены и смты.

На нижнем конце террасы, ближе к ст. Голубинской, найдено несколько обломков красноглиняных сосудов средневековой поры, одинаковых с керамикой поселения Малого Набатовского.

36. Ст. Голубинская, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

На северо-восточной окраине станицы от коренного берега отходит надпойменная терраса, на которой и расположены усадьбы колхозников. Склон террасы в этой части подмыт и сильно оползает. В обрезах склона, а также в осыпи встречаются культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Керамика довольно единообразная. Это обломки банкообразных сосудов со слегка загнутым внутрь верхним краем срубного типа. В составе глины хорошо заметны блестки слюды.

Как велика территория, содержащая древние остатки, проследить не представляется возможным вследствие занятости участка жилыми и хозяйственными постройками.

37. Хут. Рубеженский, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Несколько выше Калача (в 5—6 км) у подножия правого высокого коренного берега на небольшой надпойменной террасе (0.5×0.5 км) расположился хут. Рубеженский. Ниже террасы идет неширокая каменистая пойменная коса. Терраса сильно разрушается вешними водами Дона и постепенно уменьшается. В высоких (2—4 м) обрезах хорошо прослеживаются культурные отложения. Они представлены тремя слоями: сверху залегают отложения наших дней, ниже их лежат средневековые культурные напластования такого же типа, как у хут. Малого Набатовского, а под последними — гумусированный слой мощностью около 0.6—0.7 м, содержащий культурные остатки эпохи бронзы срубного типа. Под гумусированным слоем эпохи бронзы лежит материк. Отложения всех трех эпох прослеживаются вдоль береговой линии террасы (рис. 2).

Культурные остатки эпохи бронзы состоят из обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Керамика обычна.

В ее составе сосуды банкообразной формы слегка загнутым внутрь краем, а также горшкообразные сосуды со сравнительно высоким венчиком, орнаментированные по плечикам отисками веревочки, намотанной на палочку (в виде зубчатого чекана). Как и на сосудах у хут. Генералова (№ 32), отпечатки нанесены по валику, вылепленному на плечиках.

Слой, связанный со средневековыми отложениями такого же типа, как у Малого Набатовского, имеет сероватый оттенок. В составе слоя обломки керамики, кости животных, железные крицы. Со средневековым слоем связываются прослеженные в обрезе берега остатки полуземляночного помещения с развалившейся глинобитной печью. Хорошо выражен глинобитный, по-видимому обожженный, пол.

38. Хут. Малая Лучка, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Хутор размещается на небольшой надпойменной террасе. Большая часть террасы находится под развалами разобранных жилых и хозяйственных построек, а также завалившихся ям погребов, колодцев и других хозяйственных сооружений. Восточный склон террасы (ближе к Дону) изрезан промоинами. В обрезах промоин, а также различных ям встречаются обломки лепной глиняной посуды эпохи бронзы срубного типа, а также кости животных. Вследствие сильной засоренности террасы проследить границы распространения культурных остатков не представилось возможным.

39. Хут. Подтихов, Сталинградская обл., Калачевский район.

Надпойменная терраса, на которой расположен хутор, со стороны поймы постепенно размывается. В обрезе подмытого края и его оползнях встречены обломки глиняной лепной посуды и кости животных. Слой, в котором прослеживаются культурные остатки, гумусирован; никаких следов стратиграфии не обнаружено. Мощность слоя около 0.2—0.3 м. Протяженность берега, где встречены культурные остатки, не превышает 0.3 км. Керамика относится к эпохе бронзы срубного типа.

40. Хут. Самодуровский, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

В полукилометре к югу от хутора в долину Дона впадает балка Городищен-

ская. При ее устье на правом террасообразном уступе находилось несколько усадеб колхозников. Сейчас они снесены. В осыпавшихся стенах разрушенного погреба обнаружен хорошо выраженный культурный слой с большим содержанием обломков глиняной лепной керамики срубного типа, костей животных и золы. Слой гумусирован, мощность его 0,50—0,60 м. Обломки посуды принадлежат лепным плоскодонным сосудам баночных форм со слегка загнутым внутрь верхним краем и, по-видимому, острореберным сосудам. Последние, как правило, орнаментированы. Орнамент размещен по плечикам.

Аналогичные культурные остатки найдены в обрезах и других ямах, оставшихся после разрушения хозяйственных построек. Значительное количество керамических остатков собрано по склону террасы на поверхности. Среди подъемного материала есть один фрагмент средневековой амфоры (салтовского типа).

41. Хут. Рычков, Ставропольский край, Ставропольский район (правый берег р. Дона).

Хутор расположен на высоком берегу русла р. Дона. В обрезах берега и его оползнях встречаются обломки лепной глиняной посуды эпохи бронзы (типа срубной), а также кости животных. Протяженность береговой линии, где встречаются остатки, около 0,15 км. Застроенность берега жилыми и хозяйственными сооружениями не дает возможности выяснить границы древнего поселения по направлению в глубь берега.

2. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Поселения салтово-маяцкой культуры

42. Хут. Ильменский (Суворовский), Ставропольский край, Ставропольский район.

Поселение находится на западном берегу оз. Ильмень. Оно расположено на дюнном всхолмлении, резко выделяющемся на фоне остальной низкой береговой линии озера. На склоне к озеру в местах выдувов заметны темные пятна выходов культурных остатков. В их составе большое количество обломков глиняной посуды, костей животных и единичные поделки из металла и камня. Керамика лепная и гончарная.

Остатки первой немногочисленны, по общему облику они могут быть отнесены к группе керамики смежных поселений эпохи бронзы. Основная же масса керамических остатков принадлежит гончарным сосудам салтово-маяцкого типа. Среди них обломки серых кухонных горшков, тулою которых сплошь покрыто линейным орнаментом, и обломки сосудов с внутренними ушками. Значительное место в составе гончарной керамики занимают остатки лощеных сосудов, яйцевидных амфор и кувшинообразных сосудов. Из единичных находок следует отметить свинцовое грузило, глиняные пряслица, несколько фрагментов каких-то бронзовых поделок.

Выходы культурных остатков прослеживаются на линии протяженностью около 0,25 км. Обломки лепной керамики концентрируются преимущественно ближе к краю берега, там, где дюнное всхолмление переходит в низкий пологий берег.

43. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение находится между хуторами Средним и Хорошим на правом берегу старого русла р. Котлубанки. Поселение открытое, никаких следов укрепления не обнаружено. Выходы культурных остатков прослеживаются начиная от места соединения нижней части старого русла с современным вверх по течению на протяжении 0,4 км. Наиболее ярко культурные остатки выступают в местах, где дерновый покров размыт. В их составе обломки глиняной посуды и кости животных. Керамика лепная и гончарная. Первая немногочисленна и представляет собой не что иное, как обломки сосудов эпохи бронзы (ляпичевского типа). Поселение этого времени расположено несколько выше, по правому же берегу старого русла. Обломки гончарной посуды принадлежат сосудам салтово-маяцкого типа (кухонным горшкам, сосудам с внутренними ушками, лощеным сосудам самых разнообразных форм, круглодонным амфорам и т. п.).

44. Хут. Средний, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение у хут. Среднего является сложным памятником. Оно состоит из укрепленной части (городища) и прилегающего к ней неукрепленного поселка (селища). Поселение расположено на правом берегу р. Котлубанки, в углу, образованном ре-

кой и рукавом, соединяющим эту реку с р. Кумшачиком. Укрепленная часть занимает центр поселения. С севера, запада и юга она обнесена валом и рвом. Вал сохранился плохо, в ряде мест он прерывается. Высота его не более 1 м, длина вала около 1 км. Ров сохранился по всей линии. Он неглубокий (0,5—1 м) и узкий (2—2,5 м). Восточной стороной укрепленная часть поселения примыкает к реке. Остатков искусственных укреплений здесь не прослеживается. Протяженность этого участка береговой линии около 0,65 км. Наибольшая ширина укрепленной части по линии юго-запад около 0,25 км. Поверхность площадки неровная, особенно в юго-западной части. Последняя вся покрыта курганообразными насыпями (зольниками), состоящими из золы с включением культурных остатков.

В ряде мест площадку прорезают траншеи и окопы военного времени. Не совсем еще заплыли и ямки-западинки (остатки полуземлянок?). Вследствие задернованности площадки культурные остатки на поверхности почти не прослеживаются. Лучше всего они выступают в обрезах траншей, а также в береговых обнажениях. Собранные здесь материалы (керамические остатки) принадлежат исключительно к комплексу салтово-маяцкой культуры. Такие же остатки были найдены и при расчистке разрушенной на склоне берега ямы. Яма в плане почти круглая, с диаметром около 1,6 м; глубина неразрушенной части (западной) около 0,5 м, разрушенной (восточной) — 0,03—0,05 м. Яма была вырыта в материке (песок). Западная часть ямы вверху заполнена илом, внизу — золой; мощность зольного слоя 0,05—0,07 м. Восточная (разрушенная) часть ямы была перекрыта оползшим сверху культурным слоем, состоящим из золы, кусков обожженной глины, камней, обломков глиняных сосудов, костей животных и т. п. Дно ямы и в этой части было покрыто золой. Большинство керамических остатков, извлеченных из заполнения ямы, принадлежит серым кухонным горшкам, покрытым сплошь рифлением. Обломки других типов сосудов немногочисленны (амфоры салтовского типа, лощеные сосуды). Из единичных вещей следует отметить астрагал, подвергнутый частично обработке.

Селище расположено к северу и югу от укрепленной части поселения вдоль берега

р. Котлубанки, захватывая частично берег рукава, соединяющего р. Котлубанку с р. Кумшачиком. Общая протяженность поселения (включая укрепленную часть) около 2 км. Участок, расположенный к югу от городища, до последних лет находился под хутором. Культурный слой древнего поселения в этой части перекрыт отложениями наших дней и сильно нарушен при сооружении хозяйственных построек (погреба, колодцы, канавы фундаментов и т. п.). Здесь, как и на городище, выходы древних культурных напластований, содержащих остатки салтово-маяцкой культуры, лучше всего прослеживаются в обрезе берега. Мощность их колеблется в пределах 0,3—0,5 м. Участок, лежащий к северу от укрепления, представляет сравнительно ровную, задернованную поверхность, частично размытую весенними разливами. В местах размывов ясно выступают культурные отложения, содержащие остатки, аналогичные собранным в других частях поселения.

Поселение у хут. Среднего известно в литературе со второй половины XIX в.¹ В конце 20-х—начале 30-х годов нашего века поселение дважды было обследовано Северо-Кавказской экспедицией, однако никаких раскопочных работ на нем проведено не было.²

45. Хут. Карнаухов, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение у хут. Карнаухова, как и у хут. Среднего, представляет сложный памятник, состоящий из укрепленной части (городища) и неукрепленного поселка (селища). В литературе оно, как и поселение у хут. Среднего, известно давно, со второй половины XIX в., сначала как городище,³ а позднее (начиная с конца 20-х годов XX в.) как селище.⁴

Поселение находится на левом берегу р. Котлубанки на склоне надпойменной террасы. Укрепленная часть (городище)* рас-

¹ Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 275.

² А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 118—122; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

³ Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел, стр. 275.

⁴ А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 117; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

положена на северной окраине хутора на мысу, образованном долиной реки и впадающей в нее балкой. С восточной стороны городище укреплено валом и рвом дугобразной формы протяженностью около 0,9 км. Вал и ров в наши дни использовались как изгородь. Южная часть городища занята современным кладбищем.

Неукрепленный поселок (селище) расположен в 0,2—0,3 км к северу от городища, вверх по течению реки за балкой. Общая протяженность поселения по линии север—юг около 2 км, по линии восток—запад — 0,6 км. Выходы древних культурных отложений выявлены как на городище, так и на селище. На городище они, однако, маловыразительны; это, по-видимому, объясняется, с одной стороны, сильной задернованностью большей части площадки, а с другой — тем, что древние напластования перекрыты отложениями наших дней. На селище выходы культурных отложений прослеживаются более отчетливо. Они выступают здесь не повсеместно, а скоплениями — гнездами. Гнезда эти двух типов. Первые из них в виде невысоких курганообразных насыпей, диаметром от 10 до 35 м, состоящих из золы с включением значительного количества обломков глиняной посуды, костей животных, кусков обожженной глиняной обмазки и единичных поделок (преимущественно испорченных) из кости, камня и т. п. По общему облику эти насыпи представляют типичные зольники, хорошо известные по поселениям斯基фского времени Среднего Поднепровья. Гнезда второго типа отличны от первых как по форме, так и содержанию. Они имеют вид ровной поверхности, лежащей в одной плоскости с окружающей территорией. Основной составной частью их являются куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростника. Обжиг их довольно сильный, многие куски даже ошлакованы. Из других остатков, встречаемых здесь, следует отметить обломки глиняной посуды, фрагменты ручных жерновов и единичные кости животных. Кроме того, и на городище и на селище имеется значительное количество неглубоких овальных в плане западинок.

В течение двух лет (1950—1951 гг.) на территории поселения произведены небольшие раскопки. Произведенные разведочные раскопки показали, что зольники есть не что иное, как сорные кучи, скопления кус-

ков глиняной обмазки — развалины наземных построек, а западинки — нижние, углубленные в землю части полуzemлянок. На территории поселения зарегистрировано около 50 зольников, 19 точек с выходами глиняной обмазки и 53 западинки. Эти цифры не являются показателями для суждения о соотношении количества жилищно-хозяйственных построек и зольников на поселении. Несомненно, зольники как более заметные точки учтены полнее, чем выходы глиняной обмазки и западинки.

Собранные при обследовании материалы, а также данные раскопок полностью подтвердили ранее сделанные выводы о принадлежности поселения к салтово-маяцкой культуре.¹

46. Хут. Крутой, Ростовская обл., Цимлянский район (правый берег р. Дона).

На территории хутора, расположенного на надпойменной террасе вдоль склона коренного берега по обе стороны устья балки Боршевой, впадающей в долину Дона, в обрезах погребных, колодезных и других ям обнаружены выходы культурных отложений, состоящие из костей животных, обломков глиняной, сделанной на круге посуды салтовского типа, массы золы и т. д. Состав керамических остатков довольно разнообразен; обломки сероглиняных кухонных горшков со сплошным рифлением по корпусу, пифосообразных сосудов с веревкообразным венчиком, невысоких серых мисок со слегка наклонными наружу бортиками, покрытыми линейным и волнистым орнаментом, сосудов с внутренними ушками, амфор, лощеных сосудов различных форм и т. п. Культурные остатки прослеживаются на территории протяженностью по линии восток—запад около 0,15 км, по линии север—юг около 0,6 км. Вся территория древнего поселения в недавнем прошлом находилась под усадьбами колхозников. Многие хозяйствственные сооружения, углубленные в землю (погреба, нижние части хат и т. п.), врезались в древние отложения; ряд построек сооружен на местах мощных древних зольных отложений со значительным содержанием культурных остатков (костей животных, обломков глиняной посуды и т. п.).

¹ А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 117; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

По-видимому, это места сорных куч типа зольников на поселении у хут. Карнаухова.

Культурные отложения салтовского типа прослеживаются и несколько южнее хут. Крутого, на расстоянии 1.5 км от описанного поселения, на южном конце той же надпойменной террасы, там, где коренной берег обрывается прямо в долину Дона и круто поворачивает на запад. Здесь наряду с керамическими остатками описанных выше типов найдены обломки кувшинов с высоким (в виде растрюба) горлом и плоскими ручками и обломки амфор с частым линейным орнаментом, нанесенным поясами. В каком отношении находятся эти два обследованных пункта, связаны ли территориально они между собой или нет, выяснить не удалось.

47. Хут. Ближний Подгорский, Ставропольская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

На южной окраине хутора на надпойменной террасе у подножия высокого коренного берега, по обе стороны от дороги, идущей из ст. Нижне-Чирской вдоль реки, прослежены выходы средневековых культурных отложений салтово-маяцкого типа. Несмотря на то, что древний культурный слой на большей части территории перекрыт отложениями наших дней, остатки его на поверхности выступают достаточно отчетливо. Наиболее заметны они в ямах разрушенных погребов и оснований жилых построек. В составе собранных остатков обломки глиняной гончарной посуды салтовского типа: серых кухонных горшков со сплошным рифлением по корпусу, пифообразных сосудов с веревкообразным венчиком, различных лощенных сосудов, амфор и некоторых других форм. Встречаются кости животных. Следует отметить наличие в отдельных точках больших скоплений золы типа зольников.

Выходы культурных остатков прослежены на площади около 300 (по линии север—юг) × 350 м (восток—запад).

48. Хут. Островский, Ставропольская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

В северо-западной части хутора, вокруг современного кладбища, а также и на его территории, справа от дороги, идущей на хут. Головский, в выбросах из канав, служивших оградой кладбища и усадебных участков, найдены древние культурные отложения в виде костей животных и обломков глиняной посуды. Все собранные керамические

обломки принадлежат сосудам, сделанным на гончарном круге: кухонным серым горшкам, красноглиняным яйцевидным амфорам. Принадлежность собранных остатков салтовской культуре не вызывает сомнений.

Территория, где найдены остатки древних культурных отложений, представляет собой нижний край надпойменной террасы. Границы распространения культурных остатков проследить не представляется возможным, так как большая часть территории сильно задернована. Собранные остатки найдены на площади около 100 × 200 м. Наибольшая концентрация их наблюдается вокруг кладбища, главным образом с северо-западной его стороны. Судя по выбросам из канав, древний культурный слой залегает на довольно значительной глубине, под культурными напластованиями наших дней и наносами.

49. Хут. Нижне-Калиновский, Ставропольская обл., Суровикинский район (правый берег р. Чир).

Следы средневекового поселения салтово-маяцкой культуры в виде немногочисленных обломков гончарной глиняной посуды (серых кухонных горшков со сплошным рифлением по корпусу, амфор яйцевидной формы) обнаружены на правом берегу р. Калиновой при впадении ее в р. Чир, там, где в недалеком прошлом находился поселок Нижне-Калиновский (сейчас последний размещается по левому берегу). Обломки керамики найдены в выбросах из ям, траншей военного времени и канав (остатки изгороди усадьбы) на довольно широкой территории (около 150 × 200 м). Территория, где найдены остатки, сверху перекрыта отложениями наших дней и сильно задернована.

50. Ст. Нижне-Чирская, Ставропольская обл. (правый берег р. Дона).

Недалеко от впадения р. Чир в Дон вдоль правого коренного берега тянется узкой полосой надпойменная терраса. Поверхность ее задернована и поросла мелким кустарником. Слоны террасы обнажены; в обрезах много камней (известняк, сланец). Метрах в 100 от начала террасы (вниз по р. Чир) на склоне в оползне встречаются обломки глиняной посуды, сделанной на гончарном круге, принадлежащей к комплексу салтовской культуры. В основном это обломки сероглиняных кухонных горшков со сплошным рифлением и разнообразных лощенных сосудов. Совершенно не найдено обломков

красноглиняной амфорной посуды. Несмотря на сильную задернованность площадки, отдельные керамические обломки встречены и на ее поверхности. Общая протяженность береговой линии, где встречены культурные отложения, около 150 м. На этой же линии найдено несколько фрагментов лепных сосудов эпохи бронзы (срубного типа).

51. Суровская, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

Между станицей и лежавшим выше нее по течению хут. Быстрым коренной берег р. Дона резко изменяет свое меридиональное направление на юго-западное, образуя в этом месте пологий склон, переходящий в амфитеатрообразную надпойменную террасу. В ряде мест берег прорезан молодыми и древними оврагами, достигающими в верхних своих частях 6—8-метровой глубины. По склону берега, а также в обрезах оврагов и в долине Дона у подножья коренного берега прослеживаются древние культурные отложения в виде костей животных, обломков глиняной гончарной посуды салтовского типа, скоплений золы, линз обожженной глины и т. п. В составе керамики значительное место занимают обломки глиняных лощенных сосудов, преимущественно кувшинов и серых кухонных горшков, покрытых сплошным рифлением по всему корпусу. Почти совершенно нет амфорных остатков (найдено всего 2—3 фрагмента). Культурные отложения особенно отчетливо выступают в обрезах оврагов. На линии протяженностью около 100 м по склону берега в обрезах оврагов прослеживается непрерывная полоса культурного слоя различной мощности, достигающей в отдельных местах 70 см.

Культурные отложения залегают под дерновым слоем и слоем маносов мощностью в некоторых точках до 0.4—0.5 м. Ниже культурного слоя лежит песчанисто-глинистый материк. В ряде мест в обрезах оврагов заметны остатки жилых и хозяйственных сооружений, углубленных в материк. Эти углубления заполнены или гумусированным слоем с включением культурных остатков (обломков глиняной посуды и костей животных), или золистыми отложениями, иногда довольно чистыми, с включением тех же остатков. Таких разрушенных сооружений в обрезах оврагов довольно много. В некоторых местах в обрезах оврагов были прослежены значительные выходы обожжен-

ной глиняной обмазки. Обследование склона показало, что культурные остатки распространены на значительной площади: не менее 700 м с северо-востока на юго-запад и около 300 м по склону, в направлении к берегу Дона. Поселение было открытое, без каких-либо искусственных укреплений.

Помимо внешнего осмотра и сбора подъемного материала, на поселении были произведены небольшие разведочные раскопки. Раскопками были вскрыты остатки двух полуземляночных жилищ, хозяйственной ямы (погреба) и трех гончарных обжигательных печей.

Славянские поселения

52. Хут. Ближняя Мельница, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

В черте хутора, метрах в 200 ниже моста через р. Чир, в обрезе правого высокого крутого берега реки на высоте 4—6 м от уровня воды в глинистом слое ясно прослеживаются контуры прямоугольных в разрезе ям, заполненных гумусированным слоем со значительным содержанием камней, часто обожженных, костей животных и немногочисленных обломков глиняной лепной посуды. Обломки аналогичной посуды встречаются и на склоне берега, в оползнях слоях, вплоть до линии воды. По внешнему облику обломки посуды довольно грубые, с примесью крупнозернистого шамота. Донья сосудов плоские, венчики слегка отогнуты наружу. Цвет большинства собранных обломков светлый (от палевого до красно-бурового). Среди обломков имеются фрагменты сковородок роменско-боршевского типа с низким бортиком. Найдено несколько черепков салтово-маяцкой посуды. Размер ям от 1 до 3 м в длину и до 1 м в глубину.

Единичные обломки древней керамики встречаются и помимо ям, в гумусированном слое, лежащем на материковом суглинке и перекрытом сверху культурными отложениями наших дней. Протяженность береговой линии, где встречаются культурные остатки, достигает 0.3 км.

На поселении были произведены небольшие раскопки. Раскопками были вскрыты остатки четырех полуземляночных жилищ роменско-боршевского типа с печами-камenkами. Три из них, расположенные на линии берегового обреза, частично были разрушены

при оползании берега, четвертое сохранилось полностью. При раскопках был собран керамический материал совершенно того же типа, что и при внешнем осмотре, но только более яркий. Несколько сосудов удалось восстановить. Основная масса керамических остатков состоит из грубой лепной посуды с примесью шамота. Типы сосудов роменско-боршевские. Небольшое число обломков принадлежит сосудам салтово-маяцкой культуры. Поселение, очевидно, было неукрепленное, ибо никаких следов искусственных оборонительных сооружений не обнаружено.

Средневековые поселения II тысячелетия

53. Устье р. Донской Царицы, Сталинградская обл., Калачевский район.

Поселение находится в 0,3 км от устья на левом берегу. Оно расположено на ровной задернованной площадке. Выходы культурных остатков прослеживаются на площади около 120×800 м, в местах, где дерновая поверхность размыта. В их составе обломки глиняной гончарной посуды, кости животных и другие единичные вещи. Керамические остатки членятся на две группы — татарскую, состоящую из обломков красноглиняных сосудов с многорядным мелкозубчатым, волнистым и линейным орнаментом, а также с вертикальным полосатым лощением, и русскую, состоящую из обломков кухонных горшков киевского типа XIII в. (рис. 15). Из единичных вещей следует отметить золотоордынскую монету Тохтамыша, чеканенную в Азаке (783—1381/82 г.;¹ рис. 16, I).

Вследствие того что культурные остатки собраны на поверхности, стратиграфическое соотношение различных керамических комплексов выяснить не представлялось возможным.

54. Ст. Терновская, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение находится в 3—4 км к западу от станицы на левом берегу старого русла р. Цимлы (что находится на левом берегу современного русла), в 2,5—3 км от ее устья. Остатки поселения прослеживаются на узкой полосе (15—20 м шириной) протяженностью не менее 0,3 км в направлении север—юг. Вся эта полоса резко выделяется от окружающей территории более бедным растительным покровом. На поверхности этой

полосы встречаются сильно измельченные обломки гончарной глиняной посуды. По внешнему облику их можно разделить на три группы: 1) обломки различных красноглиняных сосудов из тонкой глины хорошего обжига; 2) обломки крупных сероглиняных сосудов хорошего обжига; 3) обломки серых кухонных горшков, иногда орнаментированных многорядной волнистой или прямой линией. В тесте последних сосудов значительная примесь крупнозернистого песка. Найдено несколько плоских пряслиц, сделанных из обломков глиняных сосудов. Малая выразительность керамических остатков не позволяет определить с полной достоверностью, к какому времени следует отнести данное поселение. Несомненно, здесь есть отдельные обломки сосудов татарской культуры, но есть и отличные от них, по-видимому салтово-маяцкие. Наиболее вероятно, что мы имеем здесь дело со сложным памятником.

55. Хут. Ермохин, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

К западу от хут. Ермохина р. Мышкова образует большую излучину в направлении к северу. Левый пойменный берег этой излучины несколько ниже поймы Дона. По кромке понижения общей протяженностью около 1,5 км в отдельных точках прослеживаются измельченные обломки глиняной посуды, преимущественно гончарной. В их составе ведущее место занимают обломки красноглиняных сосудов с многорядным мелкозубчатым волнистым и линейным орнаментом. По общему облику эти остатки ближе всего стоят к татарской (золотоордынской) керамике.

56. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

От места соединения р. Котлубанки с р. Кумшачиком правый берег Котлубанки представляет собою ровную, хорошо задернованную пойму, возвышающуюся над уровнем воды на 2—2,5 м. Вдоль берега на расстоянии 10—20 м от его края тянется узкая полоса, свободная от дернового покрова, разрушенного, по-видимому, весенними водами. На поверхности этой полосы хорошо прослеживаются культурные остатки, состоящие из костей животных и обломков глиняной посуды. Последние сильно измельчены и очень плохо поддаются определению. Здесь есть обломки лепных сосудов эпохи бронзы типа керамики поселения у хут.

¹ Определение сделано А. А. Быковым.

Ляпичева, обломки гончарных сосудов салтово-маяцкого типа, татарских и, наконец, современных. Наиболее ярко из этого состава выступают остатки татарской красноглиняной посуды. Среди них много обломков кувшинообразных сосудов. Из единичных вещей, найденных на данном участке, следует отметить обломок шлифованного молота.

Несколько выше по течению Котлубанки на берегу старого русла находятся поселения салтово-маяцкой культуры (№ 43) и эпохи бронзы (№ 20).

57. Хут. Малый Набатовский, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Поселение находится на левом берегу р. Большой Голубой при ее впадении в Дон. Оно занимает нижнюю кромку надпойменной террасы, проходящей по крайним, юго-восточным усадьбам колхозников, поднимаясь по берегу Дона вверх до северо-восточной окраины современного хутора. Площадь его 400×500 м. Поселение неукрепленное (рис. 17). Культурные отложения выступают как на поверхности указанной территории (на вспаханных огородах, в обрезах канавок, дорог и т. д.), так и в обрезе берега р. Дона (вернее его старицы). В ряде мест берегового обрыва древние культурные отложения перекрываются отложениями наших дней. Мощность первых достигает 0.7 м. В слое много костей животных, обломков глиняной посуды, железных шлаков и криц, золы. Состав керамических остатков довольно своеобразен. Почти вся керамика красноглиняная (буро-красного оттенка). Очень много обломков, принадлежащих лощеным сосудам, преимущественно кувшинам (одноручным, с ярко выраженным сливом). Формы их восстановить нет возможности, но какая-то часть сосудов близка к салтовским (широкодонным). Лощение полосатое, вертикальное, но есть и сплошное. Поверхность многих лощенных сосудов покрыта красной краской.

Из других форм следует отметить кухонные горшки с невысоким венчиком, слегка отогнутым наружу, а также более крупные сосуды горшкообразной формы (по-видимому, для хранения продуктов). Есть неглубокие миски со стенками, слегка отогнутыми наружу. Большое число керамических остатков покрыто линейным и волнистым орнаментом в самых различных сочетаниях. Довольно много обломков покрыто поясами

из дуг, сомкнутых одна с другой концами, обращенными то вниз, то вверх; эти дуги образуют гирляндобразный или аркообразный орнамент. Часто дуги нанесены гребенчатым инструментом, благодаря чему образуется пучок концентрически расположенных дуг. Встречаются обломки сосудов, орнаментированных зубчатым чеканом (гребенкой). Орнамент помещается на срезе венчика, на плечиках и на тулове (рис. 18).

Из единичных вещей, найденных на поселении, следует отметить глиняную поделку округлой формы, диаметром около 10 см, толщиной около 4 см, со сквозным отверстием (2.5—3 см) в центре. От отверстия по радиусу идет след значительной сработанности, по-видимому от привязи. Наиболее вероятно предположение, что это рыболовное грузило (для сетей и т. п.). На территории поселения найдено несколько железных поделок, в том числе долото. Последнее имеет прекрасную сохранность. Общая длина его 31 см, длина рабочей части 18 см, длина лезвия 1.5 см, длина рукояти 13 см. Насколько вероятна принадлежность найденного долота данному поселению, решить невозможно. На территории найдено также несколько точильных камней.

58. Хут. Лисенский. Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

Около хутора в реку впадает большая балка Лисенская. Метрах в 70 ниже ее впадения в оползнях крутого, высокого (около 5 м) берега, в 3—4 м от воды, среди галечника прослеживаются культурные остатки, состоящие из обломков глиняной посуды и костей животных. Большая часть собранных обломков принадлежит грубым лепным, толстостенным сосудам, преимущественно бурого цвета. Многие обломки покрыты копотью. В изломе стенки сосудов черные. В глине имеется примесь дресвы и шамота (?). Среди собранных остатков есть обломки высокого, слабо отогнутого венчика. По срезу венчика имеются отпечатки кончика пальца со следами ногтей. Отдельные черепки лепных сосудов были найдены на поверхности задернованного поля. Кроме обломков лепных сосудов, имеется пять обломков сосудов, сделанных на гончарном круге. Среди них две ручки: одна от амфоры, вторая от светло-серого кувшина. Один обломок — стенка темно-серого сосуда, орнаментированная двумя параллельными бороздками,

а между ними волнистой линией; второй — обломок шейки палевого кувшина, орнаментированной тремя вдавленными пролощенными полосами; третий — стенка красноглиняной амфоры. По общему облику обломки гончарных сосудов относятся к группе салтово-маяцкой керамики. Обломки лепных сосудов пока определены быть не могут.

Разведочными работами 1950—1951 гг. Волго-Донской археологической экспедиции обследована большая группа древних памятников и собран значительный материал. По сути дела, для данного района это первое детальное обследование на огромной территории археологических памятников большого хронологического отрезка — от эпохи камня до средневековья. И все же разведочные изыскания не смогли охватить всего многообразия древних памятников. В частности, очень мало сделано в отношении изучения могильных памятников, прежде всего курганов, исследование которых требовало проведения больших, непосильных для отряда земляных работ. Этот пробел в какой-то мере заполняется работами других отрядов, однако не для всей зоны, а лишь для небольшой территории (окрестности ст. Цимлянской, хут. Ляпичева). Собранные материалы отражают основные этапы жизни человека в этом крае, дают общее представление об отдельных этапах истории Юго-Востока нашей страны. Начиная с эпохи бронзы край был густо населен, особенно в поздний, так называемый срубный ее период. Последующее, скифо-сарматское время и более позднее вплоть до VIII в. н. э. не находит отражения в памятниках оседлости. На всей исследованной территории не обнаружено ни одного поселения этой поры. Однако жизнь в крае, очевидно, не замирала. Следы ее выступают в материалах исследованных в этом районе курганов. Хотя число последних и невелико, материалы, добывшие при их исследовании, все же не вызывают сомнения в принадлежности их скифо-сарматскому времени.¹

¹ Отчеты о раскопках А. Д. Столяра близ хут. Попова и о наших раскопках близ хут. Карнаухова см. в настоящем томе (стр. 263—314, 348—416).

По-видимому, население этого периода вело кочевой образ жизни. Небольшой объем работ не дал возможности собрать достаточно данных для ответа на вопрос, в каком отношении находилось кочевое население скифо-сарматского времени к оседлому населению предшествующей поры (бронзы срубного времени): имеем ли мы в лице кочевников потомков населения срубной культуры, перешедших к новому хозяйственному укладу, или это новое население, вытеснившее своих предшественников.

Новые, интересные данные содержат материалы средневековья, в первую очередь славяно-русской культуры, позволяющие говорить о продвижении отдельных групп славян к берегам среднего течения Дона уже в VIII—IX вв. (поселение у хут. Ближняя Мельница). Находят подтверждение в археологических материалах письменные свидетельства XIII в. о русских поселениях среди татар на Дону (поселение при устье р. Донской Царицы).¹ Существенно пополняются наши знания о салтово-маяцкой культуре, как в отношении границ распространения памятников этой культуры в бассейне р. Дона, так и содержания самой культуры.

Наконец, заслуживают серьезного внимания памятники средневековой поры (II тысячелетия) типа поселения у хут. Малого Набатского, представляющие высокоразвитую оседлую культуру, отличную от культуры татар XIII—XIV вв., известной нам по материалам Нижней Волги.² Отложения этой культуры встречались в бассейне нижнего течения р. Дона и ранее, но только в памятниках многослойных и в недостаточно отчетливом виде. Обнаружение поселений, содержащих отложения только данной культуры и к тому же с хорошо выраженным культурным слоем, ставит перед исследователями вопрос о необходимости заняться этой группой памятников.

¹ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Малеина. СПб., 1911, стр. 86—87.

² Ф. Баллад. Приволжские «Помпеи». М.—Пг., 1923.

И. И. Ляпушкин

КАРНАУХОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Карнауховское поселение известно в литературе с конца XIX в. Первые сведения о нем мы находим в статье Х. И. Попова, посвященной изучению вопроса о местоположении крепости Саркел. В ней был опубликован план этого поселения под названием «Городище Цимлянское на р. Котлубанной». На плане имеется пометка, что «под городищем земли 19 дес. 1500 кв. с.». В тексте статьи данных о городище не содержится.¹ Долгое время после этого никаких сведений в литературе о нем не появлялось, поселение оставалось, по-видимому, совершенно неисследованным. Только в 1927 г. в связи с разведочными работами Северо-Кавказской экспедиции оно попало в поле зрения археологов. Обследованием, произведенным экспедицией, было установлено, что древние культурные отложения прослеживаются как в черте хутора, так и за его пределами. Наиболее отчетливо они выступают в отложениях берега р. Котлубанки. В границах распространения культурного слоя экспедицией были выявлены неглубокие, округлые в плане (диаметром около 7 м) западинки, определенные исследователем как остатки древних круглых жилищ. На основании собранных материалов (обломки керамической посуды, шлаки) поселение у хут. Карнаухова было признано средневековым, близким к поселению у хут. Попова (Правобережное Цимлянское), но более бедным, чем последнее. Существенно, что остатки древней ограды, нанесенной на план, опубли-

кованный Х. И. Поповым, экспедицией найдены не были.¹

В 1929 г. Карнауховское поселение было обследовано вторично, однако ничего нового выявлено не было. Как и при обследовании 1927 г., на поверхности были встречены неглубокие западинки, признанные также за остатки углубленных в землю построек; из культурных остатков были найдены обломки гончарной посуды и куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Следов ограды, «несмотря на внимательное изучение всей местности, примыкающей к реке», и на этот раз обнаружено не было.² Ни при первом, ни при втором обследовании раскопочных работ на поселении не производилось. В последующее время, вплоть до 1950 г., в исследовании поселения вновь наступил перерыв, хотя в районе ст. Цимлянской в 30-х годах в течение ряда лет Саркелской археологической экспедицией проводились довольно широкие полевые изыскания.

В связи с Волго-Донским строительством на Нижнем Дону в 1949—1951 гг. развернулись значительные по объему археологические работы. Вся территория зоны затопления была подвергнута сплошному археологическому обследованию с целью выяснения облика как известных, так и вновь открываемых древних памятников. В 1950 г. было обследовано и Карнауховское поселение,

¹ А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 117—118.

² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 25—27.

¹ Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 267—277.

причем одновременно с внешним изучением памятников на поселении были произведены небольшие раскопочные работы. При раскопках были обнаружены остатки весьма своеобразных по строительной технике наземных построек, не известных в археологической практике. Это обстоятельство повело к тому, что раскопочные работы на поселении были продолжены и в 1951 г. В итоге этих работ на поселении собран сравнительно большой материал, характеризующий отдельные стороны жизни средневекового оседлого населения Юго-Востока нашей страны, остающегося до последнего времени все еще недостаточно изученным.

1

Поселение представляет сложный памятник, состоящий из укрепления (городища) и неукрепленной части (селища). Городище расположено на левом берегу р. Котлубанки, на северной окраине хутора, на мысу, образованном долиной реки и впадающей в нее балкой (рис. 1). С восточной и южной сторон городище укреплено валом и рвом дугообразной формы; с западной и северной сторон следов искусственного укрепления не заметно. Здесь поселение имело, по-видимому, естественную защиту: с запада — р. Котлубанку, с севера — балку, впадающую в долину реки. По местоположению и планировке укрепленная часть поселения полностью соответствует плану городища, опубликованному Х. И. Поповым.¹

Как отмечалось выше, Северо-Кавказская экспедиция в 1927 и 1929 гг. не нашла следов укрепления. Объяснение этому следует искать как, по-видимому, в плохой сохранности вала и рва, разрушенных временем и при сооружении хозяйственных построек (в частности, отдельные участки вала и рва были использованы в качестве ограды усадеб колхозников), так, быть может, и в том, что и в 1927, и в 1929 г. экспедиция при обследовании района поселения натолкнулась не на укрепленную часть (городище), а на селище, имеющее более ярко выраженные культурные отложения, и сосредоточила поиски ограды на этом участке, удаленном в отдельных частях от города до километра и более. Последнее предположение наиболее

вероятно. Оно подтверждается теми материалами, которые были собраны экспедицией в 1929 г. при обследовании поселения. Мы имеем в виду куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев.¹ Как установлено двухлетними работами, 1950—1951 гг., такая обмазка, в громадном количестве встречающаяся в культурных отложениях селища, ни разу не найдена при раскопках укрепленной части (городища).

Неукрепленный поселок (селище) находится в 200—300 м к северу от укрепления, за балкой. Основная, наиболее яркая по выходам культурных отложений часть селища занимает склон надпойменной террасы левого берега р. Котлубанки, но следы поселения заметны и на правом берегу, непосредственно против укрепления.

Общая протяженность всего поселения по линии север—юг около 2 км, по линии восток—запад не менее 0.5 км. Культурные отложения древнего поселения довольно отчетливо прослеживаются на всей этой площади. В одних местах они выступают в обрезах берега реки и оврагов, в других — там, где производилась распашка, непосредственно на поверхности. Следует, однако, отметить, что отложения древнего поселения не представляют сплошного слоя на всей очерченной территории. Они выступают в виде скоплений (гнезд), расположенных на некотором расстоянии одно от другого. Характер культурных остатков по содержанию в отдельных гнездах неодинаков, да и форма залегания их различная. В одних точках мы находим скопления кусков глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника, залегающие в одной плоскости с окружающей территорией; в других — это курганообразные насыпи диаметром до 30—35 м, высотой до 1 м, состоящие из золы с включением значительного количества обломков глиняной посуды, костей животных и единичных, в большей части дефектных, различных вещей из металла, кости, камня и т. п.; в третьих — это неглубокие, овальные в плане, сильно гумусированные западинки, диаметром от 5 до 10—12 м, имеющие более яркий растительный покров, чем окружающая территория.

Наиболее отчетливо остатки прослеживаются на неукрепленной территории посе-

¹ Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел, стр. 267—277.

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 26.

ления, большая часть которой в недалеком прошлом подвергалась распашке. Менее заметны выходы древних остатков на городище. Северная и западная части последнего длительное время находились под усадьбами колхозников, вследствие чего древние отложения здесь в ряде мест перекрыты мощным слоем отложений наших дней; юго-восточная половина служила, по-видимому, выгоном для скота и сильно задерновалась. Тем не менее и на городище есть участки, где следы древнего поселения в виде зольных всхолмлений и западинок выступают достаточно ясно. Совершенно не найдено на городище скоплений глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника.

В течение двух сезонов (1950—1951 гг.) на территории поселения было заложено пять раскопов — три на селище и два на городище, — охвативших собой все виды выходов культурных отложений (рис. 1). При раскопках участков со скоплениями глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника были обнаружены остатки наземных сооружений; на местах западинок оказались жилые и хозяйствственные полуzemляночные сооружения, а разрезы курганообразных зольных насыпей вскрыли сорные кучи. За время работы раскопками было вскрыто шесть наземных сооружений (на раскопе I — 5 и на раскопе III — 1), пять полуzemляночных (на раскопе I — 2 и на раскопе IV — 3), произведены разрезы трех зольных всхолмлений (на раскопах I, II и IV) и прорезаны траншеей вал и ров города (раскоп V). Кроме того, с целью отыскания могильника было заложено за пределами поселения четыре траншеи и произведено частичное вскрытие одного кургана в курганном могильнике, расположенному к юго-востоку от города.

Параллельно с раскопочными работами производилось всестороннее изучение внешнего облика поселения (границы распространения культурных остатков, их характер и топографическое размещение, особенности культурных отложений укрепления и неукрепленной части поселения и т. д.). Результаты этой работы нашли отражение в плане поселения, выполненным с помощью глазомерной съемки. На план нанесены скопления глиняной обмазки (места наземных сооружений), западинки (места полуzemляночных построек), зольные всхолмления (сор-

ные кучи), вал, ров и некоторые другие детали, могущие в той или иной мере характеризовать облик исследуемого памятника.

Несомненно, план далеко не отражает топографии древнего поселения, в частности не полностью зафиксированы жилые и хозяйственные постройки, часть которых, и, по-видимому, довольно значительная, перекрытая отложениями наших дней, осталась невыявленной. Тем не менее план заключает в себе такие сведения, которые в значительной мере дополняют данные раскопок и тем самым помогают разобраться в исследованном памятнике (рис. 1).

2

При обследовании поселения в 1950 г. на территории селища в тех его частях, где была произведена распашка (преимущественно к востоку от дороги), были обнаружены участки, на поверхности которых выступали скопления кусков глиняной обожженной обмазки самых различных размеров, от небольших зерен до блоков величиной $0.20 \times 0.15 \times 0.10$ м. Большая часть их имела отпечатки, как позже выяснилось — тростника (рис. 2). Отпечатки, как правило, покрывали одну сторону, вторая была гладкой. Лишь немногие куски имели отпечатки с обеих сторон. Глина была обожжена довольно сильно. Отдельные фрагменты были ошлакованы.

Участки, содержащие включения обожженной обмазки, представляли собой площадки размером $6-8 \times 10-12$ м, вытянутые по линии северо-запад—юго-восток. Поверхность их имеет розоватую окраску, отличную от окружающего темного, гумусированного поля (рис. 3). Как отмечалось выше, обожженная обмазка обнаружена лишь на территории селища, в первую очередь в тех частях, где поверхность была перепахана, но выходы ее прослежены и на задернованных участках. При обследовании поселения выходы обмазки зафиксированы в 19 точках. Большинство их расположено в северо-восточной части селища. В западной части, не подвергавшейся распашке, а также в южной, находившейся под усадьбами, их очень мало.

Произведенными раскопками было установлено, что скопления обожженной глиняной обмазки являются остатками разрушенных наземных построек. Сохранность последних очень плохая. В большинстве слу-

чаев они дошли до нас в виде развали глиняной обмазки, и лишь в помещениях II и III открыты незначительные участки сохранившихся стенок высотой до 0.20 м (рис. 4). Эти стены, возведенные непосредственно на почвенно-материковой поверхности, представляют собой двухстороннюю глиняную обмазку по тростниковому кар-

ругленными углами, несколько вытянутыми по оси северо-запад—юго-восток. Размеры их колеблются в пределах $4-6 \times 4-9$ м. Полы во всех постройках земляные, довольно плотные, а вдоль стен и в центре как будто даже обожжены. В ряде помещений на полу был найден бытовой и хозяйственный инвентарь в виде глиняной посуды (в раздав-

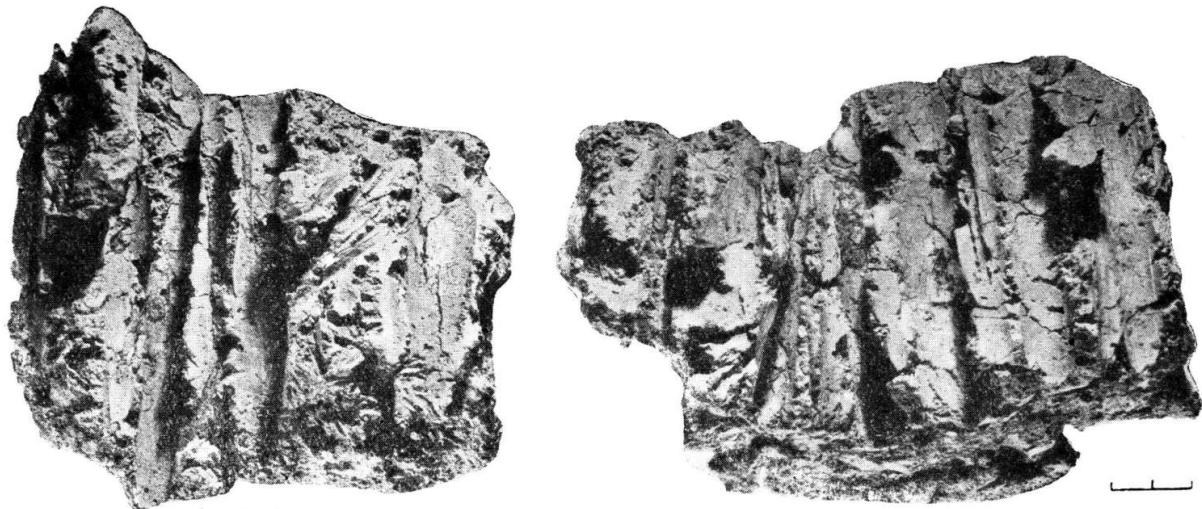

Рис. 2. Глиняная обмазка с отпечатками тростника.

касус. Толщина обмазки до 0.15 см. Каркас не сохранился, но промежуток между наружной и внутренней обмазкой заполнен золисто-гумусированным слоем, в котором обнаружены угольки тростника. Каркас устанавливался в специально вырытую канавку глубиной около 0.30 м и такой же приблизительно ширины. Сохранность канавок довольно хорошая (рис. 5). На участках, где стены сохранились, канавки залегали непосредственно под ними. Канавки, так же как и пространство между внутренней и наружной обмазкой, были заполнены золистым слоем с вкраплением угольков сгоревшего тростника, а в верхней части содержали куски обожженной обмазки. Канавки, вырытые в коричневатом суглинистом слое, благодаря золистому заполнению отчетливо прослеживались на вскрытой поверхности, что позволяло точно выяснить планировку помещений даже в тех случаях, когда стены были разрушены полностью (рис. 6).

Все постройки, за исключением одной (помещение VI), были прямоугольными с ок-

ленном виде), разбитых жерновов, точильных камней, пряслиц и т. п. Следует подчеркнуть, что находки бытовых и хозяйственных остатков немногочисленны. В некоторых помещениях в полу были вырыты хозяйственные ямы (погреба). В одних случаях (помещение V) ямы полностью размещались внутри помещения, в других (помещение I) ямы выносились за границы помещения, но вход в них шел из помещения. В ряде помещений обнаружены следы очагов. Устройство их самое различное: одни из них совершенно открытые, другие размещались в ямах, наконец часть их, по-видимому, имела перекрытие. Различным, вероятно, было и их назначение.

Как ни отрывочны данные, относящиеся к нижней части построек, они все же в какой-то мере позволяют восстановить планировку последних. Значительно меньше данных мы имеем для реконструкции верхней части построек — стен и кровли. Как уже отмечалось, от стен сохранились лишь незначительные фрагменты высотой до 0.20 м.

Рис. 3. Площадка поселения с выходами обмазки.

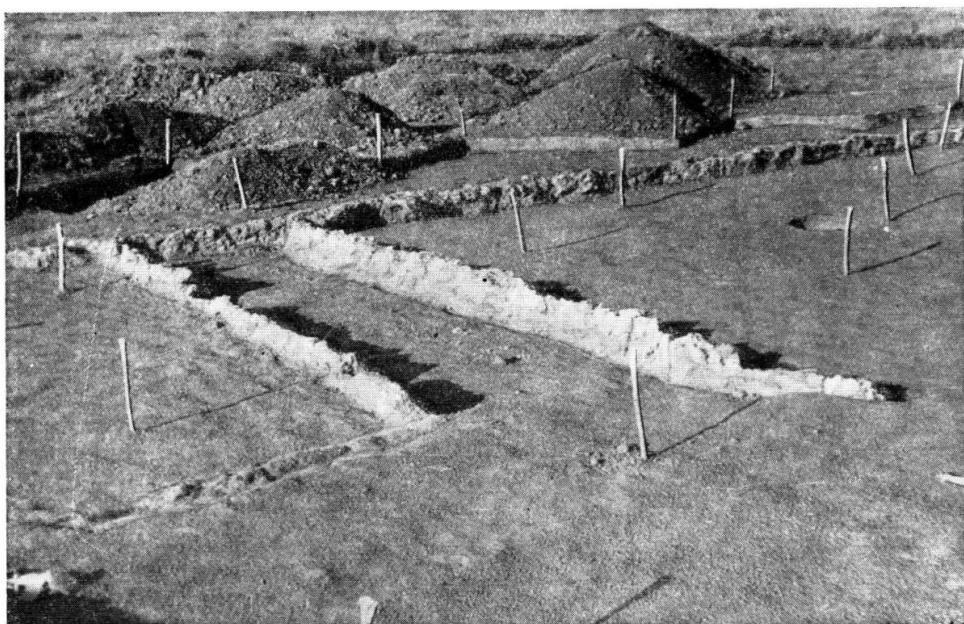

Рис. 4. Остатки стен наземных построек (юго-восточная стена помещения II и северо-западная стена помещения III).

Какова была первоначальная их высота, неизвестно. Количество сохранившейся глиняной обмазки дает основание говорить, что они не могли быть высокими. Были ли стены вообще невысокими, или же в верхней своей части они изготавливались из более легкого строительного материала (например, из того же тростника, но без обмазки), не дошедшего до нас, сказать невозможно.

другим наземным постройкам, оно существенно отличается от них своей планировкой. Это трехстенное помещение, совершенно открытое с юго-восточной стороны, — своеобразный навес. Полное отсутствие следов непосредственной человеческой жизни, в первую очередь отсутствие очага, дает основание предполагать, что это была надворная постройка, навес хозяйственного назначе-

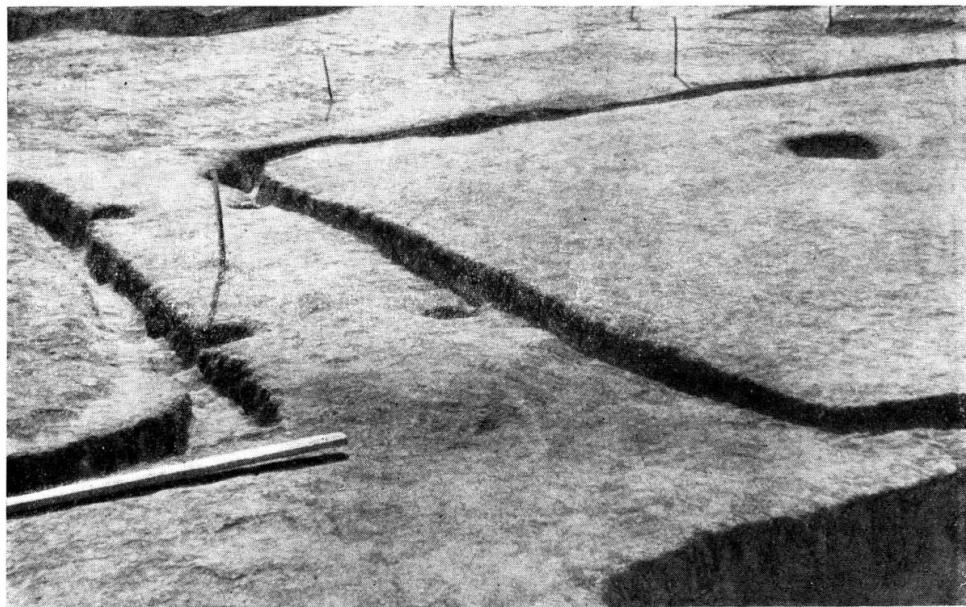

Рис. 5. Канавка для установки каркаса стен (юго-восточная стена помещения II и северо-западная стена помещения III).

Очень мало сохранилось данных для ответа на вопрос о системе перекрытия. Несомненно, оно опиралось на столбовую конструкцию, следы которой наиболее отчетливо наблюдаются в помещении V в виде четырех пар столбовых ямок, размещенных симметрично внутри помещения вдоль длинных стен (рис. 7). Отдельные ямки, выявленные в ряде помещений, а в некоторых случаях (помещение III) остатки сгоревших столбов подтверждают это положение. Все же имеющиеся материалы не позволяют еще сделать определенное заключение, какой характер имела крыша — плоский, двухскатный или четырехскатный, равно как и чем были покрыты эти сооружения.

Несколько обособленное место среди наземных построек занимает помещение VI. Близкое по строительной технике ко всем

другим наземным постройкам, оно существенно отличается от них своей планировкой. Это трехстенное помещение, совершенно открытое с юго-восточной стороны, — своеобразный навес. Полное отсутствие следов непосредственной человеческой жизни, в первую очередь отсутствие очага, дает основание предполагать, что это была надворная постройка, навес хозяйственного назначе-

ния. Такое предположение подтверждается и местоположением данного помещения по отношению к другим постройкам усадьбы. Переходим к описанию отдельных построек.

Помещение I (раскоп I; рис. 8) расположено на склоне надпойменной террасы в центральной, наиболее густо насыщенной выходами культурных отложений части селища (рис. 1). Остатки его в виде скопления кусков обожженной глиняной обмазки отчетливо прослеживались на поверхности, подвергавшейся в недавнем прошлом распашке. Поверхность участка, на котором вскрыты остатки постройки, сравнительно ровная. Культурный слой по мощности незначительный, не более 0,40 м толщиной. Верхняя часть его, на глубину 0,15—0,25 м, является пашенным черноземом темно-коричневого цвета с включением кусков обожж

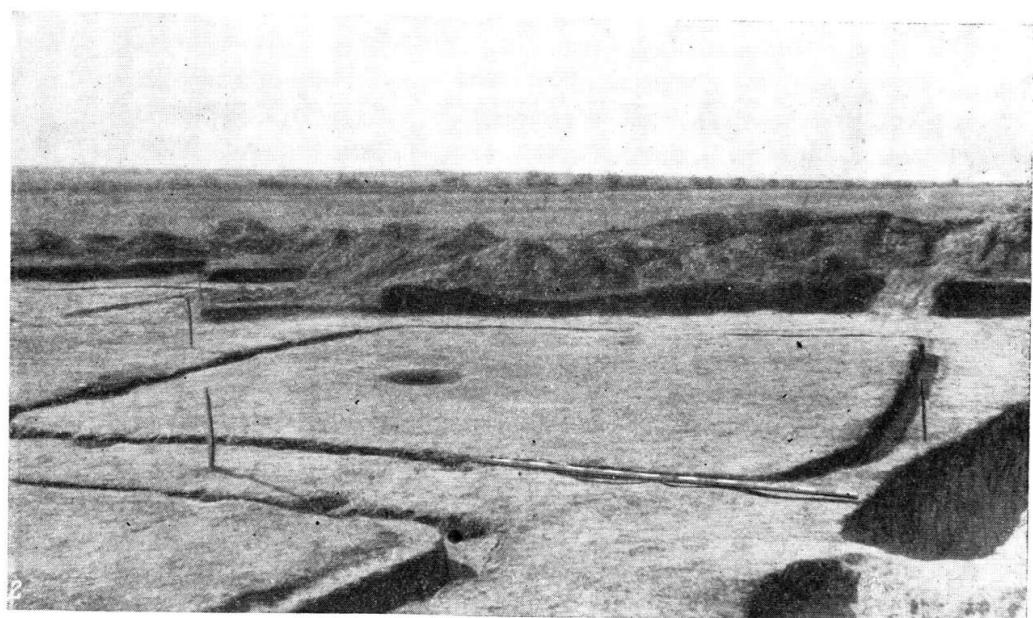
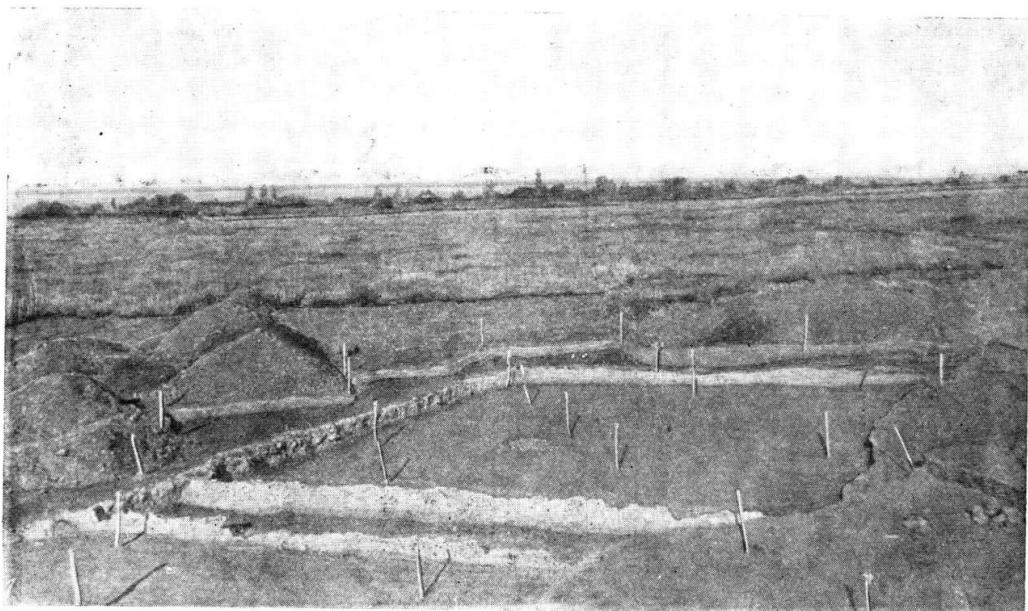

Рис. 6. Наземная постройка II.

1 — остатки стен; 2 — канавка для установки каркаса (после разборки стен и выборки зольного заполнения).
Снимки сделаны с близких точек.

женной глиняной обмазки, немногочисленных обломков глиняной посуды и костей животных. Глиняная обмазка залегала в слое не-

пашенного слоя, по общему облику почти не отличаются от верхнего слоя. Они имеют такой же темно-коричневый цвет и такие же

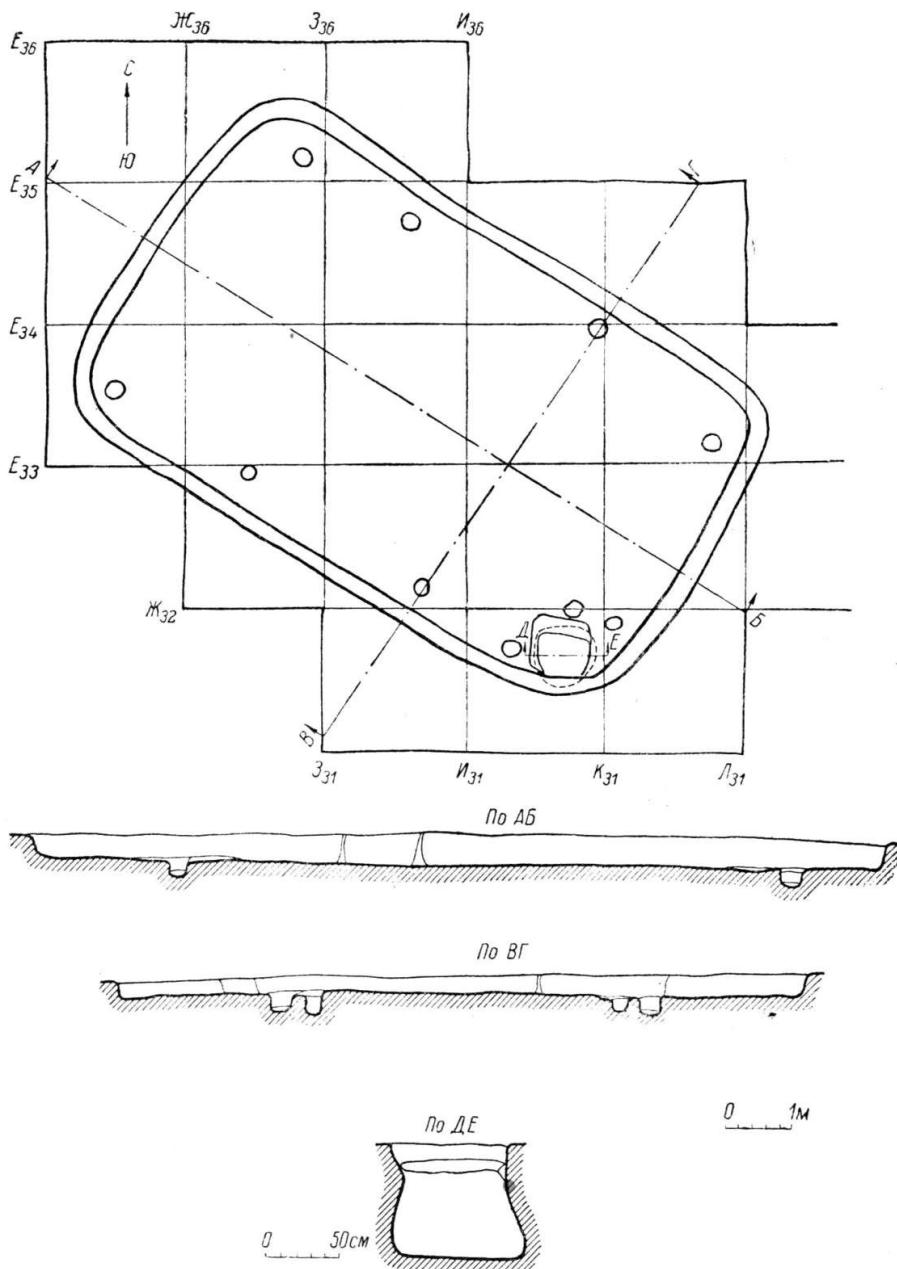

Рис. 7. Наземная постройка V. Планы и разрезы.

равномерно. В одних местах ее довольно много, в других — едва уловимые следы. Культурные напластования, лежащие ниже

культурные остатки, но менее затронутые пахотой. Залегание глиняной обмазки ниже пашенного слоя в какой-то мере отражает пла-

нировку вскрытого здесь помещения. Последнее представляет собой прямоугольное в плане сооружение размером $4.50-5.25 \times 5.40$ м,

фрагменты нижней части обожженных, глинообитных по тростниковому каркасу стен высотой 0.05—0.10 м, при толщине не бо-

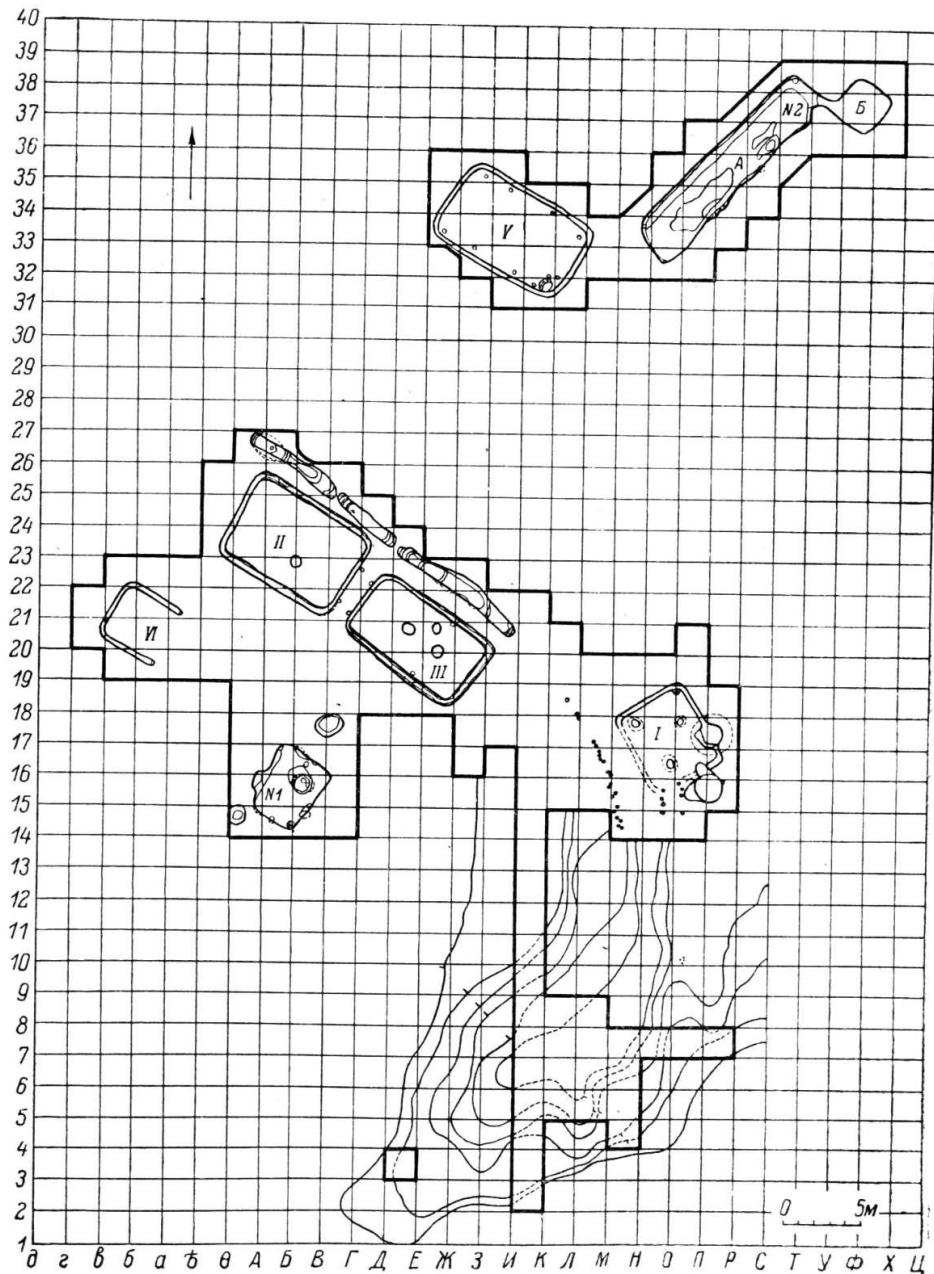

Рис. 8. Раскоп I. План раскопа.

ориентированное по длинной оси в направлении северо-запад—юго-восток. От помещения сохранились лишь незначительные

ле 0.15 м. Границы помещения прослеживаются довольно отчетливо. На участках, где стени не сохранились, направление их

хорошо прослеживается по развалу обмазки, а также по отпечаткам стен на поверхности. Кроме того, поверхность земли по всей линии стен обожжена.

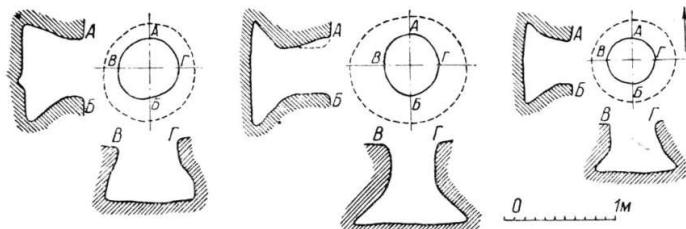

Рис. 9. Наземная постройка I. Планы и разрезы «жаровых» ям.

В юго-восточной стене около южного угла помещения, по-видимому, находился вход. Ширина его около 1.20 м; по краям его имеются столбовые ямки диаметром 0.15—0.17 м, глубиной около 0.25 м. К югу от них обнаружено еще шесть таких ямок, расположенных двумя параллельными рядами на линии протяженностью около 1.60 м (рис. 8).

Пол помещения земляной. Поверхность его ровная и довольно плотная. Центральная часть сильно обожжена. В полу три ямы. Все они как по форме и размерам, так и по заполнению почти одинаковые. Судя по размещению, размерам, зольному заполнению и обожженности стенок эти ямки имели не хозяйственное, а какое-то иное назначение, скорее всего они служили для отопления помещения («жаровые» ямы; рис. 9).

Яма № 1 расположена в северо-западном углу помещения. Верхний диаметр ее 0.60 м, нижний — 0.80—1 м, глубина ее 0.65 м. Верхняя часть ямы на глубину до 0.20 м была заполнена темным золистым слоем с включением кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростника. Ниже залегал слой чистой золы, содержащий немногочисленные культурные остатки в виде обломков глиняной посуды салтовского типа и костей животных. Яма выкопана в почвенно-материковом слое. Стенки и дно гладкие и сильно обожженные.

Яма № 2 расположена в юго-восточной части помещения. Верхний диаметр ямы 0.45 м, нижний — 1.15 м, глубина ямы 0.85 м. Яма вырыта в почвенно-материковом слое. Заполнение ее, характер стенок и обжига их те же, что и в яме № 1.

Яма № 3 расположена в северо-восточной части помещения. Форма ее такая же, как и ям №№ 1 и 2. Верхний диаметр ямы 0.45 м, нижний — 0.80 м, глубина ямы

0.50 м. Заполнение ямы однородно с предыдущими, но в золе меньше культурных остатков. В верхней части заполнения найдены фрагментированный пестик (рис. 10) и пряслице. Обработка стенок и обжиг их такие же, как в ямах №№ 1 и 2.

Культурные остатки, собранные в границах помещения I, немногочисленны. В северном углу помещения найден раздавленный пифосообразный сосуд. Часть обломков его была выпахана на поверхность (рис. 11, 12). Около юго-восточной стены близ входа обнаружено большое число обломков ручного жернова (из ракушечника). Несколько обломков жернова было

Рис. 10. Наземная постройка I. Каменный пестик из ямы № 3.

собрано в этих же границах на дневной поверхности до начала раскопок.

На линии юго-восточной стены раскрыта хозяйственная яма-погреб (рис. 8). Яма имела трехчастную форму. Центральная часть ее

в плане округлая, диаметром около 1.80 м, глубиной около 0.80 м, почти цилиндрической формы; дно ровное. С юго-западной стороны к этой большой яме примыкает своеобразная ниша, полуovalной в плане формы, размером около 0.60 м по линии юго-запад—северо-восток и около 1 м по линии северо-запад—юго-восток (наибольшая ши-

была заполнена золистыми отложениями. Только вдоль стены центральной части ямы залегали большие глыбы коричневатой подпочвы. По-видимому, это оползшие стены центральной части, имевшей первоначально не цилиндрическую, а колоколовидную форму. В заполнении встречались обломки глиняной посуды салтовского типа, кости

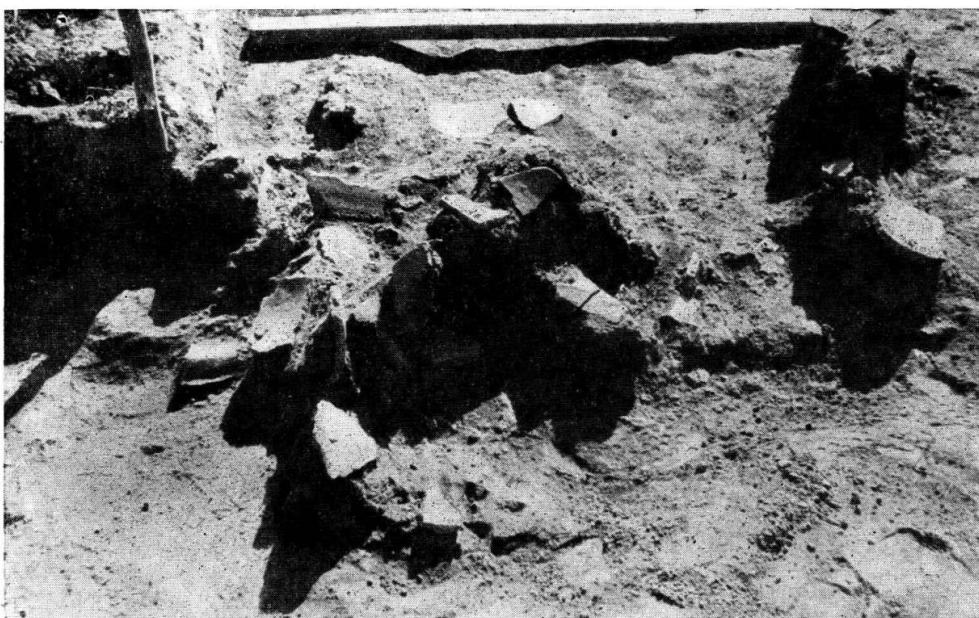

Рис. 11. Наземная постройка I. Северо-восточный угол помещения в процессе расчистки (остатки разбитого пифосообразного сосуда).

рина). Дно этой части покатое в направлении к центральной яме. Наименьшая глубина ее 0.45 м. Стенки имеют небольшой (около 0.20 м) подбой. Третья часть ямы расположена к северо-западу от центральной. Она представляет собой почти прямоугольное в плане углубление со слегка закругленными углами. Размер этой части ямы по длинной оси (северо-запад—юго-восток) около 1 м, по короткой (северо-восток—юго-запад) — около 0.70 м. Глубина ее 0.40—0.55 м. Стенки ямы отвесные. В то время как две первые части ямы находятся за пределами помещения I, последняя заходит в помещение, представляя собой как бы ступеньку из помещения в центральную часть (погреб).

Яма вырыта в ненарушенном подножевенно-материковом слое. Большая часть ее

животных и куски обожженной глиняной обмазки. Заполнение второй, юго-западной части ямы было также золистым, но в нем оказалось значительно больше кусков обожженной (вернее, перегоревшей) дочерна глины и большое количество обломков глиняной посуды салтовского типа, в том числе обломки одного большого трехручного кувшина (реставрирован; рис. 13). Заполнение третьей части ямы отличалось от предыдущих наличием в зольном слое большого числа кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростника.

Вторая хозяйственная яма (погреб) была вскрыта под развалом северо-восточной стены. Яма имела колоколовидную форму. Верхний диаметр ее около 1.30 м, нижний — более 2.50 м, глубина 1.25—1.30 м. Яма вырыта в почвенно-материко-

вом слое. Дно и стенки обработаны довольно хорошо; поверхность их ровная и гладкая. Западная часть ямы, расположенная под

Рис. 12. Наземная постройка I. Сосуд из северо-восточного угла помещения (реконструкция).

полом помещения I, оползла. Это оползание произошло еще в период, когда помещение было обитаемо, о чем свидетельствует то, что оползшая часть была выровнена путем подмазки глиной под лицо с остальной частью пола помещения. Верхняя часть ямы была заполнена золистым слоем с включением культурных остатков в виде обломков глиняной посуды салтовского типа, костей животных и кусков обожженной глиняной обмазки. Последние сконцентрированы в виде завала в юго-западной части ямы на линии стены помещения. Под золистым слоем залегал слой необожженной глины куполообразной формы. В центре ямы мощность его достигала 0.50 м; к краям слой выклинивался. В верхней части глина плотная и чистая, внизу в нее вкраплены тонкие линзы чистой золы голубоватого цвета. Под необожженной глиной лежал слой чистой

золы с включением костей животных и рыб, а также небольшое число обломков глиняной посуды, среди которых преобладали обломки небольшого кухонного горшка, покрытого по тулову сплошным линейным орнаментом, а по плечикам гирляндами, нанесенными многозубчатым гребнем. Мощность зольного слоя в центральной части ямы около 0.15—0.20 см; по мере удаления от центра слой выклинивался.

По внешнему виду золы, лежащей под слоем необожженной глины, резко отличается от золистого заполнения верхней части ямы. Она имеет голубоватый оттенок и производит впечатление зольных остатков только что потухшего костра. Зола лежит на дне ямы. Дно ямы слегка обожжено.

Рис. 13. Наземная постройка I. Сосуд из хозяйственной ямы (реконструкция).

На северо-западной и юго-восточной стенах ямы в местах пересечения ямы стеной помещения обнаружены пазы глубиной 0.25 м,

ширины около 0.20 м, расположенные прямо под стеной. Пазы заполнены золистым слоем. Расчистка их показала, что они представляют торцы канавки, служившей основанием для установки тростникового каркаса стен. Глубина канавки 0.20—0.25 м, ширина около 0.20—0.25 м. Судя по тому, что северо-восточная стена помещения I была сооружена

ботных и обломков глиняной посуды салтовского типа и резко отличался от культурных отложений окружения. Вероятнее всего открытые ямки следует связать с кольями изгороди, отделяющими одну усадьбу от другой. Незначительная величина вскрытого участка не позволила проследить протяженность линии этой изгороди (рис. 14).

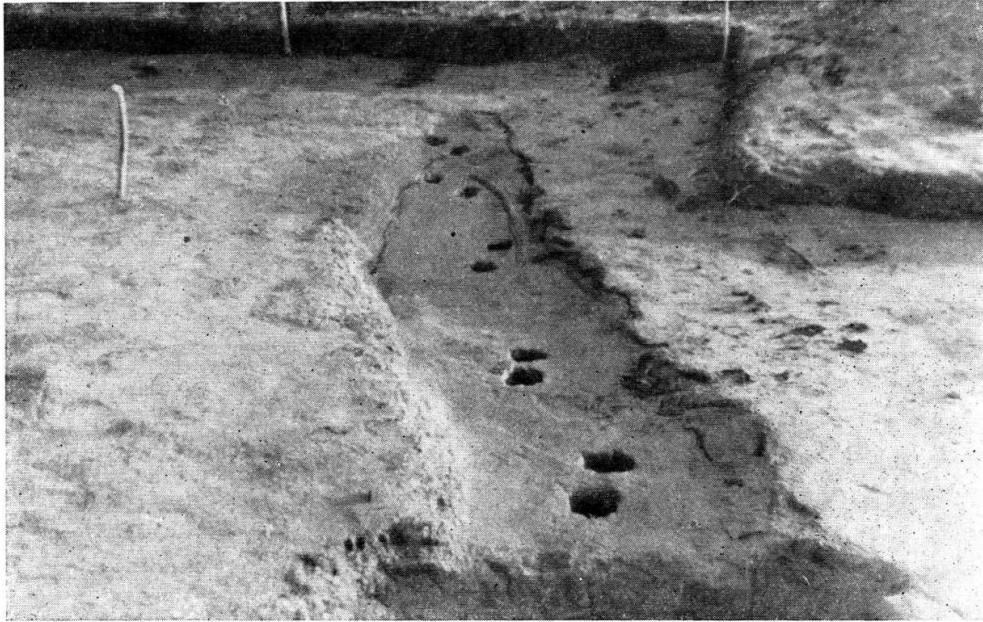

Рис. 14. Следы изгороди вдоль юго-западной стены наземной постройки I.

над хозяйственной ямой, следует полагать, что последняя по времени предшествовала сооружению помещения I. К моменту постройки на этом месте помещения I яма была заброшена и засыпана. Оседание засыпи ямы повело к тому, что часть пола помещения, расположенная над ямой, также осела, вследствие чего обитатели жилища были вынуждены подмазать глиной осевший край ямы под лицо с полом.

На расстоянии около 2 м к юго-западу от помещения I вскрыто 11 пар небольших ямок диаметром около 0.10—0.12 м и такой же глубины, размещенных по линии северо-запад — юго-восток, параллельно юго-западной стене помещения. Сверху вся линия ямок была перекрыта темным гумусированным слоем. Ширина полосы около 0.70—0.80 м. Слой был сильно насыщен культурными остатками в виде костей жи-

Помещение II (раскоп I) расположено в той же части, что и помещение I, метрах в 20 к северо-западу от последнего (рис. 8). По характеру остатков и условиям залегания, равно как и по планировке и строительной технике, оно мало чем отличается от первого помещения (рис. 15). Это прямоугольное в плане сооружение размером 5—5.5×7.5—8 м, вытянутое по длиной оси в направлении северо-запад — юго-восток (рис. 16). Остатки его залегали на глубине 0.15—0.25 м от дневной поверхности. Они состоят из завала глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника и незначительных участков полуразрушенных стенок высотой 0.20—0.25 м при толщине 0.15—0.20 м. Фрагменты стен помещения II имеют лучшую сохранность, чем помещения I. Так, юго-восточная стена сохранилась на всем своем протяжении (около 5.5 м длиной).

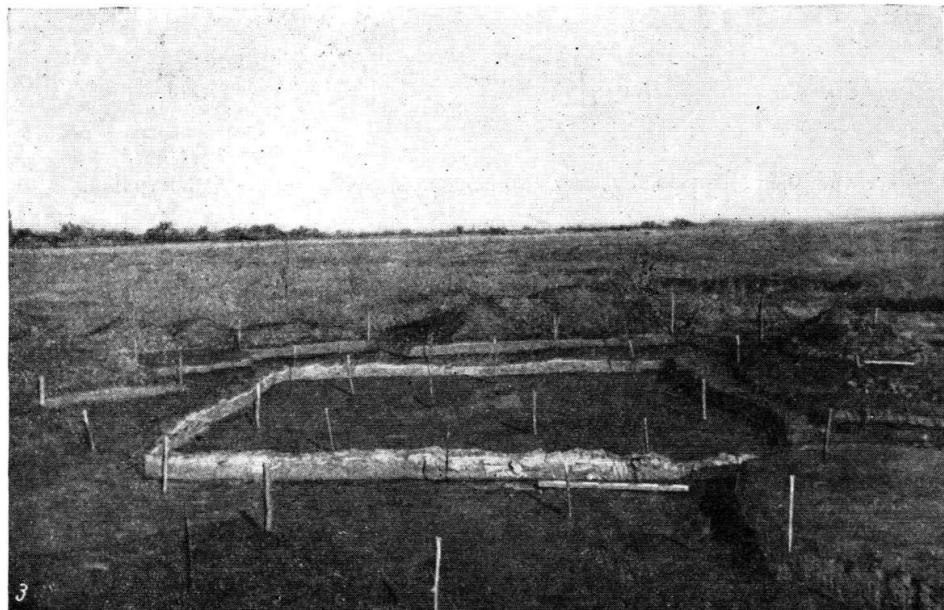
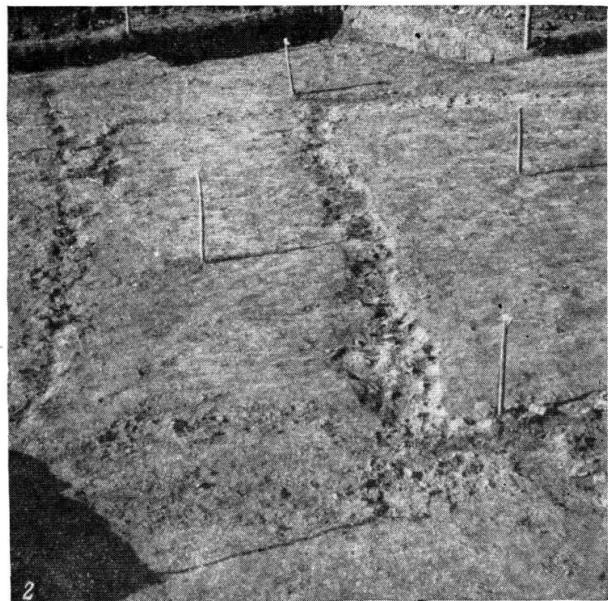
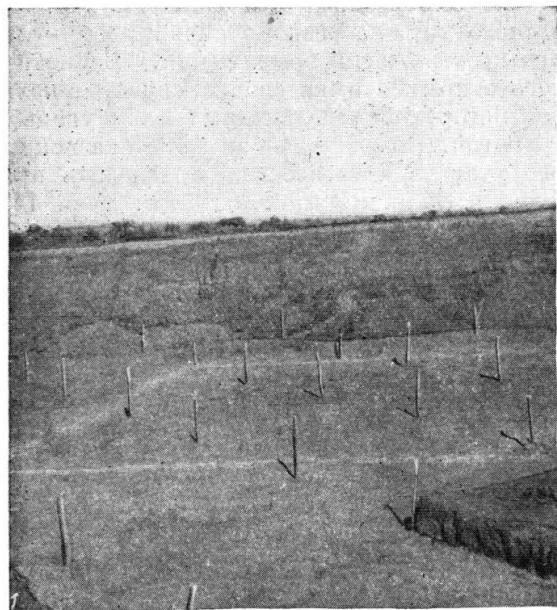

Рис. 15. Наземная постройка II. Остатки развала стен (процесс расчистки).
1 — после снятия первого штыка; 2 — то же (деталь, юго-восточная часть); 3 — на горизонте пола.

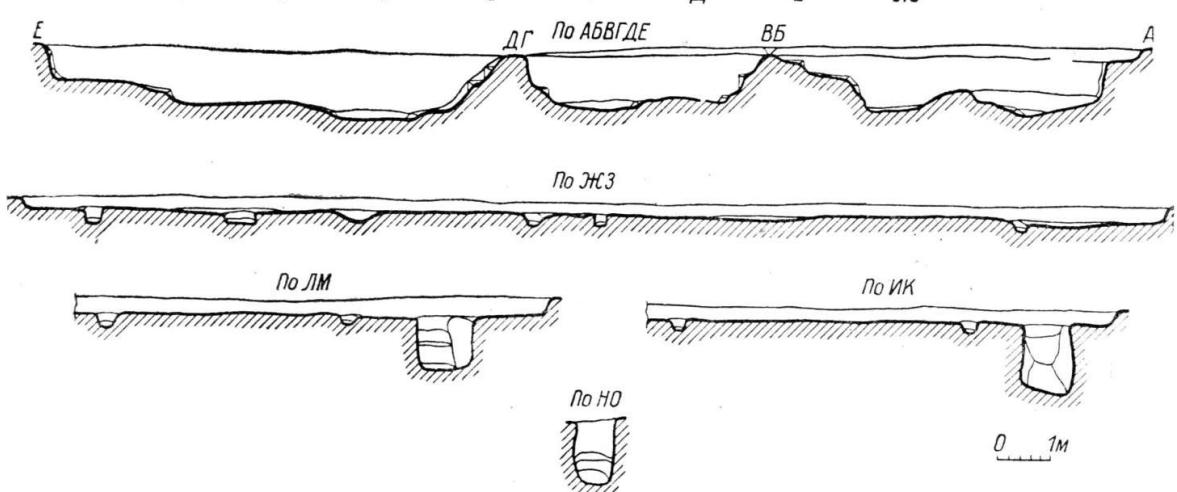
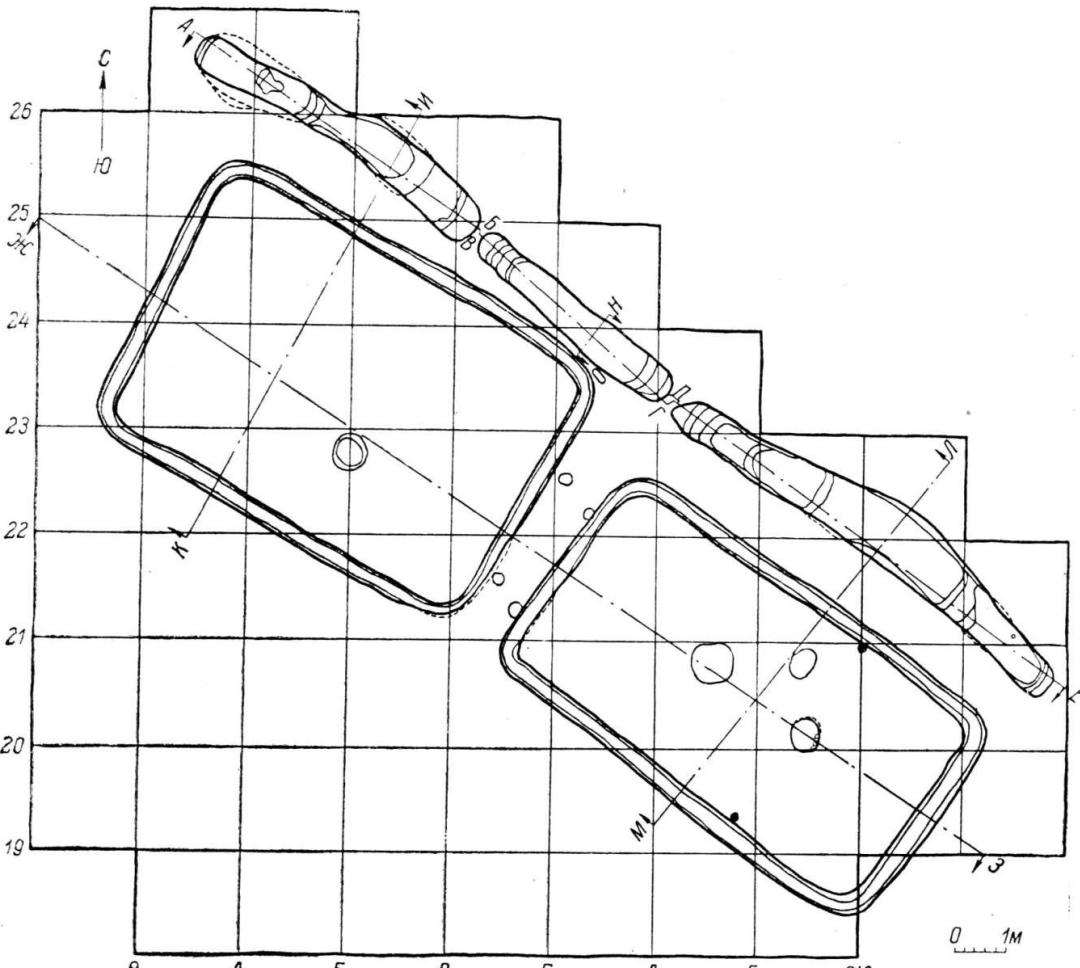

Рис. 16. Наземные постройки II и III. План и разрезы.

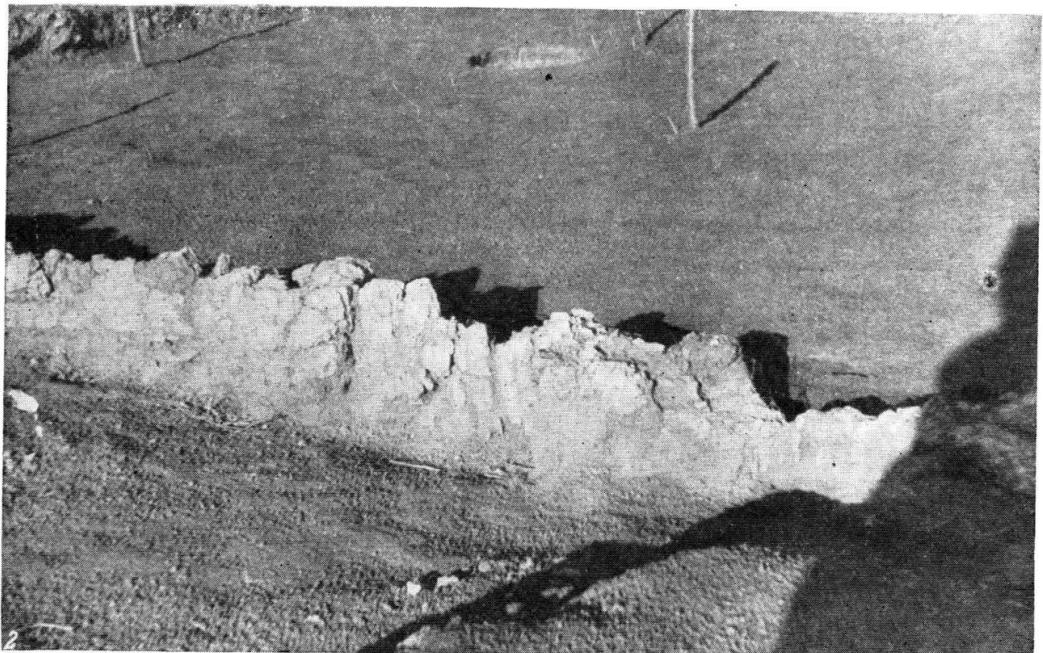
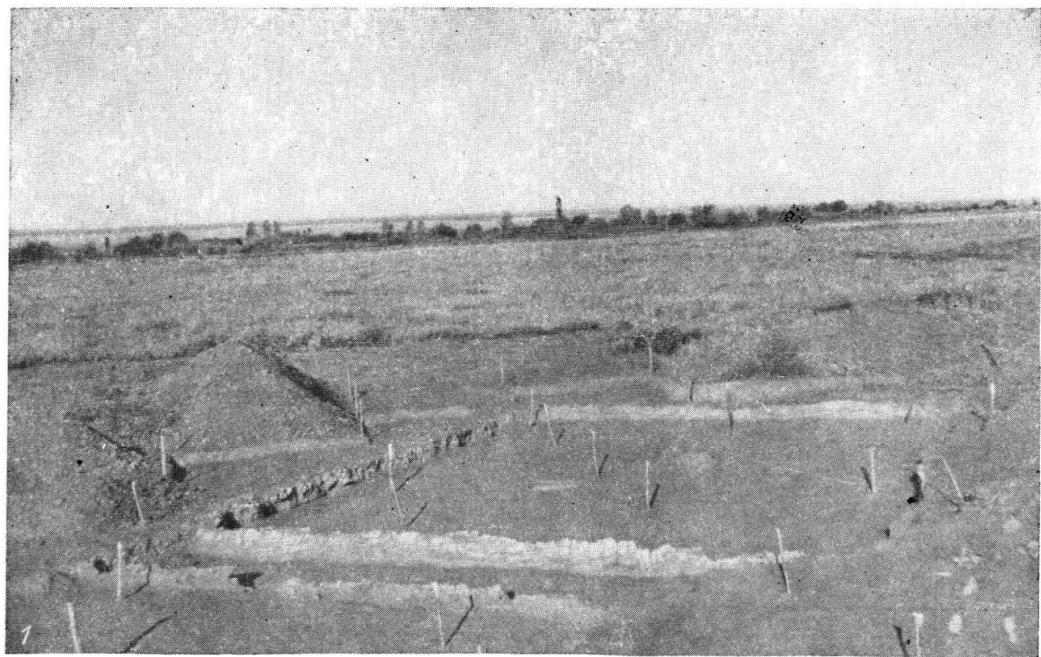

Рис. 17. Наземные постройки II и III

1 — остатки стен; 2 — то же (детали).

Почти в таком же состоянии сохранилась северо-западная стена. Остатки продольных стен (северо-восточной и юго-западной) в результате распашки поля разрушены достаточно сильно и представляют развалы обожженной глиняной обмазки. Особенно подверглась разрушению северо-восточная

канавка была заполнена золистым слоем с включением в верхней части кусков обожженной обмазки и единичных тростниковых угольков (рис. 19).

Пол помещения II земляной, но довольно плотный; средняя часть его обожжена. Почти в самом центре находится небольшая

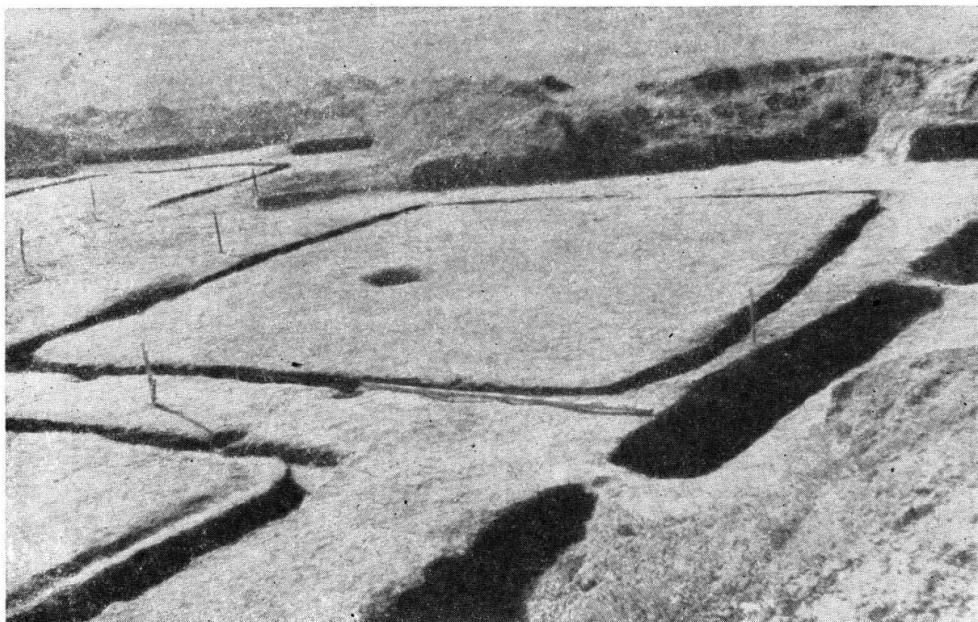

Рис. 18. Наземная постройка II. Канавка для установки каркаса стен.

стена, почти полностью вынесенная при распашке на дневную поверхность (рис. 17).

Сохранившиеся участки стен представляют двухстороннюю глиняную обмазку по тростниковому каркасу. Внешняя поверхность обмазки сравнительно ровная, а на отдельных участках даже гладкая; внутренняя, прилегающая к каркасу сторона имеет отпечатки тростника. Каркас не сохранился. Сохранность обмазки не везде одинакова. В одних местах сохранились обе ее стороны, в других лишь одна. Обмазка сильно потрескалась и не представляет целостного массива. На некоторых участках отдельные куски даже смешились. Все же в целом характер стенки выражен довольно отчетливо.

При разборке сохранившихся фрагментов стен под ними была обнаружена канавка 0.20—0.30 м глубины и такой же ширины, тянувшаяся по всему периметру стен (рис. 18). Стенки и дно канавки были обожжены. Ка-

котлообразная яма. Диаметр ее около 0.50 м, глубина 0.25—0.30 м. Несколько севернее, ближе к северо-восточной стене, обнаружены остатки открытого, тарелкообразной формы очага. Диаметр его 0.40—0.50 м. Очаг был заполнен золой. Дно его обожжено докрасна. По краю очага — четыре небольших, наклонных к плоскости очага ямки диаметром 0.05—0.06 м. С внешней стороны юго-восточной стены имеются две неглубокие столбовые ямки диаметром около 0.20 м.

В границах помещения найдено плоское каменное пряслице.

Помещение III расположено в 1—1.3 м к юго-востоку от помещения II. Это прямоугольное в плане помещение размером 4—4.25 × 8.25—8.40 м, вытянутое по оси северо-запад—юго-восток. Углы его, как и у помещения I и II, слегка закруглены (рис. 16). Остатки его в виде незначительных фрагментов нижней части стен, представляю-

Рис. 19. Наземная постройка II. Канавка для установки каркаса стен (процесс расчистки).

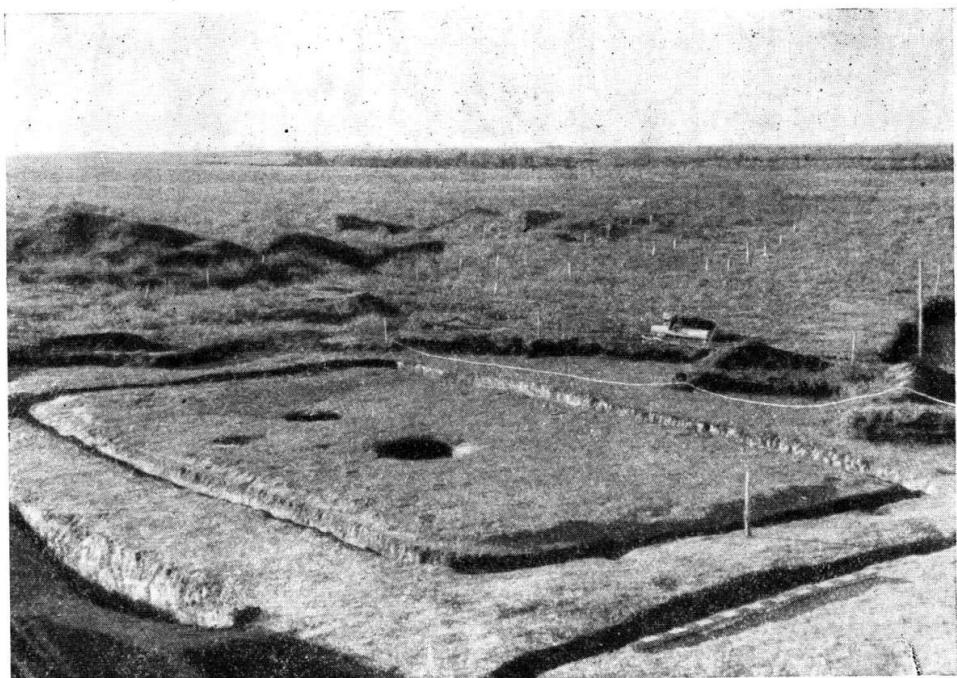

Рис. 20. Наземная постройка III. Канавка для установки каркаса стен.

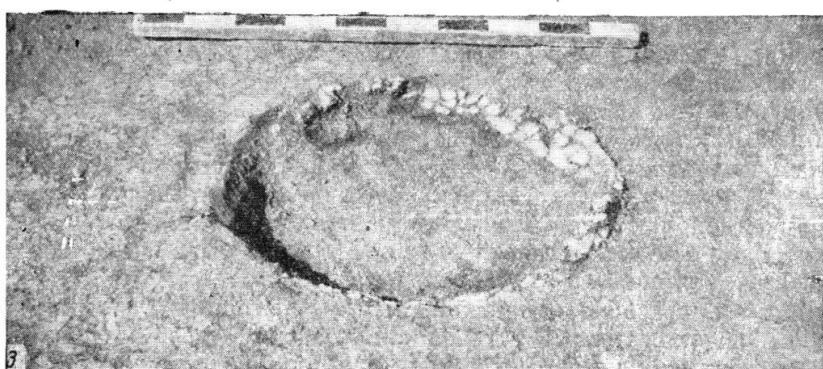
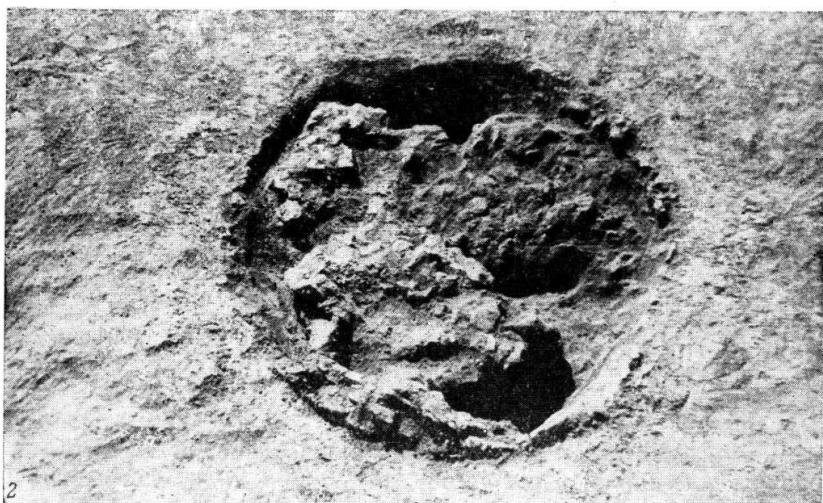
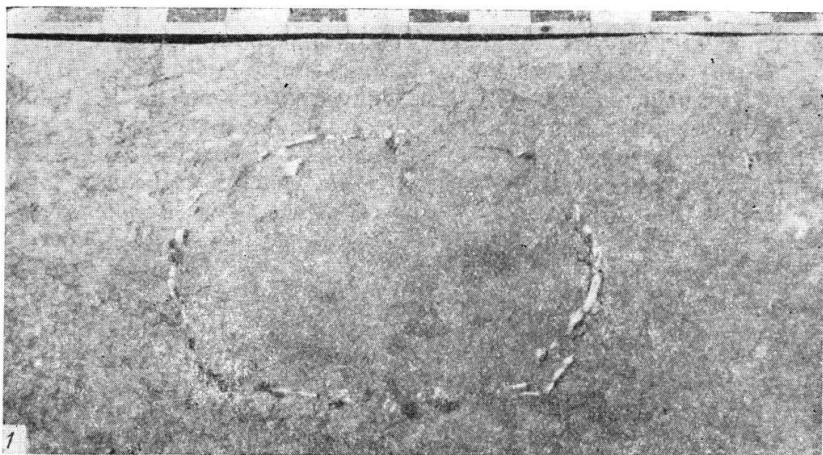

Рис. 21. Наземная постройка III. Остатки очага.

1 — на горизонте пола; 2 — после выборки земли; 3 — после выборки завала обожженной глины.

щих двухстороннюю глиняную обмазку по тростниковому каркасу, и развали обожженной глины с отпечатками тростника обнаружены на глубине 0.15—0.25 м от современной дневной поверхности (рис. 17, I). Характер фрагментов стен, а равно и завал обожженной глины совершенно такие же, как и у помещения II. Под сохранившимися

(рис. 21). Второй такой же очаг найден южнее первого, на расстоянии около 1 м от него. В плане он овальный, вытянутый по оси север—юг. Размер его 0.50×0.60 м. Очаг углублен в пол до 0.15—0.20 м. Диаметр нижней части очага несколько больше верхнего, размер его 0.60×0.70 м (рис. 22). Стенки очага обмазаны глиной толщиной

Рис. 22. Наземная постройка III. Остатки очага.

стенами и под развалом обмазки по всему периметру стен, как и у описанных выше помещений, обнаружена канавка шириной и глубиной 0.25—0.30 м, заполненная золистым слоем. Дно и стени канавки обожжены (рис. 20).

Пол помещения III земляной, без какой-либо искусственной подмазки. В центре помещения обнаружена очажная яма диаметром около 0.80 м. Несколько восточнее открыто еще два очага более сложной конструкции. Один из них, расположенный ближе к северо-восточной стене, в плане овальный, вытянут по оси север—юг. Диаметр его 0.65—0.70 м, глубина 0.10—0.15 м. Очаг был перекрыт сверху завалом плотной глиняной обмазки. Верхняя часть стенки очажной ямы была покрыта глиняной обмазкой, совершенно такой же, как и в завале, перекрывавшем очаг сверху. В ряде мест обмазка стенок поднималась над очагом в виде свода. Под очага был сильно обожжен

до 1.5—2 см и обожжены докрасна. Под ровный, горизонтальный, сильно обожженный. Большая часть его имеет губчатую структуру (ошлаковалась). В зольном заполнении очага найдены куски обожженной обмазки, совершенно такой же, какой обмазаны стени.

С внутренней стороны северо-восточной и юго-западной стен на горизонте пола обнаружены остатки двух обгорелых дубовых столбов. Диаметр их 0.12—0.16 м. С внешней стороны северо-западной стены прослеживаются две неглубокие столбовые ямки.

При расчистке пола помещения III, помимо обломков глиняной посуды салтовского типа и немногочисленных костей животных, найдены плоское каменное прядильце, точильный бруск со сверлиной на конце для подвешивания и несколько бесформенных, сильно окислившихся кусков железа.

Помещение IV (раскоп III) расположено в северо-западной части селища,

на участке, не подвергавшемся на память местных старожилов распашке (рис. 1, №№ 63 и 64). Это прямоугольное в плане, с несколько округлыми углами сооружение размером 4.25×6.70 м, вытянутое по оси северо-запад—юго-восток (рис. 23). Остатки его в виде завала кусков обожженной глины с отпечатками тростника залегали непосредственно под дерновым слоем мощностью 0.10—0.15 м. Стены помещения IV не сохранились совершенно, но развали их были в лучшей сохранности, чем у предыдущих помещений. Они оказались не перепаханными. При разборке развали стен под ним была обнаружена канавка шириной около 0.20—0.25 м и такой же глубины, заполненная золистым слоем, с большим содержанием в верхней части кусков обожженной глины с отпечатками тростника. В слое найдено несколько тростниковых угольков. Стенки и дно канавки обожжены. В плане канавка представляет четырехугольник со слегка овальными углами, полностью совпадающий с линией развали глиняной обмазки. В юго-восточной части канавка, как и развал обмазки, имеет разрыв около 0.70 м (рис. 24).

Пол помещения земляной, в ряде мест обожженный. На полу у северо-восточной стены под развалом глиняной обмазки лежал раздавленный трехручный кувшин (одна ручка на горле и две на тулове в самой широкой его части; рис. 25). Высота кувшина 70 см, диаметр дна 23 см, диаметр верхней части горла 15 см, наибольший диаметр туловы 46 см. Цвет сосуда желто-красный. Через весь сосуд от дна до горла проходит спиралеобразно в пол-оборота темная полоса шириной около 15 см (след горения).

Поверхность сосуда покрыта тремя поясками волнистого орнамента, отстоящими на равное расстояние один от другого, нанесенными четырехзубчатой гребенкой, и поясом линейного орнамента, нанесенным тем же четырехзубчатым гребнем по плечику. Сосуд реставрирован (рис. 26). Недалеко от сосуда найден обломок черепицы. Судя по сохранившейся части, это была прямоугольная, плоская черепица, слегка суженная в нижней части. Края черепицы имели бортики, прямоугольные в сечении, высотой около 2 см. Толщина черепицы 2.5—3 см. Цвет черепицы желтовато-красный.

Помещение V находится в северной части раскопа I (рис. 1, № 34), в 25—30 м к северу от помещений II—III (рис. 8).

Оно представляет прямоугольное в плане сооружение размером 8.5×5 м, вытянутое по оси северо-запад—юго-восток. От сооружения сохранился лишь развал глиняной обожженной обмазки, залегавшей в пашенном слое на глубине до 0.30—0.35 м от современной поверхности. Развал обмазки в плане представлял замкнутый четырех-

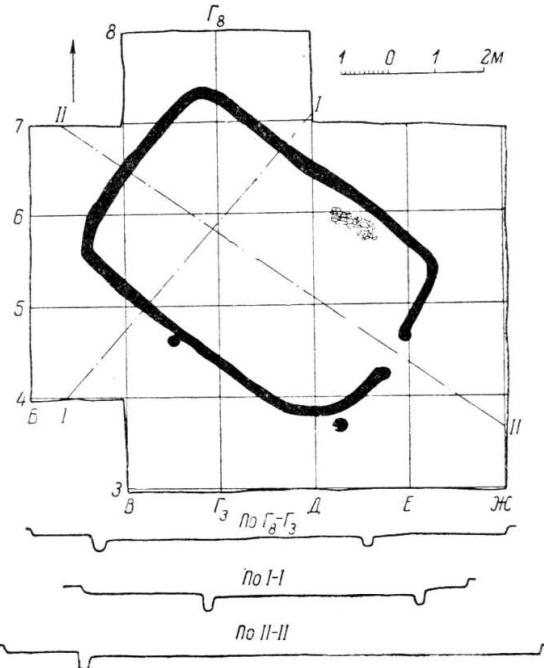

Рис. 23. Наземная постройка IV. План и разрезы.

угольник. Неразрушенных участков стен, как это имело место у сооружений II—III, не сохранилось. Под развалом обмазки обнаружена канавка шириной до 0.30 м и такой же глубины, заполненная золистым слоем (рис. 7 и 27).

Пол помещения земляной, плотный, в центре сильно обожженный (по-видимому, место открытого очага). В полу помещения вдоль стен обнаружены столбовые ямки, по 4 с каждой стороны, расположенные симметрично. В южном углу находится округлая в плане хозяйственная яма глубиной около 0.80 м. Верхний диаметр ее 0.60—0.70 м, нижний — около 0.90 м. По северо-западному краю ямы расположены две небольшие столбовые ямки. Здесь же, в южном углу помещения, около хозяйственной ямы найден разбитый жернов (рис. 28). Судя по характеру залегания отдельных обломков,

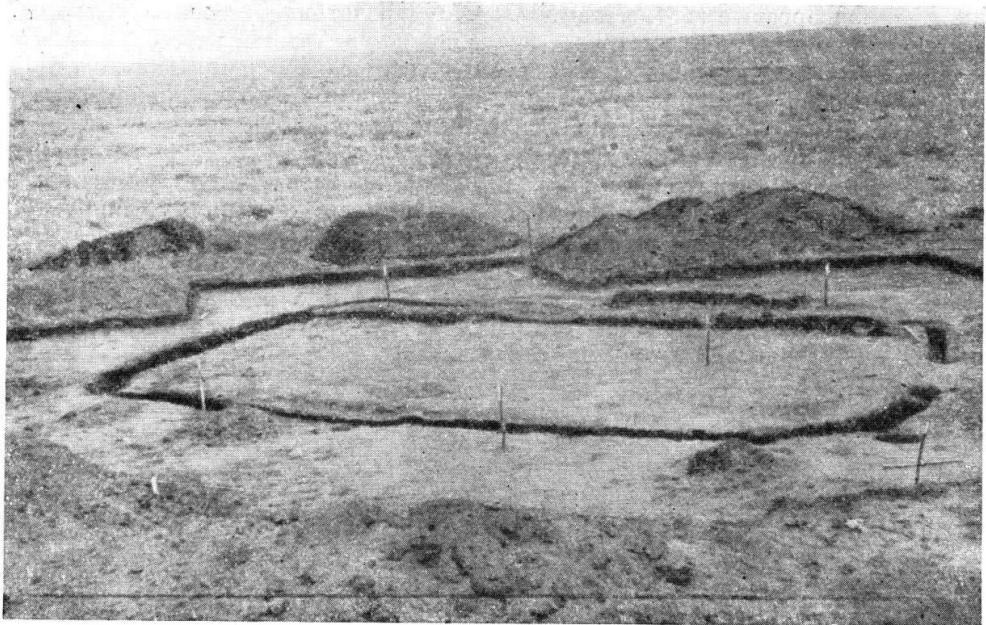

Рис. 24. Наземная постройка IV. Канавка для установки каркаса. Вид с юго-востока.

Рис. 25. Наземная постройка IV. Раздавленный кувшин у северо-восточной стены.

жерновов был разбит при распашке. Кроме того, в культурном слое в границах помещения найдена бронзовая бляшка округлой формы.

Наземное помещение V по характеру остатков ничем не отличается от других сооружений, описанных выше. В отличие

Рис. 26. Наземная постройка IV. Кувшин из помещения (реставрация).

от последних, в нем лишь полнее сохранились столбовые ямки, позволяющие в какой-то мере восстановить каркас перекрытия, но все же не дающие ответа на основной вопрос — каков был внешний облик наземных сооружений.

Помещение VI (раскоп I) расположено в 4—5 м к юго-западу от помещения II (рис. 8). Оно представляет собой прямоугольное, по-видимому трехстенное, в плане сооружение размером 4×4 м, ориентированное по линиям северо-запад—юго-восток и северо-восток—юго-запад. По характеру остатков помещение VI ничем не отличается от остальных исследованных наземных сооружений. И здесь обнаружен развал глиняной обожженной обмазки, залегающей на глубине до 0.20—0.25 м от современной дневной поверхности, причем значительное ко-

личество обмазки было выпахано на поверхность. Под развалом обмазки залегала канавка глубиной до 0.25—0.30 м и такой же ширины, заполненная золистым слоем. И развал обмазки, и канавки были выявлены лишь по трем линиям сооружения — юго-запад, северо-запад, северо-восток. По направлению четвертой линии, юго-восточной, ни развала обмазки, ни канавки не оказалось. Судя по этим данным, следует предполагать, что помещение VI было трехстенное, открытое с юго-восточной стороны (рис. 29, 30). В границах помещения VI было найдено незначительное число обломков глиняной посуды и костей животных, а из единичных вещей — бронзовый перстень салтовского типа со стеклянной вставкой, закрепленной четырьмя усиками.

3

Еще в 1927 г. при обследовании Северо-Кавказской экспедицией Карнауховского поселения на его территории было отмечено «наличие в пределах культурного слоя неглубоких, круглых в плане углублений, которые, по заключению исследователя, могут соответствовать круглым древним жилищам».¹ Наличие таких западин было подтверждено обследованием 1929 г.² При исследовании поселения в 1950—1951 гг. западинки были подвергнуты всестороннему изучению и нанесены на план (рис. 1, 2). Всего было учтено 75 западинок. Наибольшее число их выявлено на ровных задернованных участках. На местах, недавно освобожденных, в связи с предстоящим затоплением, от усадеб колхозников, западинки не обнаружены совсем. Мало их оказалось и на распахиваемых склонах террасы.

Западинки представляют собой неглубокие, овальные в плане, сильно гумусированные ямки с пологими краями. Размер их колеблется от 6 до 15 м по длиной оси и от 6 до 8 м по короткой. На фоне желтой степной растительности они резко выделяются своей светло-зеленой растительностью.

Раскопками, произведенными на местах западинок, было установлено, что последние представляют действительно остатки

¹ А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 118.

² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

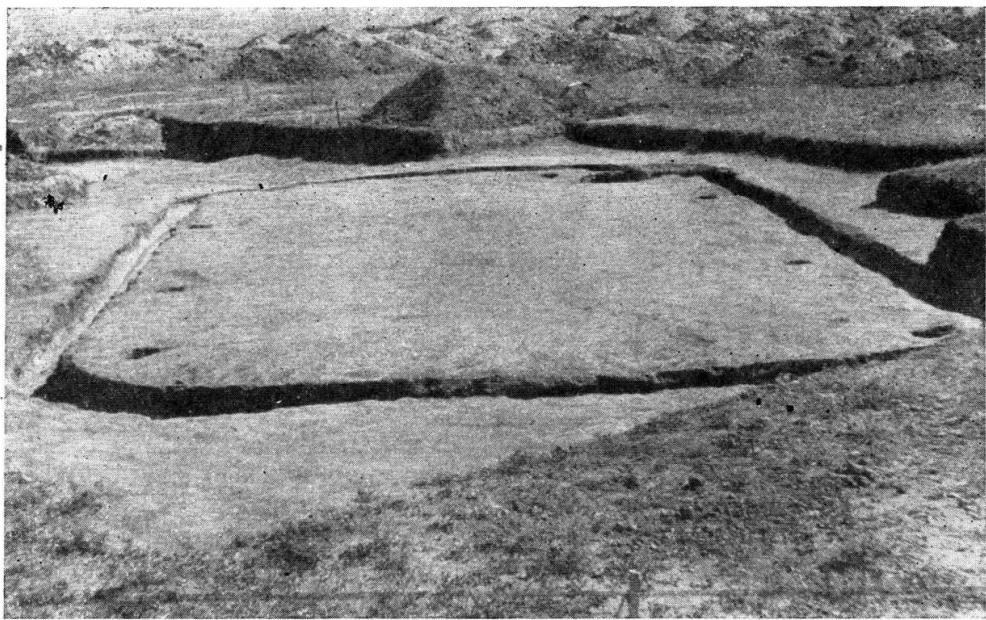

Рис. 27. Наземная постройка V. Канавка для установки каркаса стен и столбовые ямки. Вид с северо-запада.

Рис. 28. Наземная постройка V. Жернов, найденный в юго-восточном углу помещения.

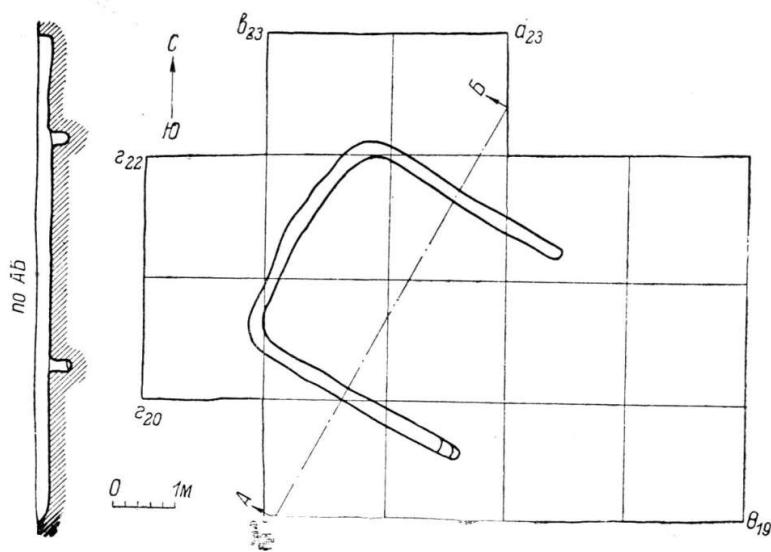

Рис. 29. Наземная постройка VI. План и разрезы.

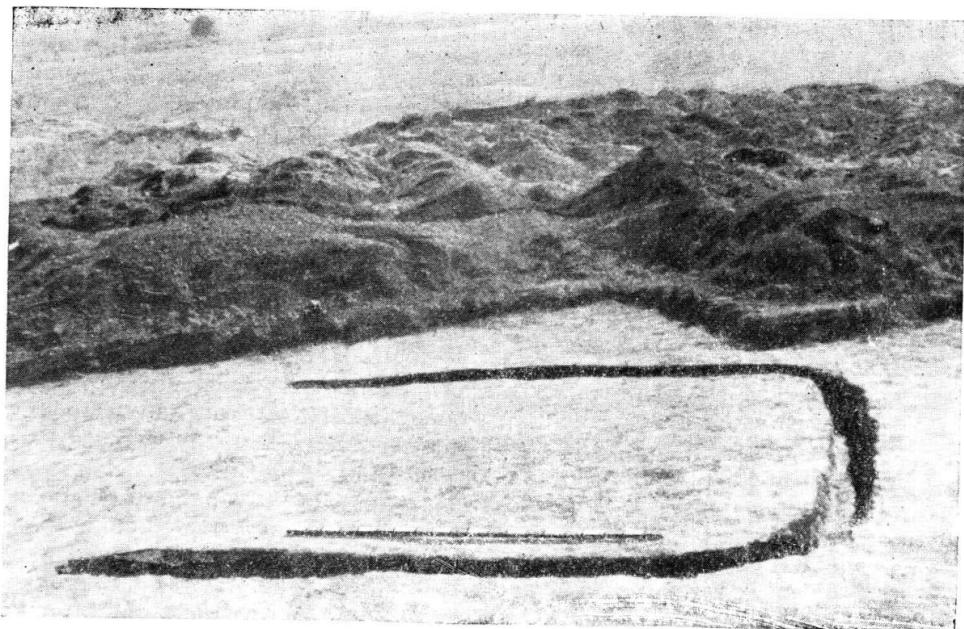

Рис. 30. Наземная постройка VI. Канавка для установки каркаса стен. Вид с северо-запада.

древних построек, несколько углубленных в землю (полуземлянок), но только не круглых в плане, как предполагалось, а прямоугольных. Всего вскрыто 5 западинок, из них 2 на селище и 3 на городище.

Изучение остатков вскрытых полуземляночных сооружений позволило установить, что по размерам, планировке, внутреннему устройству, а тем самым несомненно и по назначению исследованные постройки неодинаковы. В их составе довольно отчетливо выступают два типа. Постройки первого типа представляют собой небольшие, почти квадратные в плане сооружения, размером $2.7-3.5 \times 2.8-4.3$ м, при глубине от 0.6 до 1.1 м, с хорошо выраженным утрамбованными полами, очагами, хозяйственными ямами (погребами) и столбовыми ямками (сооружения №№ 1, 2Б, 4). Постройки второго типа, имея в основании также прямоугольную в плане яму, резко отличаются от первых своими размерами и другими деталями. При ширине 3–3.5 м они достигают 10–14 м в длину и не имеют никаких следов очага. Весьма своеобразен их пол. Это материковая глина, пропитанная на значительную глубину отложениями гумуса, золы и других темных компонентов. Посредине пола почти через всю длину помещения проходит сравнительно узкая, неглубокая канавка, заполненная золистым слоем. В центре помещения канавка несколько шире и глубже. Постройки этого типа имеют ясно выраженный вход в виде наклонной выемки, сделанной в торцовой стене или в длинной стене на стыке с торцом. Ориентировка этих сооружений строго выдержана. Все они вытянуты по длинной оси в направлении северо-восток—юго-запад.

Среди археологических памятников средневековой Восточной Европы, в том числе и юго-восточной ее части, полуземляночные сооружения, аналогичные нашим полуземлянкам первого типа, давно известны в археологической практике. В деталях эти полуземлянки не везде одинаковы; они различаются по устройству очагов, характеру обработки стен, количеству столбовых ямок и т. п. Но как бы не различались эти постройки в деталях, общий облик их довольно устойчив. Археологи уже давно пришли к выводу о принадлежности таких полуземляночных сооружений жилым постройкам, и это положение ни у кого не вызывает сомнений. Бессспорно, что и карнауховские полу-

землянки №№ 1, 2Б и 4 являются жилыми. К сожалению, среди остатков сохранилось очень мало данных для суждения о наземной части этих жилищ, которые позволили бы восстановить общий облик сооружений. Исходя из размещения столбовых ямок, можно предполагать, что жилища имели двухскатные крыши. На деревянный каркас крыши накладывался хворост или камыш, а сверху насыпалась земля. Остатки такого покрытия были прослежены нами в заполнении полуземлянки № 1. Мощность земляного покрова достигает 0.15–0.20 м. Не всегда ясно устройство входа. Наряду с жилищами, имеющими входные ступеньки, вырезанные в одной из стен, есть и такие, где следов входа не обнаружено.

Значительно сложнее восстанавливается облик и определяется назначение полуземляночных сооружений второго типа. Среди археологических памятников постройки подобного типа пока неизвестны. Трудно указать и этнографические параллели. По личным наблюдениям можно указать, что в практике сельского населения лесостепной полосы такие узкие и длинные полуземляночные постройки сооружаются и по сей день. Это зимние помещения, хлевы для мелкого скота: овчарни, свинарники и т. п. В 1946 г. постройку подобного свинарника мы наблюдали в Полтавской области, близ хут. Писаревка Нижне-Сенжарского района. Очевидно, что и вскрытые остатки полуземлянок второго типа принадлежат таким же хлевам для укрытия в зимнее время мелкого скота (овчарни). Это предположение находит подтверждение в ряде фактов, установленных при исследовании вскрытых построек. Наиболее показательными в этом отношении являются полы, представляющие собой материковую глину, пропитанную на значительную глубину черноземом и другими темными компонентами. Пол мог приобрести такой характер лишь под воздействием длительного втаптывания в него сверху инородных примесей. Подобная картина наблюдается на местах стоянок скота, как на открытых стойлах, так и в хлевах. Не менее показательны в этом отношении и проложенные посередине пола почти по всей его длине* канавки, служившие, по-видимому, для стока нечистот. Любопытно отметить, что все они были заполнены золой.

Приводим краткую характеристику полуземляночных сооружений.

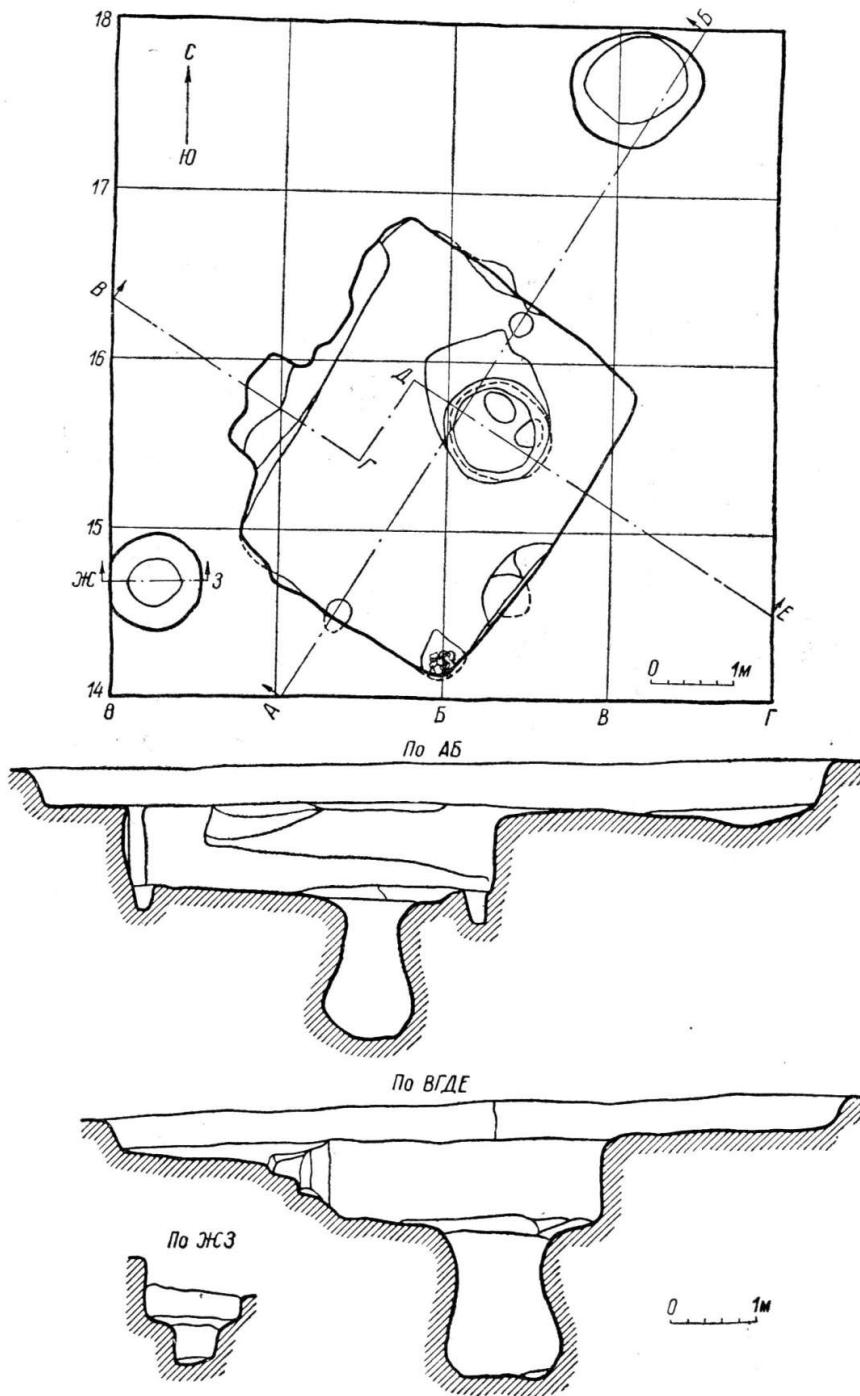

Рис. 31. Полуземляночное сооружение № 1. План и разрезы.

Полуземляночное сооружение № 1 (раскоп I; рис. 31, 32) расположено в 8—10 м к югу от наземных сооружений II и III. Остатки его представляют прямоугольную в плане яму размером 4.2—4.3×3.0—3.5 м, вытянутую по оси северо-восток—юго-запад. Углы ямы слегка за-

типа. В очажке найдена зола. Стены угла над очагом обожжены докрасна. У юго-западной и северо-восточной стенок в средней части в полу находятся столбовые ямки диаметром 0.25—0.30 м и глубиной 0.35—0.40 м. От столбовой ямки, расположенной у юго-западной стены, в стене проложен

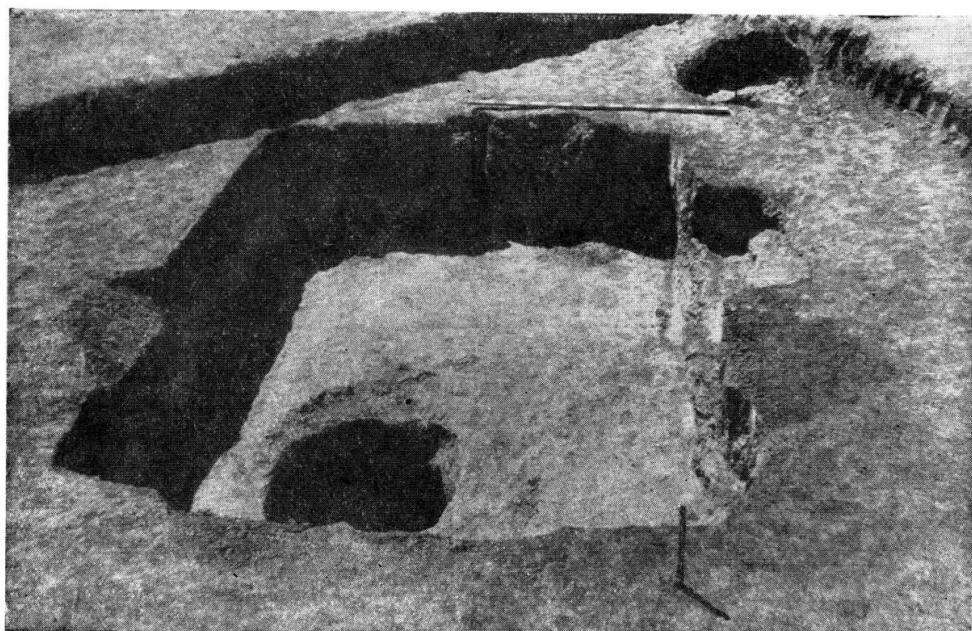

Рис. 32. Полуземляночное сооружение № 1. Общий вид с юго-запада.

круглены. Яма вырыта в почвенно-материковом слое на глубину 0.95—1.10 м. Стенки ямы почти отвесные, сохранность их хорошая. Только северо-западная стена слегка деформировалась (оползла), что связано, по-видимому, с наличием в этой части двух ступенек (вход в полуземлянку). Пол глиняный, хорошо утрамбованный, в ряде мест, где он был сильно изношен, подмазан. Наиболее заметны выбоины вокруг хозяйственной ямы (погреба), расположенной в северо-восточной части полуземлянки. Форма ямы грушевидная. Верхний диаметр ее 1.20—1.25 м, наибольший — 1.40 м. Глубина ямы около 1.8 м. Яма вырыта в глинисто-песчанистом материковом слое. Вследствие оползания стенок яма сильно деформировалась. В южном углу полуземлянки обнаружен небольшой открытый очажок, выложенный камнями и обломками глиняной посуды салтовского

отвесный паз того же диаметра, что и столбовая ямка. Никаких следов опалубки стен и перекрытия полуземлянки не найдено.

Яма была заполнена вверху темным гумусом, а ниже находился в западной части плотный глинистый слой (по-видимому, упавшая крыша), а в восточной — слой, содержащий большое количество золы с включением значительного количества культурных остатков: обломков глиняной посуды, костей животных и единичных поделок из металла (2 небольших железных ножа, обломок железного серпа, несколько обломков неопределенных железных вещей, сильно окисившая бронзовая монета). Здесь же найден небольшой фрагмент стеклянного сосуда.

На расстоянии полуметра к юго-западу от полуземлянки раскрыта небольшая, округлая в плане яма. Форма ее цилиндри-

ческая, двухчастная. Диаметр верхнего цилиндра 1.1—1.2 м, глубина его около 0.4 м; диаметр нижнего цилиндра около 0.5 м,

в 2 м к северо-востоку от полуземлянки имеется неглубокая, с плохо выраженным контуром яма, возможно естественного про-

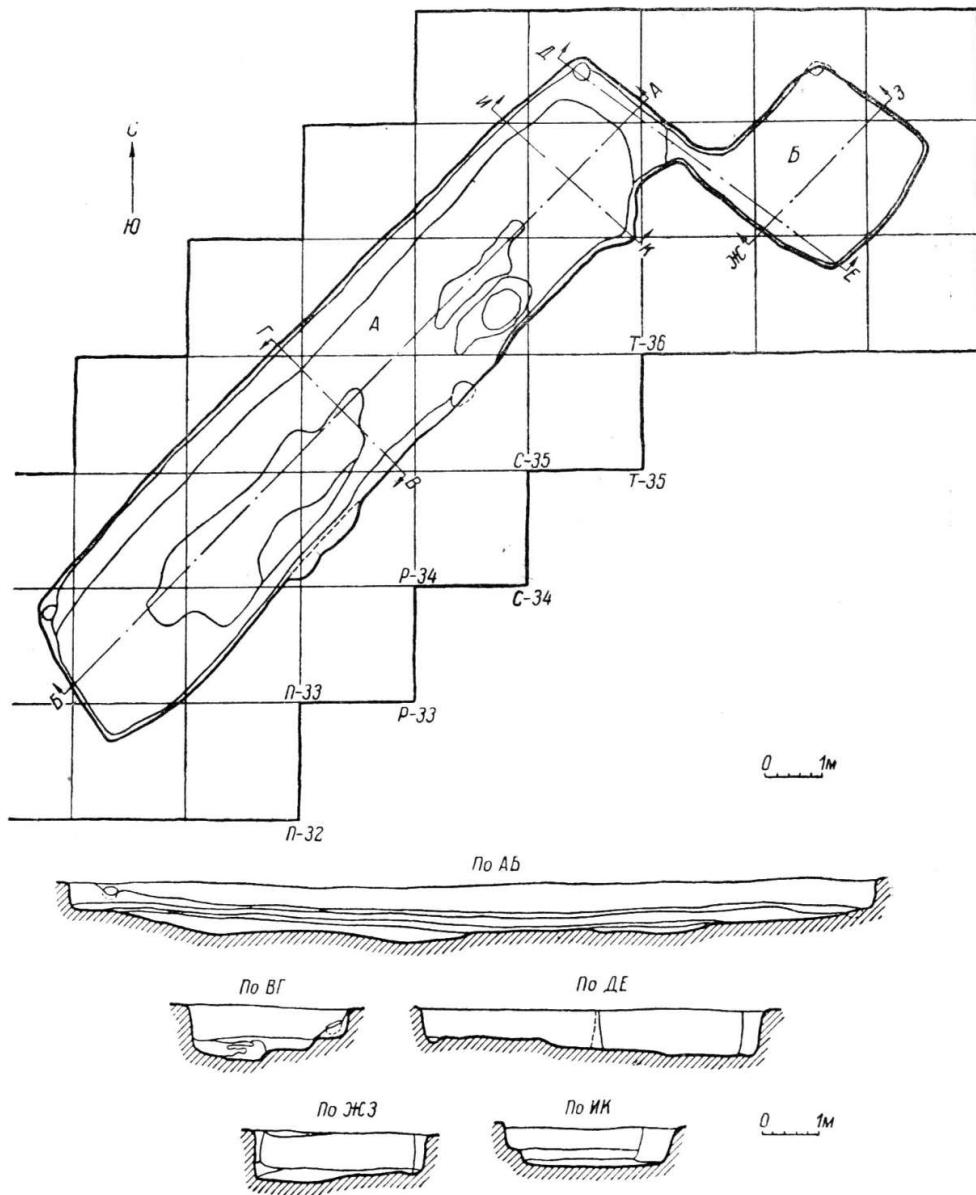

Рис. 33. Полуземляночное сооружение № 2. План и разрезы.

глубина около 0.4 м. Яма была заполнена плотным, сравнительно светлым, гумусированным слоем. В верхней части заполнения найдены кости животных и обломки глиняной гончарной посуды салтовского типа; внизу культурных остатков не было.

исходления. Диаметр ямы 1.5 м, глубина около 0.2 м. Яма была заполнена культурными остатками. В заполнении найдены кости животных, обломки глиняной посуды и плоское каменное пряслице. В слое вокруг полуземлянки культурных остатков

почти нет. В 10—12 м к юго-востоку от полуzemлянки — сорная куча (зольник).

Полуземляночное сооружение № 2 находится в 4—5 м к северо-востоку от наземного помещения V. Оно представляет собой комплекс построек, дошедший до нас в виде двух ям, вырытых в почвенно-материковом слое, соединенных

риковый пол, что зачистка последнего была совершенно невозможна. Канавка, проложенная по длинной оси помещения, была заполнена золистым слоем, в значительной мере перемешанным с материковой глиной.

Яма Б (меньшая) примыкает к северо-восточному углу ямы А. Она вырыта также в почвенно-материковом слое на глубину

Рис. 34. Полуземляночное сооружение № 2. Общий вид с северо-востока.

между собой узким (около 0,6 м) и коротким (около 0,8 м) проходом (коридором; рис. 33, 34). Ямы резко различны и по размерам и по внутреннему устройству. Яма А (большая) в плане прямоугольная, вытянутая по оси северо-восток—юго-запад. Длина ее около 14 м, ширина около 3 м; углы слегка закруглены, стены отвесны, пол имеет незначительную покатость к центру. Посредине пола на большей (юго-западной) его части проходит узкая и неглубокая канавка, расширяющаяся к центру помещения. В северо-западном и юго-западном углах имеются столбовые ямки, по одной в каждом. Яма была заполнена темным гумусированным слоем с незначительным включением культурных остатков в виде костей животных и обломков глиняной посуды салтовского типа. В нижней части гумусированный слой был настолько втоптан в липкий глинистый мате-

0,6—0,8 м. В плане она прямоугольная, почти квадратная ($2,7 \times 2,8$ м). Стены ямы отвесные и вырыты параллельно стенам ямы А, с которой, как отмечено выше, она соединена узким и коротким проходом, идущим от северо-восточного угла ямы А к юго-западному углу ямы Б. В верхней части яма Б, как и яма А, была заполнена гумусом с незначительным содержанием культурных остатков в виде костей животных и обломков глиняной посуды салтовского типа; ниже гумуса залегал серый золистый слой, а в самом низу, на полу, в юго-западной части лежал слой голубоватой золы мощностью до 10 см. Пол ямы Б резко отличается от пола ямы А ровной и хорошо утрамбованной поверхностью. Заполнение (зольный слой) очень легко отделялось от пола.

В конце прохода, соединяющего описываемые ямы, при выходе из ямы Б в яму А,

слева, около угла, на полу найден небольшой сероглиняный кухонный горшок, покрытый сплошным рифлением по всему корпусу и насечками по верхнему краю венчика. Гор-

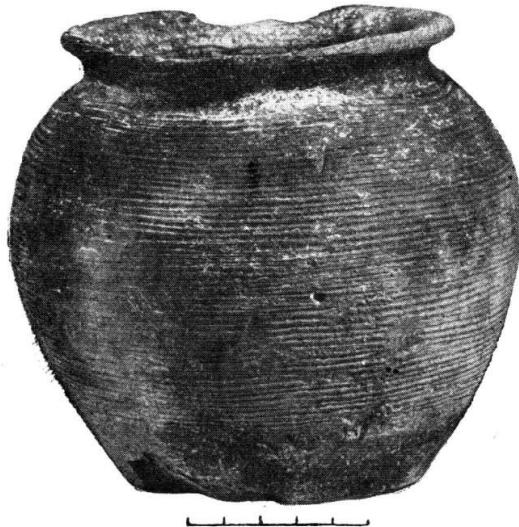

Рис. 35. Полуземляночное сооружение № 2. Горшок, найденный у прохода из хозяйственного помещения в жилое.

шок лежал опрокинутый вверх дном (рис. 35). На полу помещения А напротив прохода, ближе к северо-западной стене, найдены обломки красноглиняного пифосообразного сосуда. Сосуд разставрирован (рис. 36).

Полуземляночное сооружение № 3 (раскоп IV; рис. 37—39) расположено на территории городища в северо-западном его углу. От сооружения сохранилась углубленная в землю часть в виде почти прямоугольной ямы, вырытой в почвенно-материковом слое на глубину от 0.6 до 0.8 м. Длина ямы около 9.5 м, ширина около 3 м. Яма вытянута по оси северо-восток—юго-запад (рис. 40, 41). Сохранность ямы довольно хорошая. Лучше всего сохранилась северо-восточная стена; она совершенно отвесная, прямая и ровная, с хорошо выраженным примыкающими к ней прямыми углами. Юго-восточная стена сохранилась неплохо, но в ряде мест, по-видимому в результате оползания, на ней имеется кривизна. В худшем состоянии находятся юго-западная и северо-западная стены. Вследствие оползания они сильно деформировались. На отдельных отрезках образо-

валась ступенчатость. Юго-западная стена имеет постепенный переход в пол. По-видимому, здесь был вход. Пол довольно своеобразен, как и в помещении № 2; он имеет общий уклон к центру помещения; посередине пола в направлении с северо-востока на юго-запад проходит неглубокая (0.15—0.25 м), узкая канавка, состоящая из двух отрезков общей протяженностью около 4.5 м. Сечение канавки имеет клиновидную форму. Часть пола к юго-востоку от канавки сравнительно ровная; ширина этой части около 1 м. Северо-западная полоса пола в ряде мест имеет выбоины.

У юго-восточной стены, в средней ее части, в полу имеется столбовая ямка. Соответственно этой ямке в стене выбит паз. Такая же ямка в полу имеется у северо-восточной стены, в средней ее части.

Как и яма А в помещении № 2, описываемая яма была заполнена гумусированным слоем с включением культурных остатков

Рис. 36. Полуземляночное сооружение № 2. Сосуд из хозяйственного помещения (реставрация).

в виде обломков глиняной посуды салтовского типа и костей животных. В нижней части (на полу и в канавке) заполнение отличается «грязным» видом. Здесь гумуси-

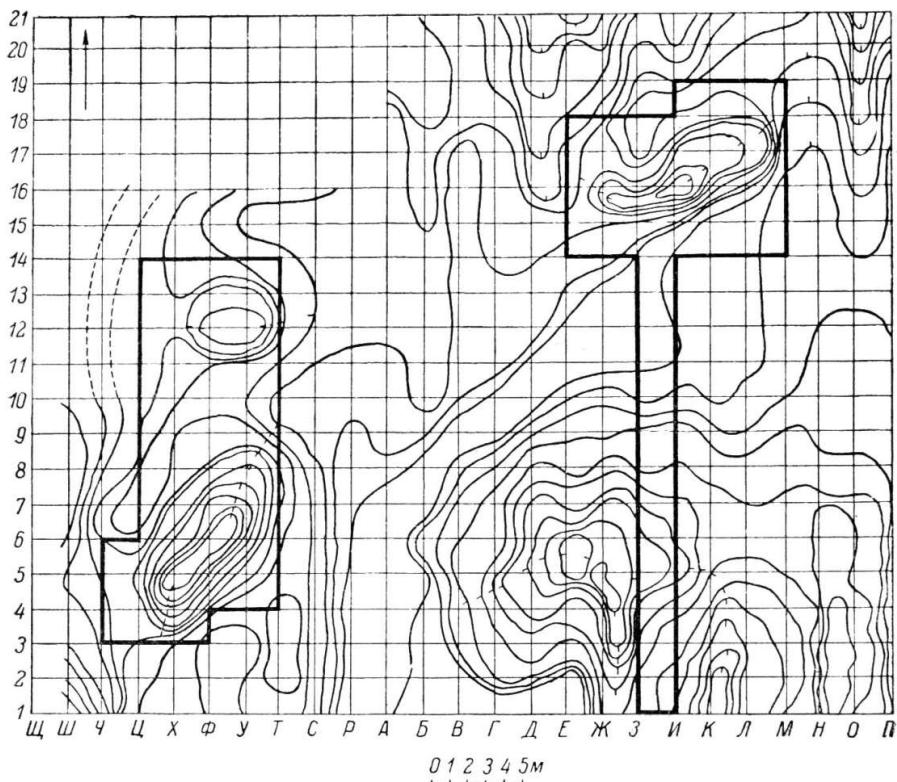

Рис. 37. Раскоп IV. План до раскопок.

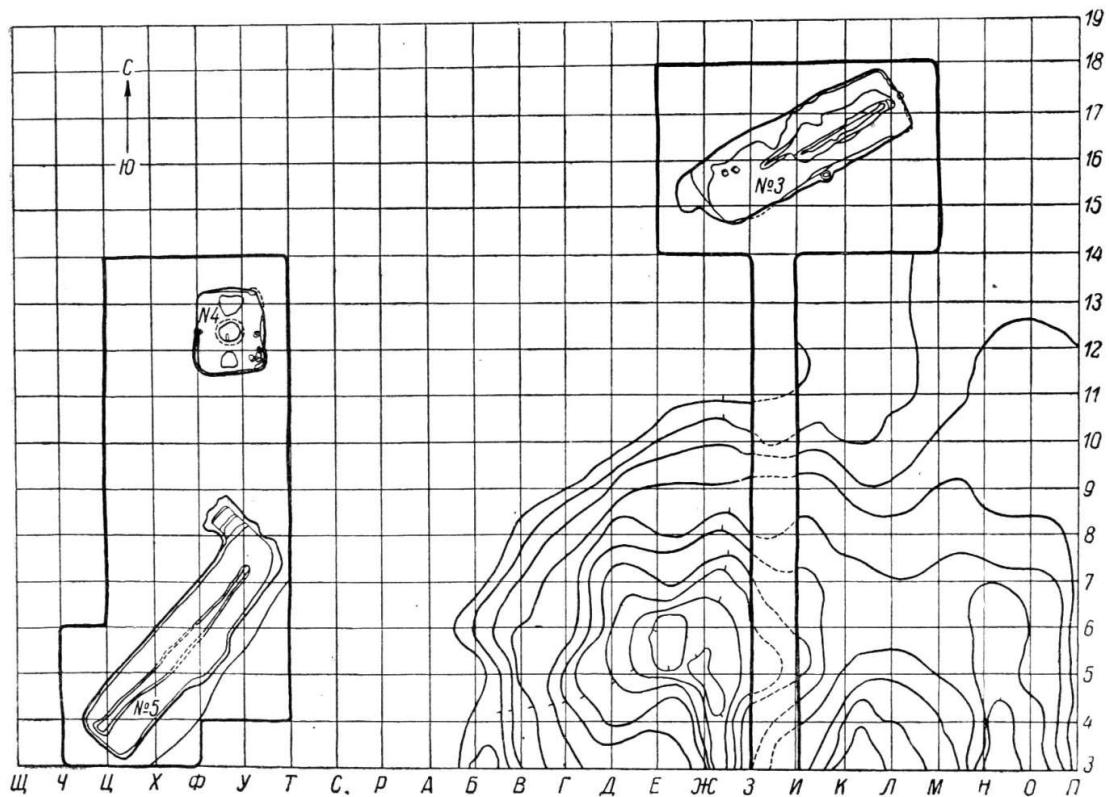

Рис. 38. Раскоп IV. План раскопок.

рованный слой и зола были вткнуты в глинисто-песчанистый материковый слой, как в полуземлянке № 2А. В юго-западной части помещения на полу против входа лежали 2 кирпича размером 0.23×0.25 м, т. е. совершенно такие же, из каких сооружена была крепость Саркел—Белая Бежа.

посуды салтовского типа, костей домашних животных и угольков. Ниже зола была перемешана с материковой глиной, по-видимому с оплавившими стенками, а под этим слоем шел опять слой золы. Под золой на слегка обожженном дне ямы лежал череп свиньи без нижней челюсти, зубами кверху

Рис. 39. Раскоп IV. Общий вид.

Полуземляночное сооружение № 4 расположено в 15 м к западу от полуzemлянки № 3 (рис. 42, 43). От него сохранилась также лишь углубленная в землю часть в виде прямоугольной в плане ямы размером 3.0×3.8 м, вырытой в почвенно-материковом слое. Глубина ямы около 0.8 м. Яма ориентирована по странам света. Сохранность стенок достаточно хорошая. Пол глиняный (материковый), утрамбованный. Поверхность его неровная; он имеет общую покатость к центру, где расположена довольно большая, по-видимому очажная («жаровая»), яма глубиной около 0.65 м при верхнем диаметре 0.85 м и нижнем 1.20 м. Форма ямы колоколовидная. Над ямой лежал слой сажистой золы мощностью до 0.1 м. Верхняя часть ямы была заполнена золой с включением обломков глиняной

(рис. 44). К северу и югу от очажной ямы в полу имелись большие выбоины, перекрытые вторым слоем пола (глиняной обмазкой). У восточной и западной стен в средней их части в полу обнаружены столбовые ямки. Диаметр их 0.25—0.30 м при глубине около 0.30 м. В восточной стене в притык к северо-восточному углу полуzemлянки на уровне пола имеется небольшой подбой длиной около 1 м, глубиной около 0.20 м и высотой около 0.25 м. В северной части подбоя (северо-восточный угол полуzemлянки) имеется небольшая, округлая в плане, неглубокая ямка. В юго-восточном углу — небольшой очаг, сложенный из обожженных кирпичей: два вертикально поставленных кирпича размером $0.23 \times 0.25 \times 0.05$ перекрыты сверху кирпичом размером $0.45 \times 0.23 - 0.27 \times 0.05$ м (рис. 45). Последний оказался разбитым на

4 части. На поверхности большого кирпича имеется три отпечатка четырех пальцев руки, расположенных один под другим по длиной

Помещение было заполнено в верхней части гумусом, внизу и вдоль стен золистым слоем с включением костей животных и

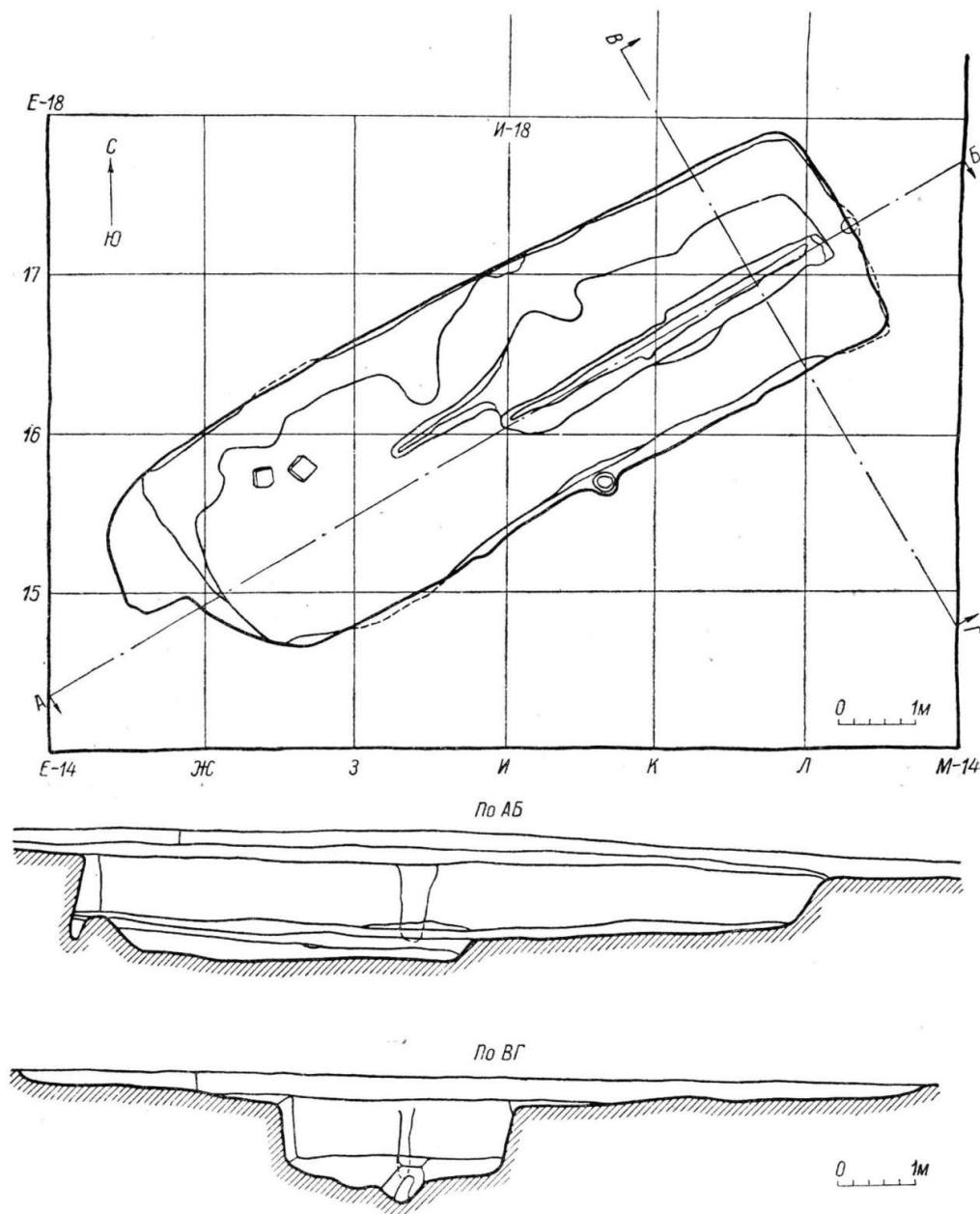

Рис. 40. Полуземляночное сооружение № 3. План и разрезы.

оси кирпича. Рядом с очагом лежат еще два кирпича размером 0.23×0.25 м. Следов входа в полуземлянку не обнаружено. Незаметно также следов опалубки стен.

обломков гончарной посуды салтовского типа.

Полуземляночное сооружение № 5 расположено в 5—6 м к югу

от полуземлянки № 4. Как и от других сооружений этого типа, от него дошла до нас лишь углубленная в землю часть

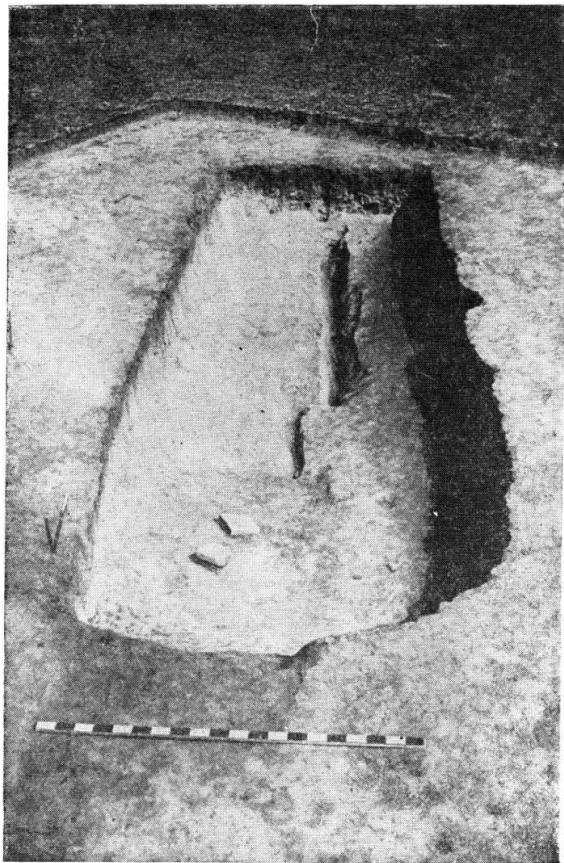

Рис. 41. Полуземляночное сооружение № 3. Общий вид с юго-востока.

в виде прямоугольной в плане ямы длиной около 12 м, шириной около 3 м и глубиной до 0,9 м, ориентированной по длинной оси с северо-востока на юго-запад (рис. 46, 47). Стены ямы отвесные. Сохранность их значительно лучше, чем у аналогичных сооружений №№ 2А и 3. В середине юго-восточной стены имеется неглубокая ниша, около 0,4 м глубиной и около 2,5 м шириной. Пол материковый, глиняный. Почти по всей длине пола в средней его части проходит сравнительно узкая, неглубокая канавка. Только в центре помещения она несколько расширяется и уходит глубже в пол. Вход в помещение расположен в северном углу со стороны северо-западной стены. Здесь

в стене была сделана наклонная выемка шириной около 1 м, длиной до 2 м, под углом около 45°.

Яма в верхней части была заполнена темным гумусированным слоем с вклю-

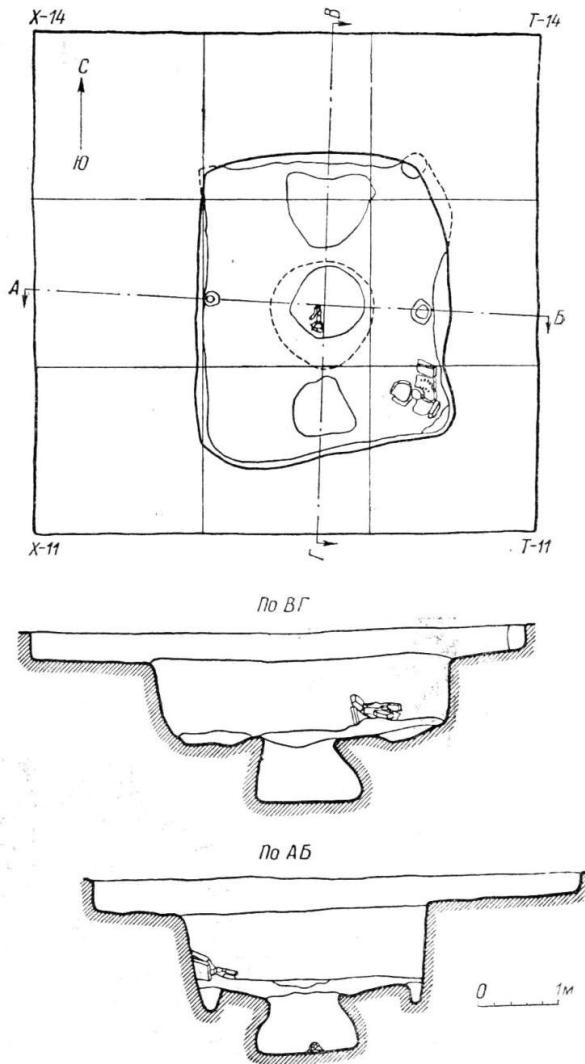

Рис. 42. Полуземляночное сооружение № 4. План и разрезы.

нием обломков глиняной посуды и немногочисленных костей животных. На полу вдоль стенок и в канавке слой был золистый. В зоне культурных остатков (обломков глиняной посуды и костей животных) было значительно больше, чем в гумусированном слое. В заполнении встречены также обломки кирпичей саркелского типа.

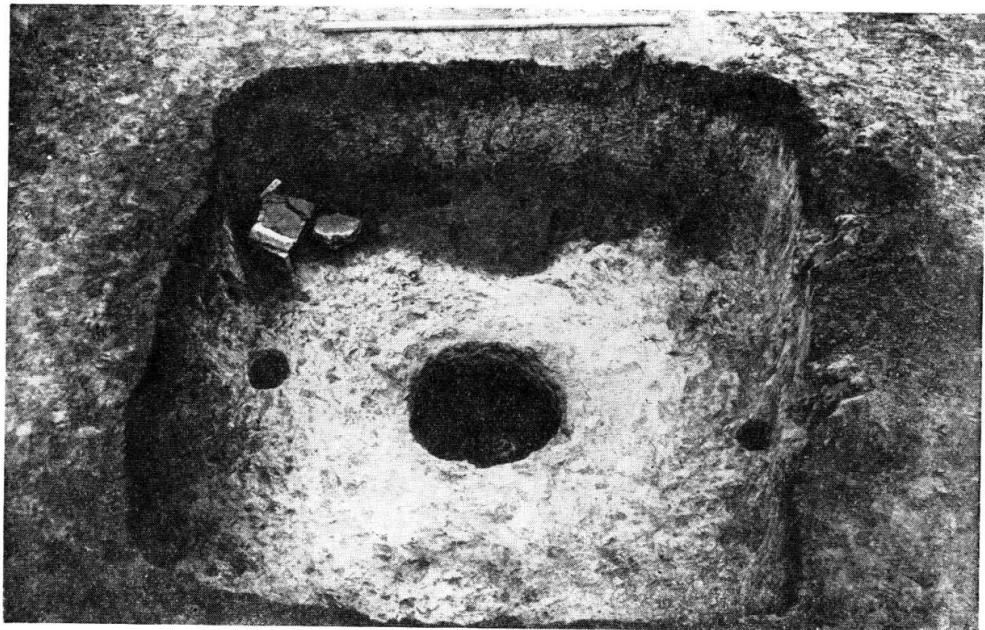

Рис. 43. Полуземляночное сооружение № 4. Общий вид с севера.

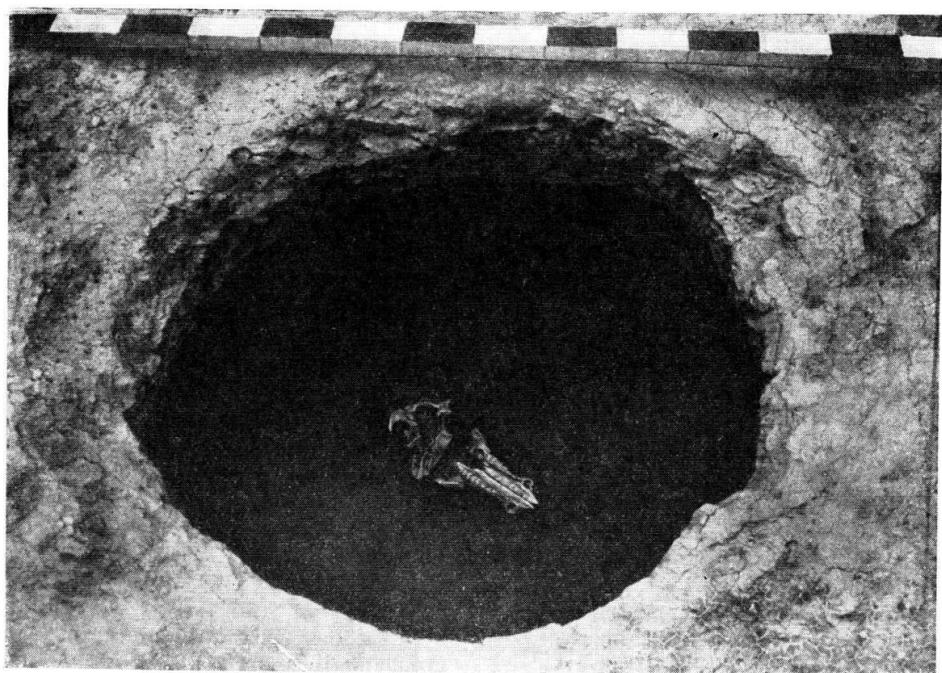

Рис. 44. Полуземляночное сооружение № 4. Очажная яма.

4

Характерной особенностью Карнауховского поселения является наличие на его территории большого числа древних сорных куч. Они представляют собой невысокие, пологие всхолмления, более или менее округлые в плане, диаметром от 10 до 30 м

одинаковыми. Сверху на глубину до 0.15 м залегает золистый гумусированный слой, ниже которого идет слой чистой золы мощностью 0.20—0.25 м, лежащий на тонкой (около 3 см) коричневатой прослойке, отделяющей зольные отложения от сильно уплотненной, сланцеватой поверхности погребенной почвы. Такой характер поверхности

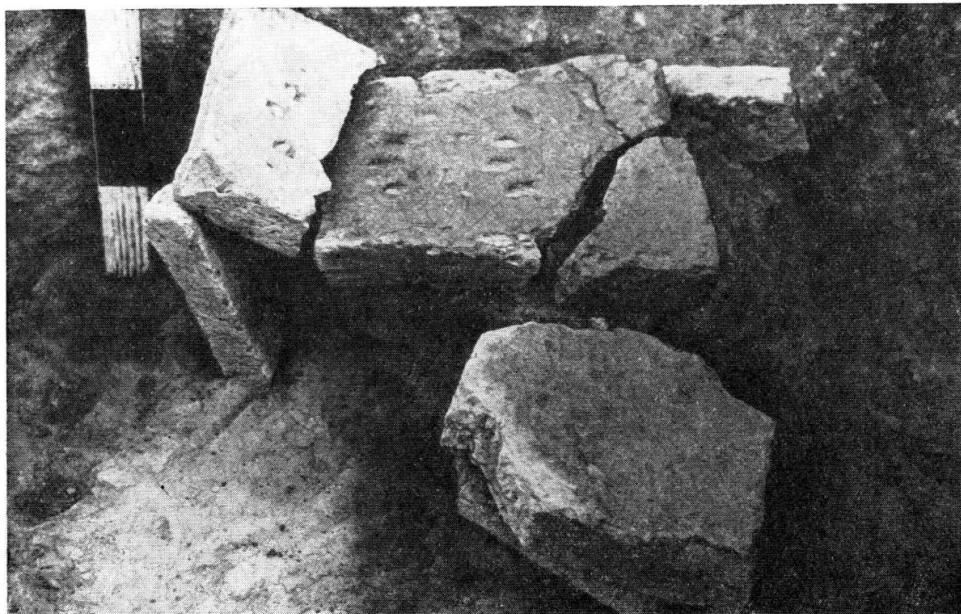

Рис. 45. Полуземляночное сооружение № 4. Юго-восточный угол (очаг из кирпичей).

при высоте до 0.5—0.6 м. Поверхность их золистая, темно-серого цвета, с включением большого числа различных бытовых отбросов — костей животных, обломков глиняной посуды и некоторых других. Растительный покров на них значительно беднее, чем на прилегающих участках. В целом внешний облик их совершенно такой же, как и у зольников скифского времени лесостепной полосы среднего Поднепровья.

Сорные кучи обнаружены на всей территории поселения, как на городище, так и на селище (рис. 1). Как правило, они размещаются близ развалин наземных и полуземляночных построек, что несомненно является не случайностью. В течение двух сезонов частичным раскопкам были подвергнуты три сорных кучи — две на селище и одна на городище. По своему строению и содержимому они оказались совершенно

погребенной почвы прослеживается только в границах зольника (рис. 48).

В зольных отложениях содержится значительное количество включений в виде кухонных отбросов и дефектных вещей из глины, кости, камня, железа и т. п. В их составе имеются кости животных, обломки глиняной посуды, расколотые жернова, точильные бруски и др., т. е. все то, что обычно составляет так называемый культурный слой поселения. Любопытно отметить, что за пределами сорных куч в непосредственном окружении жилых и хозяйственных построек на древней дневной поверхности бытовые отбросы почти не встречаются; это явно свидетельствует о том, что основная масса их сносилась в сорные кучи. Следы сорных куч были замечены также на ряде других поселений, относимых нами к салтово-маяцкой культуре, — у хут. Ближнего Подгор-

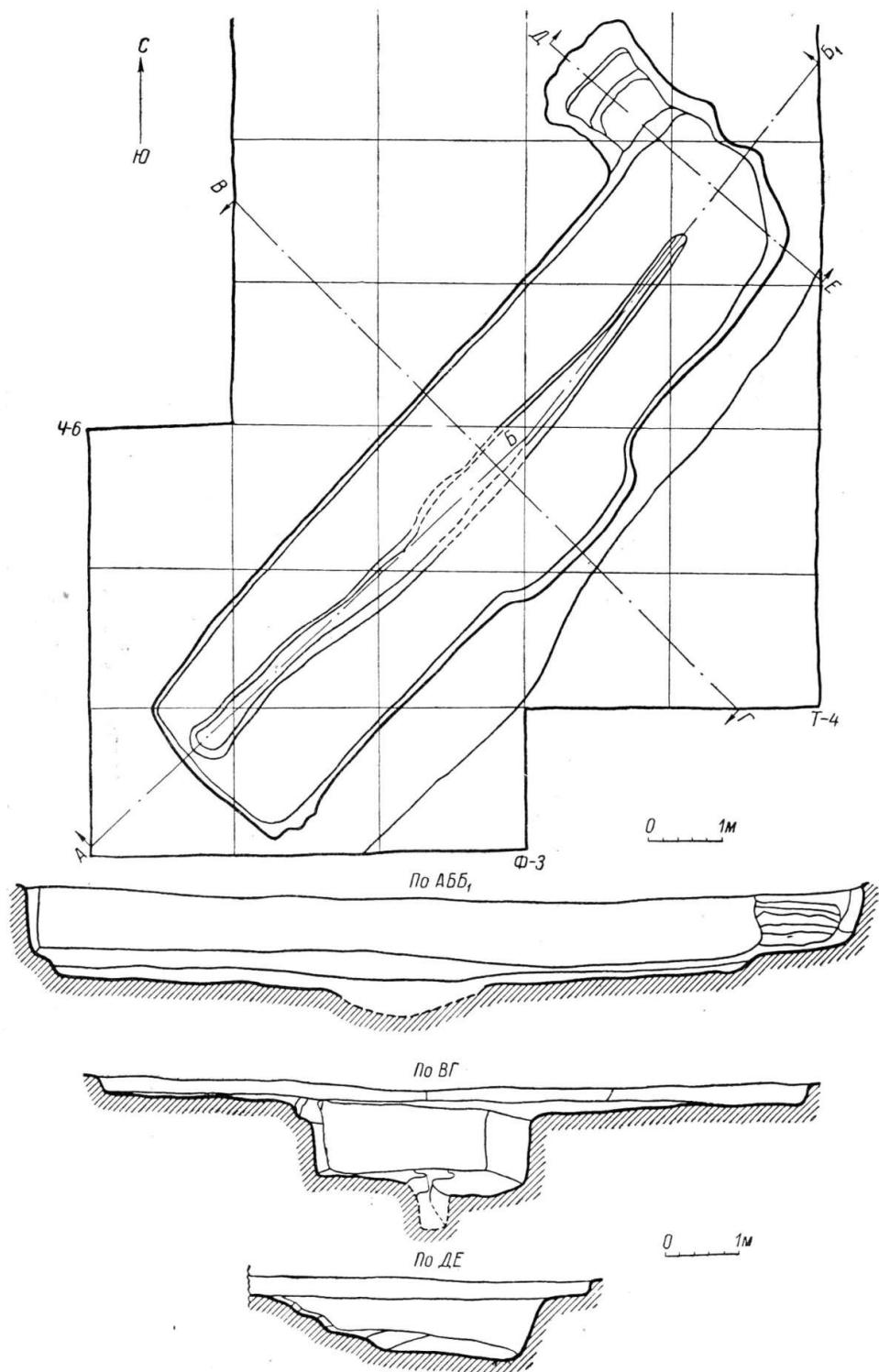

Рис. 46. Полуземляночное сооружение № 5. План и разрезы.

ского, у хут. Крутого и др. В начале прошлого столетия ясно выраженные сорные кучи были отмечены В. Д. Сухоруковым на городище близ балки Рыгиной у ст. Каменской на Северском Донце.¹ Материалы, полученные при раскопках одной из этих куч в начале нашего столетия, дают основание отнести это поселение к группе поселений салтово-маяцкого типа.² По-видимому, сорные кучи имели широкое распространение на поселениях салтово-маяцкого времени и лишь в силу плохой изученности мы располагаем отрывочными данными.

При раскопках поселения, помимо хозяйственных ям (погребов), вскрытых в границах наземных и полуземляночных построек на раскопе I (селище), вдоль северо-восточных стен наземных сооружений II—III был обнаружен своеобразный комплекс, состоящий из трех продолговатых в плане ям, отделенных одна от другой узкими перемычками (рис. 49). Все три ямы были заполнены золистыми отложениями с включением значительного количества обломков глиняной посуды и костей животных.

Яма № 1 расположена на линии помещения III, на расстоянии не более 1.5 м от него. Эта длинная (около 9 м) и глубокая (до 1.2 м) яма в плане представляет неширокую (от 0.6 до 1.2 м) канаву, юго-западная сторона которой прямая, а северо-восточная — изогнутая (дугообразная). Дно ямы неровное, ступенчатое. Торцевые стены оплыли, образуя покатость со слабо выраженными признаками ступенчатости.

Яма № 2, расположенная к северо-западу от ямы № 1, является как бы продолжением последней и отделена от нее лишь узкой (около 0.4 м) перемычкой. По размерам она меньше ямы № 1 и имеет более правильную форму. В плане она почти прямоугольная, вытянутая, как и яма № 1, по оси северо-запад—юго-восток. Ширина ее 0.6—0.8 м, длина около 4.6 м, глубина не превышает 1 м. Дно ее неровное: юго-восточная часть глубже, чем северо-западная. Северо-восточная и юго-западная стенки

¹ [В. Д. Сухоруков]. Историческое описание Земли Войска Донского. Изд. 2-е, Новочеркасск, 1903, стр. VI—VII.

² Отчет И. В. Тимошенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной. Тр. XII АС, т. II, М., 1905, стр. 569—576; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 51.

отвесные, юго-восточная и северо-западная — покатые.

Яма № 3 расположена далее к северо-западу от ямы № 1, на северо-восточной линии помещения II. По размерам яма занимает среднее положение между ямами №№ 1 и 2. Длина ее около 7 м, ширина

Рис. 47. Полуземляночное сооружение № 5. Общий вид с северо-востока.

от 0.6 до 1 м, глубина до 1.2 м. В плане она имеет восьмеркообразную форму. Юго-западная и северо-западная стены ее более или менее отвесные, северо-восточная стена имеет подбой, а юго-восточная — покатая, с довольно ясно выраженной ступенчатостью.

Ямы подобного типа на поселениях Юго-Востока неизвестны. Не знаем мы аналогичных им и на поселениях средневековья других районов Восточной Европы.

Как уже отмечалось выше, южная часть поселения была укреплена. Оборонитель-

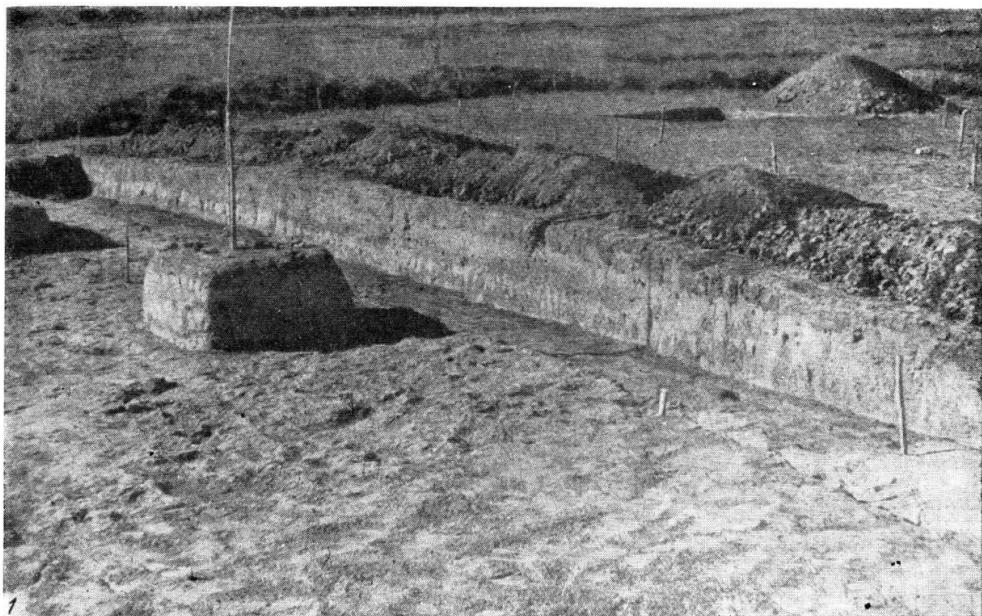

Рис. 48. Сорная куча (зольник). Раскоп I.

1 — общий вид разреза с северо-востока; 2 — структура поверхности погребенной почвы под сорной кучей.

ные сооружения состояли из вала и рва, идущих параллельно друг другу (рис. 50). Протяженность их была около 1 км. Сохранились они очень плохо. Вал был размыт, ров заплыл. В дополнение ко всему северный отрезок оборонительной линии был сильно перекопан при использовании ее в качестве ограды вокруг усадеб. В местах

суглинок желтоватого оттенка с вкраплениями известковых натеков, стратиграфически залегающий ниже почвенного слоя. Вал был насыпан непосредственно на дневную поверхность. Ширина основания около 6—7 м, высота сохранившейся части около 0.6—0.8 м. Следов деревянных или иных конструкций ни по гребню вала, ни в валу

Рис. 49. Раскоп I (селище). Ямы вдоль северо-восточных стен наземных построек II и III.

наилучшей сохранности высота вала не превышала 0.5 м при такой же глубине рва. Общая ширина оборонительной линии около 16 м. Поверхность вала задернована, так же как и примыкающая к нему площадка городища. Только гребень его несколько выделяется желтовато-коричневатой глинистой поверхностью. Растительный покров рва более ярок, он состоял из бурьяна и сочных, зеленых трав.

Оборонительные сооружения были перерезаны траншеей шириной 2 м. Раскопки выявили следующую картину (рис. 50). Остатки вала представляют собой насыпь почвенно-материкового слоя, вынутого из рва. Нижний слой насыпи состоит из почвы, снятой с поверхности площадки, где был заложен ров. Выше почвенного слоя лежит

не обнаружено. В северной стенке разреза с внешней стороны вала по бровке (ширина около 2 м) между рвом и валом прослежен плотный золисто-глинистый слой. В обрезе южной стенки этого слоя нет.

Ров вырыт в почвенно-материковом слое. Ширина его около 2.6 м, глубина около 2.4 м (от дневной поверхности). Основную (верхнюю) часть заполнения на глубину до 2 м составляет гумусированный слой темного оттенка, весьма плотной структуры, без каких-либо признаков культурных отложений. В центре разреза слой более темный, к краям светлее, приобретая постепенно материковую окраску. Под гумусированным слоем лежит черная жирная глина, мощность ее отложений около 0.2 м. Ниже этой глины залегает плотная гумусирован-

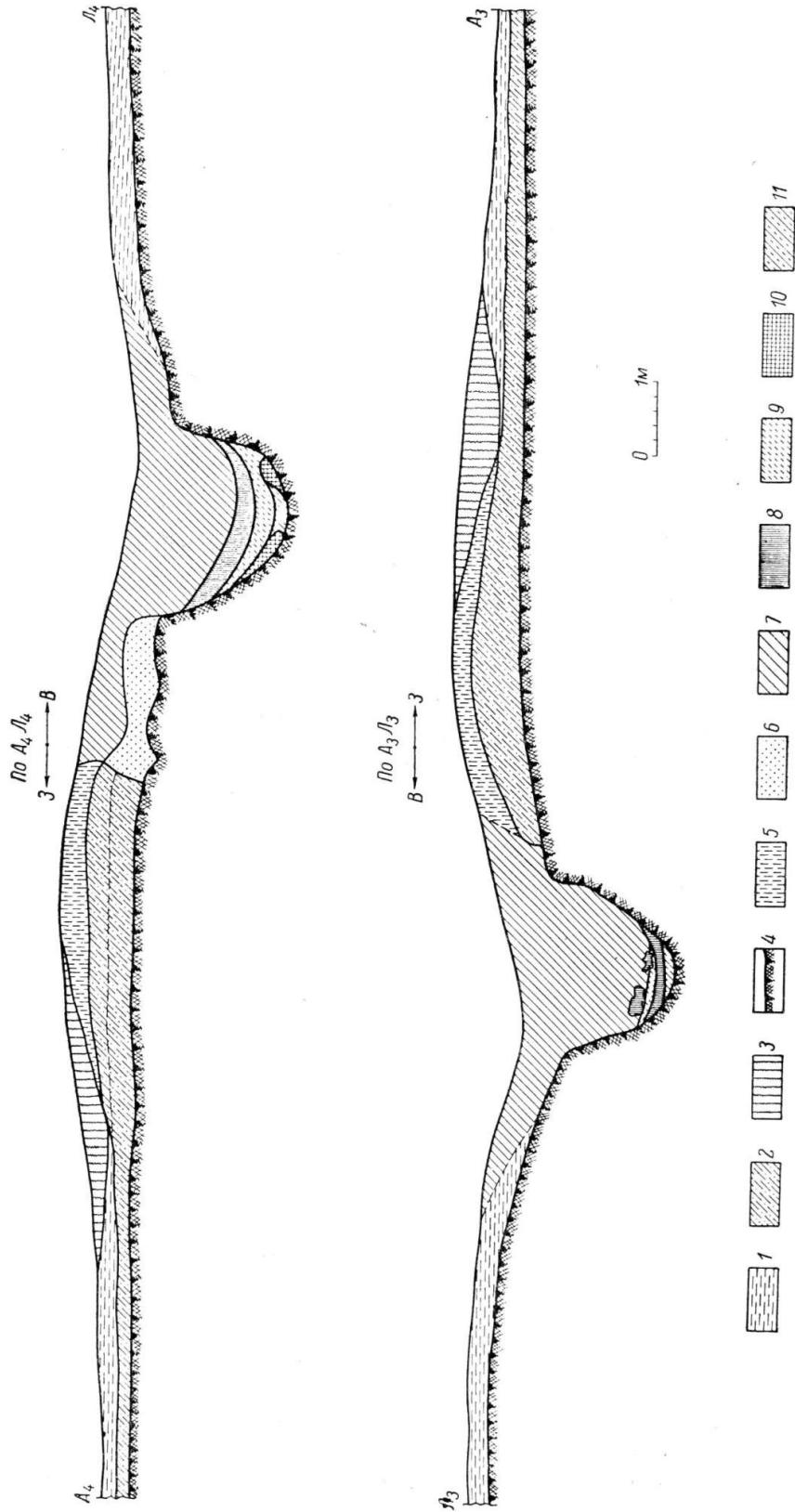

Рис. 50. Вал и ров городища (разрез).
 1 — современный почтнов; 2 — погребенная почта; 3 — перегонченный слой; 4 — материк (суглинок); 5 — суглинок (выброс из рва); 6 — золисто-глинистый слой; 7 — гумусированный слой (заполнение рва); 8 — черная жирная глина; 9 — гумусированная глина; 10 — линзы материкивой породы; 11 — глинистый слой зеленоватого оттенка.

ная глина темного или зеленоватого оттенка. В нижней части рва культурные отложения также не обнаружены.

Оборонительные сооружения аналогичного типа не имеют широкого распространения среди средневековых памятников Юго-Востока, однако некоторые параллели указать все же можно. В первую очередь следует назвать неоднократно отмечавшееся в литературе городище у хут. Среднего, находящееся в 3—4 км от Карнауховского поселения, вниз по течению по р. Котлубанке. Оборонительные сооружения этого городища по внешнему виду ничем не отличаются от карнауховских. Они состоят из невысокого земляного вала и примыкающего к нему с внешней стороны неглубокого рва. Длина оборонительной линии около 1 км, т. е. совершенно одинаковая с карнауховской. Как и на Карнауховском поселении, оборонительная линия городища у хут. Среднего ограждает поселение с напольной стороны, имея такую же дугообразную форму.

Таким образом, налицо полное соответствие внешнего облика оборонительных сооружений городищ у хуторов Среднего и Карнаухова. Однако, поскольку вал и ров городища у хут. Среднего, равно как и все поселение, никогда не подвергались раскопкам, мы не можем с той же уверенностью говорить о конструктивном сходстве этих оборонительных сооружений. В то же время у нас нет никаких данных и для сомнения, тем более что это памятники одной эпохи, одной культуры, расположенные всего лишь в нескольких километрах один от другого.

Близка к оборонительным сооружениям Карнауховского поселения часть оборонительных сооружений поселения у балки Рыгиной, близ ст. Каменской на Северском Донце, состоящая из земляного вала и прилегающего к нему с внешней стороны параллельного рва. К сожалению, описание этих сооружений не дает ясного представления о них,¹ а в натуре они уже не существуют.

5

Одновременно с остатками жилых и хозяйственных сооружений на Карнауховском поселении обнаружен, правда немногочис-

ленный, инвентарь: керамика, изделия из камня (жернова, точильные камни, пряслица), единичные поделки из железа, бронзы и т. п., а также кухонные отбросы в виде костей животных. Как уже отмечалось выше, культурные остатки, найденные на поселении, залегают в культурных отложениях не на всей территории, а лишь в определенных точках, преимущественно в сорных кучах. Особенно мало остатков непосредственно вокруг построек. Самой многочисленной и наиболее интересной группой остатков, определяющей культурно-хронологический облик поселения, является керамика. Подавляющая масса сосудов дошла до нас в обломках среди бытовых отбросов в сорных кучах и лишь единичные экземпляры сохранились полностью, правда, тоже в раздавленном виде. Все же многие типы, наиболее распространенные в быту, удалось восстановить. В их числе мы имеем кухонные сосуды, сосуды для хранения продуктов и некоторые другие (рис. 51).

Группа кухонной керамики представлена горшками и сосудами с внутренними ушками (рис. 52, 1, 2, 3—6). Горшкообразные сосуды — наиболее широко распространенный тип сосудов. Форма их довольно устойчивая. Горшки имеют отогнутый, закругленный сверху венчик, невысокую шейку и хорошо выраженные плечи, переходящие в тулоно, ко дну постепенно суживающееся. Диаметр горловины этих сосудов, как правило, больше диаметра дна; высота сосуда больше диаметра горловины. Поверхность сосуда всегда орнаментирована. Характер орнаментации довольно единообразен. Большинство сосудов покрыто линейным орнаментом сплошь по всему корпусу. Часто этот вид орнаментации сочетается с многорядным волнистым поясом по плечикам. Иногда волнистый орнамент по плечикам заменяется поясом из гирляндообразных концентрических дуг, обращенных концами вверх. Венчик орнаментируется реже и преимущественно с внутренней стороны — врезной линией, волной, отисками гребенки; орнаментация по краю его довольно редка. В последнем случае наиболее распространенным видом орнамента является зубчатый чекан. Кухонные горшки изготавливались из глины с примесью крупнозернистой дресвы или песка. Цвет сосудов преимущественно серый. Вместимость довольно разнообразна — от 0.5 до 6—7 л и даже больше.

¹ Отчет И. В. Тимошенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной, стр. 569—576.

Весьма своеобразным типом кухонной посуды являются сосуды с внутренними ушками (рис. 52, 3—6). Как и у горшков, форма их довольно устойчива. Они имеют резко отогнутый венчик и очень слабо выраженную шейку, переходящую непосредственно в корпус сосуда. Плечи, как правило, едва намечены. Внутри сосуда на

Рис. 51. Керамика Карнауховского поселения (восстановленные сосуды).

линии изгиба шейка имеет два выступа, расположенных один против другого. В каждом выступе по два вертикальных отверстия от 1 до 2 см в диаметре. Вместимость сосудов этого типа довольно значительна, не менее 5—6 л. Сосуды имеют большой диаметр верхней части, но они невысоки, напоминая в этом отношении полевые котлы (казаны). Однако в отличие от последних днища их были, по-видимому, не выпуклыми, а плоскими. В техническом отношении сосуды с внутренними ушками ничем не отличаются от горшков. Они изготовлены из глины со значительной примесью крупнозернистой дресвы. Цвет их в подавляющей массе серый. Стенки сосудов покрывались сплошным линейным орнаментом, изредка сочетающимся с поясами волнистых линий, нанесенными по верхней части корпуса (под шейкой). Орнаментировался также и венчик. С внутренней стороны он покрывался волнистым или линейным орнаментом, а краю его придавался веревкообразный (ложновитой) характер.

Как и у горшков, внешняя поверхность стенок часто покрыта копотью.

Сосуды с внутренними ушками встречаются на многих поселениях, относимых к салтово-маяцкой культуре, но не на всех. Последнее, однако, не является еще основанием для утверждения, что их там действительно нет, поскольку большинство поселений этого типа пока еще не подвергалось раскопкам.

Есть еще один тип сосудов, который также следует отнести, по-видимому, к группе кухонной посуды. Это сковородки или неглубокие, округлые в плане миски. Они имеют плоское дно, невысокие, прямые, слегка отогнутые наружу стенки. Высота стенок 3—5 см, верхний диаметр 25—30 см, диаметр дна 20—25 см. В технологическом отношении они ничем не отличаются от предыдущих двух типов сосудов. Изготавливались они из глины с примесью крупнозернистого песка. Цвет их

серый. С внешней стороны поверхность покрывалась линейным орнаментом. Среди керамических остатков сковородки занимают сравнительно небольшое место. Как и сосуды с внутренними ушками, они найдены на многих поселениях салтово-маяцкой культуры, но не на всех.

Посуда хозяйственного назначения (для хранения продуктов) как по формам, так и по технике изготовления значительно разнообразнее. В ее составе отчетливо выступают две большие группы сосудов, включающие в себя различные типы. Это группа широкогорлых (пифосообразных) и группа узкогорлых (кувшинообразных) сосудов. Наиболее распространенным типом пифосообразной посуды являются сосуды горшкообразной формы, изготовленные из глины с примесью крупнозернистой дресвы. Венчик их в большинстве случаев имеет веревкообразный характер с хорошо выраженным ложными витками. Шейка выражена очень слабо, так что венчик сидит, по сути дела, непосредственно на плечиках. Вся внешняя по-

верхность корпуса сосуда покрывалась сплошным горизонтальным линейным орна-

ментом. Иногда по плечикам выше линейной орнаментации наносился пояс из ряда волнистых линий. Реже эти сосуды покрывались

не горизонтальным, а вертикальным или наклонным линейным орнаментом, идущим

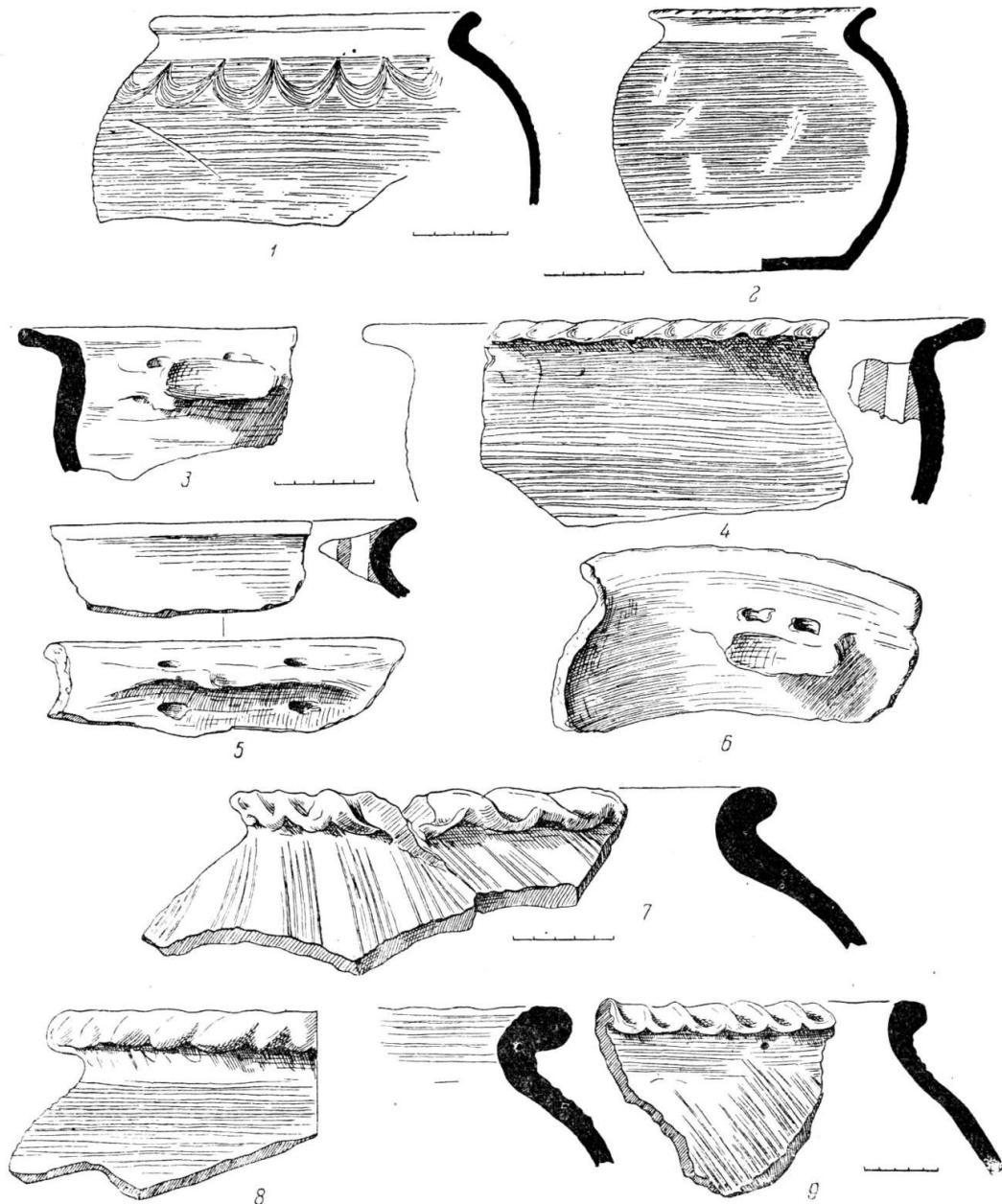

Рис. 52. Керамика Карнауховского поселения.

1, 2 — кухонные горшки; 3—6 — сосуды с внутренними ушками; 7—9 — пифосообразные сосуды.

ментом. Иногда по плечикам выше линейной орнаментации наносился пояс из ряда волнистых линий. Реже эти сосуды покрывались

от венчика ко дну. Размеры сосудов довольно крупные. Средняя высота их около 50 см, диаметр горла около 30 см, наибольший

диаметр корпуса около 40 см (рис. 52, 3 и 12).

Вторым типом пифосообразных сосудов являются сосуды, по своей форме и технологическим качествам отличные от горшкообразных сосудов, охарактеризованных выше. Они изготавливались из хорошей, чистой глины с незначительной примесью очень мелкой дресвы или песка, вследствие чего имеют шероховатую, наждакообразную поверхность. Тесто их очень плотное, обжиг хороший; цвет преимущественно серый, реже буро-красный. Сосуды этого типа имеют плоский, горизонтально отогнутый венчик, образующий невысокую, но отчетливо выраженную шейку, переходящую почти в горизонтальные плечики. Дно сосудов плоское. По своим размерам они близки горшкообразным сосудам, но отличаются от последних меньшим диаметром горловины. Остатки сосудов этого типа на поселениях салтово-маяцкой культуры встречаются сравнительно редко; среди обследованных нами поселений они известны на Волчанском городище и некоторых других. Обращает на себя внимание большая близость этих сосудов, как по форме, так и по технологическим свойствам, с сосудами культуры «полей погребений» черняховского типа (рис. 36).

Среди керамических остатков Карнауховского поселения найдены обломки и собственно средневековых красноглиняных пифосов. К сожалению, фрагменты эти незначительны и у нас нет никакой возможности восстановить даже приблизительные их размеры. В технологическом отношении они существенно отличаются от сосудов, охарактеризованных выше. Изготавливались они из хорошей, чистой глины без каких-либо примесей. Тесто стенок довольно плотное, поверхность гладкая (маслянистая), цвет темно-красный. Толщина стенок колеблется от 1.5 до 2 см. Кроме Карнауховского поселения, обломки средневековых пифосов из поселений салтово-маяцкого типа известны лишь на Левобережном Цимлянском городище.

Из состава узкогорлых сосудов удалось восстановить лишь два типа: трехручные кувшины и яйцевидные амфоры. Трехручные кувшины являются наиболее крупными из всех сосудов, найденных при исследовании поселения. Высота их 70 см, диаметр дна около 25 см, диаметр горловины 12—

15 см, наибольший диаметр корпуса 45—50 см. Тулово имеет горшкообразную форму, переходящую постепенно в узкое, кверху слегка расширяющееся горло высотой около 10—15 см. Горло имеет слив. Две ручки укреплены на тулове, в самой широкой его части, одна против другой, третья — у горловины против слива. Как и вся керамика поселения, трехручные сосуды изготавливались на гончарном круге из довольно чистой глины с незначительной примесью мелкозернистой дресвы. Поверхность сосудов этого типа обрабатывалась двумя способами: в одном случае она подвергалась лощению, в другом оставлялась в естественном виде. Тулово орнаментировалось несколькими многорядными волнистыми или линейными поясками, расположенным на более или менее ровном расстоянии один от другого (рис. 13, 26).

Сосуды, различные по обработке поверхности, различны и по цвету. Лощенные сосуды — серые или темно-серые (до черного), нелощенные — красные или буро-красные (светлые). Это обстоятельство подсказывает, что и обжиг этих сосудов был различен.

Трехручные кувшины описанного нами типа были широко распространены на Юго-Востоке. Они известны нам как по случайным находкам, так и из раскопок. Всем хорошо известна находка такого кувшина в числе других сосудов близ с. Мачехи Полтавской губернии и одноименного уезда, опубликованная Н. Е. Макаренко.¹ Кувшин серовато-темного цвета, лощенный. Высота его 53 см, диаметр туловища 34 см.

Такой же трехручный кувшин был найден В. А. Бабенко в 1906 г. при исследовании неукрепленной части Салтовского поселения. Сосуд был темного цвета, лощенный. Он имел те же размеры, что и описанные нами сосуды. Высота его около 70 см, диаметр туловища около 50 см. По сообщению В. А. Бабенко, местные жители передавали ему, что «такие же сосуды извлекаемы были в различных местах и раньше, но за непригодностью тогда же уничтожались».² Из неопубликованных материалов нам известен такой сосуд

¹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 116—118.

² В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове». Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 396.

в Краснодарском музее, найденный в пределах Кубанской области. Имеются такие же сосуды и среди керамических материалов Левобережного Цимлянского городища. Эти данные позволяют думать, что трехручные кувшины являются одной из распространенных керамических форм салтово-маяцкой культуры.

Яйцевидные амфоры резко выделяются из всего состава керамических остатков как яркостью своего красного или оранжево-красного цвета, так и характером теста. Они изготавливались из хорошей, чистой глины, в большинстве случаев без каких-либо заметных примесей. Тесто их плотное, хорошо обожженное. Изредка поверхность покрывалась слабым раствором краски светлых тонов. Форма амфор яйцевидная, но соотношение между высотой и шириной не всегда выдержано. Восстановленная нами амфора, найденная при исследовании Карнауховского поселения, имеет высоту около 50 см, наибольший диаметр корпуса 35—38 см. Высота горла этой амфоры около 8 см, ширина — 5—7 см. Венчик выражен отчетливо. Ручки довольно массивные, овальные в сечении. Они прикреплены непосредственно под венчиком и почти под прямым углом опускаются на плечики. Поверхность амфоры слегка желобчатая, покрытая слабым раствором краски палевого цвета.

Яйцевидные амфоры имеют широкое распространение в поселениях салтово-маяцкой культуры. Следует, однако, заметить, что не во всех известных нам поселениях они занимают одинаковое место, о чем можно судить по ряду фактов. Так, несмотря на довольно тщательное внешнее обследование и раскопки, на Суворовском поселении было найдено всего 1—2 обломка яйцевидных амфор, тогда как на поселении Ближнем Подгорском, где никаких раскопок не производилось, а был сделан лишь внешний осмотр, обломки яйцевидных амфор были встречены на всей площади поселения и в значительном количестве. Слабая изученность салтово-маяцких поселений не позволяет пока объяснить отмеченные нами факты, но проходить мимо них нельзя.

Среди керамических остатков, собранных на поселении, есть обломки, принадлежащие каким-то другим формам больших кувшинообразных сосудов, но, к сожалению,

реконструировать их пока нет возможности.

Наиболее плохо дошла до нас в составе керамических остатков Карнауховского поселения группа столовой посуды. Найденные на поселении остатки не позволили нам восстановить ни одного сосуда этой группы. В то же время следует отметить, что среди остатков имеется значительная группа обломков небольших мискообразных и блюдообразных сосудов, а также кувшинов, принадлежность которых к столовой посуде не вызывает никаких сомнений. Подавляющая часть сосудов этой группы изготавливалась из хорошей, чистой глины без каких-либо заметных примесей. Цвет их преимущественно темный (от серого до черного). Поверхность, как правило, лощеная.

Произведенное нами описание трех групп глиняной посуды далеко не исчерпывает всего богатства и многообразия этой категории изделий, бытовавших среди населения Карнауховского поселка. Не говоря о том, что значительное число форм нам вовсе не удалось восстановить, в составе остатков есть обломки хорошо известных нам сосудов, но они не могут быть причислены ни к одной из трех рассмотренных нами групп. Из числа таких мы считаем необходимым отметить так называемые фляги, или баклажки, круглой формы с невысоким узким горлом и двумя ручками. По качеству теста и выделке фляги очень похожи на яйцевидные амфоры. Их роднит с последними также форма горловины и ручек. В силу этого небольшие обломки фляг, если они не принадлежат какой-либо характерной части, например наружной части тулона, трудно определить. Очевидно, по этой причине среди керамических остатков, относящихся к памятникам салтово-маяцкой культуры, почти никогда не отмечается присутствие обломков фляг. Фляги фиксируются лишь тогда, когда находятся или в целом виде, или в виде крупных фрагментов, передающих форму сосуда. Нам известно лишь несколько фляг. Одна из них найдена в погребальном комплексе Подгорского катаомбного могильника (раскопки С. Н. Замятнина); две фляги, случайно найденные, хранятся в Новочеркасском музее. Несколько обломков таких фляг было найдено при раскопках Левобережного Цимлянского городища.

Наряду с изделиями из глины, значительное место в составе культурных остатков занимают изделия из камня. Наиболее многочисленны из них ручные жернова. Как и керамика, в подавляющей своей массе они дошли до нас в разбитом виде. Обломки их найдены и при раскопках, и при внешнем обследовании поселения.

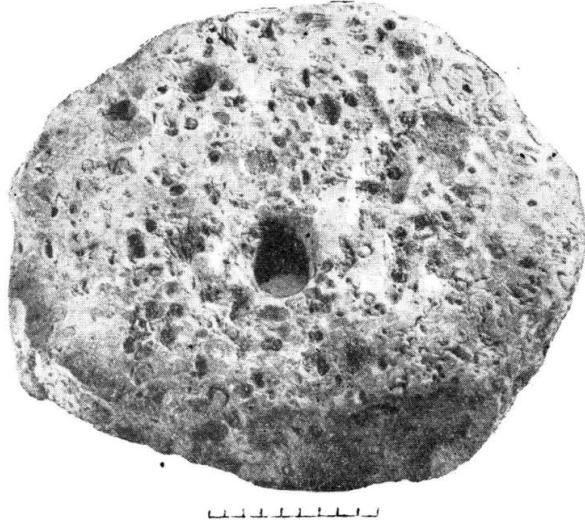

Рис. 53. Жернов.

Существенно отметить, что нет почти ни одного зольника, ни одной точки с выходами глиняной обмазки, где бы на поверхности не были найдены обломки жерновов. В большей части это отдельные куски, не связанные между собой; лишь в двух случаях, при раскопках наземных сооружений I и V, были найдены два фрагментированных, почти полностью восстановленных жернова. Судя по расположению обломков, они были разбиты недавно, по-видимому при распашке поля. Кроме того, один совершенно целый жернов был найден на территории городища среди камней фундамента одной из современных построек (рис. 53). Большая часть жерновов изготавливались из ракушечника, реже из песчаника. Жернова имели окружную, не совсем правильную форму; диаметр их около 0.60 м. Внутренние, рабочие поверхности у всех жерновов плоские, внешние имели различную форму — у одних они плоские, у других полусферические. Жернова с полусферическими поверхностями были более массивны, чем плоские. Первые являлись, по-видимому, верхними, вторые —

нижними. Это положение находит подтверждение в наличии на внешней стороне полусферических жерновов углублений, в которые вставлялась деревянная ручка для вращения жернова. Отверстия в центре жерновов имели окружную форму. Диаметр их, судя по сохранившемуся экземпляру, около 3.5—4 см.

Ручные жернова в поселениях салтово-маяцкой культуры распространены довольно широко. Их находят не только при раскопках (Левобережное Цимлянское городище, Суворовское поселение, Салтово), но и среди подъемного материала. Так, три жернова (два целых и один обломок) были найдены на поселении близ хут. Подгоровки. Обломки жерновов были найдены нами на поселении у хут. Сидорова Славянского района Ставропольской области и на поселении у дер. Доброй Шебекинского района Курской области.

Из числа каменных изделий следует отметить также точильные камни (бруски), камни для растирания (пестики) и прядильца (рис. 54). Точильные камни были найдены как при внешнем осмотре поселения, так и при раскопках. По форме, материалу и размерам они довольно разнообразны. Чаще всего это четырехгранные или окружные в сечении сланцевые бруски, но есть и из песчаника. Последние всегда более массивные, они использовались, по-видимому, для грубой обработки. Отдельные бруски имеют отверстия для подвешивания. Такой брускок найден на полу наземного помещения III. Сильная сточенность брусков говорит о том, что они были в длительном употреблении у населения поселка. Менее распространенными среди находок являются камни для растирания. Из числа их следует отметить небольшой пестик, найденный в заполнении «жаровой» ямы наземного сооружения I. Форма пестика коническая, усеченная; концы его слегка округлены, рабочая часть хорошо заглажена.

Прядильца из камня немногочисленны. Форма их довольно устойчивая: они плоские, окружные. Диаметр их около 4—4.5 см, диаметр отверстий около 1 см, толщина около 1 см. Большая часть прядильц изготавливается не из камня, а из обломков стенок глиняной посуды. Форма прядильц этого типа была в большей части совершенно такая же, как и каменных. Лишь единичные экземпляры отличаются небольшим диа-

метром (2—2.5 см), оставаясь, однако, все же плоскими. Такой тип прядильц является весьма характерным для поселений салтово-маяцкой культуры. Они известны на Левобережном Цимлянском городище, на Правобережном Цимлянском городище, на поселениях у хут. Сидорова, у дер. Доброй

черенковые, с прямой спинкой. Переход от лезвия к черенку выражен довольно отчетливо в виде уступов как со стороны обуха, так и режущей части. Аналогичные ножи были находмы при исследовании поселений и могильников салтово-маяцкой культуры (Салтово, Правобережное и Ле-

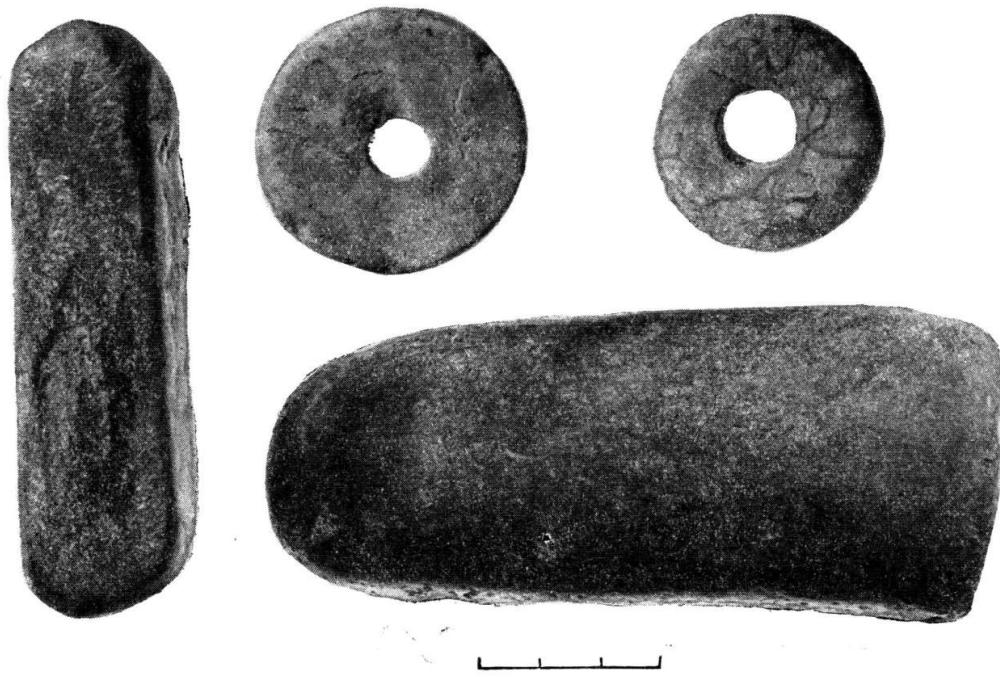

Рис. 54. Изделия из камня.

и на ряде других. Форма их существенно отличается от биконических, округлых и других форм прядильц синхроничных славянских поселений. Правда, в последних плоские прядильцы, изготовленные из обломков стенок глиняной посуды, встречаются тоже, но они довольно редки и совершенно нехарактерны.

Ничтожное место среди культурных остатков занимают изделия из металла — железа и бронзы (рис. 55). За два года работы на поселении найдены два небольших поломанных железных ножа, два обломка серпа, обломок стремени и несколько обломков других, неопределенных железных поделок. Из бронзовых изделий найдены перстень и бляшка. Вещи эти хотя и недостаточно ярки, но весьма характерны и являются существенным дополнением к керамическим и другим материалам для суждения о культуре поселения в целом. Ножи

вобережное Цимлянские городища) и на Северном Кавказе (Дуба-Юрт).

От серпа сохранилось всего лишь два небольших обломка — конец лезвия и черенок, но и то, что дошло до нас, служит достаточным основанием для заключения о том, что по своей форме он очень близок к современным нам серпам. Аналогии ему можно указать среди серпов Левобережного Цимлянского городища.

Дошедший до нас обломок стремени, представляющий собой часть подножия, относится к широко распространенной группе стремян, имеющих на обратной (нижней) стороне подножий продольные ребра: одно (в посередине) или три (два по краям и одно в посередине). Дужки этих стремян, как правило, округлые в сечении; петли для ремня — пуглища неширокие, четырехугольные или близкие к ним. Такие стремена известны в Салтовском катакомбном могильнике,

в Правобережном и Левобережном Цимлянских городищах, а также в ряде других памятников салтово-маяцкого типа.

Бронзовый перстень принадлежит к группе перстней, известных в литературе под назва-

и в катакомбных могилах Северного Кавказа.

Последняя металлическая вещь, которую следует отметить, это кольцевидная, слегка выпуклая бронзовая бляшка, об-

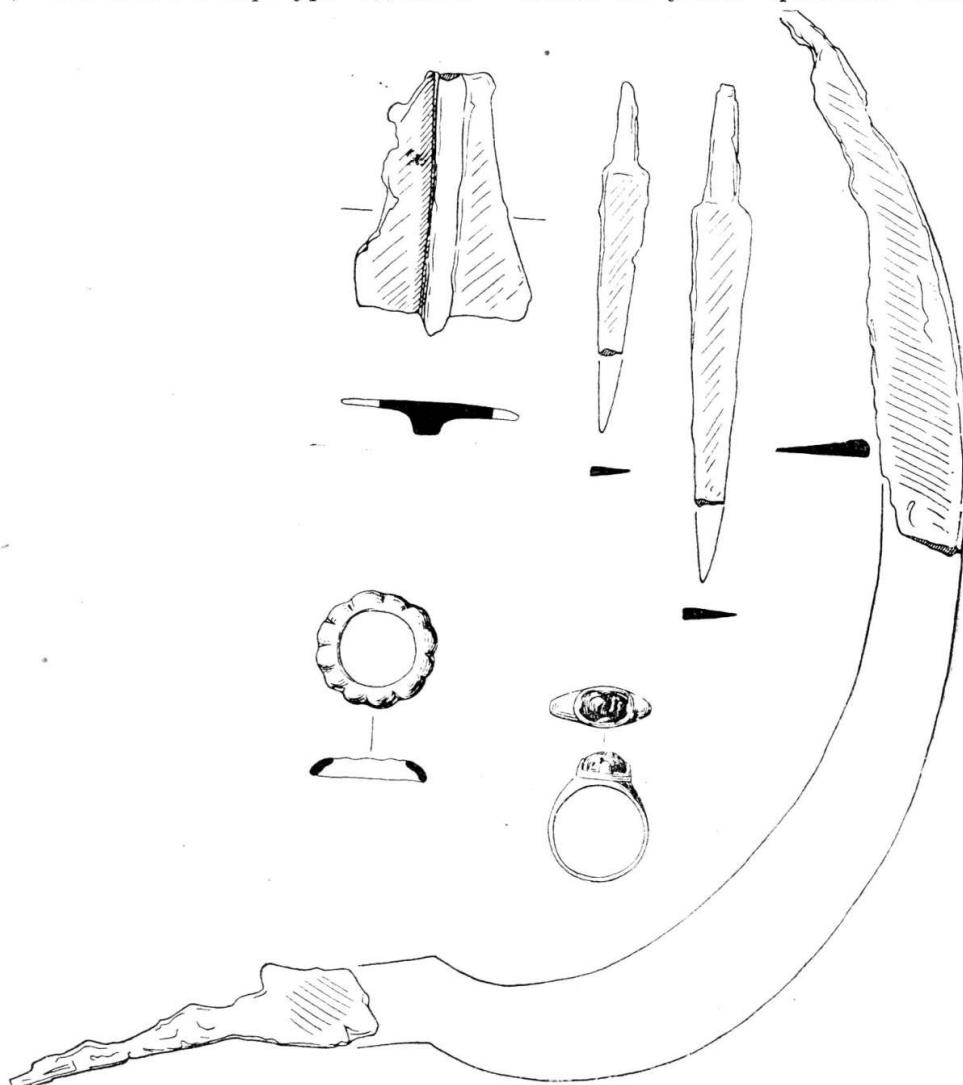

Рис. 55. Изделия из металла. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

нием салтовских. В средней его части имеется гнездо с вставленным полусферическим полуопрозрачным стеклом, закрепленным четырьмя лапками, расположенными симметрично попарно. Перстни этого типа на Юго-Востоке имеют широкое распространение; они встречаются как в могилах, так и в поселениях салтово-маяцкой культуры, а также

док которой представляет как бы соединение кружков. К сожалению, аналогий ей пока указать не можем, равно как и не считаем возможным определить назначение ее.

Значительное место в составе культурных остатков, добытых при раскопках Карнауховского поселения, занимают кости жи-

вотных. Подавляющую часть их составляют остатки животных, употреблявшихся в пищу, свидетельством чего является сильная раздробленность костей. Всего было собрано около 2000 костей; более половины их оказалось неопределыми. Из числа определенных основная масса принадлежит домашним животным (около 90%); дикая фауна занимает незначительное место. Очень мало костей птиц и рыб. По количеству особей костные остатки распределяются следующим образом:

Охарактеризованные выше материалы, добываясь при раскопках Карнауховского по-

Бык	около	30 %
Овца	»	24
Лошадь	»	18
Свинья	»	10
Верблюд	»	2
Кошка	»	2
Собака	»	2
Птицы	»	2
Рыбы	»	2
Мелкие хищники	»	2
Кабан	»	4
Олень	»	2 ¹

решения вопроса. При слабой изученности салтово-маяцких памятников трудно отве-

Рис. 56. Раскоп IV. Комплекс построек (усадьба).

селения, хотя и невелики, однако настолько характерны, что принадлежность их, а тем самым и поселения в целом к кругу памятников салтово-маяцкой культуры, в ее широком понимании, не вызывает сомнения. Правда, материалы имеют и некоторые особенности, отличающие их от материалов других поселений этой культуры. Так, на Карнауховском поселении совершенно не встречено лепных сосудов (кроме ритуальных), известных нам в таких памятниках этой культуры, как Салтovo, Добрая и др. Но это частности, которые не предопределяют

тить, чем обусловлены эти особенности: хронологическими, территориальными или какими другими причинами.

Судя по незначительной мощности культурных отложений, отсутствию перекрытий одних построек другими, однотипности бытового инвентаря (особенно керамики), Карнауховское поселение существовало непродолжительное время. Однако за неимением датирующих материалов мы не можем огра-

¹ Определение костей произведено зоологом К. Б. Юрьевым.

ничить время его жизни узкими хронологическими рамками. Единственное, что может в какой-то мере помочь более или менее приближенно решить этот вопрос, это саргасские кирпичи, найденные в жилых и хозяйственных постройках, использованные в одном случае для вымостики пола, в другом для сооружения очага. Исходя из наличия на них следов известия, можно считать, что кирпичи взяты из какой-то кладки. Последнее могло иметь место, по-видимому, самое раннее лишь в конце IX—начале X в. Вероятнее всего, в этом, сравнительно позднем характере салтовской культуры Карнауховского поселения следует искать объяснение отмеченным выше особенностям материальной культуры, в частности отсутствию лепной керамики, распространенной в памятниках салтово-маяцкой культуры более ранней поры, рубежа VII—VIII и VIII вв.

Немногочисленны, но также достаточно характерны материалы, освещающие хозяйственную деятельность населения поселка. Две отрасли хозяйства наиболее отчетливо прослеживаются по этим материалам: земледелие и скотоводство. О первом наиболее наглядно свидетельствуют следы половы (мякини) пшеницы и ячменя, обнаруженные в глиняной обмазке, широко применявшейся при строительстве наземных сооружений. О земледелии же говорят, хотя и косвенно, находки фрагментированного серпа, а также многочисленных обломков ручных жерновов.

Существенное место, возможно даже большее, чем земледелие, занимало скотоводство. Особенно ярким свидетельством его большой значимости служит широкое распространение среди хозяйственных построек специальных хлевов (овчарен) для укрытия мелкого скота от холода. Большое количество костных остатков почти исключительно домашних животных среди бытовых отбросов служит дополнительным подтверждением роли скотоводства в жизни населения.

Незначительное место занимало рыболовство. За два года работы найдено всего лишь несколько рыбьих косточек (как обычных рыб, так и ганоидных). Орудия рыболовного промысла не найдены совсем.

Ничего нельзя сказать о ремеслах. Следов их не обнаружено ни при раскопках, ни при внешнем осмотре всей территории поселения.

Исключительно интересны материалы, характеризующие топографию жилых и хозяйственных построек — их взаимное расположение, а равно общий облик поселения и его границы. Уже при внешнем осмотре памятника было замечено, что разнообразные по характеру остатки древнего поселения — сорные кучи, скопления глиняной обмазки (развалины наземных построек) и западинки (полуземлянки) — размещены не в отрыве друг от друга, а образуют своеобразные комплексы, состоящие из двух или всех трех элементов, причем как в первом, так и во втором случае сорная куча, как правило, является одной из составных частей. Раскопки полностью подтвердили эти наблюдения (рис. 56). Эти комплексы жилых и хозяйственных построек надо рассматривать, по-видимому, как отдельные дворы или усадьбы. Такой двор включал в себя как минимум жилую и хозяйственную постройки. Близ этих построек размещались сорные кучи (зольники). Судя по выходам культурных остатков, а также по данным раскопок, дворы располагались довольно близко один от другого. Не исключено, что они были отделены изгородями. Таким образом, полученные при раскопках данные в какой-то мере проливают свет и на характер общественного строя населения поселка, а в совокупности с материалами ранее исследованных поселений и могильников материалы Карнауховского поселения являются ценнейшим источником в воссоздании средневековой истории и всего Юго-Востока.

И. И. Ляпушкин

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ КАРНАУХОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

За время двухлетней работы на поселении не удалось выявить никаких следов могильника. Лишь при разведочных работах 1950 г. в обрезе правого берега р. Котлубанки напротив поселения был обнаружен какой-то ритуальный комплекс (рис. 1, I), в состав которого входили: 1) круглодонная яйцевидная амфора IX—X вв.; 2) плоскодонный, больших размеров (высота 40—41 см, диаметр горла 27—28 см, диаметр дна 17—18 см) лепной горшок с высоким (около 7 см), слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 2); 3) камень-голыш; 4) скелет овцы; 5) скребло-видное кремневое орудие. Амфора и горшок находились в раздавленном виде, причем обломки их лежали вперемешку. Костяк овцы частично перекрывал обломки сосудов. Костяк сохранился неполностью. Голова и некоторые другие кости отсутствовали, они, по-видимому, как и часть обломков сосудов,сыпались при разрушении берега. Весь этот комплекс залегал на глубине 1.10—1.20 м от поверхности в гумусированном слое. Структура слоя ничем не отличалась от структуры смежных береговых участков. Следов ямы не обнаружено. Кроме перечисленных вещей, при расчистке комплекса найден еще лишь один обломок черного лощеного сосуда салтовского типа. Никаких остатков культурных отложений по линии берега прослежено не было. В поисках мо-

гильника на площадке, прилегающей к точке, где был найден ритуальный комплекс, была заложена траншея шириной 1 м и длиной 30 м. Траншея была углублена до материка (желтовато-коричневатого суглинка). Никаких следов могильника здесь обнаружено не было. Материковый слой был совершенно не нарушен. Только в двух местах были обнаружены неглубокие столбовые ямы от построек наших дней (исследуемая площадка в недавнем прошлом была занята усадьбой).

Вторым участком, на котором были произведены поиски могильника, является пологий склон правого берега балки, лежащей между укрепленной и неукрепленной частями поселения, где остатков культурного слоя на поверхности не прослеживалось. На этом склоне были заложены две траншеи, перпендикулярные одна к другой, в направлении север—юг и восток—запад. Протяженность первой траншеи 30 м, второй — 20 м. Ширина траншей 1 м. Траншеи были углублены до материка. Никаких культурных отложений на всей вскрытой площади не обнаружено. Материк не был нарушен ни в одном месте.

С той же целью еще раз был обследован высокий коренной берег р. Котлубанки, как на линии поселения, так и за его пределами вверх и вниз. Следов могильника не было обнаружено и здесь.

К юго-востоку от городища по водораздельной линии между реками Котлубанкой и Цымлой в направлении юго-запад—северо-восток тянется цепь больших курганов. Она начинается на краю надпойменной террасы близ хут. Карнаухова и уходит в направле-

ния к хут. Чубинову и дальше. На юго-западном ее конце, близ хут. Карнаухова, в полукилометре к юго-востоку от городища, наряду с большими курганами имеется довольно значительная, компактная группа небольших курганов, от едва заметных до

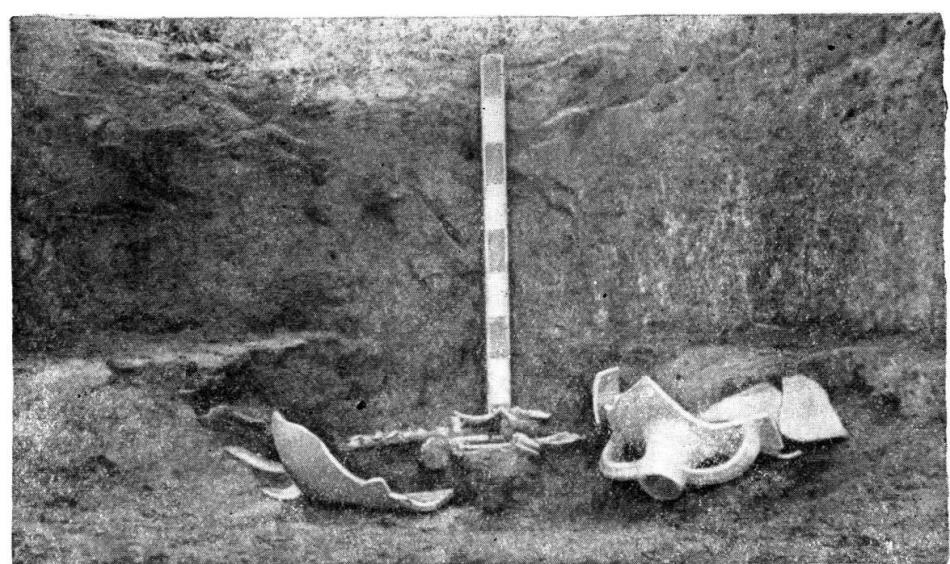

Рис. 1. Ритуальный комплекс в обрезе правого берега р. Котлубанки.
1 — полевой снимок; 2 — сосуды из ритуального комплекса (после реставрации).

достигающих 0.7—0.8 м в высоту при диаметре до 30—35 м. Число курганов этой группы учесть очень трудно. Они настолько слились с дневной поверхностью, что их зачастую не отличишь от неровностей, образованных пахотой. Во всяком случае их не один десяток. При беглом осмотре нам

найдена голова каменной бабы. Из-за недостатка времени была вскрыта лишь юго-западная его часть, несколько расширенная в процессе раскопок за счет прилегающих квадратов центра (рис. 4). После снятия первого штыка в квадрате Г₃ в слое насыпи были найдены обломки двух сосудов:

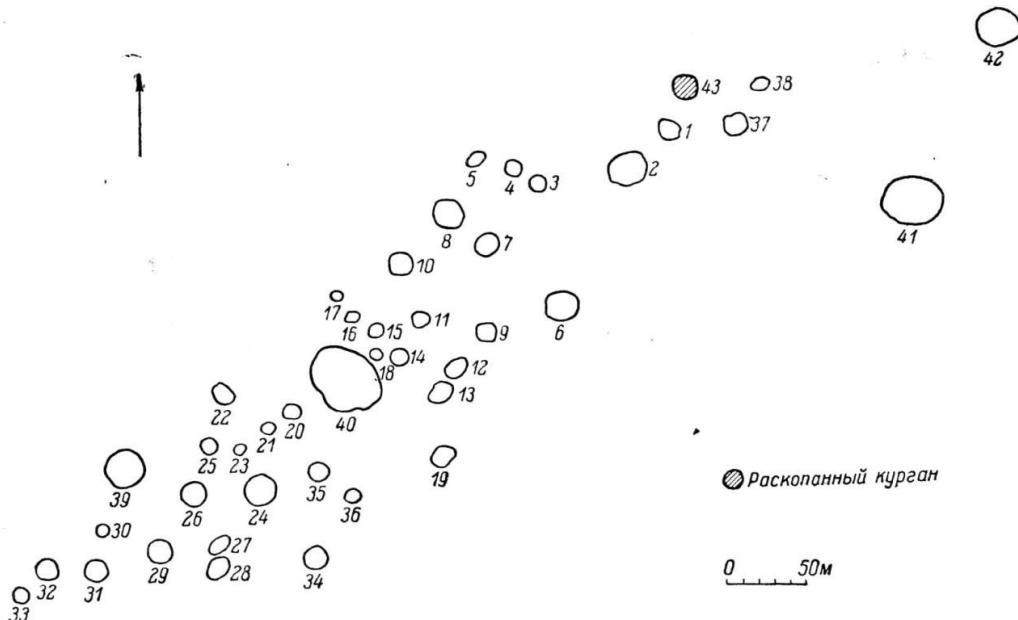

Рис. 2. План курганного могильника.

удалось занести на план около 40 точек (рис. 2). Близ некоторых курганных насыпей найдены обломки кирпичей саркелского типа. По утверждению местных жителей, кирпичи эти выпахиваются из «могилок». Тут же, в границах этой курганной группы, были обнаружены две каменные бабы. Одна из них оказалась разбитой на несколько частей. Два найденных обломка ее лежали на расстоянии около 50 м один от другого (рис. 3). По рассказам местных жителей, каменная баба была разбита при вспашке поля трактором. Голова ее лежала у северо-западной полы небольшого кургана. Высота последнего не превышала 0.4 м, диаметр около 15 м.

В поисках могильника мы не могли пройти мимо этой курганной группы. Необходимо было выяснить, в каком отношении друг к другу находятся курганный могильник и поселение. С этой целью было приступлено к раскопкам кургана, возле которого была

1) лепного горшкообразного сосуда серого цвета со щипковым орнаментом по венчику (рис. 5) и 2) черного, лощеного, сравнительно тонкостенного сосуда. На горизонте погребенной почвы (наибольшая глубина в центре кургана 0.6 м) на светло-коричневом фоне было обнаружено два темных гумусированных пятна. Одно из них (№ 1) длиной около 2 м и шириной около 1.5 м, ориентированное длинной осью по линии северо-запад—юго-восток, расположено в квадратах Г₃, Г₄, Д₃, Д₄; второе пятно (№ 2), длиной около 2.25 м и шириной около 1.5 м, ориентированное по линии северо-запад—юго-восток—восток, расположено несколько севернее первого, в квадратах Г₄, Г₅, Д₄, Д₅.

Исследование пятен привело к вскрытию двух могильных ям (рис. 6). Погребения в обеих могилах оказались разрушенными (по-видимому, они были ограблены). Судя по сохранившимся вещам, могила № 1 от-

Рис. 3. Каменные бабы, найденные в границах курганного могильника.

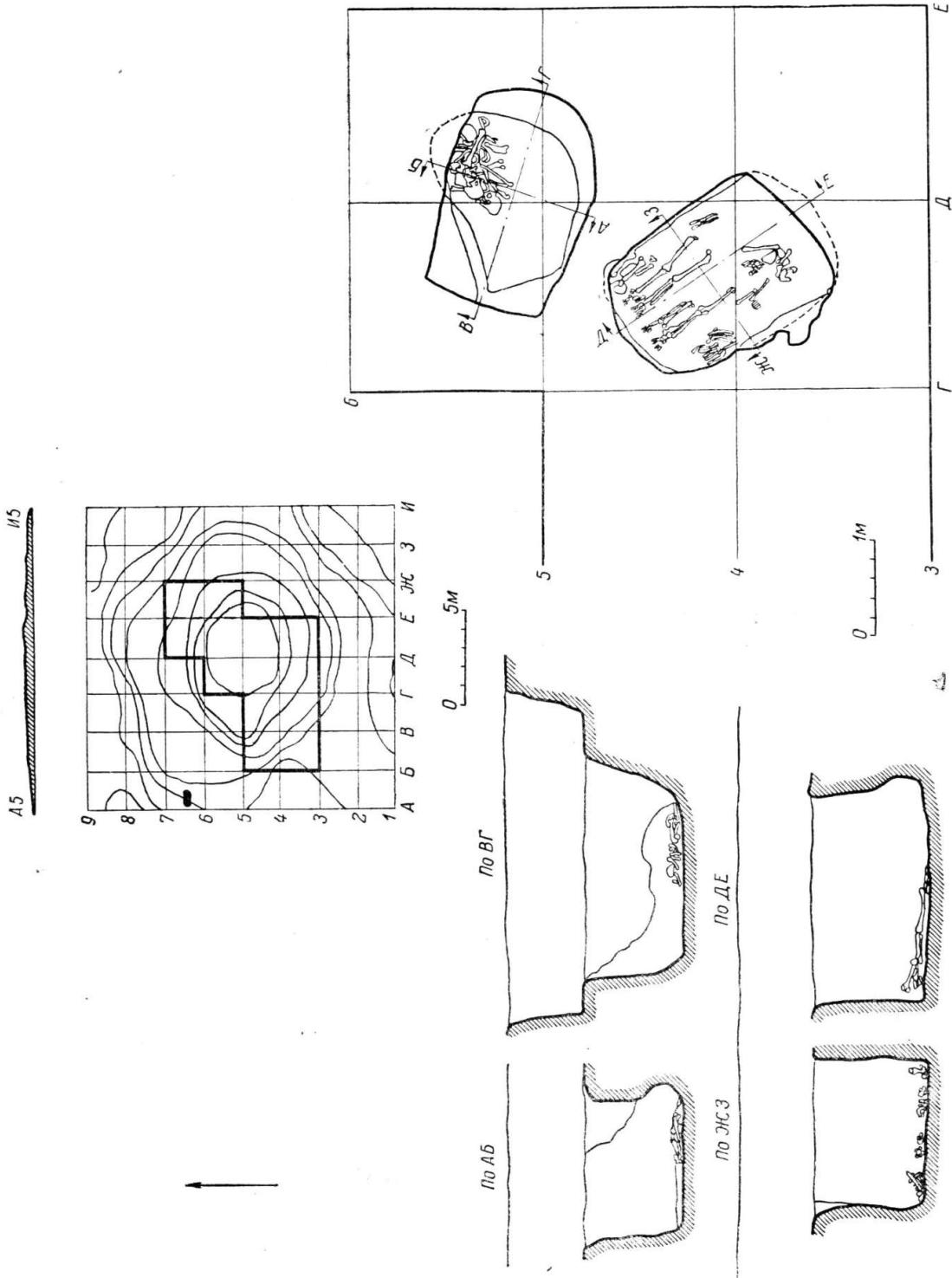

Рис. 4. Планы и разрезы исследованного кургана.

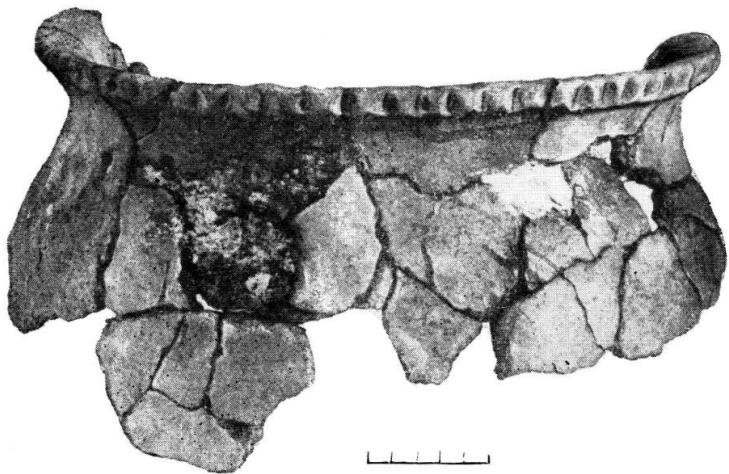

Рис. 5. Обломки сосуда, найденные при исследовании насыпи кургана.

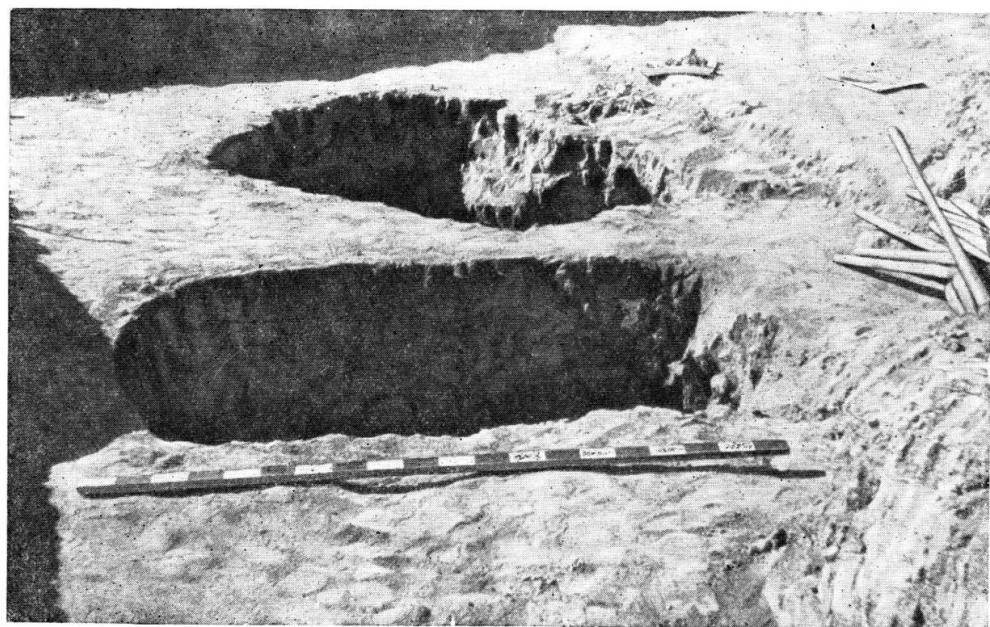

Рис. 6. Могильные ямы (вид с северо-востока).

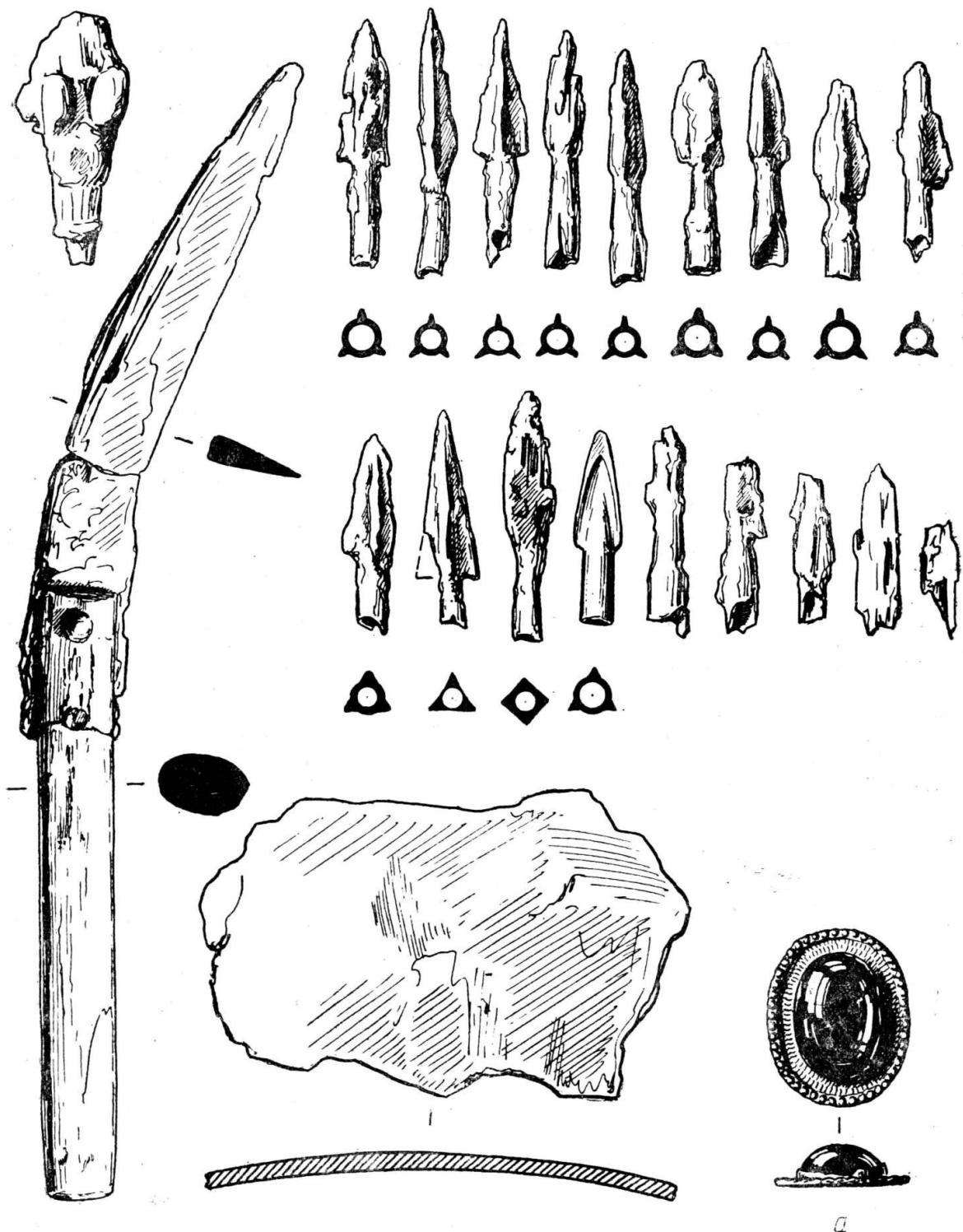

Рис. 7. Погребальный инвентарь из могилы № 1 и могилы № 2 (а).

носится к позднескифскому времени (IV—III вв. до н. э.), могила № 2 — к сарматскому (рис. 7, а).

Могила № 1 представляет собой прямоугольную в плане яму со слегка округлыми углами и почти отвесными стенками. Глубина ее колеблется от 1 до 1,2 м. Яма была заполнена гумусированным, сравнительно рыхлым слоем. Начиная с самого верха в заполнении ямы встречались отдельные человеческие кости, а также кости животных, причем последние имели зеленоватую окраску (окись меди). В засыпи были найдены также обломки железных и бронзовых вещей, в том числе фрагмент стенки бронзового котла (?) и обломок ручки зеркала (?) в виде головы кабана (?). На дне могильной ямы были обнаружены два разрушенных человеческих костяка, лежавших параллельно один другому по оси северо-запад—юго-восток, головами на юго-восток. От костяка, лежавшего вдоль северо-восточной стенки, сохранились лишь кости ног и локтевые кости правой руки. Костяк, лежавший вдоль юго-западной стенки, сохранился лучше. Он имел кости ног, часть костей грудной клетки, лопатки, правую плечевую и левые локтевые кости (рис. 4). Около последних костей лежала пачка сильно окислившихся наконечников железных и бронзовых стрел скифского времени. У юго-западной стены могилы против костей голени лежали ребра лошади, а среди них железный нож с костяной руч-

кой (рис. 7). Несколько конских костей находилось напротив, у северо-восточной стены.

Могила № 2, как и могила № 1, представляет собой почти прямоугольную в плане яму, вырытую в материковом суглинке. Стенки ее не совсем вертикальные, вследствие чего дно могильной ямы имеет меньшие размеры, чем ее верх, и менее правильную форму. В северо-восточной стенке, ближе к ее восточному углу, имеется небольшой подбой. Яма была заполнена плотным глинистым слоем, перемешанным с гумусом. В слое найдено несколько обломков лепного черного лощеного сосуда, одинаковых с обломками, найденными в насыпи в квадрате Г₃. На дне ямы у ее северо-восточной стенки, около подбоя, лежала груда человеческих костей вне всякого анатомического порядка (рис. 4). При разборке костей ближе к подбою был найден серебряный медальон со стеклянной вставкой (рис. 7, а). Никаких других вещей в могиле найдено не было.

Раскопки кургана показали, что курганный могильник не связан со средневековым поселением, а относится к более ранней, скифо-сарматской поре, поселения которой в зоне затопления не обнаружены совершенно. Материалы могильника дополняют наши представления о жизни края, свидетельствуя, что и в скифо-сарматское время он был заселен, но, по-видимому, не оседлыми, а кочевыми народами.

И. И. Ляпушкин

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ ст. СУВОРОВСКОЙ

В 1951 г. при обследовании правого берега р. Дона в районе зоны затопления Цимлянского водохранилища на участке между станицами Голубинской и Цимлянской был обнаружен ряд средневековых, ранее совершенно неизвестных поселений. Часть из них оказалась памятниками салтово-маяцкой культуры, в их числе и поселение у ст. Суворовской.

Поселение примыкает к юго-восточной окраине современной станицы. Оно расположено по склону высокого коренного берега, переходящего в этой части в амфитеатрообразную надпойменную террасу (рис. 1). Культурные остатки прослеживаются как на поверхности площадки, так и в обрезах многочисленных разветвлений оврагов и балок, прорезывающих берег в направлении от плато к долине реки. Много их встречается и в долине реки, на расстоянии до 200—300 м от коренного берега. Не исключено, что культурные остатки вынесены сюда бурными потоками дождевых и весенних вод. Но и без учета участков долины реки площадь, на которой встречаются культурные отложения, достаточно велика. Протяженность ее по линии северо-восток—юго-запад (вдоль берега) около 700 м, по линии северо-запад—юго-восток (склон берега) около 300 м. Выходы культурных отложений наиболее отчетливо заметны в береговых отложениях оврагов. В отдельных местах культурный слой мощностью до 0.7 м прослеживается непрерывно на линии до 100 м. На большой площади культурный слой сверху перекрыт дерном и залегающими под ним наносами, мощность которых в некоторых точках достигает 0.4—0.5 м. Ниже

культурных отложений лежит глинисто-песчанистый материк. Молодые овраги разрушают не только культурные отложения, но и остатки древних жилых и хозяйственных построек. В береговых обрезах во многих местах отчетливо прослеживаются углубленные в материк части этих построек, заполненные гумусированным или золистым культурным слоем с включением большого количества обломков керамики, костей животных и т. п. (рис. 2). Значительное место в культурных отложениях занимает глиняная обожженная обмазка, выходящая на поверхность в ряде мест в виде больших линз.

Уже данные внешнего осмотра поселения — его размер, мощность культурного слоя и насыщенность остатками, наличие хорошо выраженных остатков жилых и хозяйственных сооружений, — как и сам факт обнаружения следов оседлости в районе, где средневековые памятники были совершенно неизвестны, создали повышенный интерес к поселению. В связи с этим, помимо внешнего осмотра и сбора подъемного материала, состоявшего в основном из обломков гончарной посуды салтово-маяцкого типа, на поселении были произведены небольшие раскопки. Раскопочные работы на поселении были осуществлены в два приема — 6—10 VII 1951, в процессе первичного ознакомления с памятником, и повторно 25 IX—2 X 1951. В обоих случаях раскопки носили разведочный характер и были посвящены исследованию тех участков, где в обрезах берегов оврагов и балок были отчетливо заметны ямы, врезанные в материк, а также выходы сильно обожженной глины. Форма и размеры ям различные: одни из них в се-

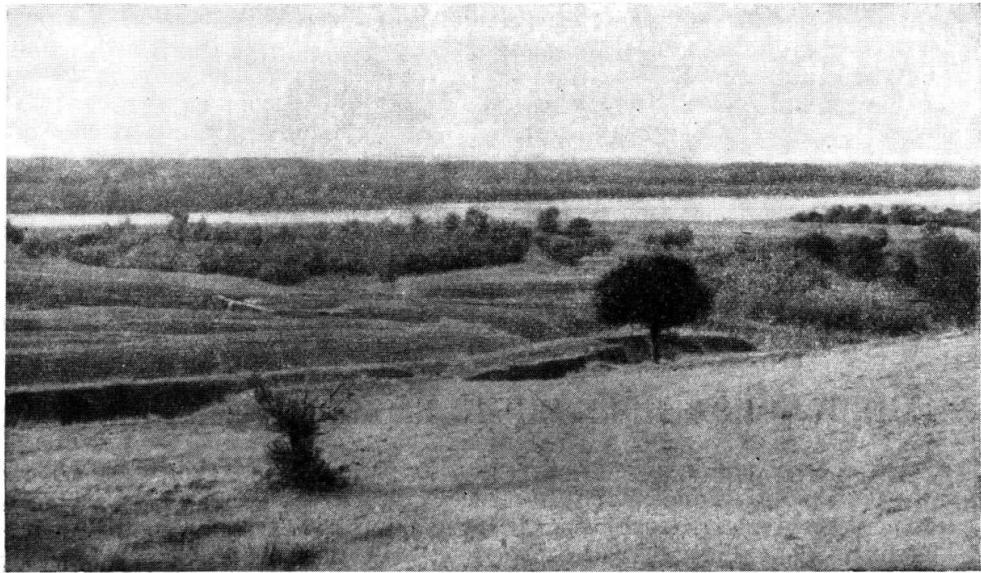

Рис. 1. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. Общий вид на площадку поселения с северо-запада.

Рис. 2. Выходы культурных остатков в береговых обнажениях оврагов.

чении прямоугольные, другие — грушевидные. Размеры первых достигают 4 м и более, размеры вторых колеблются от 1.5 до 2 м. Выходы обожженной глины менее отчетливы. Раскопками были вскрыты две прямоугольные в сечении ямы, оказавшиеся остатками полуземляночных сооружений, одна грушевидная яма, представлявшая собой

многой дневной поверхности) яма перекрывалась наносами очень тонкой структуры, мощностью около 0.5—0.7 м.

Произведенное вскрытие показало, что яма представляет собой углубленную часть полуzemляночного жилого сооружения, прямоугольного в плане, вырытого в почвенно-материковом слое (рис. 3, 4). Глубина ямы от

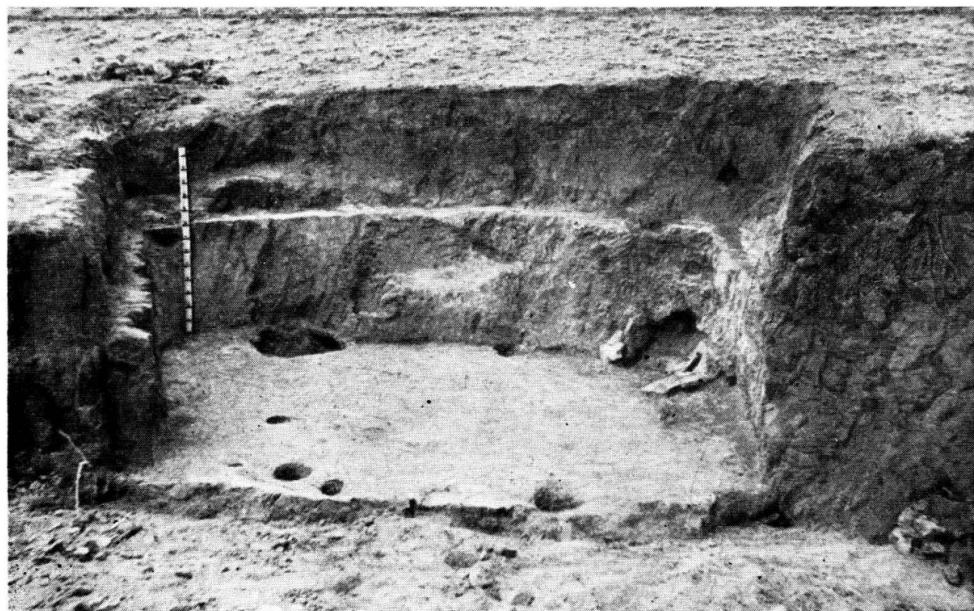

Рис. 3. Общий вид полуземлянки № 1.

хозяйственную постройку (погреб), и в одной точке выходы обожженной обмазки — развали трех гончарных обжигательных печей.

Полуземлянка № 1 (исследована 6—10 VII 1951). Следы полуземляночного сооружения № 1 были обнаружены во время первичного обследования поселения, 6 VII, при осмотре молодого оврага, метрах в 40 от его устья, в обрезе правого берега. Глубина оврага здесь достигает 3 м. На светлом фоне материкового берега довольно отчетливо выступала яма, заполненная темно-серым золистым слоем с включением обломков глиняной посуды салтовского типа, костей животных и других бытовых отбросов. Глубина ямы от современной поверхности 1.6—1.8 м, длина по береговому обрезу около 3.5 м. Стены и дно ямы прослеживались довольно отчетливо, причем было заметно, что дно искусственно утрамбовано. Сверху (вниз от совре-

менной поверхности) яма перекрывалась наносами очень тонкой структуры, мощностью около 0.5—0.7 м. Стены ямы ориентированы по линиям северо-восток—юго-запад и северо-запад—юго-восток. Северо-восточная стена не сохранилась, она оказалась разрушенной при оползании берега оврага. Размер ямы по линии северо-запад—юго-восток 3.4—3.8 м, по линии северо-восток—юго-запад около 3 м. Пол глиняный, ровный, хорошо утрамбованный и, возможно, даже обожженный. Вход в помещение был расположен в юго-западной части, приблизительно на ее середине. По обеим сторонам входа обнаружены небольшие столбовые ямы. Две таких же ямы выявлены на линии северо-восточной стены. Они расположены симметрично ямкам у юго-западной стены. Рядом со столбовой ямкой, находящейся справа от входа, у юго-западной стены выявлена неглубокая котлообразная ямка, округлая в плане, диаметром около 0.7 м,

глубиной 0.25 м. Ямка была заполнена культурным слоем. На дне ямки найдено плоское пряслище, сделанное из стенки глиняного сосуда. Слева от входа, в северо-западном

слеживается углистая полоса шириной 0.25—0.30 м.

В юго-восточной половине помещения на полу лежало несколько фрагментированных

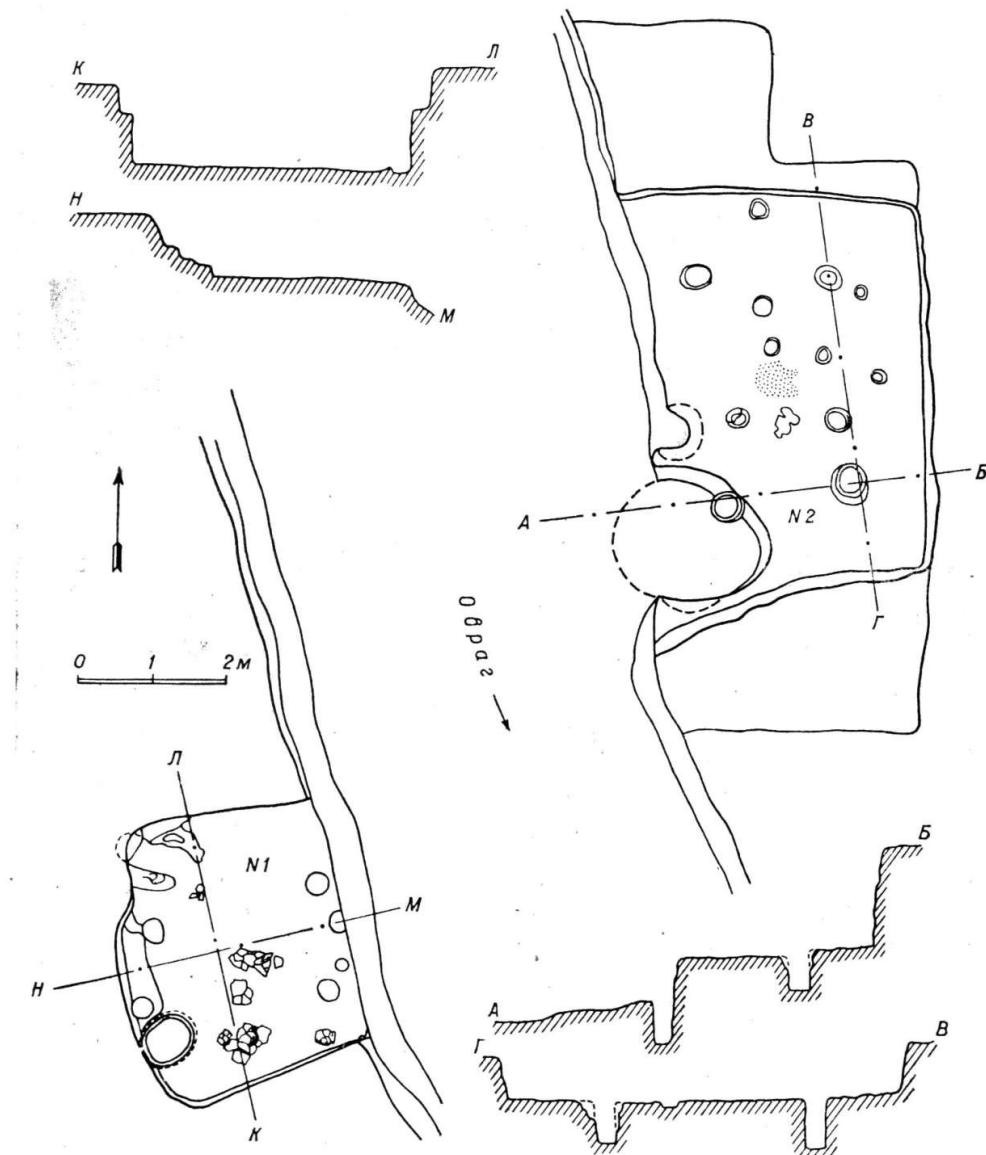

Рис. 4. План и профили полуземлянок №№ 1 и 2.

углу помещения, обнаружены остатки развалившегося глинобитного очага овальной в плане формы. Размер очага по длинной оси 0.8 м, по короткой — 0.5 м. Между входом и печью вдоль юго-западной стены про-

содов (рис. 5). Из их числа шесть сосудов удалось восстановить. Сосуды сделаны на гончарном круге. Все они относятся к группе кухонных горшкообразных сосудов серого цвета со сплошным рифлением по всему кор-

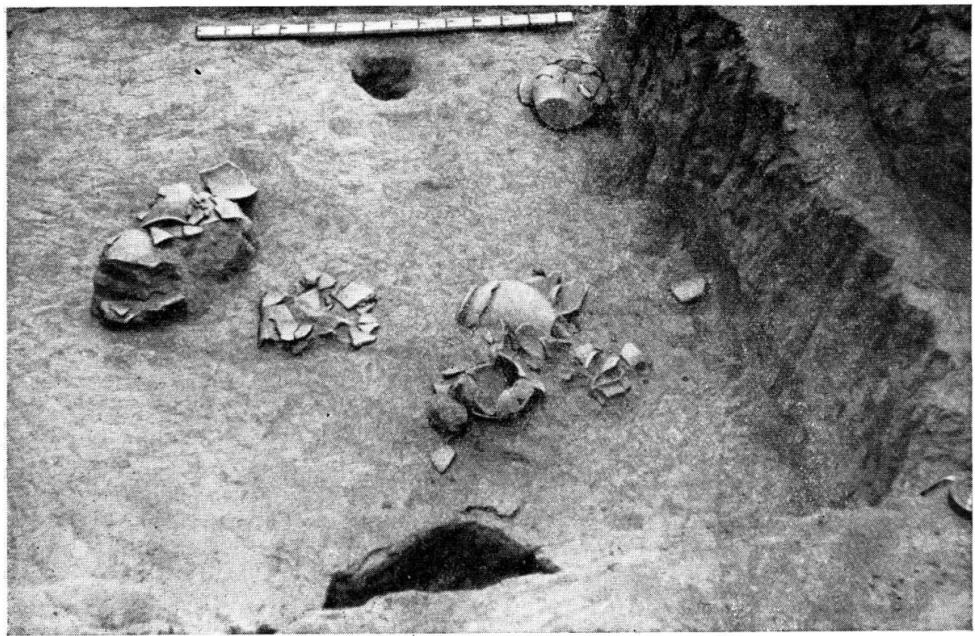

Рис. 5. Сосуды на полу полуземлянки № 1.

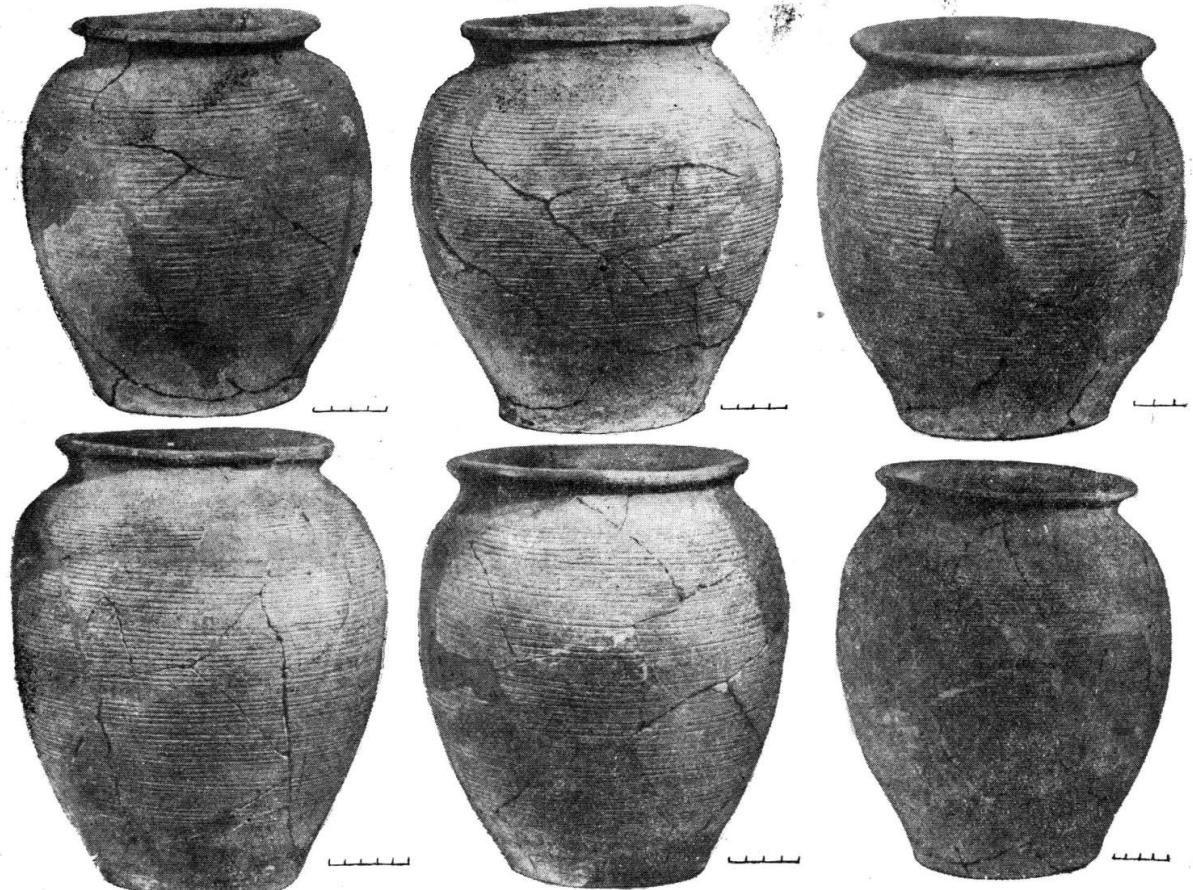

Рис. 6. Горшки из полуземлянки № 1 (реставрация).

пусу (рис. 6). Близ печи было найдено несколько фрагментов лощеного сосуда. Его также удалось собрать. Это оказалось довольно глубокое, около 10 см глубиной, блюдо, диаметром около 22 см. Поверхность его покрыта полосатым (вертикальным) лощением (рис. 7). В верхней части полуzemлянка была заполнена золой со значительным содержанием обломков глиняной посуды, костей животных и других кухонных отбросов. Ниже золы лежал глинисто-

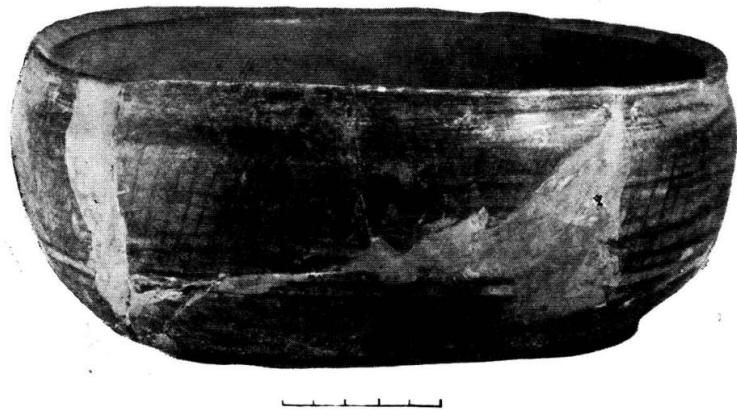

Рис. 7. Глиняная чашка из полуzemлянки № 1 (реставрация).

песчанистый слой. Наиболее ярко он выражен вдоль юго-западной, сильно оползшей стены. В составе этого слоя культурных остатков почти не было, но под ним на полу в юго-восточной части помещения были найдены отмеченные выше фрагментированные сосуды.

Полуземлянка № 2 (исследована 25 IX—2 X 1951). Полуземляночное сооружение № 2 расположено в 7 м к северо-востоку от сооружения № 1, на левом берегу того же оврага (рис. 4, 8). Следы его в виде прямоугольной в сечении ямы, врезанной в материк, были обнаружены в обрезе берега при первичном обследовании поселения 6—10 VII. Яма залегала под наносным слоем мощностью около 0.4—0.5 м, в материковом лёссовидном суглинке. Дно ее находилось на глубине 1.2—1.4 м от современной поверхности. В южном конце ямы дно было несколько ниже и контуры ямы были не совсем отчетливы. Вообще контуры этого сооружения в обрезе выступали менее ясно, чем у полуzemлянки № 1. Площадка, отведен-

ная под раскоп, прилегала непосредственно к обрезу берега. Размеры ее перекрывали контуры ямы, прослеженной в обрезе. Поверхность площадки неровная. Она имела значительную покатость в юго-западном направлении (склон террасы) и была сильно изрезана колеями пролегавшей здесь до образования оврага дороги. Раскопками вскрыта прямоугольная в плане яма, вырытая в материковом суглинке на глубину 0.6—0.7 м от древней поверхности. Яма ориентирована почти по странам света. Западная стенка ее разрушена оврагом. Размеры сохранившейся части по линии восток—запад около 4 м, по линии север—юг 5.3—5.5 м. Пол ровный, хорошо утрамбованный. В юго-западном углу в полу имеется большая хозяйственная яма, овальная в плане. Западная часть ее разрушена оврагом. Диаметр этой ямы около 2 м. Стены ямы и дно в ряде мест покрыты черной пластичной глиной. В 0.3 м к северу от ямы в полу имеется еще одна хозяйственная яма, но значительно меньших размеров. Форма ее колоколовидная. Верхний диаметр ее около 0.5 м, нижний — около 0.8 м, глубина 0.5 м. Западная часть ее также разрушена оврагом.

Кроме описанных ям, в полу помещения вскрыто значительное число небольших ямок. Их насчитывается 13. Четыре из них, диаметром от 0.35—до 0.50 м при глубине 0.4—0.6 м, размещенные симметрично попарно в двух концах помещения, должны быть отнесены к столбовым. По-видимому, таковыми же являются и ямки в северной части жилища. Все остальные ямки, размещенные в центре помещения, неглубоки и были выкопаны в связи с какими-то бытовыми надобностями. В частности, на дне одной из ямок обнаружена нижняя часть разбитого сосуда, одинакового по диаметру с ямкой. В центре помещения найдены следы открытого очага: зольное пятно, а вокруг него и под ним обожженный докрасна пол.

Хозяйственная яма (исследована 6—10 VII 1951). При первичном обследовании поселения в 40 м к северу от полуzemлянки № 1 в обрезе правого берега того же оврага была обнаружена грушевидная

Рис. 8. Полуземлянка № 2. Общий вид с северо-запада.

Рис. 9. Хозяйственная яма (погреб) в обрезе правого берега оврага (заполнение оползней части ямы).

в разрезе яма. Берег оврага в этой части сильно ополз, от него отвалилась большая глыба. В этой отвалившейся глыбе была заключена и яма. Восточная часть ямы оползла в овраг, при этом обнаружилось ее внутреннее содержание (рис. 9). Яма вырыта в материковом суглинке. Сверху, как и полузем-

ствие оползания деформировалась. Материковое дно ямы оказалось плоским, округлым в плане. Диаметр его по линии север—юг около 1.7 м, по линии восток—запад около 1.5 м; часть дна (около 0.2 м) со стороны оврага была разрушена. Дно ямы было покрыто плотным, утрамбованным, глинисто-

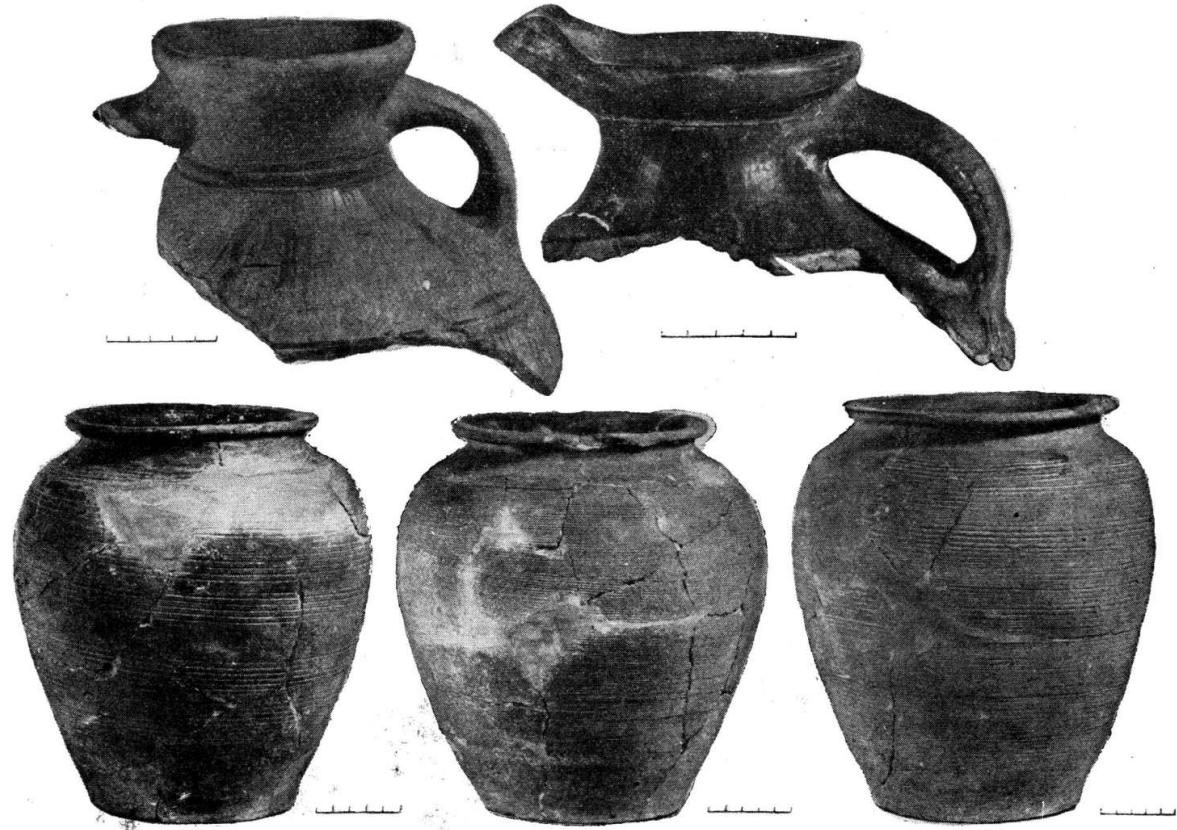

Рис. 10. Керамика, найденная на дне хозяйственной ямы (реставрация).

ляночные сооружения, она перекрыта наносами, которые вместе с верхней частью ямы оползли в овраг. Заполнение ямы состояло из культурных отложений: в верхней части — гумусированных, внизу — золистых. В заполнении содержалось значительное количество костей животных и обломков глиняной посуды салтовского типа. В оползшей части, лежавшей на дне оврага, были обнаружены большие фрагменты нескольких сосудов (лощенных и серых горшкообразных сосудов с рифлением). Расчистка ямы была произведена со стороны оврага без вскрытия ее верхней части, поскольку последняя вслед-

песчанистым слоем с включением единичных обломков глиняной посуды салтовского типа. Покрытие имело полусферическую форму. Наибольшая мощность его, около 0.35 м, приходилась на центр ямы; к краям ямы покрытие выклинивалось. Глинисто-песчанистый слой сверху был перекрыт черной, плотной, жирной глиной, внешне напоминающей смолистое вещество. Толщина слоя черной глины не превышала 0.1 м; слой этот покрывал более или менее равномерно всю поверхность пола. Такой же черной глиной были покрыты дно и частично стени хозяйственной ямы полуземляночного помещения

№ 2. Начиная от самого пола стенки ямы шли на конус. В нижней части вдоль стенок в золистом заполнении ямы оказалось большое число крупных фрагментов (горловин и доньев) сосудов салтово-маяцкого типа (лощенных и серых горшкообразных с рифлением). Три горшка с рифлением удалось восстановить полностью (рис. 10). В верхней части ямы в гумусированном слое обломки сосудов были обычные, мелкие. Контуры ямы прослежены на высоту около 1,2 м от дна. Верхняя часть ямы оказалась разрушенной в результате оползания берега.

Гончарные обжигательные печи (исследованы 25 IX—2 X 1951). При первичном обследовании поселения в обрезе левого берега древней балки, первой к западу от дороги, были обнаружены выходы обожженной докрасна глиняной обмазки. Они прослеживались в ряде мест на линии протяженностью не менее 50 м. В одной из точек, где обмазка выступала наиболее ярко вплоть до верхней кромки обреза, были произведены раскопки. Под раскопом была выделена небольшая площадка, примыкающая к обрезу берега. Размер ее не превышал 80 м² (20 квадратов размером 2×2 м). Площадка довольно круто падает с севера на юг (склон надпойменной террасы), но поверхность ее сравнительно ровная. На линии протяженностью в 10 м падение склона достигает 1,5—2 м. Исследование этой площадки привело к вскрытию остатков трех гончарных обжигательных печей, современных древнему поселению, принадлежащему салтово-маяцкой культуре (рис. 11, 12).

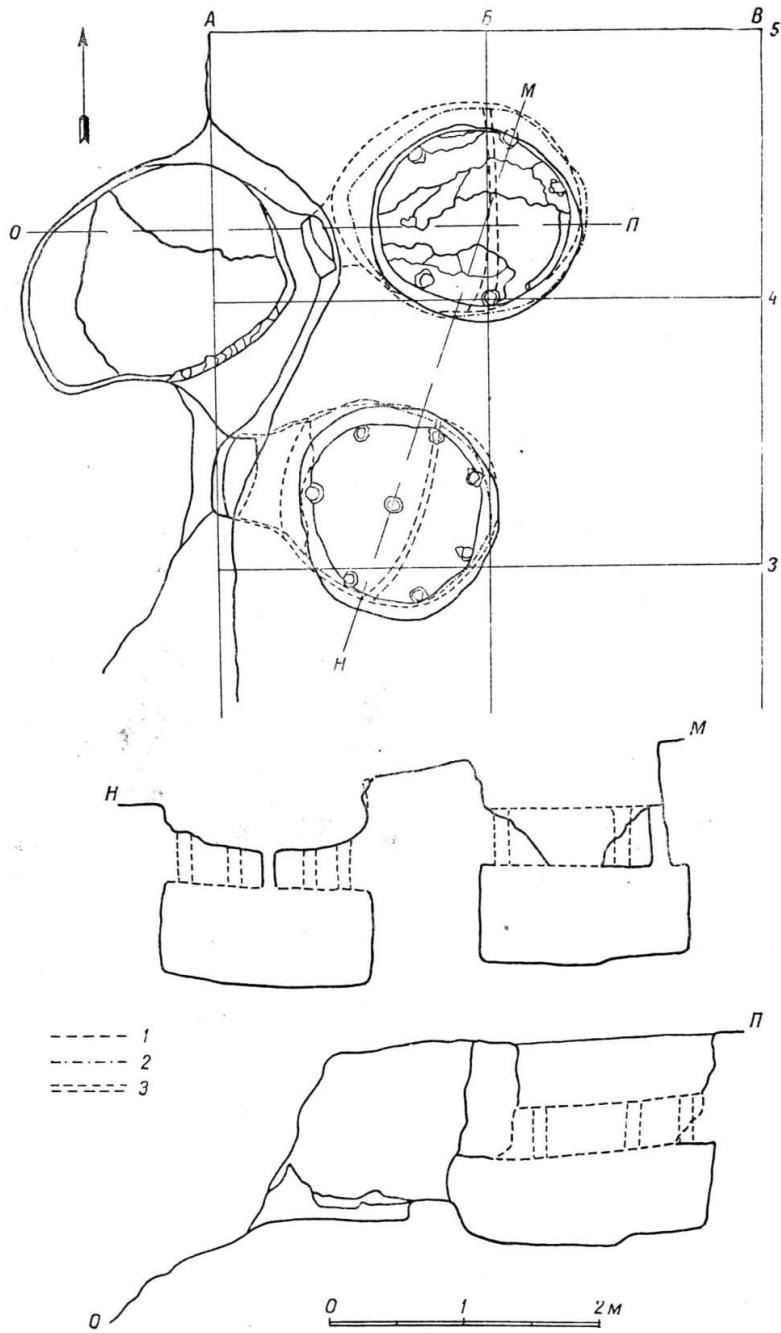

Рис. 11. Гончарные обжигательные печи. План и профили.
1 — линии горизонта пода топки; 2 — линии горизонта свода топки; 3 — линии бровки по поду топки.

Печь № 1 расположена на берегу балки, в квадратах А₂, А₃, Б₃. Она была вырыта

в глинистом материковом слое и состояла из двух частей: 1) топки, устье которой выходило в береговой обрез, и 2) обжигательной камеры, расположенной над топкой. Топка в плане овальная, несколько вытянутая по направлению к устью. Размер топки по длинной оси около 1.8 м, по короткой — 1.4 м (рис. 11). Под топки ровный, повышающийся от устья к задней стенке. На расстоя-

красная полоса различной мощности, цвет которой переходит в темно-красные или коричневые тона. Слой обожженной обмазки в некоторых местах (особенно в своде) достигает 0.1 м в толщину.

Обжигательная камера размещена над сводом топки. В плане она почти круглая, с диаметром около 1.5 м. Под ее покоятся на своде топки и составляет с ним единое целое.

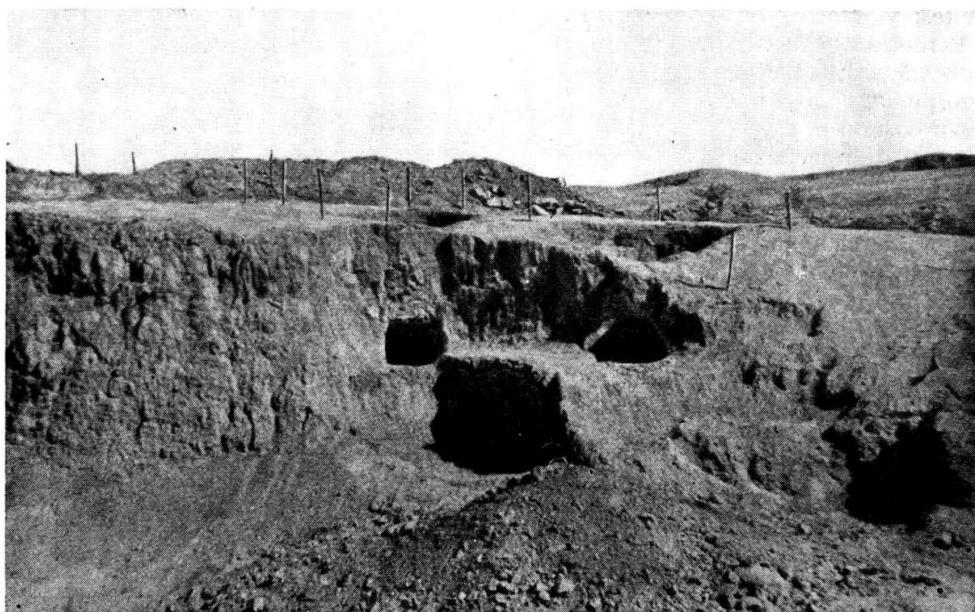

Рис. 12. Гончарные обжигательные печи. Общий вид с юго-запада.

нии около $\frac{2}{3}$ от устья на полу имеется порожек высотой около 0.04—0.05 м. Стенки топки почти отвесные; высота их от 0.35 м при устья до 0.7 м в средней части топки. Свод плоский с небольшим наклоном от задней стены к устью. Устье топки выходило в обрез берега балки (рис. 12). Оно представляет собой небольшое, почти четырехугольное в плане отверстие со слегка изогнутыми сторонами. Над подом оно расположено на высоте около 0.35 м, причем склон к поду довольно крутой. Стены, свод и под топки были обмазаны глиной. Судя по сохранившимся следам на обмазке, обработка поверхности велась каким-то плоским орудием в виде лопаточки, по-видимому деревянным. Обмазка была хорошо обожжена. Снаружи (до 1.5 см толщины) она имеет синевато-зеленоватый оттенок. Под этим слоем идет ярко-

Как и топка, он был обмазан, но обмазка его была не столько обожженной, сколько перегорелой. Сверху эта обмазка имела синеватый оттенок, ниже шел темно-серый или коричневый, сравнительно рыхлый слой. Толщина обмазки около 1.5—2 см. Под обмазкой шел слой красной, спекшейся, глинистопесчанистой массы, заполнявшей все пространство между сводом топки и подом обжигательной камеры. Общая мощность перекрытия между топкой и камерой достигает 0.5 м.

Обжигательная камера соединена с топкой посредством 8 каналов. Они имеют цилиндрическую форму, диаметр их около 0.10—0.12 м. Один из них помещен в центре, а 7 по кругу (рис. 13). Стенки каналов обмазаны глиной, как и под камеры. Судя по отпечаткам пальцев, обмазка каналов велась непосредственно руками.

Топка и обжигательная камера заполнены культурными отложениями. В нижней части топки залегал слой золы мощностью до 0.15 м. Выше золы лежали куски обожженной обмазки (обвалившийся свод), смешанные с глинисто-песчанистым слоем (наносом). Обжигательная камера была заполнена кусками глиняной обмазки, имеющими беловатый

в обрез берега балки в виде почти прямоугольного в плане отверстия размером около 0.4×0.4 м на глубине около 0.8 м от поверхности (рис. 12). Под, стенки и свод топки обмазаны глиной и обожжены. Характер обжига совершенно такой же, как и в топке печи № 1. Под печи ровный, хорошо обработанный. От устья топки он падает

Рис. 13. Гончарная печь № 1. Обжигательная камера.

оттенок с поверхности и лиловато-коричневый в изломе. Некоторые куски были гладкие, другие имели отпечатки не то хвороста, не то щепы. В заполнении много материевой глины и обломков глиняной посуды салтовского типа. Все это сверху перекрыто глинисто-песчанистым слоем (наносом) мощностью не более 0.15—0.20 м.

Печь № 2 расположена в 0.7 м к северу от печи № 1, в квадратах А₃, А₄, Б₃, Б₄ (рис. 11). По своему общему облику она аналогична печи № 1, несколько отличаясь от последней размерами и степенью сохранности. Печь была сооружена в материиковом лёссовидном суглинке берега балки. Как и печь № 1, она состоит из двух частей — топки и обжигательной камеры. Топка в плане овальная. Наибольший диаметр ее (по линии восток—запад) около 1.8 м, ширина 1.5 м, высота от 0.35 до 0.75 м. Устье топки выходит

по направлению внутрь под углом около 45°. Значительная его часть имеет почти горизонтальную поверхность. На расстоянии $\frac{2}{3}$ от устья имеется резко выраженная ступенька высотой около 0.05—0.07 м. Начиная от ступеньки по направлению к задней стенке под постепенно повышается. Стенки топки почти отвесные. Свод в средней части по линии восток—запад разрушен. В сохранившейся части он плоский. Поверхность пола, стенок и свода обработана довольно хорошо с помощью каких-то плоских орудий, как и в печи № 1.

Обжигательная камера имеет круглую в плане форму. Сохранившаяся ее часть углублена в землю от 0.3 до 0.6 м. Средняя часть пола (по линии восток—запад), как и свод топки, разрушена (рис. 11). Под и стенки камеры обмазаны глиной и обожжены. Обмазка и характер обжига совершенно та-

кие же, что и в печи № 1. Диаметр камеры около 1.5 м. По отношению к топке камера расположена несколько асимметрично (сдвинута к югу). Пространство между сводом топки и подом обжигательной камеры представляет собой лёссовидный материковый суглинок, сильно пережженный и спекшийся. Общая мощность перекрытия между топкой и камерой достигает 0.5 м. Топка и камера

имеющие овальный изгиб, представляющие, по-видимому, части обрамления какого-то отверстия (лаза?). В слое встречены также обломки глиняной гончарной посуды салтовского типа. Все это было пропитано лёссовидным суглинком. Обжигательная камера в основном была заполнена лёссовидным суглинком с незначительным содержанием кусков обожженной обмазки с отпечатками прутьев и единичных обломков глиняной посуды салтовского типа.

При зачистке обреза берега против печи № 2 к северу от устья топки в зольном слое был найден фрагментированный одноручный кувшин со сливом. Поверхность сосуда покрыта вертикальным лощением. Цвет кувшина коричневатый. Сосуд несколько деформирован и представляет, по-видимому, производственный брак (рис. 14).

На склоне обреза, несколько ниже устья топки печи № 2, была открыта гончарная печь № 3. От нее сохранились лишь под топки и незначительная часть стенок (рис. 11, 12). Топка была вырыта на склоне берега в материковом суглинке. Она имела овальную в плане форму, несколько вытянутую по оси восток—запад. Длина ее около 1.8 м, ширина около 1.5 м, наибольшая высота сохранившейся части стен около 0.75 м. Таким образом, по размерам она полностью совпадает с топками печей №№ 1 и 2, но под и стенки у нее связаны между собой несколько иначе, чем в предыдущих печах. Топка печи № 3 больше напоминает ванну с овальными переходами дна (пода) в стенки. Эта печь была разрушена еще в древности. Топка ее поверх накопившейся в ней золы была засыпана различными культурными отбросами — кусками глины, обломками глиняной посуды и т. п., а сверху перекрыта необожженной глиняной обмазкой; она служила своеобразной рабочей площадкой около топки печи № 2, ниже устья которой она лежала (рис. 15).

Материалы, собранные при раскопках и при внешнем осмотре поселения, не вызывают никаких сомнений в том, что исследованное поселение принадлежит к кругу широко распространенных в бассейне р. Дона, но еще плохо изученных, средневековых поселений VIII—X вв. салтово-маяцкого типа. Подтверждение этому мы находим прежде всего в многочисленных керамических остатках. Все они принадлежат тем типам сосудов, какие известны нам среди материа-

Рис. 14. Кувшин, найденный около печи № 2.

соединены между собой каналами, имеющими цилиндрическую форму около 0.10—0.12 м в диаметре. Общее число отверстий неизвестно. В сохранившейся части пода их насчитывается 5. Все они расположены по кругу вдоль стенки, как и в печи № 1. По аналогии с печью № 1 можно предполагать, что отверстий было, по-видимому, 8.

Характер заполнения печи № 2 несколько отличался от заполнения печи № 1. Нижняя часть топки, как и в печи № 1, была заполнена золой. Мощность зольного слоя 0.10—0.15 м. Выше золы залегали слой обрушившегося перекрытия (свода топки и пода обжигательной камеры), а также куски обожженной глины с отпечатками прутьев, такие же, как и в заполнении обжигательной камеры печи № 1. В числе этих кусков есть обломки,

лов наиболее ярких памятников этой культуры — поселений и могильников (Салтов, Маяцкое, Зливки, Правобережное Цимлянское и др.). Посуда эта не только одинакова по формам и орнаментации, но и изготовлена одинаковыми техническими приемами. В этом отношении заслуживает большого внима-

вания, горшкообразные сосуды самых разнообразных размеров, вместимостью от 0.5 до 10 л. Они изготавливались на гончарном круге из глины с примесью песка, иногда довольно крупнозернистого. Как правило, поверхность сплошь покрывалась параллельными бороздками. Любопытно отметить, что лишь на очень

Рис. 15. Гончарная печь № 3. Топка печи, перекрытая сверху глиняной обмазкой.

ния группа лощеных сосудов (преимущественно кувшинообразных форм), известных в литературе под названием салтовских.

Сосуды этого типа наиболее широко представлены среди могильного инвентаря салтово-маяцких катакомб. Среди материалов поселений подобная керамика встречается реже. Суворовское поселение по составу лощеной посуды (как в количественном отношении, так и по разнообразию форм) представляет один из интереснейших памятников. Наряду с сосудами кувшинообразных форм, хорошо известных по могильным памятникам, здесь найдены сосуды, до сего времени не встречавшиеся в памятниках салтово-маяцкой культуры, как например глубокая чашка из полуземляники № 1 (рис. 7).

Но основной, ведущей группой посуды на Суворовском поселении являлись все же не лощеные сосуды, хотя здесь их было и больше, чем в других поселениях, а, как и

немногих, буквально единичных обломках встречается волнистый орнамент, имеющий широкое распространение на керамике того же типа из салтово-маяцких поселений в районе ст. Цимлянской и некоторых других. Венчики небольших горшков имеют овальное, реже прямоугольное сечение. Край венчика иногда орнаментировался отпечатками зубчатого чекана. У больших сосудов венчики чаще всего веревкообразные. Следует, однако, подчеркнуть, что остатков горшкообразных сосудов, таких, какие принято называть пифсообразными, не найдено, равно как не обнаружено совершенно ясно выраженных следов сосудов с внутренними ушками. Мы не будем останавливаться на других, менее распространенных формах сосудов, бытовавших в обиходе населения Суворовского поселения, таких, например, как сковородки. В то же время нельзя пройти мимо одной своеобразной черты керамического ком-

плекса Суворовского поселения. Мы имеем в виду отсутствие яйцевидных амфор, получивших в литературе название салтовских. Остатки их найдены на большинстве салтово-маяцких поселений, даже там, где раскопки не производились, а лишь собран подъемный материал. На Суворовском же поселении за все время работ было найдено 2—3 красноглиняных фрагмента, которые лишь предположительно можно признать за амфорные черепки.

Принадлежность Суворовского поселения к кругу салтово-маяцких подтверждается характером жилых и хозяйственных построек, а равно и некоторыми другими материалами, обнаруженными при раскопках, в частности гончарными обжигательными печами.¹ Это дает нам основание отнести обнаруженное и частично исследованное поселение к кругу салтово-маяцких и дати-

ровать его тем же временем, VIII—X вв., поскольку никаких данных, требующих пересмотра этой даты, нет.

Суворовское поселение представляет значительный научный интерес в изучении как салтово-маяцкой культуры в целом, так и поселений в частности. Вместе с другими памятниками той же культуры, обнаруженными во время работ 1950—1951 гг. у хут. Ильменского (левый берег р. Дона), у ст. Нижне-Чирской, у хуторов Ближнего Подгорского, Островского, Нижне-Калиновского, Суворовское поселение значительно расширяет границы распространения этой культуры в области нижнего и среднего течения р. Дона, уничтожая на археологической карте белые пятна на участке от ст. Цимлянской до Маяцкого городища при устье Тихой Сосны. При всей незначительности раскопочных работ, проведенных на поселении, материалы, добытые ими, существенно пополняют наши знания о многих сторонах жизни населения этого края в период VIII—X вв.

¹ А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 110.

И. И. Ляпушкин

**СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ
хут. БЛИЖНЯЯ МЕЛЬНИЦА**

При обследовании долины нижнего течения р. Чир (правый приток р. Дона) на территории хут. Ближняя Мельница,

мест берегового обреза в материке были прослежены остатки разрушенных полуzemляночных жилищ в виде прямоугольных

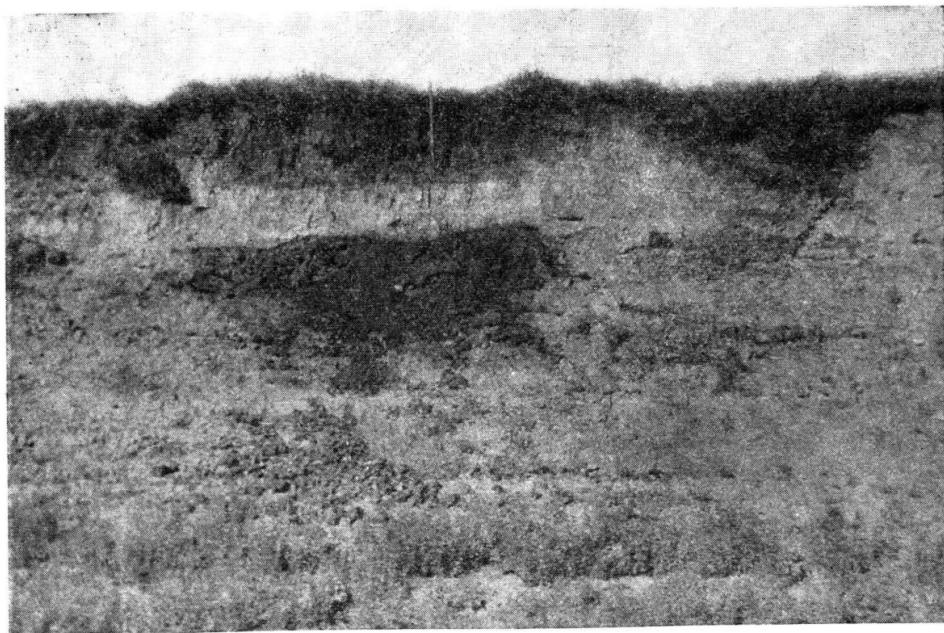

Рис. 4. Разрушенная полуземлянка № 1 в обрезе берега.

расположенного непосредственно у реки, в обрезе правого высокого берега были обнаружены культурные отложения древней поры, состоящие из темного гумусированного слоя с включением обломков глиняной лепной посуды, костей животных, кусков обожженной глины и т. п. В ряде

в разрезе ям глубиной до 1.5 м от современной дневной поверхности. Ямы заполнены гумусированным слоем с включением таких же остатков, как и в отложениях культурного слоя (рис. 1). Полевые наблюдения и собранный материал позволили установить, что обнаруженный памятник представляет

остатки раннеславянского неукрепленного поселения, по характеру материальной культуры близкого поселениям роменско-боршевского типа.

Таких полуземлянок было вскрыто три. Кроме того, при прорезке береговой линии траншеями удалось обнаружить еще одно (четвертое) полуземляночное сооружение,

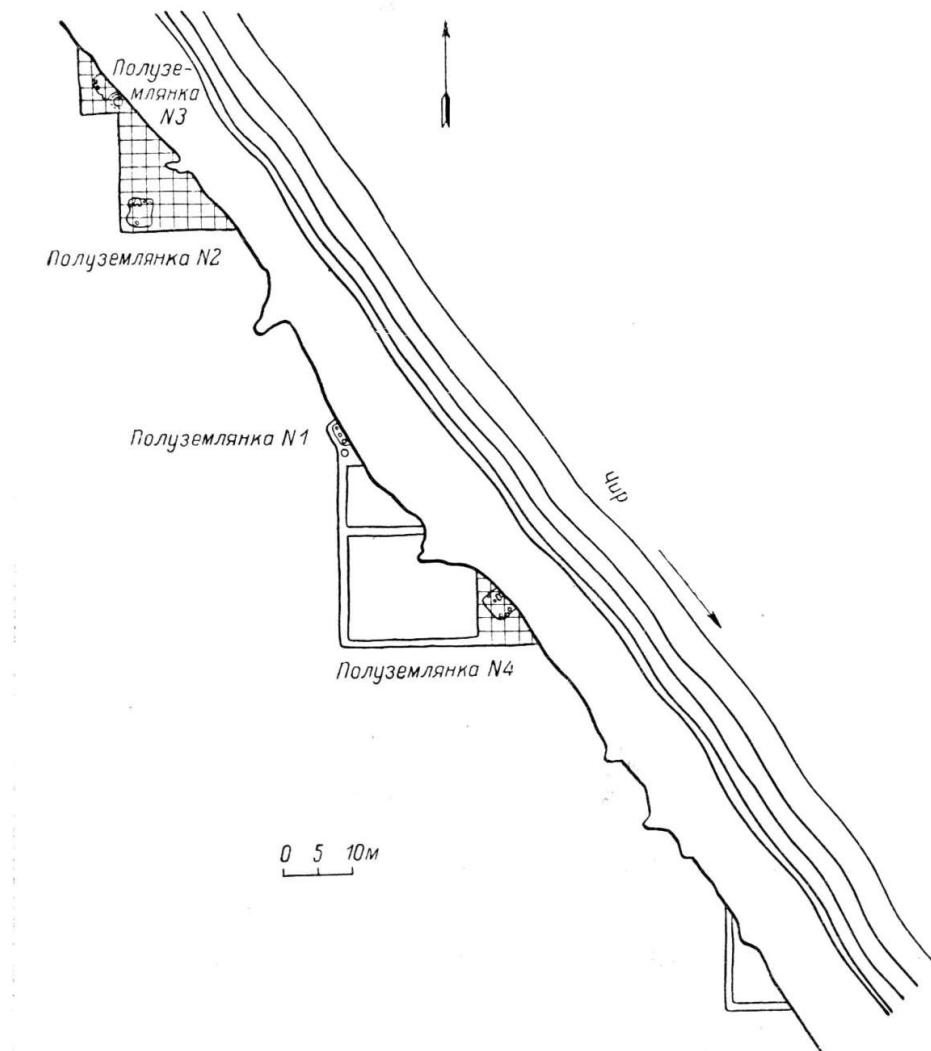

Рис. 2. Схематический план раскопок поселения Ближняя Мельница.

С целью проверки сделанных выводов на территории поселения были проведены небольшие раскопочные работы (4—6 VII и 15—25 IX 1951). Раскопки носили разведочный характер и в основном были сосредоточены на вскрытии разрушенных полуземляночных сооружений, расположенных на линии обреза высокого правого берега р. Чир, постепенно подмываемого весенними водами.

в некотором отдалении от кромки берега (рис. 2). Сохранность этой полуземлянки значительно лучше:

При проведении раскопочных работ выяснилось, что древний культурный слой поселения имеет небольшую мощность и мало выразителен. Он представлен довольно тонкой гумусированной прослойкой, включающей в себя немногочисленные обломки гли-

ниной посуды и кости животных. Лишь на участках, прилегающих к полуzemлянкам, слой несколько обогащается мелкими обожженными камнями. Основная масса керамических остатков принадлежит лепным сосудам роменско-боршевского типа (кухонные горшки и сковородки), изготовленным из глины с примесью шамота. Среди материалов имеются обломки горшков со слегка ото-

Исследование ямы показало, что она представляет собой остатки углубленной части полуzemляночного сооружения, вырытого в почвенно-материковом слое. Глубина ямы около 0.7 м. От ямы полностью сохранилась лишь юго-западная стенка длиной 3.2м. Протяженность сохранившейся части северо-западной стенки около 0.5 м, юго-восточной — около 0.7 м. Северо-восточная стенка,

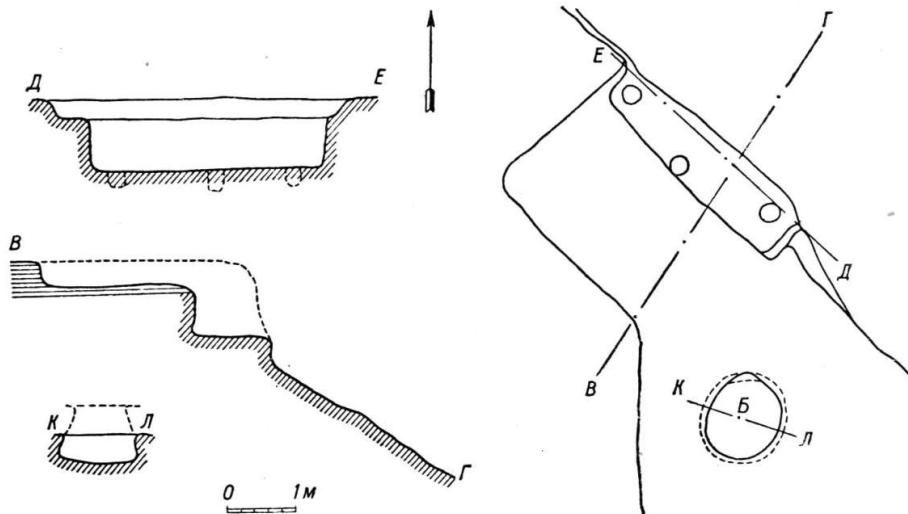

Рис. 3. План и разрезы полуземлянки № 1 и хозяйственной ямы Б.

гнутыми венчиками, орнаментированными насечками или «щипками», и горшков с высокими вертикальными венчиками. В составе керамических остатков есть также обломки гончарных сосудов салтово-маяцкой культуры — серых кувшинов с лощением и круглодонных амфор. По сравнению с лепной керамикой гончарные остатки немногочисленны. Ниже гумусированного слоя с незначительным содержанием культурных остатков залегает материк. Сверху древний культурный слой перекрыт культурными отложениями наших дней.

Полуземлянка № 1 (рис. 1). При обследовании поселения в обрезе высокого правого берега р. Чир на фоне материкового суглинка была обнаружена прямоугольная в сечении яма глубиной около 1 м от современной дневной поверхности. Длина ямы по береговому обрезу около 3 м. В гумусированное заполнение ямы вкраплены камни, кости животных и немногочисленные керамические остатки. Сверху поверхность ровная, слегка задернованная.

как и большая часть всей ямы, разрушена полностью. Сохранившаяся часть стенок имеет отвесный характер. Пол — утрамбованная материковая глина без следов подмазки. В западном и южном углах и у западной стенки в ее средней части в полу обнаружены столбовые ямки диаметром около 0.3 м и такой же глубины (рис. 3).

Яма была заполнена гумусированным слоем с включением камней, костей животных и небольшого числа обломков глиняной лепной посуды того же типа, что и найденная при обследовании поселения. Среди них есть обломки сковородки роменско-боршевского типа и яйцевидной амфоры.

В 2.5 м от полуземлянки, вверх по течению, в обрезе берега прослежены остатки хозяйственной ямы. Яма оказалась настолько разрушенной, что ни форму, ни размеры ее восстановить не удалось.

При проведении раскопок в период 15—25 IX 1951 в 2 м к югу от этой полуземлянки обнаружена еще одна хозяйственная яма (Б), вырытая в материке. Яма в плане округ-

лая. Верхний диаметр ее около 1 м, нижний — около 1.2 м. Глубина сохранившейся части около 0.40 м. Яма была заполнена темным гумусированным слоем с примесью золы, углей и других культурных остатков — костей животных, обломков глиняной лепной посуды и т. п. (рис. 3).

в виде прямоугольной в плане ямы с хорошо выраженным полом. Яма ориентирована почти соответственно странам света, лишь незначительно отклоняясь от них. Длина стен: юго-западной — 3.7 м, северо-восточной — 3.5 м, северо-западной — 4 м, юго-восточной — 3.8 м. Стены отвесные, хорошо

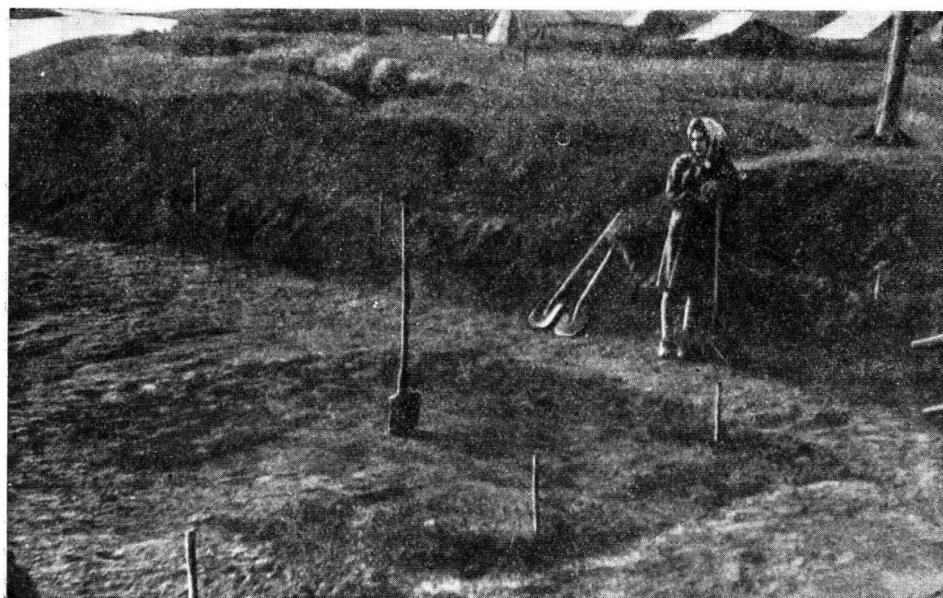

Рис. 4. Полуземлянка № 2. Перед расчисткой (на поверхности видны контуры углубленной части, заполненной темным гумусированным слоем).

Полуземлянка № 2. Метрах в 40 от полуземлянки № 1, вверх по течению, были заложены две разведочные траншеи (раскоп II) по линиям север—юг и восток—запад, сходящиеся под прямым углом в 18 м к западу от обреза берега. Близ точки пересечения этих траншей в траншее, проложенной по линии север—юг, на горизонте материка было обнаружено гумусированное пятно. С целью выяснения границ гумусированного пятна раскоп был расширен. Было выяснено, что пятно имеет почти прямоугольную в плане форму с незначительным выступом северо-западного угла (рис. 4). Вокруг гумусированного пятна оказалось значительное количество камней, многие из которых были обожжены. Такие же камни были заметны и в гумусированном пятне. Выборка гумусированного пятна привела к вскрытию углубленной части полуземлянки, вырытой в глинистом материковом слое

сохранившимся (правда, изрытыми кротовинами). Глубина ямы от 0.7 до 0.8 м от древней поверхности (рис. 5, 6).

В полу у юго-западной и северо-западной стен в средней их части обнаружены столбовые, округлые в плане ямы глубиной около 0.6 м, диаметром около 0.20—0.25 м. В северо-восточном углу расположена небольшая хозяйственная яма, округлая в плане. Верхний диаметр ее 0.25—0.35 м, нижний — около 0.35—0.40 м, глубина около 0.25 м.

В северо-западном углу вскрыт развал печи-каменки. Изучение его дало следующее: печь была сооружена непосредственно на полу полуземлянки и примыкала тыльной стороной к северо-восточной стене; устье печи было обращено к югу (рис. 7). Печь сложена из камней (в основном из рваного известняка, но встречаются отдельные камни песчаника, конкреции известняка и т. п.).

В плане печь четырехугольная, почти квадратная, размером 1.4 (по линии северо-восток—юго-запад)×1.2 м (северо-запад—юго-восток).

В основание печи были положены камни больших размеров ($0.20 \times 0.25 \times 0.30$ м). Подом печи являлся пол, несколько углубленный в границах топки (не более чем на 0.15—0.20 м по сравнению с остальной частью пола), обожженный докрасна. В плане под имеет трапециевидную форму, суживающуюся к устью. Размеры пода 0.5—0.7× $\times 0.7$ м. Под был покрыт золисто-углистым слоем мощностью до 0.2 м. Толщина стенок печи 0.4—0.5 м. Свод печи не сохранился; остатки его в виде груды камней, покрытых копотью, перекрывали под печи и прилегающий к печи пол. Большое число камней было найдено в гумусированном заполнении полуzemлянки. Под развалом печи и рядом с развалом на полу был найден фрагментированный кухонный лепной горшок со щипковым орнаментом по краю венчика (рис. 8). На полу у торца стенки печи, справа от устья, найдено плоское пряслище, сделанное из обломка лощеного сосуда салтовского типа.

За печкой, в северо-западном углу на линии северо-западной стенки, расположена неглубокая (около 0.1 м), округлая в плане хозяйственная яма диаметром около 0.6 м. Яма наполовину заходит за границу стены, образуя как бы нишу, полукруглую в плане.

Полуземлянка № 3 (рис. 9, 10). В 15 м к северу от полуzemлянки № 1 в береговом обрезе была обнаружена прямоугольная в сечении яма около 4 м длины по линии берега и около 1.1—1.3 м глубины от современной поверхности. Раскопки, проведенные на этом участке, вскрыли остатки полуzemляночного сооружения в виде углубленной в материк, прямоугольной в плане ямы, ориентированной стенами по линиям северо-восток—юго-запад и северо-запад—юго-восток. Яма частично разрушена. Полностью сохранилась лишь юго-западная стена, длина которой около 3.9 м; длина сохранившейся части юго-восточной стены 2.8 м, северо-западной — 1.4 м. Северо-восточная стена не сохранилась совершенно. Полуземлянка была углублена на 0.70—0.75 м от древней поверхности. Стены сохранились не вполне удовлетворительно, в ряде мест они прорезаны столбовыми ямами современных хозяйственных построек и кро-

тованиями. Пол сохранился лучше. Это материковый, хорошо утрамбованный суглинок. Не исключена возможность, что в ряде мест он был подмазан, о чем свидетельствует его слоистость на отдельных участках. Поверхность пола довольно ровная. У юго-западной стены в полу имеются две столбо-

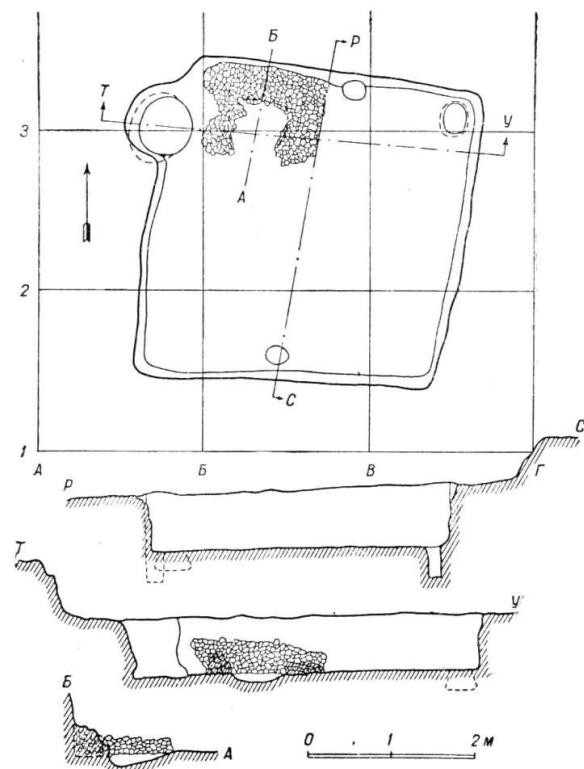

Рис. 5. Полуземлянка № 2. План и разрезы.

ые ямы, одна на расстоянии 0.8 м от южного угла, другая — 0.5 м от северного. Глубина ямок 0.12—0.15 м при диаметре 0.20—0.28 м. В плане ямки овальные.

В юго-западную стену, в среднюю ее часть (между столбовыми ямами), на расстоянии 1.85 м от южного и 1.10 м от западного угла врезана печь в виде подбоя. К сожалению, устье ее срезано современной столбовой ямой. Сохранившаяся ее часть представляется в следующем виде: печь была вырезана в стене, под ее при устье лежал на одном уровне с полом, вглубь от устья он несколько повышался; свод возвышался над подом у устья на 0.25 м, у западней стены до 0.20 м. Ширина сохранившейся части

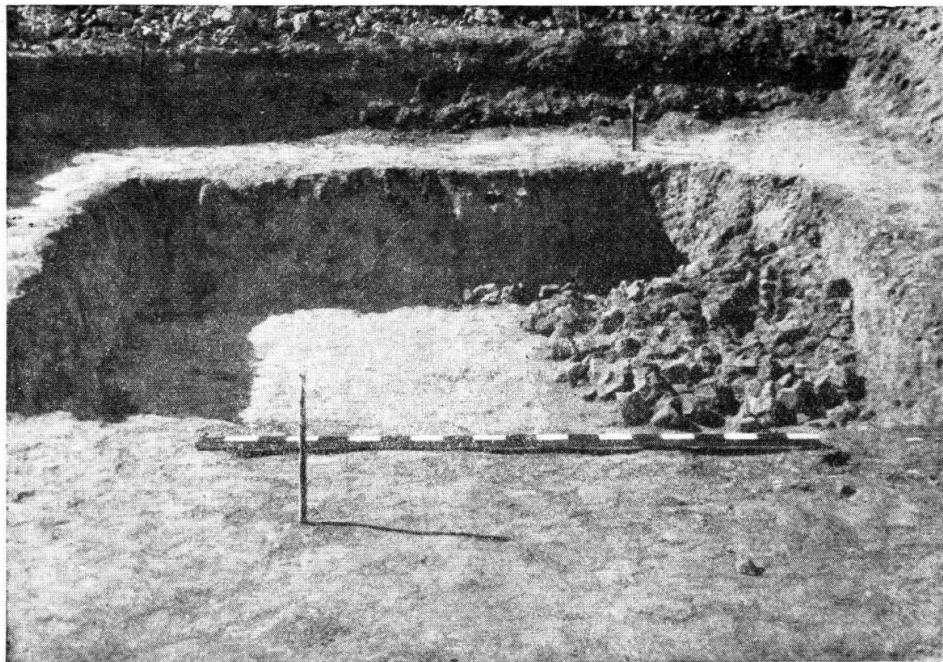

Рис. 6. Полуземлянка № 2. Общий вид.

Рис. 7. Полуземлянка № 2. Печь. Общий вид с юга.

устья около 0.9 м, глубина печи (по полу) до 0.9 м. Сохранившаяся часть печи в плане имеет полукруглую форму. Под и свод обожжены

Рис. 8. Полуземлянка № 2. Глиняный горшок, найденный на полу.

жены докрасна; толщина обожженного слоя более 5 см.¹

На расстоянии около 0.7 м к юго-востоку от печи на полу полуземлянки обнаружена небольшая кварцитовая, хорошо отшлифованная с поверхности плита. Цвет ее розовато-лиловый. Размер плиты 0.15×0.25 м. В юго-восточной части полуземлянки замечен след небольшого, округлого в плане, слегка углубленного в пол, открытого очага, заполненного золой. Вокруг очага найдено значительное число обломков глиняной лепной посуды.

Полуземлянка была заполнена гумусированными отложениями, включающими в себя культурные остатки в виде костей животных и обломков глиняной лепной посуды.

С юго-восточной стороны к полуземлянке № 3 примыкает хозяйственная яма В (квадрат А₁₀). Яма выкопана в материке. В плане она округлая. Верхний диаметр

¹ Печи такого типа были открыты нами в 1952 г. при раскопках славянского городища VII—X вв. в с. Новотроицком Лебединского района Сумской области в полуземлянках №№ 3 и 7.

ям около 1.3 м, нижний — 1.90—1.95 м. Глубина ямы около 1 м. Дно и стены ямы обработаны довольно хорошо. Яма была заполнена золистым слоем с включением немногочисленных культурных остатков в виде костей животных и обломков глиняной посуды. Среди последних наряду с лепной керамикой обнаружены обломки салтовомаяцкой гончарной посуды.

Полуземлянка № 4 (рис. 11, 12). Метрах в 25 вниз по течению от полуземлянки № 1 в обрезе высокого берега была обнаружена прямоугольная в сечении яма протяженностью около 3.5 м по линии берега. Произведенные на этом месте раскопки вскрыли остатки полуземлянки в виде прямоугольной в плане ямы, вырытой в материковом суглинке. Яма была ориентирована стенами по линиям северо-восток—юго-запад и юго-восток—северо-запад. Яма частично нарушена в связи с оползанием берега. Полностью сохранилась лишь юго-западная стена, длина ее около 3.7 м. Длина сохранившейся

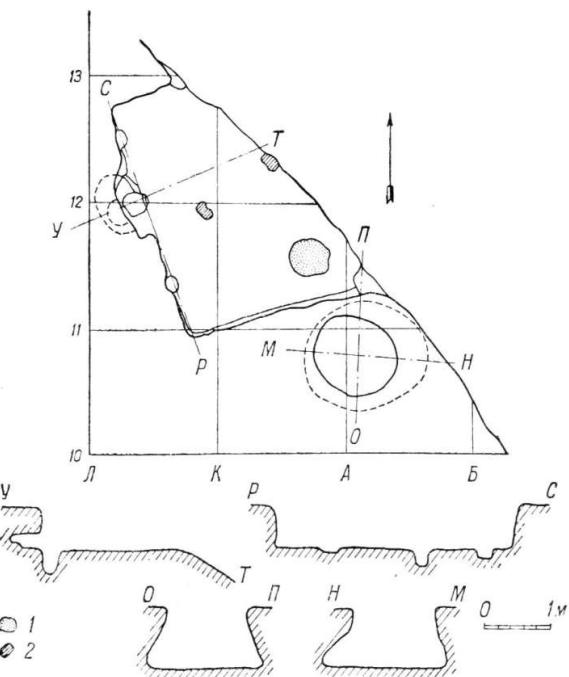

Рис. 9. Полуземлянка № 3. План и профили.
1 — зола; 2 — камни.

части северо-западной стены около 3.5 м, юго-восточной — около 3.3 м, северо-восточная стена не сохранилась совершенно.

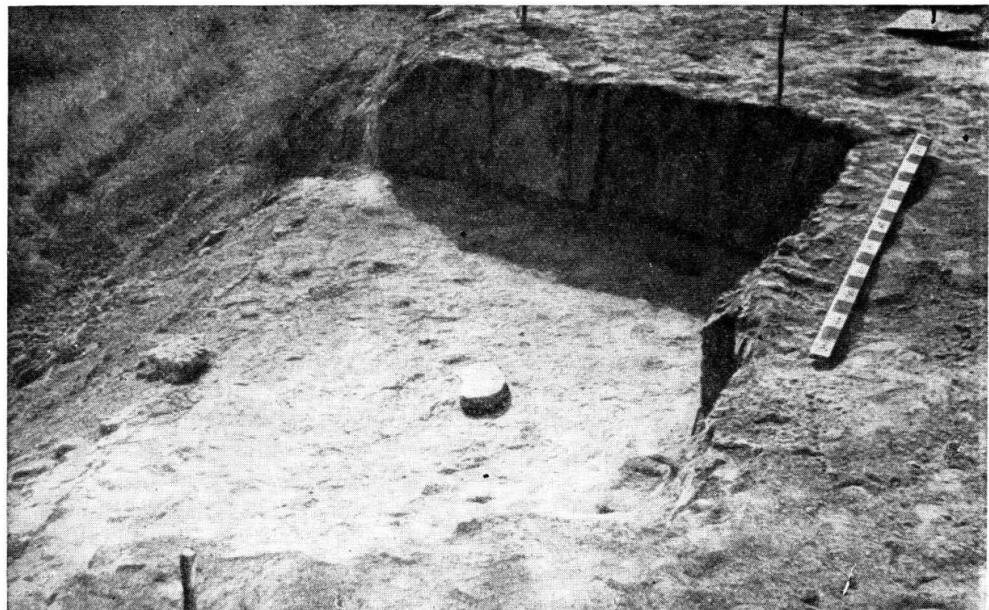

Рис. 10. Полуземлянка № 3. Общий вид.

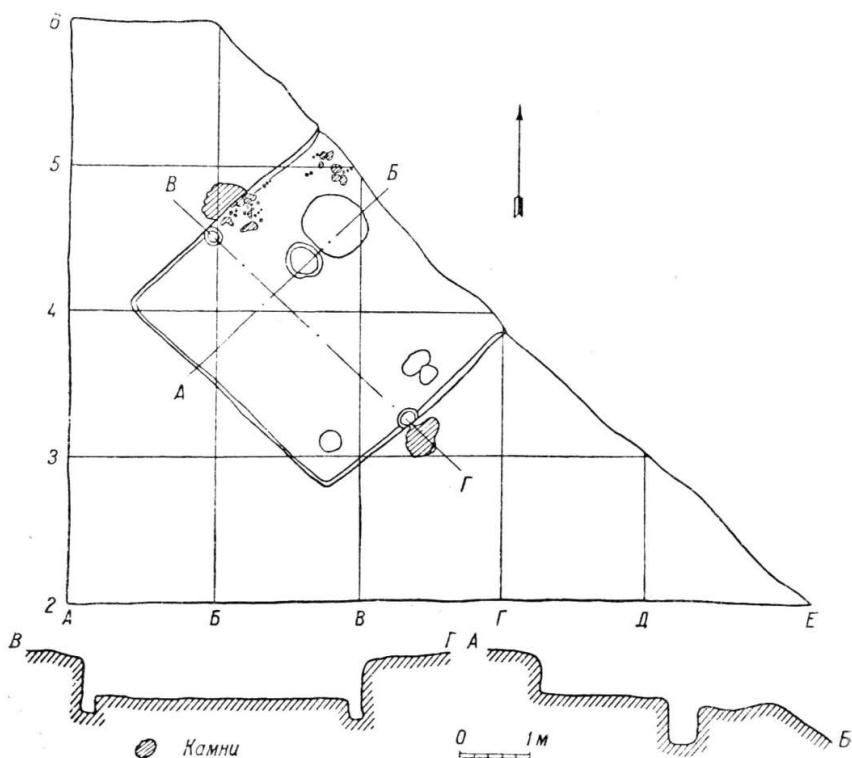

Рис. 11. Полуземлянка № 4. План и профили.

Поверхность стен сохранилась не вполне удовлетворительно, в ряде мест в верхней своей части они затронуты постройками наших дней. Глубина полуземлянки от древней поверхности 0.60—0.65 м. Пол землянки материковый (глиняный), сравнительно ровный, но довольно рыхлый. В полу землянки у северо-западной и юго-восточной стен (по-

Полуземляночный тип вскрытых при раскопках жилищ с характерными печами-каменками, а также собранные при раскопках обломки глиняной лепной посуды в виде кухонных горшков и сковородок роменско-боршевского типа подтверждают вывод, сделанный на основе материалов, полученных при внешнем осмотре памятника, а именно

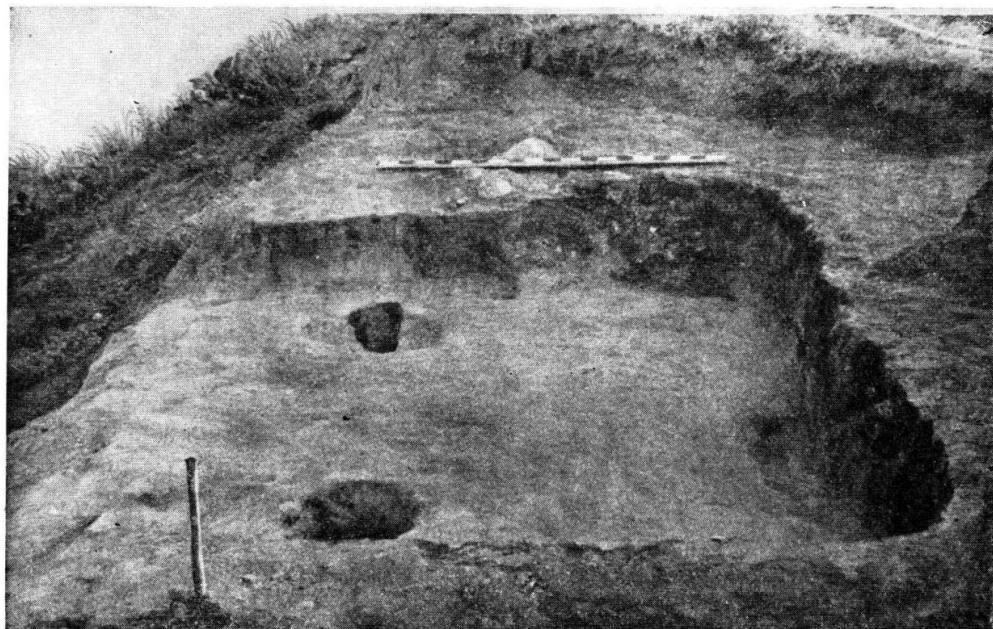

Рис. 12. Полуземлянка № 4. Общий вид.

видимому, на середине их) расположены столбовые ямы диаметром около 0.2 м, глубиной около 0.3 м.

В северо-восточной части полуземлянки в полу имеется неглубокая западинка, почти квадратная в плане, размером 0.7×0.9 м, с покатыми и обожженными докрасна стенками и дном. По своей форме, характеру обжига и окружающим ее остаткам (закопанным камням) западинка полностью соответствует поду печи-каменки полуземлянки № 2. Непосредственно к этой западинке с юго-западной стороны примыкает небольшая, округлая в плане ямка диаметром около 0.5 м, глубиной 0.5 м. Ямка была заполнена золой. Кроме этих ямок, в полу землянки обнаружено еще три небольших ямки диаметром 0.2—0.4 м, глубиной около 0.3 м. Все они расположены на линии юго-восточной стены в 0.2—0.3 м от нее.

о принадлежности поселения славянской культуре. Судя по характеру культурных отложений (незначительная мощность, слабая насыщенность культурными остатками), поселение существовало недолго. Время жизни его в какой-то мере определяется находками в культурном слое и в заполнении жилищно-хозяйственных сооружений обломков салтово-маяцкой керамики (рис. 13, 14), бытование которой в Подонье относится ко времени VIII—X вв. Основываясь на наличии в составе этих остатков обломка высокогорлой яйцевидной амфоры с отогнутым венчиком, более точной датой можно признать IX в.

Таким образом, проникновение группы славян, населявшей исследуемый поселок, в бассейн нижнего течения Дона произошло, очевидно, ранее похода Святослава на хазар, в период того широкого движения славян

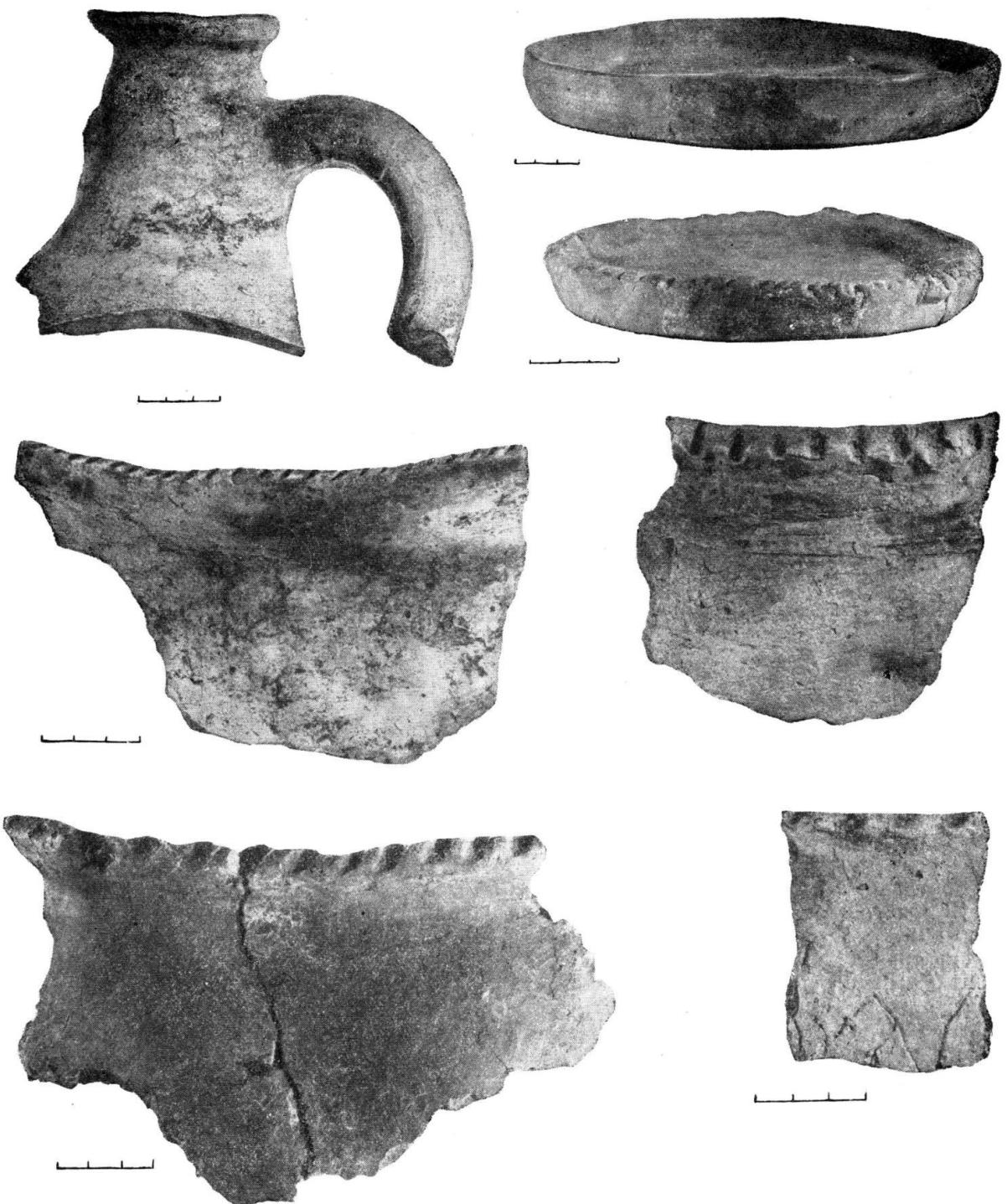

Рис. 13. Керамика поселения.

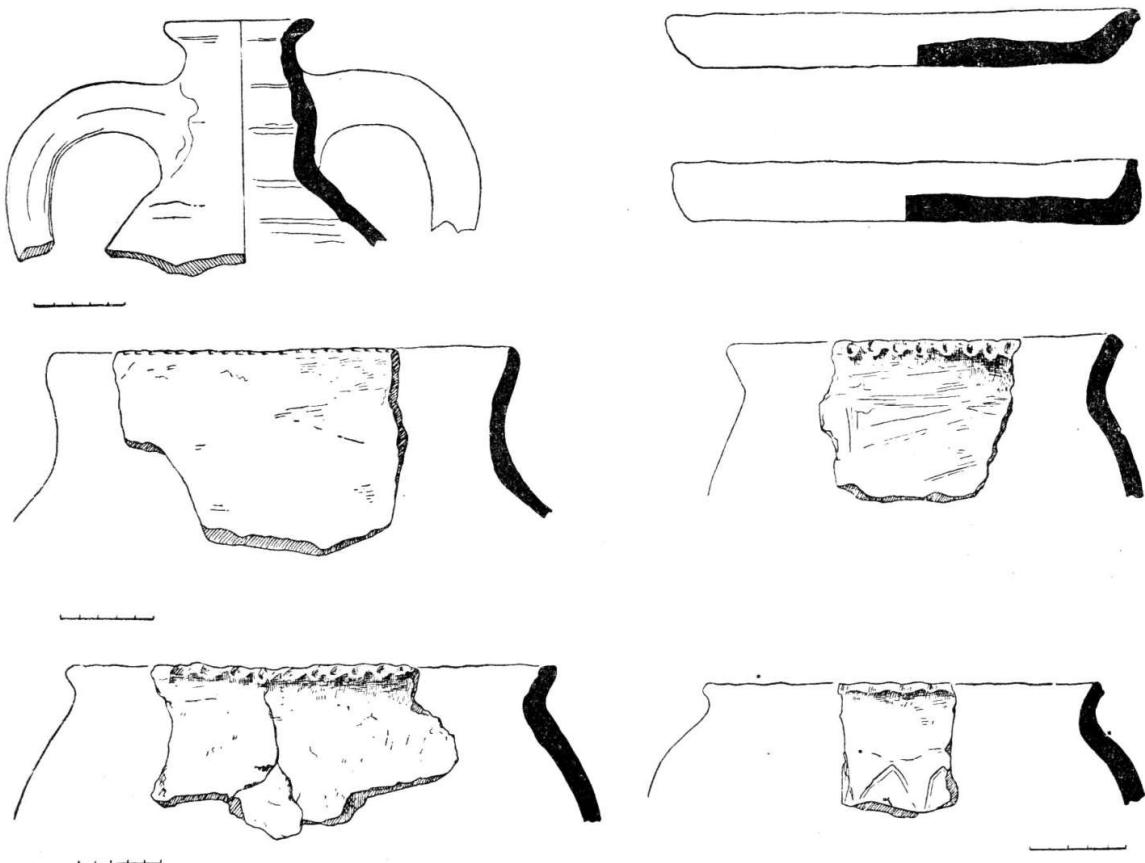

Рис. 14. Керамика поселения (профили).

на Юго-Восток, которое началось в VIII в. Для понимания этого процесса материалы поселения у хут. Ближняя Мельница имеют существенное значение. Вместе с тем они свидетельствуют, что появление славян на Юго-Востоке связано с расселением их с основной славянской территории, а не в результате «распространения сферы первоначального этногенеза славян-антов на

Приазовье и Подонье», как еще не так давно утверждалось рядом исследователей.¹

¹ В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Уч. зап. Педагог. инст. им. А. И. Герцена, т. XI, л., 1939, стр. 239—240; Б. А. Рыбаков. ВДИ, 1946, вып. I, стр. 128. (Рецензия на: МИА СССР, № 6, 1941. Этногенез восточных славян, т. I, под ред. М. И. Артамонова).

А. Д. Столляр

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У хут. ПОПОВА В 1950—1951 гг.

Отрядом, работавшим в составе Волго-Донской археологической экспедиции, в течение двух полевых сезонов (1950—1951 гг.) были произведены раскопки группы курганов у хут. Попова Романовского района Ростовской области и одиночного кургана, находившегося неподалеку от хут. Красный Яр того же района.¹ Упомянутая курганская группа была расположена в 2 км к юго-востоку от основного объекта работ Волго-Донской экспедиции — городища Саркел—Белая Бежа и в 200—400 м к югу от края древнего левого (коренного) берега Дона, примыкающего к широко раскинувшейся речной пойме (рис. 1). По берегу, параллельно его краю, проходила проселочная дорога, ведущая из хут. Попова в хут. Красный Яр.

По этой дороге на расстоянии около 1,4 км к востоку от раскапываемого курганного некрополя и примерно в 500 м к северу от того места, где коренной берег, идущий до

этого от хут. Попова в юго-восточном направлении, круто поворачивает на север, находилась одиночная насыпь, получившая в общей нумерации курганов обозначение 52/20.

Все исследованные курганные насыпи, за исключением кургана 52/20 и одного небольшого кургана (57/25), входившего в состав некрополя у хут. Попова, снимались тонкими послойными срезами при помощи шестикубового скрепера (Д-147). Методика проведения этих работ изложена в уже изданной статье.¹

Цель настоящей статьи в соответствии с общим планом издания «Трудов Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР» заключается в публикации полученных материалов, а их общая историческая интерпретация будет предложена после издания результатов раскопок второй (так называемой Соленовской) курганный группы.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У хут. ПОПОВА

В состав некрополя входили шесть курганов, обозначенных следующими номерами:

¹ В раскопках отряда, кроме автора статьи, участвовали в 1950 г. студенты-практиканты Г. Каменецкий и Л. Тихонов, а в 1951 г. студенты Л. Тихонов, И. Поснова, Л. Лейбошиц и Е. Зеймаль. Работы проводились: в 1950 г. — с 19 сентября по 19 октября, в 1951 г. — с 19 июля по 15 сентября. В 1951 г. с 27 августа работами отряда руководил А. А. Иессен; после окончания раскопок насыпи 58/26 работы были перенесены на так называемую Соленовскую курганный группу, в 9 км к югу от хут. Попова.

30/6, 31/7, 50/18, 51/19, 57/25, 58/26. Самым западным из них являлась небольшая насыпь 58/26 (рис. 1). В 70 м к востоку от этой насыпи начиналась пола более крупного кургана 30/6 (расстояние между высшими, нулевыми точками обоих курганов около 118 м). В 50—60 м к юго-востоку от

¹ А. Д. Столляр. Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950—1951 гг. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 163—168.

кургана 30/6 находилась вторая значительная насыпь, 50/18, южнее которой располагались два кургана — сначала малая насыпь 51/19, а затем, еще южнее, несколько более крупная насыпь 31/7 (расстояние между высшими точками курганов 50/18 и 51/19 составляет только 53 м, и поэтому вследствие распашки насыпей к моменту

КУРГАН 30/6

Курган № 30/6 имел в основании овальную форму, несколько более вытянутую по линии север—юг, чем по оси запад—восток (длина соответствующих осей 55 и 48 м). Его южный склон был более пологим, чем северный (рис. 2). Средняя высота кургана

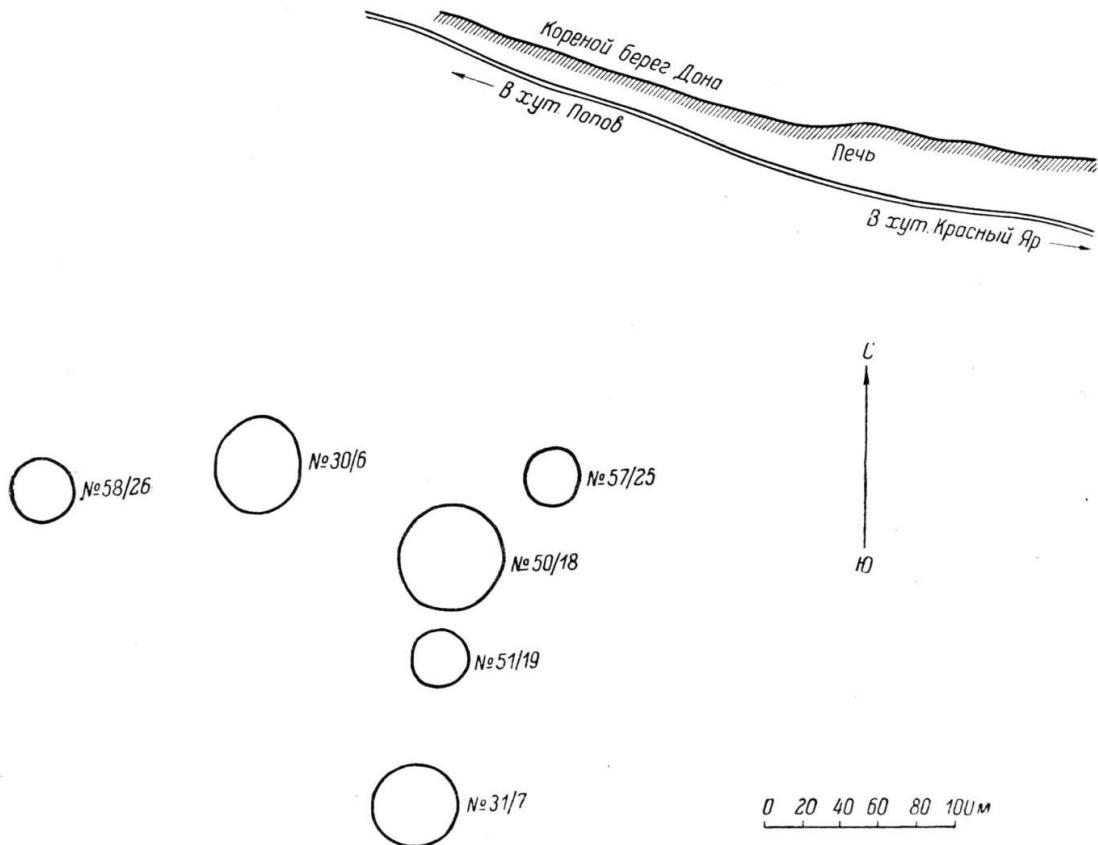

Рис. 1. Общий план группы курганов у хут. Попова.

раскопок южная оконечность насыпи 50/18 сливалась с северной оконечностью насыпи 51/19). Последний, шестой курган, 57/25, самый небольшой по размерам из всех насыпей, составляющих некрополь, находился в 22 м к северо-востоку от края полы кургана 50/18.

В результате полевых работ отряда в течение 1950—1951 гг. все перечисленные насыпи были раскопаны полностью, причем в 1950 г.¹ был исследован один курган (№ 30/6), а в 1951 г. — остальные пять.¹

¹ Отчет об исследовании кургана 58/26 приводится в статье А. А. Иессена, которая войдет

составляла 2.18 м (высота кургана с севера — 2.37 м, с юга — 1.96 м, с запада — 2.12 м, с востока — 2.28 м). Значительная разница в высоте кургана с севера и юга объясняется тем, что первая терраса, на которой он стоит, поднимается в направлении с севера на юг.

У подошвы кургана в западном, юго-восточном и восточном секторах прослежи-

в IV том «Трудов Волго-Донской экспедиции». Предварительные сведения об этом кургане, как и о других насыпях, раскопанных в 1951 г., см. в: А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. LIII, 1954, стр. 61—79.

вались остатки неглубокого узкого рва, опоясывавшего в древности насыпь. Наиболее отчетливо следы этого рва выявлялись в западной и юго-восточной частях подошвы,

встречались обломки кирпича того же типа, что и кирпич, из которого была построена крепость Саркел. Обломки такого же по тесту, обжигу, форме и размерам кирпича

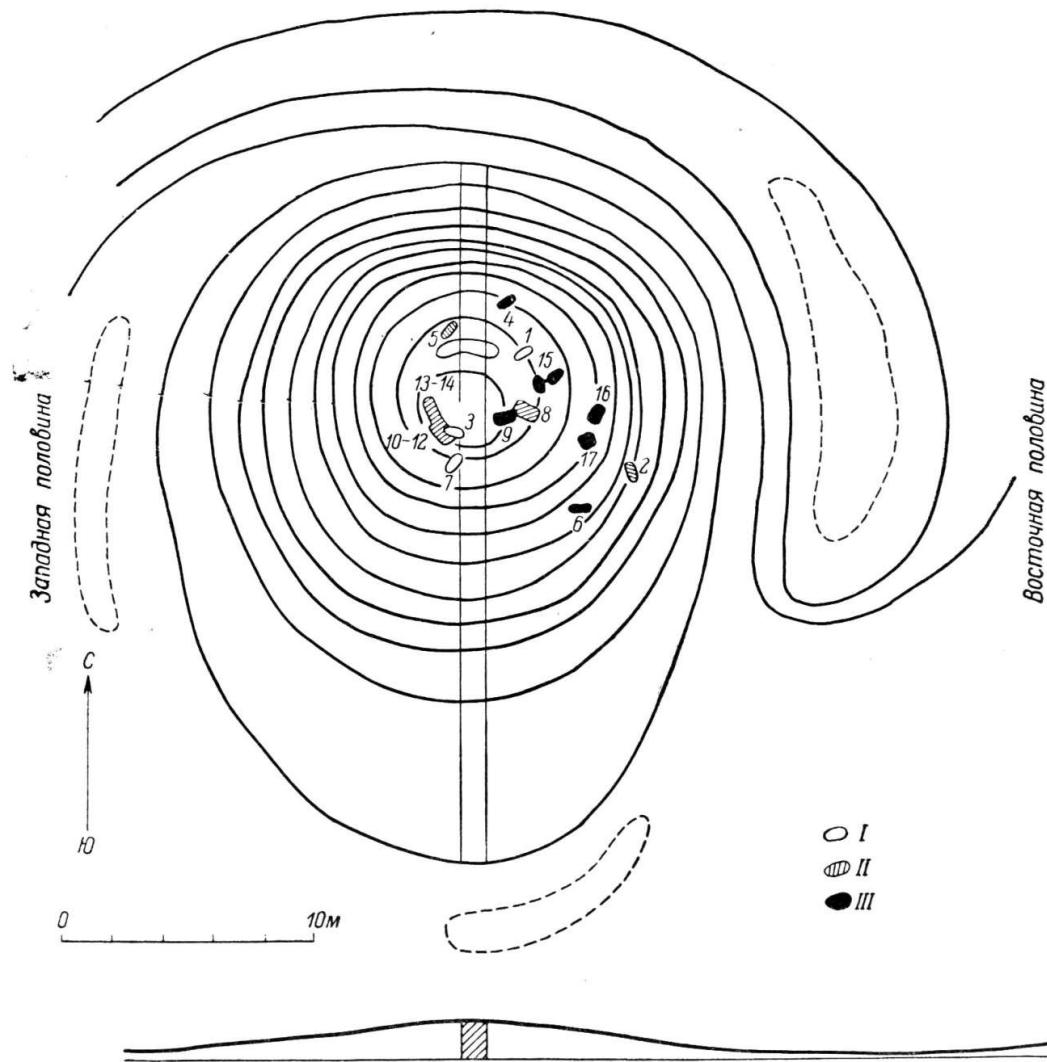

Рис. 2. Курган 30/6. Общий план.

Цифрами (I—17) обозначены номера погребений. Горизонтали проведены через 0.20 м. I — погребения древнерусского времени; II — погребения сарматского времени; III — погребения эпохи бронзы.

где он достигал ширины 2.6—2.8 м при глубине в несколько сантиметров. На вершине кургана сохранились следы разрушенной и заплывшей траншеи, а в западной поле — остатки нескольких одиночных окопов времен Великой Отечественной войны, в которых обнаружены гильзы винтовочных патронов и т. п. По всей поверхности кургана

были обнаружены в значительном количестве и при расчистке остатков больших керамических печей в обнажении древнего коренного берега Дона (расстояние от вершины кургана до остатков ближайшей из расчищенных керамических печей хазарского времени — 350 м в северо-восточном направлении).

При исследовании этого кургана экспедиция впервые применила шестикубовый скрепер (рис. 3, 2), работающий на прицепе у трактора С-80, и на основании полу-

гана и выяснения его структуры. В процессе работы тщательно осматривалась каждая полоса (зачистка), остающаяся после очередного среза скрепера. Толщина снимаемого

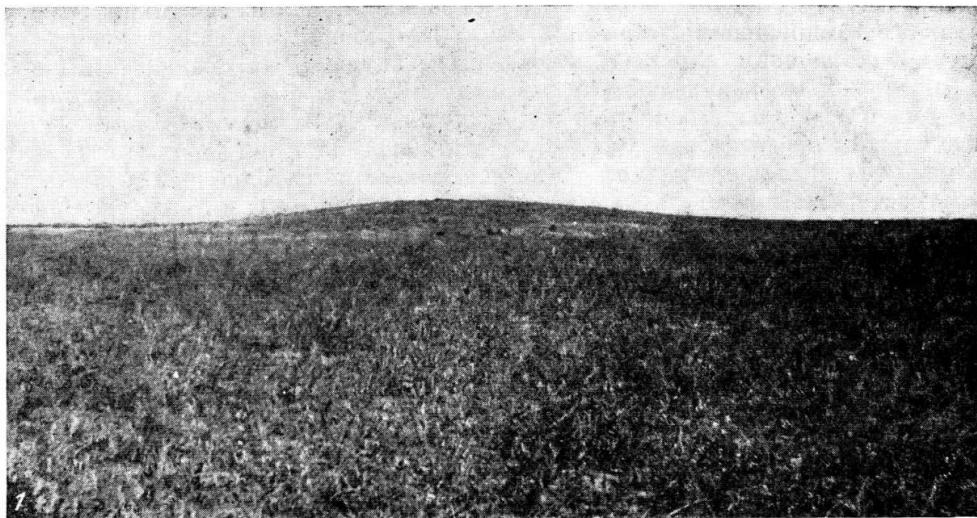

Рис. 3. Раскопки кургана 30/6.
1 — вид кургана до раскопок; 2 — общий вид кургана в процессе раскопок.

ченных результатов пришла к выводу о возможности подобного использования мощной землеройной машины. В данном случае при послойном срезании земляной насыпи по ее основной оси, совпадающей с направлением север—юг, была оставлена перемычка шириной в 2 м для изучения разреза кур-

гана и выяснения его структуры. В процессе работы тщательно осматривалась каждая полоса (зачистка), остающаяся после очередного среза скрепера. Толщина снимаемого

от нулевого репера, за который принималась высшая точка центра насыпи), то в связи с однородностью и одинаковой плотностью грунта насыпи и заполнения могильных ям распознавание последних оказалось невозможным (заметим, что это имело бы место и при снятии курганной насыпи лопатами), и расчистка захоронения производилась с момента обнаружения каких-либо следов перекрытия ямы или же первых костей скелета. В таких случаях представление о форме и размерах нижней части могильной ямы можно было составить только по границам гробовища, когда оно прослеживалось в какой-то степени, по пятну тленна на дне, по положению скелета и сопровождавшего его инвентаря.

Изучение разреза по вертикальным стенкам перемычки привело к следующим заключениям. Насыпь слагалась из интенсивно гумусированного суглинка темно-бурого цвета, прорезанного многочисленными кротовинами с материковым заполнением. Ее состав в разных частях и на различных глубинах был однородным, что не позволило установить наличие разновременных подсыпок и выяснить историю сооружения кургана. Подстипал насыпь отличающийся от нее с большим трудом горизонт погребенного гумуса, ниже которого шла подпочва, а затем — материковый суглинок желтого цвета с легким рыжеватым оттенком.

Всего в кургане 30/6 было открыто и изучено 17 погребений, относящихся к трем периодам древней истории Нижнего Пондона:

- а) два погребения древнерусского времени (№№ 1, 3);
- б) восемь погребений сарматского времени (№№ 2, 5, 8, 10—14);
- в) шесть погребений эпохи бронзы (№№ 4, 6, 9, 15—17).

Единственным погребением, время которого нельзя точно определить, но которое наиболее вероятно приурочить к средневековому периоду, является детское захоронение в западной половине кургана (погр. № 7) на глубине 1.12 м.¹ Плохо сохранившийся детский скелет, у которого был сильно поврежден череп и полностью отсутствовали кости грудной клетки и правой руки,

лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Погребение вещами не сопровождалось, а найденный у проксиимального эпифиза правой бедренной кости бесформенный осколок кварцита, возможно, случайно попал в засыпь могилы.

Погребения древнерусского времени были впущены на сравнительно небольшую глубину (до 1—1.2 м) в насыпь древнего кургана. К сарматскому времени относятся как погребения, впущенные в насыпь и находившиеся на глубине до 2 м (погр. №№ 2, 5), так и захоронения в ямах, уходящих в материк (погр. №№ 8, 10—14). Погребения эпохи бронзы представлены захоронениями, обнаруженными в нижних горизонтах курганной насыпи (погр. №№ 4, 6) и в грунтовых могилах (погр. №№ 9, 15—17).

Расположение открытых и изученных погребений на площади раскопанного кургана показано на прилагаемом общем плане (рис. 2).

1. Погребения древнерусского времени

Как указано выше, к древнерусскому времени относятся два погребения. По обряду захоронения они существенно отличались друг от друга, принадлежали, по-видимому, различным этническим группам и были, очевидно, несколько разновременными.

Погребение № 3. Оно обнаружено в западной половине насыпи (глубина залегания черепа 1.13 м). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, руки были протянуты вдоль туловища, и их кисти находились на уровне головок бедренных костей. Сохранность скелета плохая; многие кости отсутствовали (большинство ребер, лопатки и др.), другие кости значительно смещены (шейные позвонки) или же повреждены (череп, таз). Погребение, череп которого лежал на правой стороне, было ориентировано на северо-запад-запад и принадлежало женщине зрелого возраста.¹ На локтевом сочленении правой плечевой кости находился небольшой

¹ Все приводящиеся в отчете антропологические определения пола и возраста погребенных принадлежат Л. Г. Вуич. Более подробная антропологическая характеристика наиболее сохранившихся черепов содержится в помещенной в настоящем томе статье Л. Г. Вуич «Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона» (стр. 417 и сл.).

¹ В настоящей статье все глубины указываются относительно высшей, центральной точки каждой насыпи.

бронзовый бубенчик грушевидной формы,¹ имеющий наиболее близкие аналогии в инвентаре погребений кургана 24/6 (например, погр. №№ 121, 135 и др.), входившего в состав большого славянского курганного некрополя.² Эта находка, как и особенности погребального обряда, дают право отнести захоронение к XI в. и признать его принадлежащим группе древнего населения, хоронившей умерших по христианскому обряду в «Больших курганах» Белой Вежи (курган 17/10, раскопанный в 1934—1936 гг.,³ и курганы 19/1, 24/6, раскопанные в 1949—1950 гг.). Незначительное отклонение в положении костяка от точной западной ориентировки к северу, возможно, связано с тем, что его ориентировка производилась по восходу солнца, несколько перемещающемуся по линии горизонта в зависимости от времени года.

Погребение № 1 (восточная половина насыпи; глубина залегания черепа 1 м). Оно относится к тому же периоду, что и описанное выше, хотя значительно и отличается от него. Несмотря на плохую сохранность костяка (раздавлен череп, фрагментированы бедренная кость, кости левой руки и таза, отсутствуют кости грудной клетки, вторая бедренная кость, кости голени обеих ног), бесспорно, что погребенный лежал на правом боку, головой на юго-запад-запад, а его ноги, вероятно, были несколько согнуты в тазобедренном суставе. Вплотную к теменной части черепа, скелетоми костями к нему, по оси юг—север лежал череп коня, обращенный лицевой частью на север, а затылочной на юг. Это погребение принадлежало молодому мужчине (25—30 лет) и вещами не сопровождалось.

Описанное захоронение также имеет аналогии в своеобразной группе погребений, открытых как в «Малых курганах» (курган 21/3 и др.), так и «Больших курганах» (курганы 17/10, 19/1, 24/6), расположенных восточнее внешнего земляного вала городища Саркел—Белая Вежа. Эта группа погребений, ориентированных головой на запад, сопровождалась черепом, а иногда другими костями

и остатками шкуры лошади и, как правило, имела очень скучный инвентарь. В качестве аналогии особый интерес представляет курган средних размеров (18/10), раскопанный в 1936 г.,¹ в котором в отличие от малых насыпей погребение находилось не в грунтовой могиле, а в верхней части насыпи.

Очевидно, погребение № 1 являлось одним из бедных (отсутствие инвентаря, железных гвоздей и следов от гробовища, шкуры лошади), так называемых кочевнических захоронений. Оно было помещено в верхнем горизонте центральной части древней насыпи кургана, однако находит некоторую аналогию в «Малых курганах» древнерусского времени Нижнего Подонья, под каждым из которых содержалось только одно захоронение.

Таким образом, изучаемый курган использовался в древнерусское время для одиночных захоронений, как славянских, так и кочевнических. Но основная масса открытых в нем погребений относится к эпохе бронзы, когда происходило формирование курганной насыпи, и к сарматскому времени, когда, очевидно, курган принял вид, близкий к современному.

2. Погребения сарматского времени

Два сарматских погребения — №№ 2 и 5 — были открыты в насыпи кургана, основная же масса их (№№ 8, 10—14) находилась в грунтовых ямах.

Погребение № 2 (восточная половина кургана; глубина залегания черепа 0.94 м; рис. 4, А). Контуры могильной ямы и следы гробовища здесь не прослеживались. Скелет, ориентированный черепом на север-северо-запад, лежал на спине в вытянутом положении. Кости рук, слегка согнутые в локтях, были вытянуты вдоль туловища, а ноги несколько раскинуты в коленях.

Инвентарь погребения. На уровне правого плеча, западнее его на 9 см, находилось небольшое глиняное пряслице яйцевидной формы с плоской верхней площадкой (рис. 4, А, 1; рис. 5, 1; высота пряслица 30 мм, наибольший диаметр 33 мм, диаметр площадки 25 мм, диаметр отверстия 6.5 мм; поверхность пряслица слегка зало-

¹ Бубенчик очень плохо сохранился и рассыпался на месте.

² Публикация результатов раскопок курганов Белой Вежи предполагается в IV томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

³ Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936. Л., 1938, стр. 198—200.

¹ Археологические исследования в РСФСР, стр. 198.

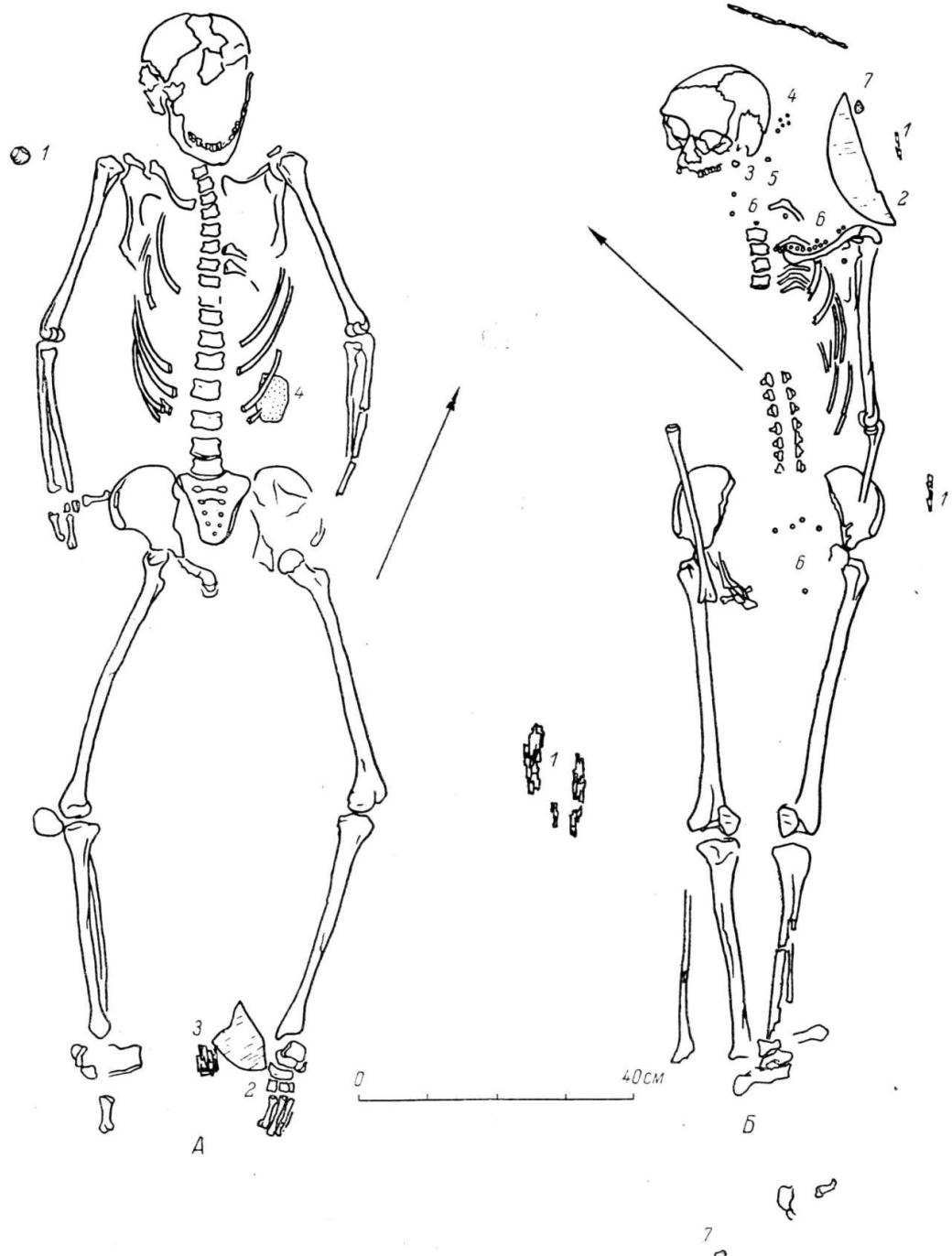

Рис. 4. Курган 30/6.

A — погребение № 2: 1 — прислице, 2 — обломок зеркала, 3 — деревянный предмет, 4 — фрагмент обмазки; **B** — погребение № 5: 1 — следы гробовища, 2 — обломок зеркала, 3 — бронзовая спираль, 4 — стеклянные бисеринки, 5 — двойной разделитель, 6 — пастовые бусы, 7 — реальгар.

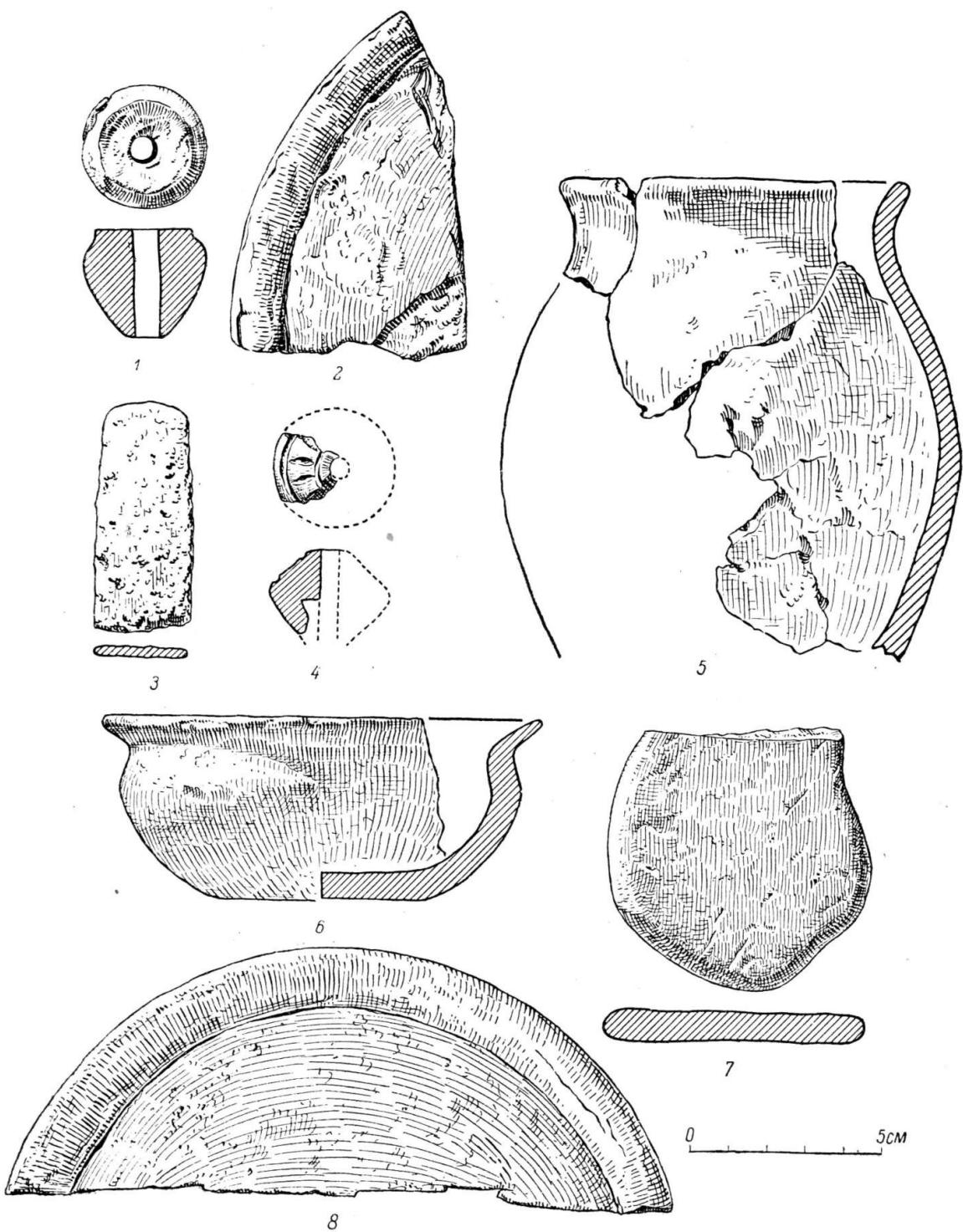

Рис. 5. Курган 30/6. Инвентарь сарматских погребений №№ 2 (1, 2), 5 (8), 10—11 (3—5) и 12 (6, 7).

1 — глиняное прядильце; 2 — обломок бронзового зеркала; 3 — железная пластинка; 4 — фрагмент глиняного прядильца; 5 — фрагмент лепного сосуда овощной формы; 6 — лепная темно-серая мисочка; 7 — плоская кварцитовая галька (конец отбит); 8 — сегментовидный обломок круглого бронзового зеркала.

щена), а у предплюсны левой ноги с внутренней ее стороны — крупный, неправильный, подтреугольной формы обломок сломанного в древности круглого бронзового зеркала диаметром около 19 см (рис. 4, А, 2; рис. 5, 2). Этот фрагмент лежал вверх плоской лицевой стороной, а на обратной стороне вдоль внешнего циркульного края шел слегка выпуклый, утолщенный валик (средняя высота валика 3 мм, ширина 12 мм). Обе поверхности зеркала были покрыты патиной малахитового цвета. При разборке погребения обнаружен какой-то небольшой деревянный предмет кубовидной формы с одной гладко срезанной стороной, изготовленный из очень плотной древесной породы, по-видимому арчи (рис. 4, А, 3). Один конец деревянного предмета располагался под описанным обломком зеркала. На левой стороне грудной клетки у нижних ребер находился кусок обмазки желтого цвета (рис. 4, А, 4), очевидно случайно попавший в засыпь погребения.

Погребение № 5 (западная половина насыпи; глубина залегания черепа 1.97 м; рис. 4, Б). Оно находилось в гробовище, очень слабые, обрывочные следы которого были установлены при расчистке в трех местах — восточнее черепа, южнее таза и севернее правого колена (рис. 4, Б, 1). Костяк лежал на спине с вытянутыми ногами, слегка сдвинутыми в коленях. Кости левой руки располагались вдоль туловища, такое же положение, очевидно, занимали в прошлом и плохо сохранившиеся кости правой руки. Несколько откинутый на правую сторону череп был обращен сводом на северо-восток. Общая сохранность костяка плохая (отсутствовали кости правой стороны грудной клетки, большая часть позвонков грудного отдела, плечевая и локтевая кости правой руки; таз фрагментирован).

Инвентарь погребения. Несколько южнее черепа и северо-восточнее левой ключицы находился большой сегментовидный обломок круглого зеркала (рис. 4, Б, 2; рис. 5, 8) того же типа, что и зеркало в погребении № 2 (диаметр зеркала около 19 см, основание сегмента 17.5 см, ширина бортика, имеющего форму слабо выпуклого валика, — 1.6 см, высота валика до 2 мм). Толщина обломка в центре 3 мм, к краям он утончается до 2 мм. Этот фрагмент лежал, как и в предшествующем случае, гладкой лицевой стороной вверх и был обращен

к скелету выпуклым краем с бортиком. Хорда сегментовидного обломка (линия слома), состоящая из нескольких прямых отрезков, свидетельствует о том, что фрагмент, положенный в погребение, был в древности специально отрублен от круглого зеркала.

У основания черепа обнаружена сильно окислившаяся бронзовая спираль (два витка диаметром около 12 мм, толщина сечения проволоки 1.75 мм; рис. 4, Б, 3), а у затылочной кости — пять синих стеклянных бисеринок (рис. 4, Б, 4; рис. 6, 1) и миниатюрный двойной разделитель в форме восьмерки (рис. 4, Б, 5; рис. 6, 2). Скопление небольших пастовых бус бочонкообразной формы, изготовленных из светло-желтой пасты, со следами позолоты (31 экз.) и несколько меньших по размеру цилиндрических бус (8 экз.) со следами серебра на поверхности встречено у левой ключицы (рис. 4, Б, 6; рис. 6, 3), где они располагались по одной линии вдоль верхнего края кости, являясь, очевидно, остатками низки, нашитой на одежду погребенного. Одиночные экземпляры таких же бус встречались между черепом, левой ключицей и левой плечевой костью, а также между подвздошными kostями плохо сохранившегося таза. Рядом с зеркалом находился кусочек реальгара («персидской грязи»). Второй, меньший кусочек реальгара был открыт в 22.5 см к юго-западу от пятых костей погребения (рис. 4, Б, 7).

Погребение принадлежало женщине в возрасте 50—60 лет.

Остальные шесть сарматских погребений, как было указано выше, находились в более или менее глубоких грунтовых ямах, впущенных в материк. Только одно из этих погребений (№ 8) располагалось в восточной половине насыпи, а остальные пять (№№ 10—14) — в ее западной части (рис. 2).

Последние размещались в двух примыкающих друг к другу и одинаково ориентированных могилах подтреугольной формы со слегка закругленными углами. Из этих могил более поздняя (расположенная севернее) прорезала короткую стенку более ранней могилы, так что образовалась общая могильная яма, несколько напоминающая своей формой букву «Г» (рис. 7).

В более ранней, южной могиле находились погребения №№ 10—12. Могила, контур которой был определен на глубине около

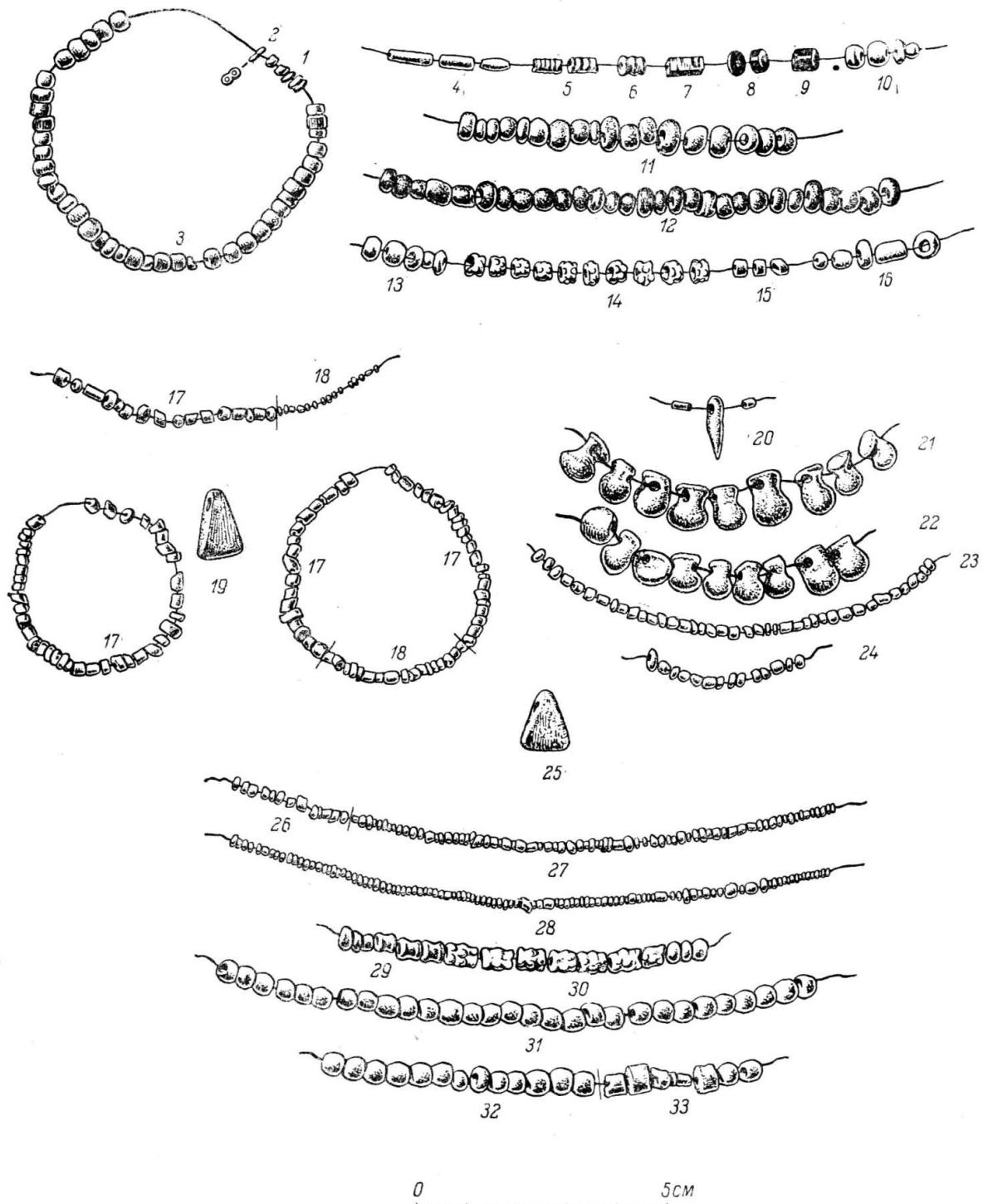

Рис. 6. Курган 30 6. Бусы, бисер и подвески из сарматских погребений №№ 5 (1—3), 8 (17—19), 10—11 (4—16), 12 (20—24) и 14 (25—33).

— синий стеклянный бисер; 2 — двойной разделитель (синее стекло); 3 — светло-желтые пастовые бусы — бочонкообразные, со следами позолоты (31 экз.) и цилиндрические, со следами серебра на поверхности (8 экз.); 4 — позолоченные стеклянные пронизки цилиндрической формы; 5 — рубчатые золотые пронизки; 6 — позолоченная стеклянная пронизка-тройчатка; 7 — пронизка прямоугольной формы; 8 — уплощенно-цилиндрические гешировые пронизки; 9 — цилиндрическая гешировая бусина; 10 — позолоченные бочонкообразные стеклянные бусы; 11 — светло-синие бочонкообразные стеклянные бусы; 12 — светло-вишневые бочонкообразные стеклянные бусы; 13 — позолоченные бочонкообразные стеклянные бусы; 14 — позолоченные бугорчатые стеклянные бусы; 15 — цилиндрические пастовые бусы светло-малахитового цвета; 16 — белые пастовые бусы бочонкообразной формы; 17 — желтые пастовые бусы; 18 — стеклянный бисер (темно-синий и желтый); 19 — треугольная подвеска из светлого стекла; 20 — с теклянной подвеска; 21 — теклянные подвески напльвейной формы (браслет правой руки); 22 — то же (брраслет левой руки); 23 — низка стеклянного (33 экз.) и пастового (4 экз.) бисера; 24 — отдельные бисеринки; 25 — треугольная подвеска из светло-желтого стекла; 26 — желтый бисер; 27, 28 — синий стеклянный бисер; 29 — синие цилиндрические пастовые бусы с круговым желобом; 30 — светло-зеленые бугорчатые пастовые бусы; 31, 32 — синие бочонкообразные пастовые бусы; 33 — цилиндрические коштные бусы.

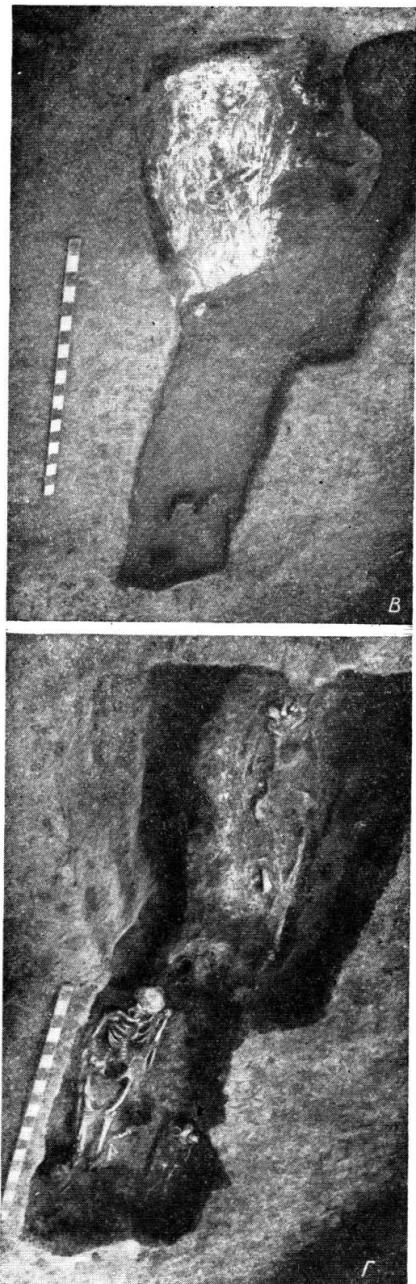
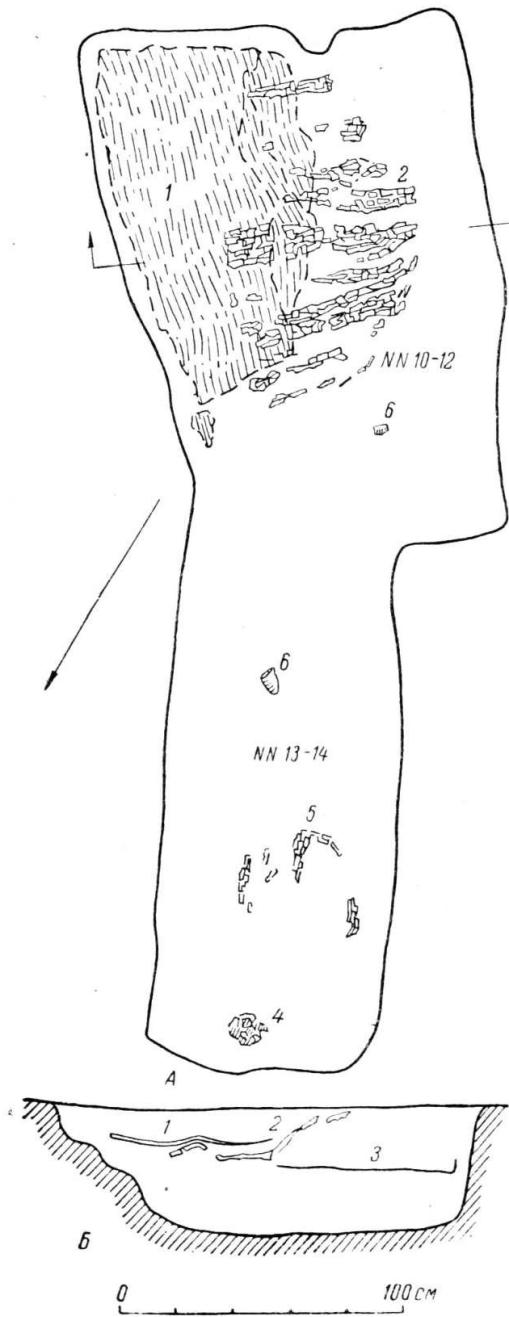

Рис. 7. Курган 30/6. Могильные ямы погребений №№ 10—14.

А — план; Б — поперечный разрез южной ямы; В — общий вид по верхнему горизонту расчистки; Г — общий вид расчищенных могил. 1 — пятно истлевшей кути; 2 — остатки перекрытия из тополевых слег; 3 — остатки гробовища; 4 — фрагменты сосуда эпохи бронзы; 5 — остатки истлевшего дерева; 6 — фрагменты лепного сосуда.

2.2—2.3 м — на границе насыпи и слоя различающейся с трудом погребенной почвы, — имела форму, близкую к прямоугольной, со сторонами около 1.40×2 м, и была ориентирована длинной осью по линии СЗ—ЮВ.¹ При выборке заполнения могильной ямы по краю короткой юго-восточной стенки, около середины ее длины, несколько ближе к южному углу камеры, был обнаружен небольшой выступ.

В восточной половине камеры на глубине 2.28—2.43 м выявилось плотное белесое пятно истлевшей куги (рис. 7, А, 1; Б, 1; В), имевшее форму, близкую к трапециевидной (наибольшая длина пятна с северо-запада на юго-восток — по линии, параллельной оси камеры, — около 1.40 м, ширина в южной части до 0.75 м, в северной, где оно постепенно суживалось, до 0.30—0.40 м). Границы пятна шли вдоль длинной северо-восточной и примыкающей к ней половине короткой юго-восточной стенок, а затем примерно по-

Рис. 8. Курган 30/6. Расчищенные остатки деревянного перекрытия могил №№ 10—12.

точной стенки, около середины ее длины, несколько ближе к южному углу камеры, был обнаружен небольшой выступ.

В восточной половине камеры на глубине 2.28—2.43 м выявилось плотное белесое пятно истлевшей куги (рис. 7, А, 1; Б, 1; В), имевшее форму, близкую к трапециевидной (наибольшая длина пятна с северо-запада на юго-восток — по линии, параллельной оси камеры, — около 1.40 м, ширина в южной части до 0.75 м, в северной, где оно постепенно суживалось, до 0.30—0.40 м). Границы пятна шли вдоль длинной северо-восточной и примыкающей к ней половине короткой юго-восточной стенок, а затем примерно по-

выявились два слоя куги (толщина верхнего слоя до 5—7 мм, нижнего — 5 мм).

Вдоль западного края пятна были открыты расположенные попаречно относительно длинной оси могильной ямы остатки перекрытия из тополевых слег, уходивших наискосок, под углом, близким к 45° , под кугу (рис. 7, А, 2; Б, 2; рис. 8). Это деревянное перекрытие, образованное шестью отчетливо прослеживающимися и несколькими едва сохранившимися плахами, располагалось в центре могилы под слоем куги, ниже его на 2—6 см, частично выходя за пределы белесого пятна в юго-западном направлении, и находилось от одной длинной стенки камеры (юго-западной) на расстоянии 0.25—0.30 м, а от второй, противоположной ей стенки (северо-восточной) — на 0.40—0.45 м.

Лучше всего сохранившаяся средняя плоская плаха, вероятно самая большая из

¹ В верхних горизонтах насыпи над юго-восточной частью этой могилы по вертикали, примерно в 1.50 м выше костей погребения № 10, ранее было расчищено захоронение № 3, относящееся, по-видимому, к древнерусскому времени.

числа составлявших перекрытие, имела следующие размеры: длина 0,70—0,75 м, ширина до 0,165 м, толщина 0,01—0,03 м. Она сохранилась в виде ряда фрагментов, лежащих по одной прямой линии. Остатки плахи спускались примерно под углом 45° с юго-запада на северо-восток, затем на протяжении 20 см лежали горизонтально, после чего поднимались на 7 см и вновь спускались (см. разрез по оси этой плахи через могильную яму; рис. 7, Б, 2). При мерно таким же образом были деформированы и остальные более или менее сохранившиеся плахи. Очевидно, в древности деревянное перекрытие находилось значительно выше, чем его остатки, расчищенные при раскопках, а северо-восточные концы плах подходили либо вплотную к длинной северо-восточной ступенчатой стенке камеры, либо значительно ближе к ней, чем к противоположной, юго-западной.

Необходимо отметить, что как пятно куги, так и плахи перекрытия обрываются в северо-западной части могилы, где было открыто захоронение младенца (№ 12) и где должна была проходить граница основной могильной ямы и впущенной в нее впоследствии более поздней могилы.

Три материковых стенки описываемой прямоугольной камеры — юго-восточная, юго-западная и сохранившаяся часть северо-западной — вертикально спускались ко дну могилы (рис. 9). На их поверхности, покрытой характерным для стенок и остальных грунтовых сарматских могил белым налетом выпавших солей, отчетливо прослеживались следы работы узким металлическим теслом в виде наклонных затесов шириной в 1,5—2 см и протяженностью до 10—12 см.

Четвертая, северо-восточная (длинная) стенка ямы оформлена в виде двух спускающихся ко дну ступеней. Верхняя ступенька при высоте уступа в 10 см достигала в ширину 8—17 см. Горизонтальная площадка второй ступеньки располагалась ниже первой на 12—17 см и имела у западного угла камеры ширину 27 см, а затем постепенно суживалась к северному углу, где обе ступеньки были срезаны в древности могильной ямой погребения № 13.

На 20—24 см ниже площадки второй (нижней) ступеньки находилось несколько неровное материковое дно могилы. Основное погребение (№ 10), для которого камера была вырыта, лежало в деревянном гробовице,

помещенном не на дне могилы, а находившемся на уровне площадки второй ступеньки, на слое гумусной подсыпки бурого цвета (мощность до 25 см), однородной заполнению могилы (рис. 7, Б, 3).

Погребение № 10. Гробовице (рис. 9, I) имело прямоугольную форму. Отчетливо прослеживались его днище и две стенки — короткая юго-восточная и длинная юго-западная, сходившиеся у южного угла гробовицы строго под прямым углом и вертикально поднимающиеся выше днища на несколько сантиметров. Эти стенки строго параллельны юго-восточной и юго-западной стенкам камеры. Гробовице занимало асимметричное положение в яме и было несколько сдвинуто относительно ее центра (расстояние от юго-западной стенки камеры до соответствующей стенки гробовицы 14—18 см, а до приблизительной оси гробовицы 35—55 см; расстояние от края площадки нижней ступеньки до прослеженной северо-восточной границы днища 33—49 см, а до оси гробовицы 60—65 см).

Северный угол гробовицы разрушен полностью впускным погребением младенца (№ 12), и можно полагать, что рваная граница днища на этом участке примерно отвечает границе могильной ямы, вырытой для младенца. Значительно повреждена также и северо-восточная, длинная сторона гробовицы.

Костяк в гробу лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован черепом на юго-восток. При этом ось погребения отклонялась от оси гробовицы на ЮВ—СЗ на 15°. Сохранность костей плохая. Отсутствовали кости правой голени и стопы, срезанные, вероятно, впущенным позднее погребением младенца (№ 12), а также кисти обеих рук и некоторые другие кости. Череп раздавлен (глубина залегания 2,63 м). На обеих руках сильно разрушены кости плеча и предплечья, повреждена правая бедренная кость. Но несмотря на все перечисленные дефекты, положение погребенной в могиле устанавливается совершенно точно. Руки скелета были вытянуты вдоль туловища. Ноги, лежавшие также в вытянутом положении, были слегка сдвинуты в коленях.

Погребение № 11 (рис. 9). Между бедренными костями погребения несколько ниже таза находился очень плохо сохранившийся череп детского захоронения (глубина залегания 2,63 м). Он лежал на левой стороне

Рис. 9. Курган 30/6. Погребения №№ 10—11 (1—14) и 12 (15—21).

1 — остатки гробовища; 2 — стеклянные пронизки (3 экз.); 3 — стеклянная тройчатка, две золотые и одна прямоугольная пронизки; 4 — остатки деревянной плахи; 5 — железное полукулько; 6 — обломок пряслица; 7 — окислившийся бронзовый предмет; 8 — гемированные пронизки; 9 — гемированная бусина; 10 — стеклянные бусы; 11 — железная пластинка; 12 — стеклянные бусы; 13 — скопление стеклянных и пастовых бус; 14 — реальгар; 15 — пятно белого налета; 16, 17 — браслеты из стеклянных подвесок квадриевидной формы; 18 — стеклянная подвеска такой же формы; 19 — фрагмент квадриковой гальки; 20 — рассыпавшаяся низка бисера; 21 — мисочка.

и был обращен лицевой частью к коленям, а затылочной к тазу скелета взрослого. Вытянутые кости левой руки ребенка лежали между бедренными kostями ног погребения № 10, кости правой руки, также вытянутые, располагались снаружи правой бедренной кости захоронения взрослого. Кости предплечья обеих рук ребенка сближались друг с другом в области таза, а его ребра лежали на средней части правой бедренной кости захоронения взрослого. Кости ног погребения № 11, как и кости правой голени и стопы погребения № 10, полностью отсутствовали и были, вероятнее всего, выброшены при рыхле могильной ямы для погребения младенца (№ 12).

Как и погребение взрослого, скелет ребенка (№ 11), очевидно, лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован на юго-восток. Он располагался частично между ногами, а частично правее ног захоронения № 10. Последним обстоятельством, вероятно, и следует объяснить несколько асимметричное положение захоронения взрослого (№ 10), ноги которого подходили близко к западному краю гробовища, а череп находился на более значительном расстоянии от последнего.

Погребение № 10 принадлежало женщине. Детское погребение № 11 было совершено одновременно с ним. Таким образом, два описанных погребения (№№ 10 и 11) являются совместным захоронением матери и ребенка, помещенным одновременно в одном гробу. Об этом свидетельствует как взаимное расположение скелетов (в частности, при помещении погребения № 10 в гробовище в северной его части было оставлено место для погребения № 11), так и то, что скелет ребенка, лежащий непосредственно на kostях женского захоронения, не отделяясь от него прослойками, не нарушил ни в малейшей степени положение костей последнего. К этому следует добавить, что вещи, найденные в могиле, в ряде случаев очень трудно распределить по двум самостоятельным захоронениям; кроме того, погребение ребенка между ногами материнского захоронения широко известно по археологическим и этнографическим материалам, относящимся к обширной территории.

Инвентарь погребений №№ 10 и 11. Набор вещей, сопровождавший двойное погребение, состоял в основном из украшений — бус и пронизок, различав-

шихся по форме, цвету и материалу, из которого они были изготовлены.

На правой ветви нижней челюсти женского скелета находились три стеклянные позолоченные пронизки вытянутой цилиндрической формы (рис. 9, 2; рис. 6, 4), а несколько ниже, у края челюсти, — две свернутые из тонких золотых пластинок пронизки такой же формы с рубчатой поверхностью (цвет одной из них, с более частыми насечками, — червонный, другой — золотисто-червонный), одна стеклянная позолоченная пронизка-тройчатка и одна светло-золотистая пронизка прямоугольной формы из материала, состав которого до анализа не удалось установить (рис. 9, 3; рис. 6, 5—7). С наружной стороны правой плечевой кости погребения № 10, на 9 см ниже ее верхнего эпифиза, там, где начинались следы лежащей параллельно оси скелета взрослого деревянной плахи (рис. 9, 4), идущие далее вдоль края кости с юго-востока на северо-запад, на протяжении примерно 0,3 м, находилось рассыпавшееся при разборе захоронения железное полукольцо (рис. 9, 5), обращенное к плечевой кости дугой и, вероятно, составлявшее один предмет с деревянным стержнем. Любопытно, что на 0,47 м северо-западнее железного полукольца и на 0,21 м западнее нижнего конца деревянного стержня, на той же стороне скелета у края правой лобковой кости таза, были обнаружены крупный обломок (половина) биконического глиняного пряслица (рис. 9, 6) и небольшой, сильно окислившийся кусок бронзы вытянутой формы с загнутым концом (может быть, крючок?) (рис. 9, 7). На сохранившемся фрагменте пряслица тщательно слаженная поверхность одного из конусов выше линии перегиба украшена прочерченным геометрическим узором, заполненным белой пастой (рис. 5, 4).

Между крестцом и краем подвздошной кости таза женщины находились две плоские черные пронизки с блестящей поверхностью (рис. 9, 8; рис. 6, 8), изготовленные из какой-то каменноугольной породы (гешира?). Третья бусина из этого же материала имела цилиндрическую форму (рис. 9, 9; рис. 6, 9) и лежала у края правой ветви нижней челюсти детского захоронения, рядом с тремя стеклянными позолоченными бусинами бочонкообразной формы и одной такой же уплощенной бусиной (рис. 9, 10; рис. 6, 10).

Ниже бусин, к северу от правого колена погребения № 10, была найдена лежащая

под костями правого предплечья детского захоронения тонкая (до 2—3 мм) железная пластинка (рис. 9, 11; рис. 5, 3) правильной трапециевидной формы (длина оснований 2.3 и 2.6 см, длина боковых сторон около 5.8 см).

Еще севернее, у наружного края правой подвздошной кости детского таза, встречено скопление нескольких светло-синих стеклянных бус бочонкообразной формы (рис. 9, 12; рис. 6, 11) и одна стеклянная позолоченная бусина того же типа. Основное же скопление бус обнаружено в районе левой голени скелета взрослого, особенно с ее внутренней стороны у средней части кости (рис. 9, 13). Здесь лежали бусы различных типов: светло-синие бочонкообразные стеклянные (рис. 6, 11), более мелкие стеклянные бусы той же формы и светло-вишневого цвета (рис. 6, 12), полупрозрачные позолоченные стеклянные (рис. 6, 13), позолоченные стеклянные, с двумя рядами бугорков на внешней поверхности, расположенных в шахматном порядке (рис. 6, 14), мелкие цилиндрические бочонкообразные непрозрачные (пастовые?) и одна стеклянная светло-синяя бисеринка, вероятно занесенная грызунами из погребения № 12 (см. ниже). Отдельные бусы перечисленных типов встречались также вдоль наружного края левой голени и на месте коленного сустава того же женского костяка.

В южном углу гробовища на расстоянии 12—25 см к югу от левого плеча женского костяка найдены три кусочка реальгара (рис. 9, 14), явившегося, по-видимому, обязательной принадлежностью всех женских погребений сарматского времени в раскопанном кургане.

Погребение № 12 (рис. 9). В средней части северо-западного конца этой же могильной ямы на расстоянии 37—46 см к северу от коленей захоронения № 10 и примерно на той же глубине находились очень плохо сохранившиеся (по-видимому, сильно поврежденные грызунами), но несомненно залегающие *in situ* остатки погребения младенца (№ 12), прорезавшего северный угол гробовища захоронений №№ 10 и 11. Дно впускной детской могилы точно устанавливается по пятну белого налета (рис. 9, 15) на глубине около 2.70 м.

Череп скелета, как и ряд других костей, отсутствовал. На месте были позвонки грудного отдела, ребра, лопатки, кости правой

руки, частично кости ног. Это позволяет достаточно достоверно определить первоначальное положение погребенного. Младенец лежал на спине, головой на северо-запад. Его руки, вытянутые вдоль туловища, как и ноги, согнутые в коленях, были раскинуты в стороны.

Инвентарь погребения. На запястьях левой (рис. 9, 16) и правой (рис. 9, 17) рук находились браслеты из стеклянных подвесок каплевидной формы со сквозным отверстием в верхней части, заканчивающейся уплощенной площадкой.¹ Браслет на правой руке состоял из 9 подвесок описанной формы (рис. 6, 21). По цвету они варьировали от молочного (5 экз.; ирризация поверхности) и светло-желтого (2 экз.) до светло-зеленого (1 экз.) и черного (1 экз.; следствие пребывания в огне?). Браслет на левой руке состоялся также девятью подвесками аналогичной формы (рис. 6, 22), из которых четыре были светло-желтого цвета, две — желтовато-зеленого, одна — светло-зеленого, одна (несколько меньшая по размерам) — светло-оранжевого и, наконец, последняя имела сильно ирризованную поверхность молочного цвета. Здесь же находилась шаровидная, прозрачная, стеклянная бусина.

Одна подвеска также каплевидной формы находилась отдельно между обоими браслетами на месте отсутствовавшего таза погребения (рис. 9, 18), рядом с небольшой плоской галькой (рис. 9, 19; рис. 5, 7; кварцитовый песчаник?), один конец которой был отбит по прямой линии (длина гальки 6.8 см, толщина 0.5, ширина основания слома 5 см).

У эпифизов длинных костей правой ноги, лежащих в нарушенном порядке параллельно друг другу, в 10 см к юго-востоку от браслета на правой руке, была обнаружена низка бисера (рис. 9, 20; рис. 6, 23), состоящая из стеклянных бисеринок молочного

¹ Вполне вероятно, что эти украшения имитируют более древние подвески из недоразвитых зубов животных (например, олена). В защиту такого предположения говорит найденная в этом же погребении у левой ключицы слегка изогнутая, заостренная на одном конце, стеклянная подвеска, очень близко напоминающая клык мелкого хищника (рис. 6, 20). Объяснение такой каплевидной формы только простейшими техническими приемами изготовления подвесок представляется нам недостаточным. Подобные подвески встречаются редко, в то время как в случае определения их формы производственными навыками они неизбежно должны были получить очень широкое распространение.

(8 экз.) и синего цвета (27 экз.), пастовых бисеринок серо-синего цвета (3 экз.) и одной пастовой бисеринки желтого цвета. Отдельные бисеринки перечисленных типов были найдены в других местах захоронения (рис. 6, 24).

Наконец, в северной части белесого пятна, отмечавшего дно могилы, между ребрами левой стороны грудной клетки младенца, браслетом на запястье его левой руки и длинными костями левой ноги стояла глиняная темно-серая мисочка с отбитым в северной части краем (рис. 9, 21). Она имела уплощенное, слегка вдавленное в центре дно и косо отогнутый наружу, воронкообразный венчик, а ее туловище несколько вздувалось посередине высоты (рис. 5, 6; высота мисочки 4,5 см, диаметр dna 5,6 см, диаметр венчика 11,4 см). На внешней и внутренней поверхности мисочки, как и на днище, сохранились следы лощения.

В заключение описания погребений №№ 10—12 следует остановиться на некоторых особенностях погребальной камеры и попытаться дать реконструкцию ее устройства. Ряд деталей (материковый выступ посередине юго-восточной короткой стенки могилы, размещение покрытия из куги в северо-восточной и юго-восточной частях могилы, крутое падение подстилающих кугу плах перекрытия — от центра в направлении на северо-восток-восток, ступенчатая северо-восточная длинная стенка камеры и др.), как нам кажется, свидетельствует о том, что основные погребения могилы (№№ 10 и 11) были помещены в неглубоком подбое, свод которого находился на границе материка и погребенного под курганной насыпью древнего гумусного слоя и обрушился в древности.

Существованием подбоя в момент совершения погребений №№ 10 и 11 следует, возможно, объяснить то обстоятельство, что гробовище с совместным захоронением женщины и ребенка находилось не на материиковом дне ямы, а на слое подсыпки мощностью в 25 см, покрывшей дно могилы при спускании гроба через узкую щель входа. Эта щель расположена в северо-восточной части камеры, вдоль ее длинной ступенчатой стенки (наиболее вероятная ширина этой щели, на глубине 2,35 м,—0,85 м при минимальной ширине гроба 0,68—0,72 м). Плохую сохранность северо-восточного края гробовища, в отличие от хорошо сохранившихся

юго-западного и юго-восточного краев, также наиболее вероятно объяснить тем, что вся эта стенка выходила за пределы подбоя и находилась над входным отверстием, в то время как две противоположные стенки были в его глубине.

Обвал подбоя произошел, по-видимому, в древности и был вызван, вероятнее всего, прорезанием северо-восточной части свода ямой погребения № 13, очевидно несколько более поздней, чем могила с захоронением женщины и ребенка. При расчистке выяснилось, что остатки боковых досок юго-восточной и юго-западной стенок гробовища сохранились в вертикальном положении (т. е. гробовище было засыпано землей тогда, когда оно еще не истлело полностью и боковые стенки не обрушились на дно; рис. 7, Б, 3). Эта деталь может быть объяснена тем, что подбой обвалился вскоре после совершения в нем захоронений.

Погребение младенца (№ 12) кажется самым поздним из пяти захоронений, открытых в двух описываемых камерах. Оно было впущено, вероятно, уже после того, как северо-западная могила (погр. №№ 13 и 14) прорезала юго-восточную (погр. №№ 10 и 11), вызвав тем самым обвал свода подбоя последней. Приведенное предположение подкрепляется следующим доводом: если бы при погребении младенца в основной могиле еще существовала полость, не заполненная землей, то не было бы нужды в рытье отдельной могильной ямы, прорезавшей гробовище и разрушившей нижнюю часть захоронений №№ 10 и 11, а труп младенца мог быть помещен в полости начальной камеры, совершенно не задевая основные погребения могилы.

Северо-западная погребальная камера, содержащая захоронения №№ 13 и 14 (рис. 10), имела вытянутую прямоугольную форму со слегка закругленными северным и западным углами (средняя ширина ямы 0,88 м, длина юго-западной материевой стенки, от западного угла могилы до пересечения с сохранившейся частью северо-западной короткой стенки могилы погребений №№ 10 и 11, около 2 м) и была более узкой, чем описанная выше юго-восточная камера. Ось могилы ориентирована в целом так же, как и ось могилы с двойным погребением (№№ 10 и 11), отклоняясь от нее на СВ—ЮЗ на 17—20°. В северной половине юго-западной длинной

материковой стенки находился небольшой подбой с захоронением ребенка (№ 14).

Погребальная яма, вырытая в материковом суглинке, как и яма погребений №№ 10 и 11, была заполнена рыхлым сырьим гумусом бурого цвета, в котором найдено несколько черепков от сосудов эпохи бронзы (рис. 7, А, 4), попавших, по-видимому, в погребение случайно вместе с засыпью. Следы дерева, за исключением нескольких незначительных обрывков в северо-западной части могилы (рис. 7, А, 5), отсутствовали. Неровное дно могилы, лежащее в среднем на 0.32 м ниже той поверхности, на которой было обнаружено пятно заполнения, несколько поднималось к вертикальным стенкам камеры.

На древней поверхности длинной северо-восточной стенки сохранились белесоватый налет от выпавших на протяжении длительного времени солей и следы работы металлическим инструментом в виде нескольких, косо расположенных, узких затесов, совершенно аналогичных затесам на стенах других сарматских могил — камеры с погребениями №№ 10 и 11 и, особенно, более тщательно приготовленной камеры с погребением № 8 (см. стр. 371).

Погребение № 13 (рис. 10, 1—10). В описываемой камере было обнаружено ненарушенное погребение мужчины в возрасте около 50 лет, лежащее не на материковом дне, а на слое гумуса мощностью в 5—6 см. Сохранность костей была плохая, но все они размещались в строгом анатомическом порядке.

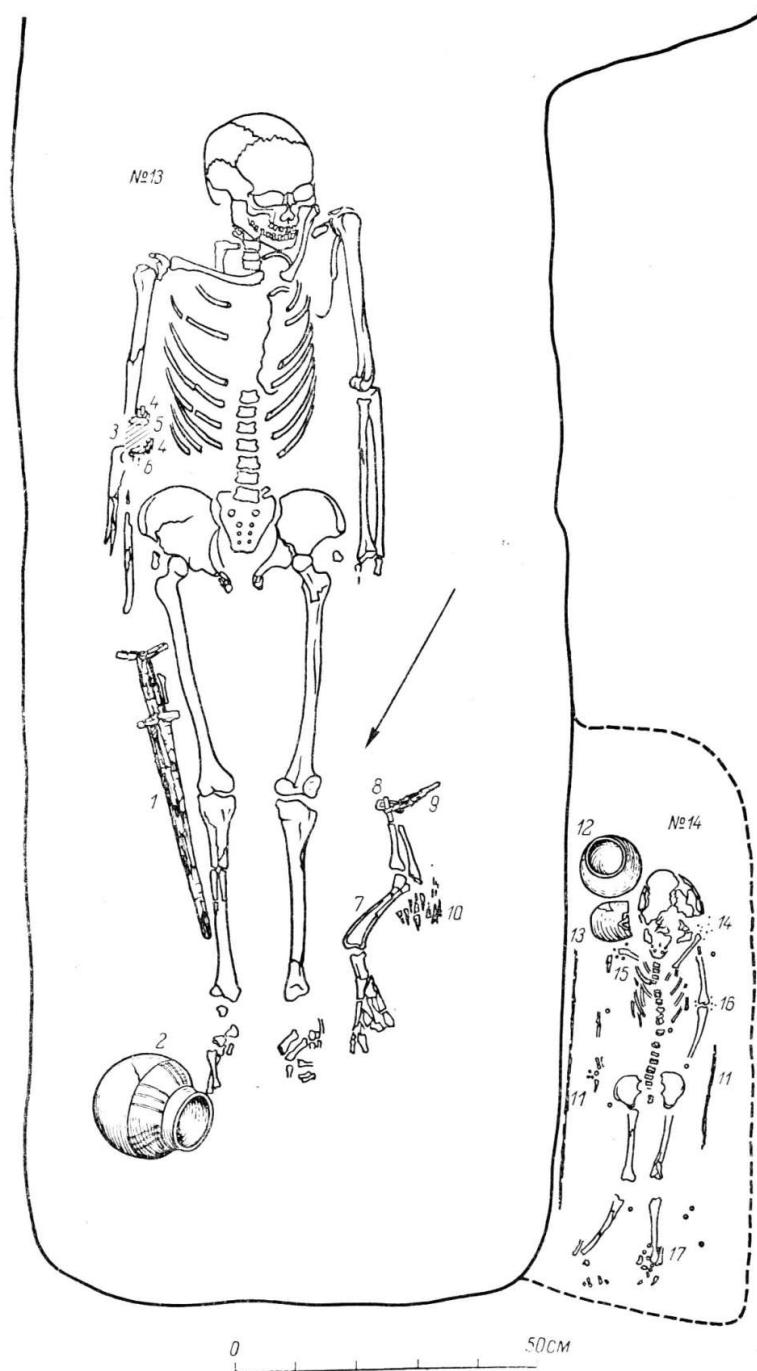

Рис. 10. Курган 30/6. Погребения №№ 13 (1—10) и 14 (11—17).

1 — железный меч; 2 — орнаментированный сосуд; 3 — пятно желтовато-зеленой охры; 4 — деревянная пластинка; 5 — песчаниковая галька; 6 — обломок бронзового зеркала; 7 — кость передней ноги барана; 8 — железное кресало; 9 — железный нож; 10 — железные наконечники стрел; 11 — следы гробовицы; 12 — орнаментированный сосуд; 13 — сосуд; 14 — стеклянные бисерины; 15 — пастовые и костяные бусы; 16 — остатки браслета из желтого бисера; 17 — треугольная стеклянная подвеска.

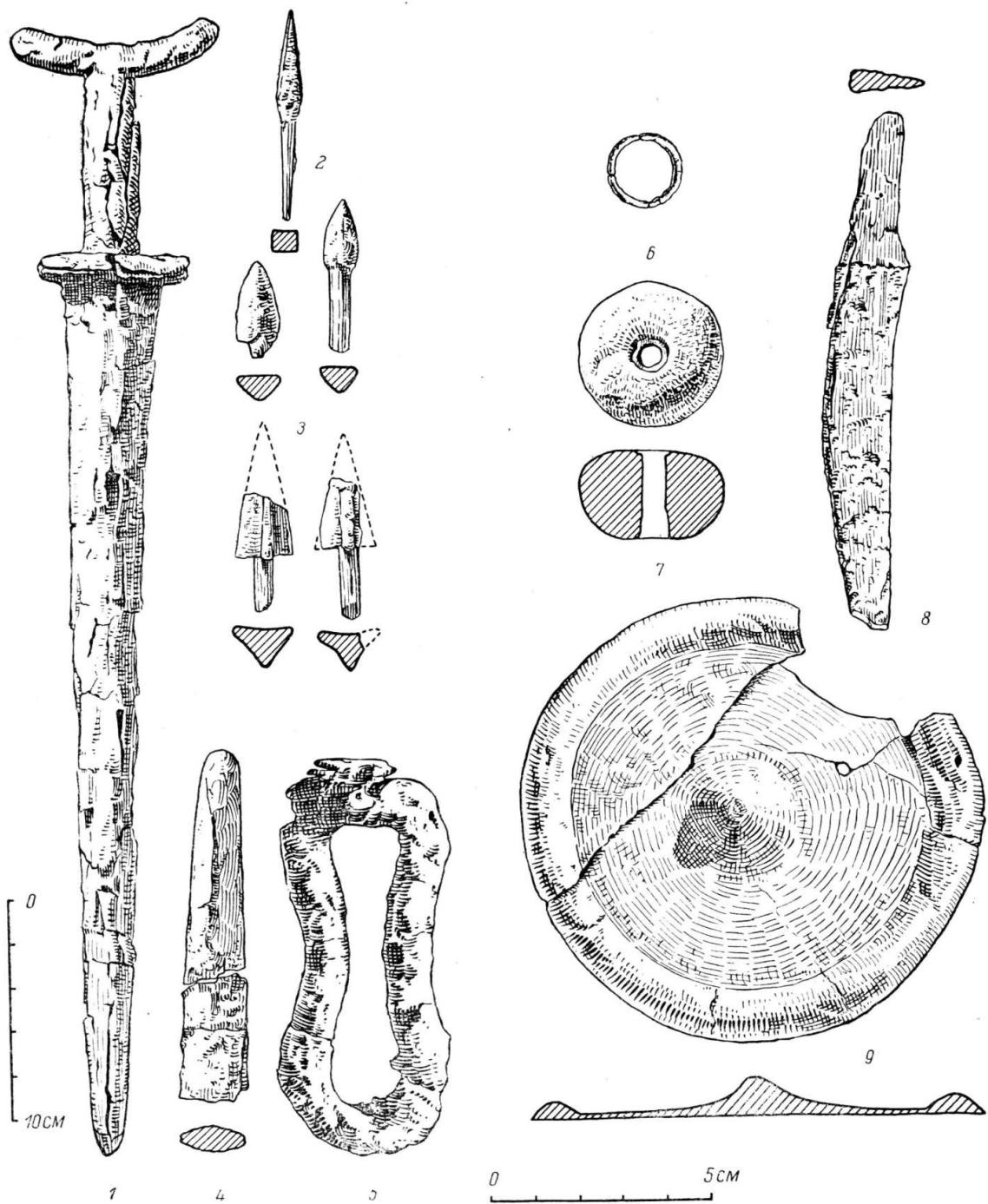

Рис. 11. Курган 30/6. Инвентарь сарматских погребений №№ 8 (6—9) и 13 (1—5).

1 — железный меч; 2 — железный наконечник стрелы с четырехгранным пером; 3 — железные наконечники стрел с трехгранными перьями; 4 — железный нож; 5 — плоское железное кресало; 6 — овальное бронзовое кольцо; 7 — шаровидно-уплощенное пряслице из песчаника; 8 — однолезвийный железный нож; 9 — подбирающиеся фрагменты круглого бронзового зеркала.

Костяк лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован на юго-восток. Череп (глубина залегания его основания 2.59 м) был несколько наклонен к левому плечу, поднятым более высоко, чем правое. Руки вытянуты вдоль туловища (кости пястья и запястия плохо сохранились). Грудные позвонки отсутствовали.

Инвентарь погребения. Погребение сопровождалось значительным

диаметр дна 7 см, наибольший диаметр на высоте 9 см от дна около 16.5 см, диаметр венчика около 10 см, средняя толщина стенок 0.5—0.7 см). Сосуд лежал наклонно на боку, днищем на восток, в сторону северо-восточной (длинной) стенки камеры, а отверстием в направлении западного угла погребальной ямы. На наружной поверхности сосуда, светло-желтой на одной стороне и темно-серой на другой, видны следы сгла-

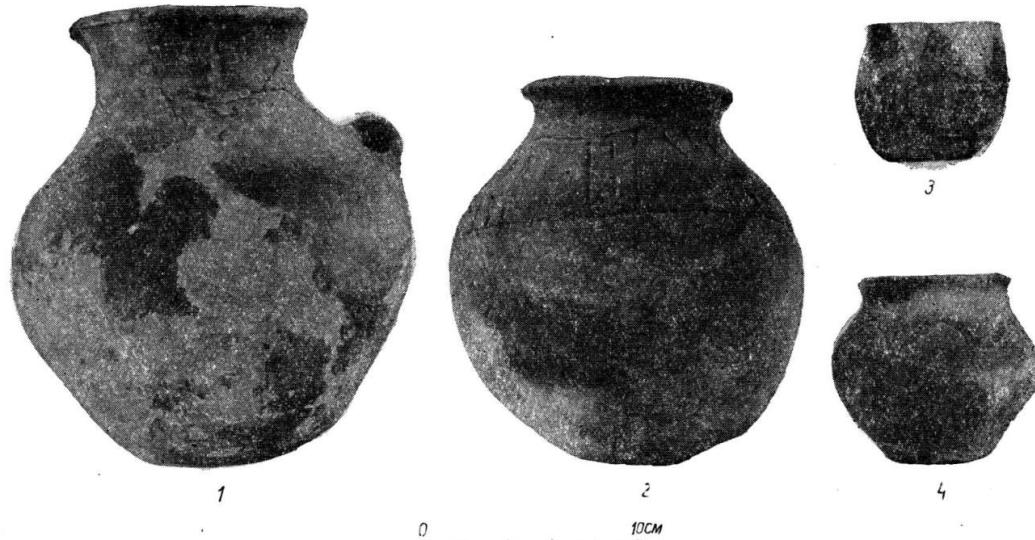

Рис. 12. Курган 30/6. Сосуды сарматских погребений.

1 — лепной орнаментированный сосуд яйцевидной формы (погр. № 8); 2 — лепной орнаментированный сосуд сферической формы (погр. № 13); 3 — лепной сосуд баночкой формы (погр. № 14); 4 — лепной орнаментированный сосуд биконической формы (погр. № 14).

и выразительным по составу инвентарем (рис. 11, 1—5). Правее костяка вдоль бедренной и верхней части берцовой костей правой ноги, параллельно им, лежал небольшой железный меч (длина 51 см) с прямым перекрестьем и завершением рукоятки в виде простой дугообразной антенны (рис. 10, 1; рис. 11, 1). Рукоятка меча располагалась ниже головки правой бедренной кости и на ней сохранилась фаланга пальца правой руки, а острие меча было обращено к нижнему эпифизу правой голени.

На той же стороне скелета, в 20 см к северу от конца меча, у костей стопы правой ноги находился лепной сарматский сосуд (рис. 10, 2; рис. 12, 2) шаровидной формы с небольшим уплощенным дном, невысоким цилиндрическим горлом и слегка отогнутым наружу венчиком (высота сосуда 19 см,

живания, особенно явные в нижней части туловища, а под горлом четко выражена полоса сажистого нагара. В верхней части сосуда, выше середины брюшка, двумя прочерченными параллельными линиями образована горизонтальная зона шириной в 5—6 см, в которой размещалось семь метоп («полотенец»), разделенных гладким пространством поверхности. Шесть метоп были образованы узором из трех параллельно прочерченных, вертикальных линий каждой, а седьмая — узором из четырех таких же линий.

На месте локтевого сустава правой руки с внутренней стороны его лежала пластинка из дерева какой-то плотной породы (рис. 10, 4), непосредственно над которой находилось пятно охры желтовато-зеленого цвета (рис. 10, 3). В границах этого небольшого пятна

были найдены плоская расслоившаяся песчаниковая галечка (по-видимому, терочка; рис. 10, 5) и небольшой, очень плохо сохранившийся и рассыпавшийся на месте обломок бронзового зеркала (рис. 10, 6), очевидно того же типа, что и обломки зеркал в других сарматских захоронениях кургана.

Слева от костей голени и стопы левой ноги, параллельно им и на расстоянии 7—14 см от них, лежали в правильном анатомическом порядке кости передней ноги барабана вместе с лопаткой (рис. 10, 7), представляющие остатки приношения пищи. Лопатка была обращена к северо-западной короткой стене камеры, а кости голени — к юго-востоку.

Под нижним эпифизом большой берцовой кости ноги барабана была сделана уникальная находка плоского железного кресала (рис. 10, 8; рис. 11, 5), имевшего форму вытянутого овала с вогнутыми посредине длинными сторонами и напоминавшего несколько своими очертаниями цифру 8 (длина кресала 9.2 см; ширина посредине, в месте сужения, 3 см; толщина железного стержня, из которого оно было выгнуто, около 0.8 см). В том же месте, но не под костью, а черенком на ней лежал железный нож (рис. 10, 9; рис. 11, 4), обращенный острием к юго-западной длинной стенке камеры. Как и кресало, он лежал в направлении, поперечном длинным костям ноги барабана.

В 17 см к северо-западу от кресала и ножа, у коленного сустава барабаньей ноги, параллельно друг другу рядом лежали 9 железных наконечников стрел (рис. 10, 10). Из их числа относительно хорошо сохранились пять (достигавших в длину 6.5 см) трехгранной (рис. 11, 3) и один четырехгранный (рис. 11, 2) формы с длинными, стержневидными черенками. На поверхности черенков местами остались следы дерева. Наконечники лежали немного наклонно и были обращены остриями на северо-запад, в сторону короткой материковой стенки могилы, а несколько глубже находившимися черенками на юго-восток, к коленному суставу ноги барабана.

В погребении мужчины совершенно отсутствовали украшения. О наличии гробовища могут свидетельствовать только очень слабые следы дерева у берцовых костей левой ноги (к тому же, возможно, что эти следы являются не остатками гробовища, а истилевшими древками 9 железных стрел, находившихся примерно здесь же).

При расчистке описанной могилы в северо-западной части длинной юго-западной стенки был открыт заполненный гумусом небольшой подбой, в котором обнаружилось захоронение ребенка в возрасте около двух лет (погр. № 14).

Устье подбоя, имевшего в плане форму, близкую к прямоугольной (размеры основания подбоя: длина 96 см, ширина в юго-восточной части 30 см, в северо-западной — 35 см), и ориентированного длинной осью, так же как и основная могила, с северо-запада на юго-восток, начиналось у западного угла камеры и шло в юго-восточном направлении вдоль стенки могилы на протяжении 92—95 см. Короткая северо-западная стенка подбоя продолжала линию северо-западной стенки погребальной камеры, а юго-западная (внутренняя) граница подбоя шла параллельно краю юго-западной стенки могильной ямы. Высота свода над дном подбоя у устья достигала 30 см.

Погребение № 14 (рис. 10, 11—17). Погребение ребенка, открытое в подбое, находилось в деревянном гробу (рис. 10, 11), у которого относительно четко прослеживались остатки двух длинных сторон: одной на границе подбоя и погребальной камеры и другой, параллельной, в глубине подбоя. Скелет ребенка лежал в вытянутом положении (кости ног немного сближались в коленях), с руками, расположеннымными вдоль туловища, и был ориентирован, как и скелет мужчины, на юго-восток. Череп ребенка (глубина захоронения 2.74 м) раздавлен, плохо сохранились и остальные кости, лежавшие, однако, на месте. Из числа последних особенно сильно поврежденными оказались кости правой руки и голени ног.

Стопы обеих ног ребенка лежали почти вплотную к короткой северо-западной стенке, а между черепом и противоположной короткой стенкой подбоя (т. е. юго-восточной) было свободное поле шириной до 22 см.

Инвентарь погребения. С правой стороны черепа находилось два небольших глиняных лепных сосуда (рис. 10, 12, 13). Первый из них (рис. 12, 4) — черного цвета, расположенный юго-восточнее второго, — имел биконическую форму, едва намеченное цилиндрическое горло, слегка отогнутое у края наружу, и был украшен выше плавного перегиба брюшка прочерченным орнаментом в виде волнообразного зигзага, переданного двумя параллельными

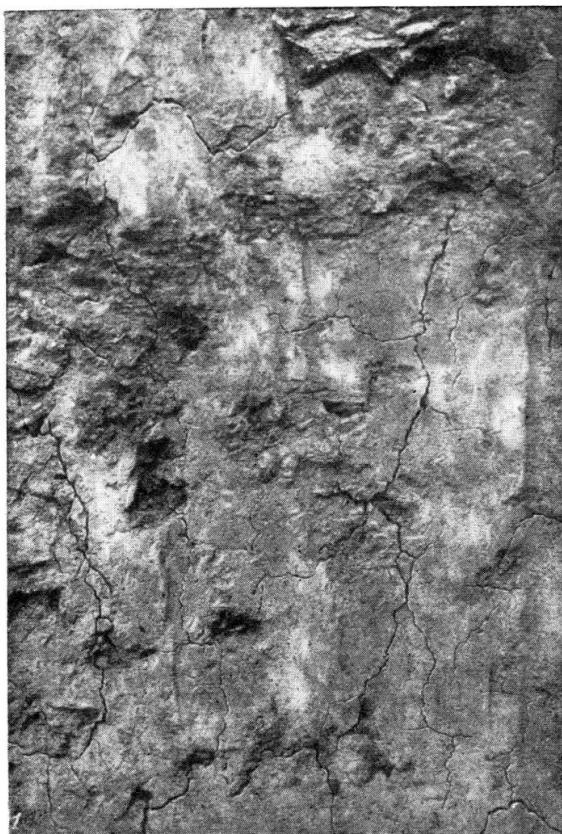

Рис. 13. Курган 30/6. Следы работы инструментом на стенах могилы № 8.

1—юго-восточная стенка; 2—восточный угол могилы.

линиями. Поверхность сосуда темно-серая, со следами сглаживания. Сосуд стоял на дне и был обращен отверстием вверх (высота сосуда 10.5 см, диаметр дна 4.5 см, наибольший диаметр 10.5 см). Второй — желтовато-серый, тонкостенный, неорнаментированный сосудик баночной формы, со слегка вздутым брюшком (высота 6.8, диаметр дна 4.7, наибольший диаметр туловища 7 см, диаметр венчика 6.4 см; рис. 12, 3) — лежал на боку и был обращен отверстием к правой скеловой кости черепа, а дном к устью подбоя.

Кроме сосудов, погребение сопровождалось украшениями — бусами и бисером различных типов, размещенными главным образом вдоль костей конечностей (особенно в нижней части левой голени). У черепа встречено скопление мелких стеклянных бисеринок синего цвета (рис. 10, 14; рис. 6, 27, 28), а у правого плеча — синие бочонкообразные пастовые бусы (рис. 10, 15; рис. 6, 31, 32) и несколько костяных бус низкой цилиндрической формы (рис. 10, 15; рис. 6, 33). Браслет из желтого бисера находился на локте левой руки (рис. 10, 16; рис. 6, 26), а отдельные стеклянные бисеринки синего и, реже, молочного или зеленого цвета, как и пастовые бисеринки желтого и серого цвета, встречались на пястьях обеих рук, в области таза и в других местах. Синие пастовые бусы в форме бочонка, одиночные зеленые и синие пастовые бусы в форме цилиндра, опоясанного круговым желобком посередине (всего 4 экз.; рис. 6, 29), цилиндрические желтые и светло-зеленые пастовые бусы с тремя рядами бугорков («глазков») на боковой поверхности, расположенных обычно в шахматном порядке (рис. 6, 30), встречались на всей площади погребения в пределах наметившихся границ гробовища и особенно часто, как уже указывалось выше, у нижних эпифизов берцовых костей левой ноги. Кроме того, здесь же (рис. 10, 17) была найдена небольшая треугольная подвеска из светло-желтого стекла со сквозным отверстием в верхней части (рис. 6, 25).

Заканчивая описание группы из пяти погребений сарматского времени, размещенных в двух примыкающих и частично прорезающих друг друга камерах, следует хотя бы предположительно выяснить характер связи, существовавшей в прошлом между погребенными и наследшей некоторое отражение в особенностях захоронения.

Как нам кажется, взаимно обусловленная планировка камер и, возможно, их тождественная ориентировка свидетельствуют о том, что перед нами не случайное совпадение местоположения двух ничем не связанных взрослых захоронений, сопровождаемых детскими погребениями. В ранней могиле находилось погребение женщины с ребенком, а в несколько более поздней — мужское захоронение также с ребенком в возрасте двух лет. На этом основании можно предположить, что здесь были обнаружены захоронения членов одной семьи, погребенных в два приема в двух последовательно открытых могилах.

В подтверждение этой мысли, вероятно, может быть приведено следующее наблюдение. С внешней стороны стопы мужского костяка (№ 13) находился уже описанный сосуд сферической формы (стр. 367). Удалось установить, что и при женском захоронении (№ 10) в той же части скелета был помещен аналогичный сосуд, смещенный со своего места и разбитый в тот момент, когда северо-западный угол камеры прорезала вторая могильная яма (№ 13), причем кости голени правой ноги женского скелета и кости обеих ног детского костяка (№ 11) вместе с находившимся при них инвентарем были выброшены. О допустимости такого предположения свидетельствует находка части венчика сарматского горшка в засыпи могилы № 10 на месте отсутствующих костей правой голени женщины и фрагментов этого же сосуда (части туловища; рис. 7, А, 6) в засыпи могилы мужчины (№ 13). Найденные в двух могилах фрагменты собираются вместе и составляют около половины сосуда (рис. 5, 5) немного вытянутой, оvoidной формы со слегка отогнутым наружу краем венчика (высота сохранившейся части сосуда без дна 12.5 см).

Таким образом, сопоставленные нами погребения сближаются некоторыми деталями обряда, отличающими их от других сарматских захоронений (так, например, сосуд, сопровождающий другое сарматское погребение в грунтовой камере, занимал совсем иное место относительно костей скелета; см. стр. 374, погр. № 8). Более затруднительно установить связь между, очевидно, самым поздним захоронением в рассматриваемой группе — погребением младенца (№ 12) и остальными четырьмя захоронениями.

Последнее сарматское захоронение из числа выявленных в кургане — погребение № 8 — было открыто в материевой погребальной камере, расположенной под центральной, наиболее высокой частью насыпи восточнее нулевого пикета. Камера имела такую же прямоугольную форму, как и яма погребения № 13, но была значительно более глубокой и более тщательно сделанной.

Контуры верхней части камеры определились на глубине 2.10—2.20 м по пятну заполнения и расположенному вокруг него материевому выбросу. Обнаруженные на горизонте зачистки у покатых плечиков камеры горизонтально залегающие остатки деревянных плах и истлевшего камыша (куги) позволяют предполагать, что расчистка могилы велась с той поверхности, на которой находилось несохранившееся перекрытие из дерева и куги (обрывки истлевшего дерева и куги встречались также при выборке грунта из могильной ямы).

Камера была заполнена серым мешанным гумусом, резко отличавшимся по цвету и плотности от стенок ямы, вырытой в материевом суглинке, и легко отделявшимся от них. Благодаря этому обстоятельству при выборке заполнения удалось полностью сохранить древнюю поверхность стенок ямы, покрытую белым налетом выпавших солей. На стенах отчетливо различались следы работы тесловидным металлическим инструментом со слегка выпуклым рабочим краем, имеющим посередине желобок. Эти следы имели форму неглубоких, длинных, узких срезов с параллельными сторонами и выпуклой линией посередине (рис. 13, 1). Они ориентировались, как правило, вертикально, а иногда с легким наклоном. В углах камеры, прямых у дна могилы и немного закругляющихся в верхней части, выявились следы от особенно сильных и глубоких затесов, нанесенных, вероятно, ребром орудия (рис. 13, 2).

Одновременно при расчистке было установлено, что северо-западный угол могилы сарматского времени прорезал верхнюю часть северо-восточного угла и примыкающий к ней отрезок короткой восточной стенки камеры с погребением эпохи бронзы (захоронение № 9; рис. 14). Последнее было расположено западнее погребения № 8, а между пересекающимися стенками двух могил образовался разделяющий их треугольный материевый выступ. Заполнение сарматской камеры отличалось от заполнения могилы

эпохи бронзы большей плотностью, и в месте прорезания одной ямы другой оно несколько вдавалось в более древнюю яму.

В связи с тем, что горизонтальное дно сарматской камеры лежало выше дна могилы времени бронзы на 12—14 см, погребение № 8 совершенно не потревожило окрашенное и скорченное захоронение эпохи бронзы, а также не разрушило ни нижней части прорезанного отрезка стенки, ни находившейся здесь угловой столбовой ямы.

Погребение № 8 (рис. 15). Камера погребения № 8 (средняя длина 2.22 м, ширина от 0.94 до 1.05 м) была ориентирована длинной осью по линии СЗ—ЮВ (оси камер №№ 8 и 9 пересекались под углом около 120°). Она несколько расширялась в нижней части, и ее круто спускающиеся стенки немного нависали над дном могилы, что было особенно заметно в ее углах (высота ее вертикальных стенок от дна до площадки покатых плечиков составляла 1.28—1.32 м).

В нижней части могильной ямы вдоль всех четырех стенок шел узкий (ширина до 4—5 см), невысокий карнизиц (высота уступа карниза над материевым дном до 10 см), повторяющий в целом прямоугольную форму камеры (рис. 13, 2). На поверхности материевых стенок могилы выше площадки карниза (особенно в средней части северо-восточной стенки) были заметны следы от стоявших в прошлом вертикально деревянных плах и истлевшей куги (камыша), волокна которой располагались горизонтально (т. е. поперечно относительно остатков дерева). Все это позволяет предполагать, что в древности стены камеры были облицованы деревом и затем изнутри обложены камышом, а карниз в ее нижней части служил для упора нижних концов деревянных плах предполагаемой обкладки.

Погребение, расчищенное в этой камере, принадлежало женщине среднего возраста. Оно находилось в гробовице прямоугольной формы (рис. 15, 1), шириной около 0.67 м, у которого хорошо прослеживалась длинная северо-восточная стенка на протяжении 1.60 м, а длинная юго-западная и короткая северо-западная стенки сохранились более фрагментарно. Гробовице помещалось на тонком слое гумусной подсыпки, мощностью от 1.5 до 3 см. Несмотря на плохую сохранность костей погребения, многие из которых прослеживались только по полосам желтоватой трухи, положение кости в могиле устанав-

ливается совершенно точно. Он лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, и был ориентирован

Инвентарь погребения.
Кроме остатков приношения пищи в виде костей ноги барана (рис. 15, 2), лежащих

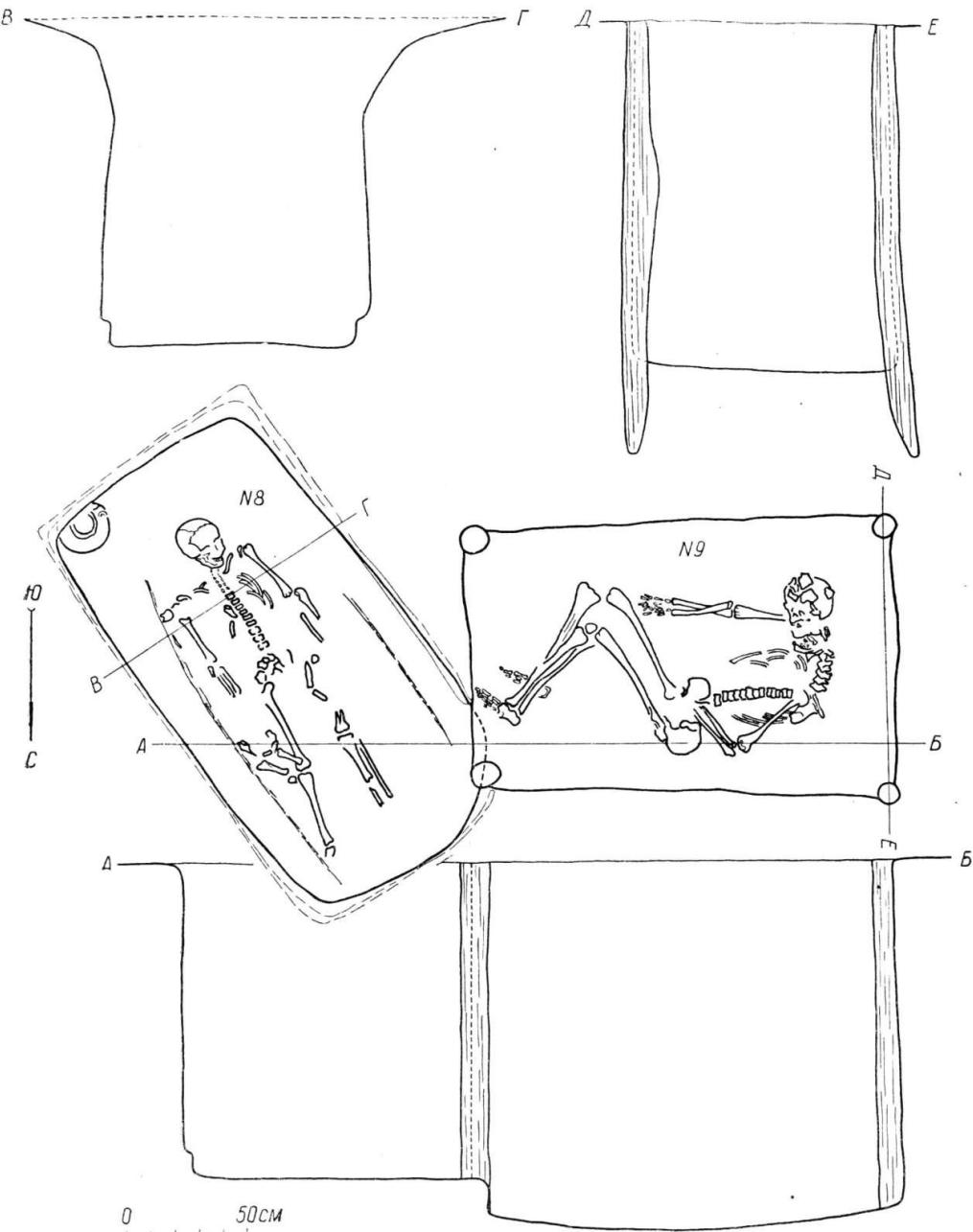

Рис. 14. Курган 30/6. Могильные ямы погребений №№ 8 и 9. План и профили.

на юго-восток. Сравнительно хорошо сохранившийся череп (глубина залегания 3,36 м) был слегка наклонен к левому плечу.

в анатомическом порядке внутри гробовища между его северо-восточной стенкой и правой бедреннойостью скелета, погребение

сопровождалось набором вещей, типичных и для других женских сарматских захоронений, открытых в кургане. Сегментовидный обломок зеркала (рис. 15, 3), типа уже известного нам по инвентарю погребений №№ 2 и 5, находился юго-восточнее черепа на расстоянии 13.5 см от теменной кости, рядом с крупницами реальгара. Основная часть того же зеркала с пробитым сквозным отверстием (рис. 15, 4) лежала севернее — у проксимального эпифиза правой плечевой кости, с ее наружной стороны. Оба обломка собираются вместе и составляют почти целое зеркало (рис. 11, 9), у которого отсутствует только небольшая часть. Лицевая сторона зеркала, оба фрагмента которой были обращены наверх, гладкая; противоположная сторона, тыльная, имеет в центре утолщение конической формы и по краю выпуклый валик (диаметр зеркала 10.3 см, его средняя толщина 2—2.5 мм; ширина валика 1.2 см, его высота над тыльной поверхностью около 3 мм). Отметим, что оба обломка зеркала были обращены к костику внешним выпуклым краем с валиком.

Севернее большого фрагмента зеркала, острием к нему, а осью параллельно северо-восточной стенке гробовища, лежал железный однолезвийный нож (рис. 15, 5; рис. 11, 8) слегка изогнутой формы (длина ножа вместе с черенком 11.8 см). На обеих сторонах лезвия ножа и особенно на более тонком черенке сохранились следы дерева, являющиеся, по-видимому, остатками не только рукоятки, но и футляра.

Южнее теменной кости черепа было найдено круглое, шаровидно-уплощенное пряслице (рис. 15, 6; рис. 11, 7) из рыхлого песчаника розоватого цвета (диаметр 3.4 см, высота 2.2 см, диаметр цилиндрического отверстия 6.5 мм). В этой же части погребения на

Рис. 15. Курган 30/6. Погребение № 8.

1 — остатки гробовища; 2 — кость ноги барана; 3, 4 — фрагменты бронзового зеркала; 5 — железный нож; 6 — пряслице (песчаник); 7 — бронзовое кольцо; 8—10 — стеклянный бисер и пастовые бусы; 11 — треугольная стеклянная подвеска; 12 — тлен от ткани; 13 — медная спираль; 14 — обломок песчаника; 15 — сосуд.

левой височной кости черепа находилось очень сильно окислившееся овальное бронзовое кольцо (рис. 15, 7; рис. 11, 6; сечение проволоки 2.5 мм, ось овала около 18 мм).

Украшения, состоящие из небольших скоплений стеклянного бисера темно-синего

Рис. 16. Курган 30/6. Погребение № 8. Отпечатки ткани на костях грудной клетки скелета.

и желтого цвета (рис. 6, 18) и из более редко встречающихся, очень мелких, желтых пастовых бусинок (рис. 6, 17), сосредоточивались в трех местах скелета: у правой ключицы и вдоль правой ветви нижней челюсти (рис. 15, 8; 31 экз.), на локтях правой (рис. 15, 9; 39 экз.) и особенно левой руки (рис. 15, 10; 55 экз.), где неподалеку лежала и подвеска треугольной формы из светлого стекла (рис. 15, 11; рис. 6, 19), точно повторяющая аналогичный тип подвески из погребения № 14. Эти скопления бисера и пастовых бус являются, по-видимому, остатками низок, нашитых в древности на одежду.

Отметим попутно, что правее позвонков грудного отдела скелета в области грудной клетки прослеживался тлен от ткани одежды (рис. 15, 12; рис. 16).

Примерно посередине длинной северо-восточной стенки гроба против костей предплечья правой руки находилась стоящая на ребре медная спираль в два витка (рис. 15, 13; сечение проволоки 2.5 мм, диаметр спирали 12—14 мм),¹ а у верхней части большой берцовой кости левой ноги с ее внутренней стороны был обнаружен обломок мелкозернистого, пористого, белого песчаника пирамидальной формы (рис. 15, 14).

Кроме описанных вещей, найденных в границах гробовища, за его пределами у короткой юго-восточной стенки камеры, вблизи от ее восточного угла, стоял сосуд яйцевидной формы (рис. 15, 15; рис. 12, 1; высота 22 см, наибольший диаметр 18.5 см). Он имел небольшое, слегка выпуклое дно и невысокое, расширяющееся к отверстию горло (диаметр венчика 12 см), основание которого было отмечено двумя неглубокими, желобчатыми, горизонтальными каннелюрами. В верхней части сосуда на его внешней поверхности, несколько ниже основания горла, находилось вертикально поставленное небольшое ушко ленточной формы. Это ушко было слепым и имело на обеих боковых сторонах довольно глубокие вдавлины, выполненные пальцем. Поверхность сосуда, коричневато-желтая в одних местах и темно-серая в других, сохранила на себе мелкие штриховые следы сглаживания (по-видимому, пучком травы).

В заключение описания сарматских погребений кургана 30/6 уместно остановиться на некоторых особенностях этой группы захоронений.

1. Более ранние сарматские погребения (№№ 8, 10—14) находились в прямоугольных, более или менее глубоких грунтовых ямах, вырытых одними и теми же приемами при помощи теслообразного металлического инструмента. В стенке одной подобной камеры имелся неглубокий подбой с детским погребением, наличие второго подбоя на основании ряда признаков можно предположительно реконструировать в погребениях №№ 10—11.

¹ При разборке погребения спираль рассыпалась.

2. Захоронения в грунтовых ямах вне зависимости от пола и возраста погребенного ориентировались на юго-восток и сопровождались глиняными сосудами. Несколько более поздние погребения (№№ 2, 5), обнаруженные в насыпи кургана на глубине 1—2 м, были ориентированы отлично от них: № 2 на север-северо-запад, № 5 — на северо-восток.

3. Наиболее типичными предметами, сопровождавшими женские захоронения, являются обломки круглых бронзовых зеркал (исключение — погр. № 10), пряслица (исключение — погр. № 5) и кусочки реальгара. Среди сарматских захоронений кургана преобладали погребения женщин (4 захоронения) и детей (3 захоронения), мужское захоронение было встречено только в одном случае.

3. Погребения эпохи бронзы

Древнейшими захоронениями кургана оказались погребения эпохи бронзы (№№ 4, 6, 9, 15—17). Наиболее раннее из них (№ 9) относится к ямно-катаомбному времени, а самое позднее (№ 15) — к рубежу II и I тысячелетий до н. э.

Из шести открытых и изученных захоронений этого периода два находились в насыпи (№№ 4 и 6), а остальные четыре — в могилах, впущенных в материк.

По устройству грунтовых могил погребения могут быть разделены на три типа:

- 1) захоронение в катакомбе (№ 15);
- 2) два захоронения в ямах прямоугольной, почти квадратной формы с отвесными стенками (№№ 16 и 17);¹

- 3) захоронение в глубокой прямоугольной камере под центром насыпи (№ 9).

Погребение № 15 (в катакомбе; рис. 17, 18). Колодец, ведущий в катакомбу, был открыт в северо-восточном секторе насыпи и расчищался с глубины 2,35—2,40 м, на которой определились его границы.

Заполнение колодца состояло из сырого гумуса темного цвета, смешанного с суглинком и скальвавшегося комьями. Особенно плотным оно было у короткой, несколько

вогнутой юго-западной стенки, образуя подобие пробки, закрывавшей открытый впоследствии здесь вход в катакомбу (рис. 17, 1).

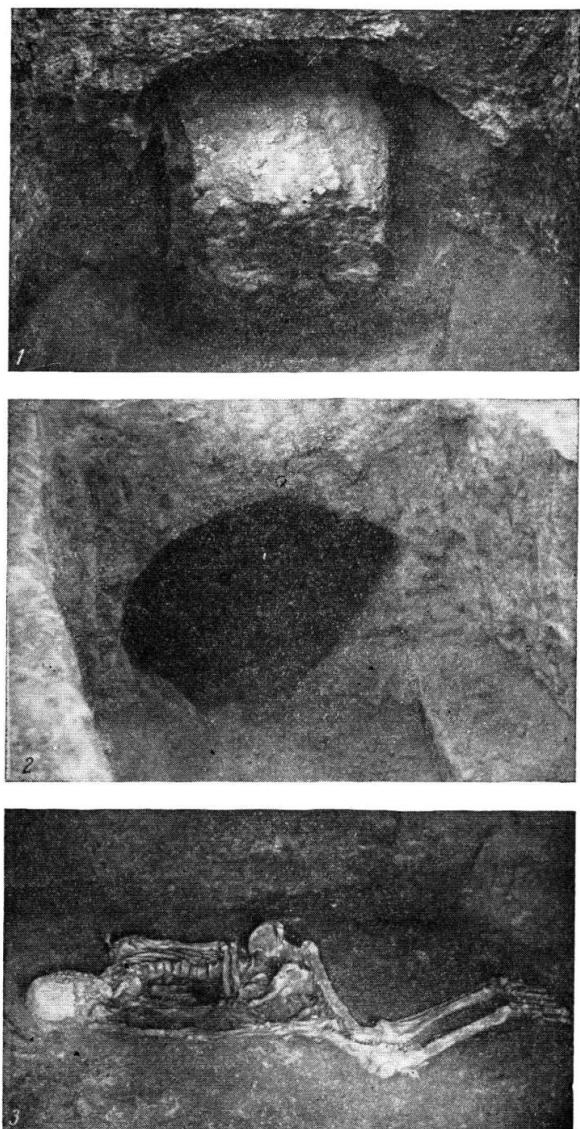

Рис. 17. Курган 30/6. Погребение № 15.

1 — «пробка», закрывавшая вход в катакомбу; 2 — вход в катакомбу; 3 — погребение.

Эта юго-западная стенка, как и примыкающие к ней отрезки двух длинных боковых стенок, была наклонной, и ее верхняя часть нависала над дном, выдаваясь в северо-восточном направлении на 25—30 см. В це-

¹ Кроме этих двух погребений, по-видимому, в подобных же ямах находились и верхние погребения, открытые в насыпи (№№ 4 и 6). Форму их могил не удалось установить, но положение скелетов, обнаруженных здесь и в ямах подквадратной формы, аналогично.

лом вертикальный входной колодец (рис. 18) имел в плане форму вытянутой равнобедренной трапеции (размеры его сторон на горизонте, с которого началась расчистка:

На стенах колодца прекрасно сохранились следы работы, оставленные при его рывье (рис. 17, 2), в виде отчетливых, вертикально ориентированных, прямых желоб-

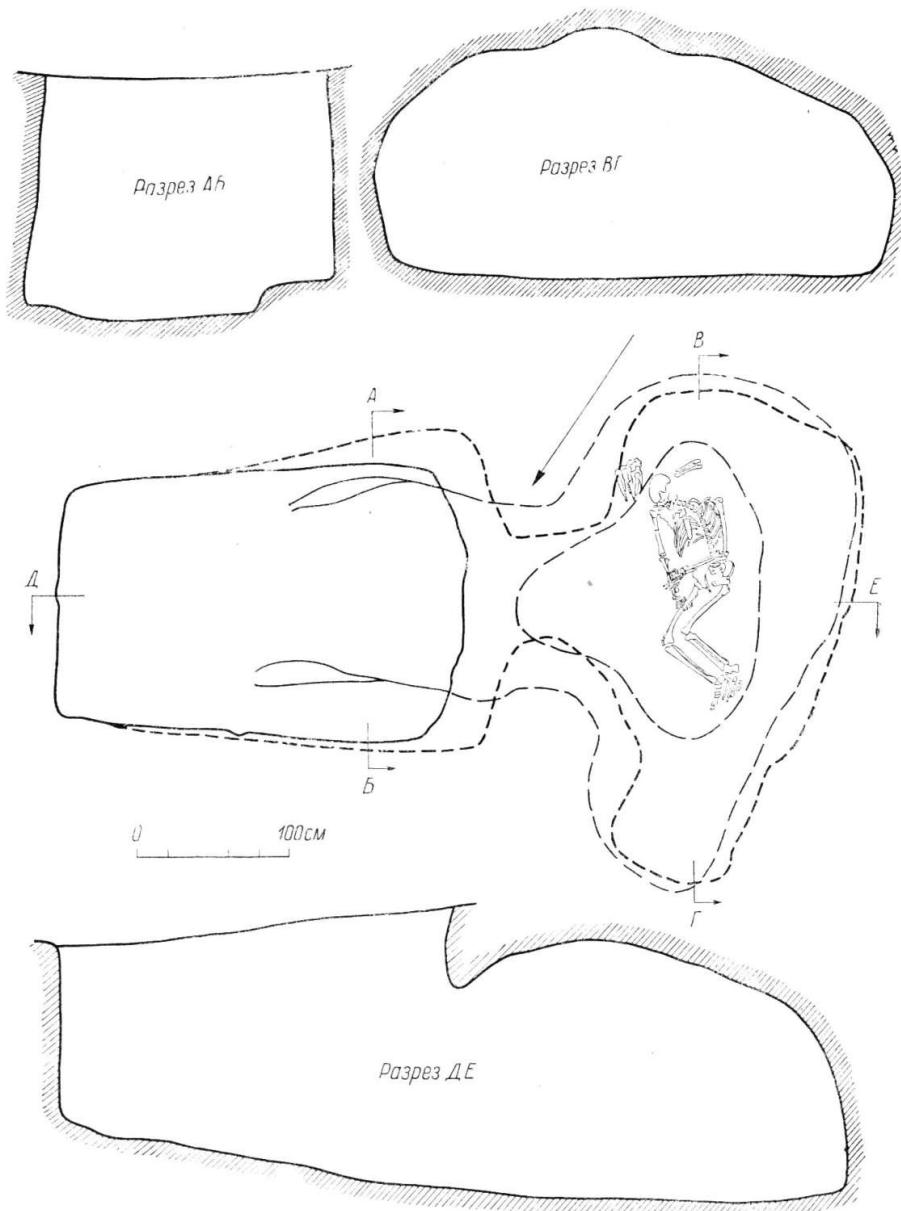

Рис. 18. Курган 30/6. Погребение № 15. План и разрезы катакомбы.

длинных боковых, северо-западной и юго-восточной,— около 2.4 м, короткой северо-восточной—1.5 м и противоположной ей, юго-западной, по прямой, соединяющей два угла,— 1.8 м).

ков (их обычная ширина от 1.5 до 1.8 см, длина до 27—28 см) с залощенной поверхностью, покрытой белесым налетом солей в отличие от коричневой материковой стенки. Эти желобчатые полосы, отличные от сле-

дов работы, оставленных на стенках сарматских камер, располагались параллельно на расстоянии 8—12 см (в среднем 10 см) один от другого. По этим следам можно восстановить способ рытья колодца: его рыли, загоняя ударами вертикально поставленные клинья на глубину 15—30 см и скользя таким образом крупные куски материального суглинка.

Дно колодца было наклонено с северо-востока на юго-запад, в направлении к устью катакомбы, где он был глубже на 40 см (глубина колодца у северо-восточной стенки 3.84 м, в середине колодца 3.98 м, у входа в катакомбу 4.23 м). В этой наиболее глубокой части колодца вдоль его длинных боковых стенок у дна имелись две ступеньки. Ось колодца была ориентирована с северо-востока на юго-запад (длина колодца по оси 2.66 м). Вход в катакомбу, поврежденный временем, имел овальную форму (высота 1.26 м, наибольшая ширина 1.4 м).

В заполнении катакомбы, у которой потолок свода осыпался в древности, четко различались три горизонтальных слоя: нижний — из плотного материального суглинка, с трудом отличающегося от суглинка стенок (мощность до 45 см), средний — из плотного гумусированного суглинка (мощность до 22 см) и верхний — из мелких комьев сухого светлого суглинка (мощность до 10 см). Между верхней поверхностью последнего слоя и сводом катакомбы была небольшая полость, свободная от земли.

В плане несколько деформированная ось погребения, длинная ось которой была ориентирована с северо-запада на юго-восток, под углом 80° к оси входного колодца, имела форму вытянутого, неправильного овала, более широкого в юго-восточной части и суживающегося в северо-западном направлении (длина камеры по оси 3.35 м, наибольшая ширина 2.1 м). Ее поднимающийся к центру свод находился на высоте до 1.68 м от дна.¹

Сравнительно хорошо сохранившееся погребение (рис. 17, 3; рис. 18) находилось в юго-западной части катакомбы на ее материиковом дне, покрытом в этом месте тонким пятном буро-коричневого цвета. Скелет мужчины зрелого возраста, ориентирован-

ный на юг-юго-восток, лежал на спине со значительным наклоном на правый бок. Челеп (глубина залегания 4.12 м) был также наклонен к правому плечу. Ноги были согнуты в тазобедренном и коленном суставах, и соответствующие кости лежали параллельно друг другу. Нижние эпифизы костей голени и стопы обеих ног были интенсивно окрашены пятном красной охры. Правая рука была вытянута вдоль туловища и ее кисть перекрывала среднюю часть правой бедренной кости, а левая рука, плечевая кость которой ориентирована параллельно позвоночнику, была согнута в локте под прямым углом и ее кисть лежала на дистальных концах костей предплечья правой руки. Длина костяка в скорченном положении от темени черепа до фаланг правой ноги составляла 1.66 м.

Погребение сопровождалось приношением пищи. В 0.05 м к юго-востоку от теменной кости мужского черепа находился целый череп барана, лежавший на левых скелетных костях и обращенный лицевой частью в сторону погребенного, а у затылочной кости обнаружены две длинные кости конечности барана, ориентированные поперечно относительно оси захоронения. Вещи в погребении отсутствовали.

Погребение № 16 (рис. 19). Яма, близкая по форме к квадратной, со сторонами 1.25—1.35 м, с несколько неправильными стенками и закругленными углами, была ориентирована по странам света с отклонением от них по часовой стрелке на 14—15°. Ее заполнение состояло из рыхлого бурого гумуса с примазками суглинка. На вертикальных стенках ямы различались следы работы, совершенно тождественные со следами, открытыми на стенах рядом расположенной грунтовой могилы № 17, где они были более отчетливыми.

О наличии в древности над квадратной могилой перекрытия свидетельствуют, по-видимому, остатки куги, располагавшейся в верхней части западной стенки, и обрывки деревянных плах, лежавших у дна могилы (рис. 19, 1).

Костяк мужчины зрелого возраста, ориентированный на юг, лежал на правом боку. Ноги его были сильно согнуты как в тазобедренном, так и в коленном суставах. Раздавленный череп (глубина залегания 2.43 м) несколько сместился вправо. Плечевые кости обеих рук шли вдоль туловища, а кости

¹ Учитывая проишедшие обвалы потолка, можно предполагать, что действительная высота катакомбы не превышала в прошлом 0.8—0.9 м.

предплечья, согнутые в локтевых суставах под прямым углом и также лежавшие па-

хой. Пятна красного и желтого цвета размешались в нескольких местах на дне могилы.

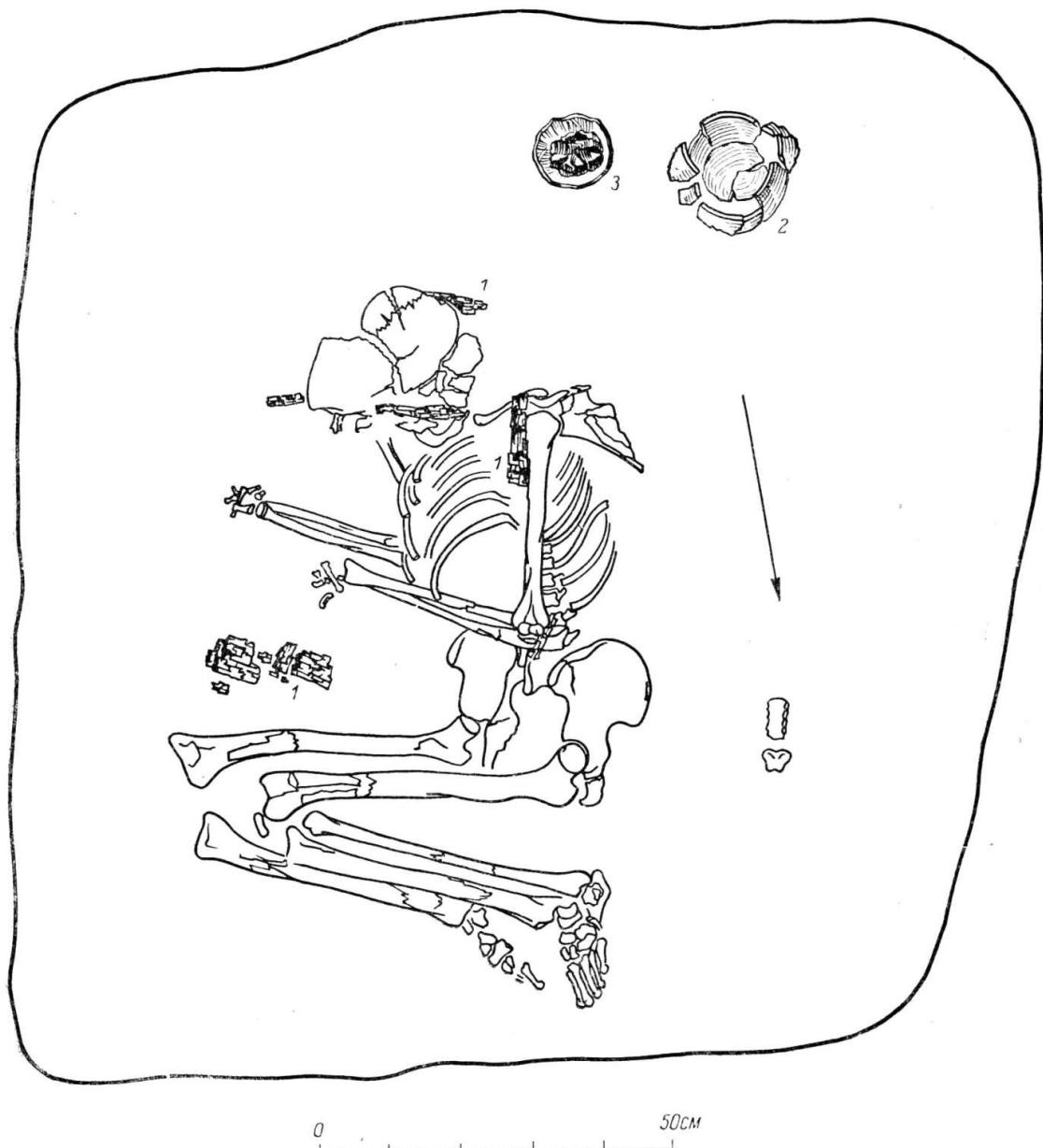

Рис. 19. Курган 30/6. Погребение № 16.

1 — остатки деревянных плах; 2 — лепной орнаментированный горшок; 3 — днище толстостенного лепного горшка с углами (жаровня).

параллельно друг другу, были обращены кистями к восточной стенке.

Кости скелета (особенно череп и таз) были интенсивно окрашены ярко-красной

Инвентарь погребения. Он состоял из горшка (рис. 19, 2) и днища толстостенного сосуда с углами — жаровни (рис. 19, 3), помещенных вдоль западной

половины южной стенки камеры, в 30—35 см к юго-западу от черепа.

Сосуд (рис. 20, 1), раздавленный землей, находился западнее жаровни, ближе к юго-западному углу могилы. Это горшок (высота 12 см) с шаровидным туловом (наибольший диаметр 16 см), с небольшим, слегка вдав-

ленным посередине дном (диаметр dna 9 см) и низким цилиндрическим горлом (диаметр по венчику 12 см). Внешняя серовато-бурая сглаженная поверхность сосуда, покрытая темными пятнами нагара, сплошь орнаментирована: от dna до плавного перехода к горлу — отпечатками гребенчатого штампа, образующими узор в виде «елочки», у основания горла — двумя горизонтальными рядами спиралевидных вдавлив (отпечатков конца раковины?), выше основания — двумя горизонтальными линиями отпечатков узкого шнура.

В качестве жаровни (рис. 20, 2) использована нижняя часть более грубо выделанного глиняного сосуда (диаметр dna 11 см).

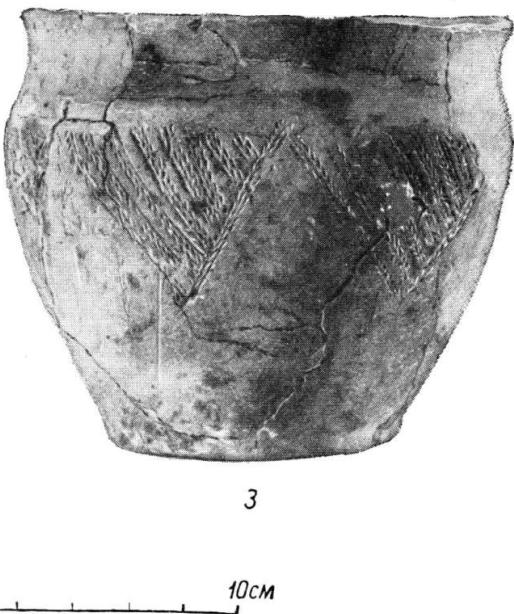

Рис. 20. Курган 30/6. Сосуды погребений эпохи бронзы.

1 — лепной орнаментированный горшок (погр. № 16); 2 — днище лепного толстостенного сосуда-жаровни с углами (погр. № 16); 3 — лепной орнаментированный горшок (погр. № 4).

ленным посередине дном (диаметр dna 9 см) и низким цилиндрическим горлом (диаметр по венчику 12 см). Внешняя серовато-бурая сглаженная поверхность сосуда, покрытая темными пятнами нагара, сплошь орнаментирована: от dna до плавного перехода к горлу — отпечатками гребенчатого штампа, образующими узор в виде «елочки», у основания горла — двумя горизонтальными рядами спиралевидных вдавлив (отпечатков конца раковины?), выше основания — двумя горизонтальными линиями отпечатков узкого шнура.

В качестве жаровни (рис. 20, 2) использована нижняя часть более грубо выделанного глиняного сосуда (диаметр dna 11 см).

тельно глубокими штрихами расчесов, полученных при помощи гребенки.

В нижнем горизонте заполнения камеры прослежены остатки плахи (длина 28 см, ширина 12 см, толщина до 6 см), лежащие южнее правого бедра. Кроме этого, обрывки дерева находились у затылочной и лицевой частей черепа, у верхней части плечевой кости и на локте левой руки. Все остатки дерева располагались параллельно оси могильной ямы, что, по-видимому, отражает устройство перекрытия в прошлом.

Погребение № 17. Оно было ограблено в древности, и поэтому в данном случае пришлось ограничиться изучением конструкции камеры и остатков погребаль-

ного инвентаря. Яма квадратной формы (стороны равны 1.68—1.80 м), с закругленными углами; она находилась южнее предшествую-

Рис. 21. Курган 30/6. Подбирающиеся фрагменты сосуда из погребения № 17.

щей, отделяясь от нее тонкой материковой перемычкой (толщина перемычки в западной части 40 см, в восточной — 80 см). Обе ямы имели одинаковую форму и были вырыты при помощи общих технических приемов, которые особенно хорошо прослеживались на южной стенке ямы № 17. На ее поверхности, покрытой белесым налетом, отчетливо были видны оставленные древним землекопным орудием вертикальные заглаженные полосы, отстоящие одна от другой в среднем на 4—5 см (длина их до 35—38 см, ширина 2.5 см, глубина около 0.3 см).

Оси ямы № 17, более глубокой, чем яма погребения № 16 (дно могилы № 17 находилось на глубине 3.46 м), отклонялись от стран света на 35° по часовой стрелке.

В гумусном заполнении ямы № 17 на 40 см выше дна были обнаружены остатки деревянной плахи, лежащие по оси камеры в направлении СЗ—ЮВ (следы перекрытия?). На материковом дне могилы выявились пятна красной и желтой охры и была найдена одна

кость животного (остатки приношения пищи?). Какие бы то ни было кости человеческого скелета полностью отсутствовали, и это позволяет предполагать, что покойник, по-видимому, был извлечен из могилы до того, как его труп разложился, а полость могилы вскоре после этого заплыла землей.

Инвентарь погребения. В западном углу ямы в ее заполнении на протяжении 80 см обнаружены подбирающиеся обломки одного и того же толстостенного, довольно крупного сосуда (рис. 21), внешняя желтовато-серая поверхность которого сплошь орнаментирована отпечатками широкого гребенчатого штампа — «елочкой». При этом выше всего лежали обломки, найденные у стенок камеры, и значительно ниже их находились фрагменты, рас-

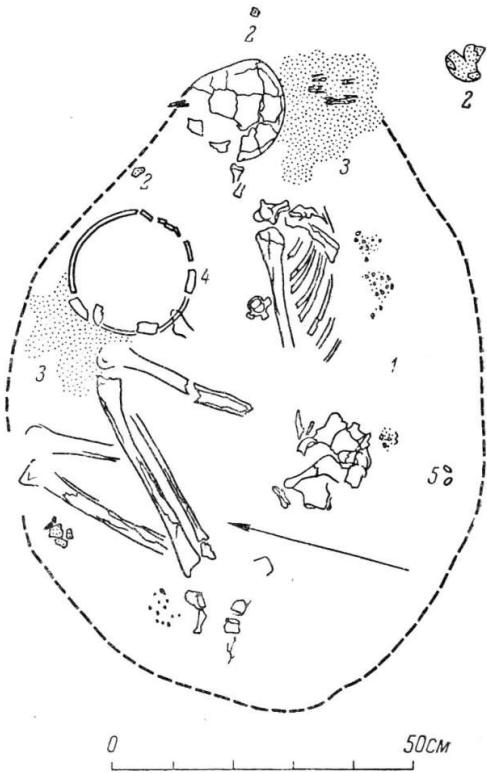

Рис. 22. Курган 30/6. Погребение № 4.
1 — красно-буровое пятно на дне могилы; 2 — куски ярко-красной охры; 3 — пятна ярко-красной охры; 4 — горшок; 5 — костиные бусы.

положенные ближе к центру. Возможно, что глубина залегания этих фрагментов отвечает наклонной поверхности того земляного заплыва, который проник в полость ямы после

ее ограбления. Вместе с землей в камеру сползли и куски выброшенного из могилы и разбитого сосуда.

Таким образом, несмотря на полное разрушение захоронения в древности, очевидно, что в этой камере, аналогичной по форме и приемам сооружения (следы работы, остатки деревянного перекрытия) камере погребения № 16, находилось скорченное и окрашенное захоронение, сопровождаемое глиняным сосудом эпохи бронзы. Как было указано выше, в таких же, вероятно, ямах находились скорченные погребения, обнаруженные в насыпи кургана, — №№ 4 и 6.

Погребение № 4 (рис. 22). Оно было открыто в северо-восточной четверти курганной насыпи (глубина залегания черепа 1.93 м). Погребение плохо сохранилось (позвонки отсутствовали или были смешены, кости черепа и таза раздавлены). Скелет располагался на овальном пятне краснобурого цвета (рис. 22, 1) мощностью в 1.5—2 мм (подсыпка из охры, смешанная, по-видимому, с трупным тленом). Отдельные куски ярко-красной охры обнаружились в двух местах (рис. 22, 2): у верхних эпифизов голени правой ноги и в 27 см к югу от затылочной кости черепа. Кроме этого, значительные, интенсивные ярко-красные пятна размещались у затылочной части черепа (здесь же слабые следы дерева) и у колена левой ноги (рис. 22, 3).

Женский скелет (зрелого возраста) со скорченными ногами, из которых левая, перекрывавшая правую, была более сильно подогнута к туловищу, лежал на правом боку и был ориентирован на северо-восток-восток. Плечевая кость левой руки шла вдоль туловища и, очевидно, образовывала в локте с костями предплечья той же руки, ориентированными на север, к находящемуся в погребении горшку, острый угол.

Инвентарь погребения. Он состоял из глиняного горшка и двух костяных бусин. Горшок (рис. 22, 4; рис. 20, 3) находился восточнее колена левой ноги и западнее черепа, в 15 см от лицевых костей. Он плоскодонный (высота 16 см, диаметр дна 11 см, наибольший диаметр 20 см), с низким цилиндрическим горлом (диаметр 18.5 см), соединяющимся плавно переходом с туловищем, которое суживается к днищу. Укращение его внешней, слегка сглаженной поверхности желтовато-бурого цвета состоит из расположенных под краем отогнутого

наружу венчика и на едва намеченных пле- чиках трех горизонтальных полос — отпечатков плоского тройного шнура. Нижняя из этих полос служит основанием для семи свешивающихся шевронов, образованных оттисками подобного же шнура. Каждый из них заштрихован семью шнуровыми же линиями, параллельными левой боковой стороне шевронов. На внутренней темно-серой поверхности боковых стенок имеются штриховые следы от сглаживания. Такие же отдельные, косо расположенные штрихи встречаются в нижней части сосуда и на внешней поверхности.

Две небольшие костяные бусины бочонкообразной формы найдены южнее таза скелета, в 12 см от него (рис. 22, 5; рис. 23, 1).

Погребение № 6 (юго-восточная часть насыпи; глубина залегания тазовых костей 1.12 м). Плохо сохранившийся и сильно разрушенный скелет (отсутствовал череп, остальные кости фрагментированы) был ориентирован на восток с небольшим отклонением к югу и лежал на правом боку. Ноги согнуты в тазобедренном и коленном суставах. Вещи, сопровождающие захоронение, как и следы охры, не были обнаружены.

Погребение № 9 (в глубокой прямогульной камере; рис. 24). Оно находилось под вершиной насыпи, а северо-восточный угол могилы, как уже упоминалось, был частично прорезан ямой несколько выше лежащего сарматского погребения № 8 (рис. 14). Контуры ямы были определены на горизонте древней дневной поверхности, с которой была спущена могила. Уровень древней дневной поверхности, перекрытой курганной насыпью, отчетливо прослеживался на восточной стороне двухметровой осевой перемычки, находившейся почти в одной плоскости с западной стенкой камеры. Эта граница между погребенной почвой и насыпью проходила на глубине 2.25 м и совпадала с отметкой древней дневной поверхности, выявленной при расчистке сарматских захоронений №№ 10—14.

В заполнении камеры, состоящем из мягкого сырого гумуса темно-бурого цвета, совершенно не встречались следы дерева. На боковых стенках камеры (их высота 1.40—1.44 м), отвесно спускающихся ко дну, различались следы работы деревянным клином, который вертикально вбивался в материковый суглинок и оставил на поверхности стенок ямы сглаженные полосы.

Камера имела в длину 1.75—1.8 м, в ширину 1.04 м (по восточной стенке) — 1.15 м (по западной стенке) и была ориентирована длинной осью по линии запад—восток (рис. 24). На дне камеры (глубина 3.70 м) в ее углах

Кости скелета мужчины (возраст около 30—35 лет) плохо сохранились и сильно истлели, но все находились *in situ*. Обращают на себя внимание крупные размеры костяка, который, по полевому определению Л. Г. Ву-

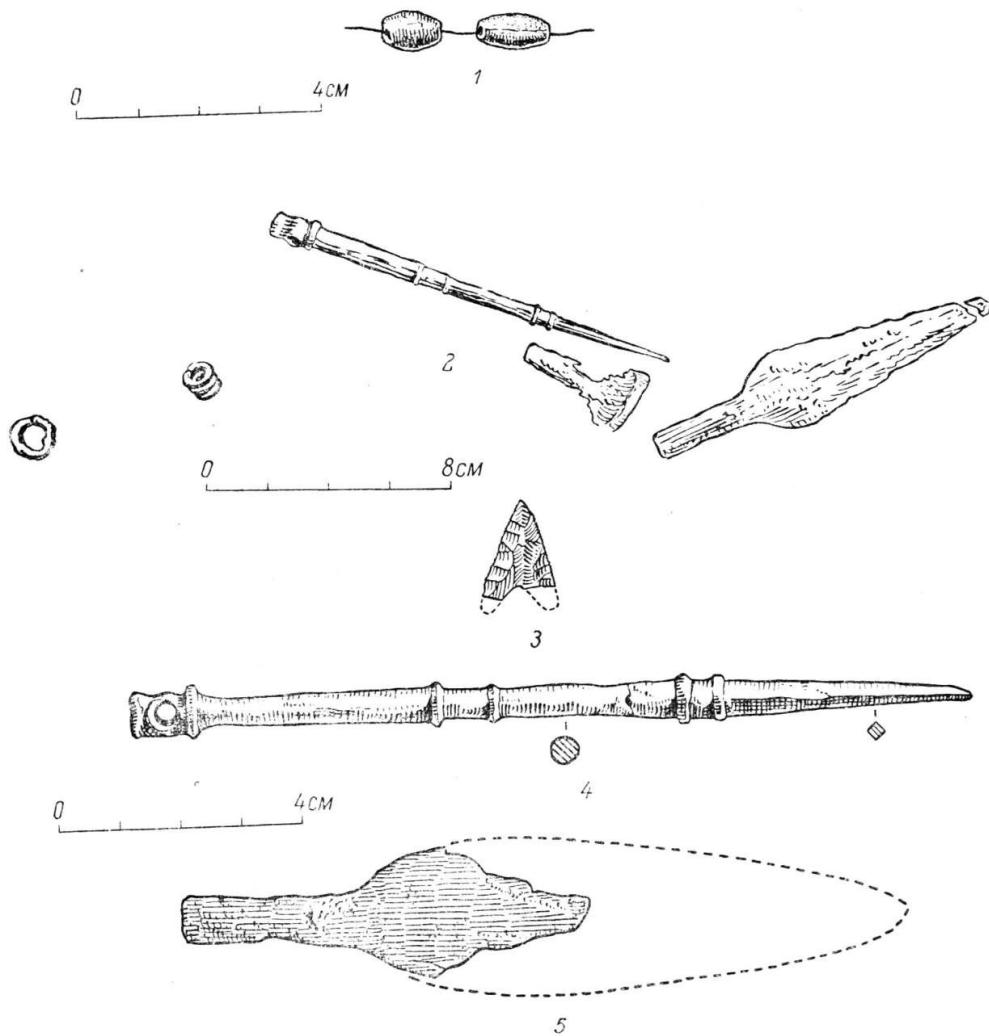

Рис. 23. Курган 30/6. Инвентарь погребений эпохи бронзы №№ 4 (1) и 9 (3—5).

1 — бочонкообразные костяные бусы; 2 — схема расположения вещей в погр. № 9; 3 — кремневая стрелка подтреугольной формы с выемчатым основанием; 4 — бронзовая булавка; 5 — бронзовый нож катакомбного типа (пунктиром показана разрушившаяся часть).

были обнаружены четыре столбовые ямы диаметром от 9 до 12 см и глубиной до 35—38 см, а по стенкам камеры шли вертикальные полуцилиндрические следы от столбов, обрывающиеся на линии древней дневной поверхности.

ич, в вытянутом положении должен был достигать в длину примерно 2.06 м. Костяк лежал на правом боку, с некоторым отклонением влево на спину и был ориентирован длинной осью так же, как и камера, — черепом и костями туловища на запад, костями

ног на восток. Позвоночник был несколько изогнут в шейном отделе, и череп (глубина за-легания 3,65 м), лежащий на правой стороне, был обращен сводом к юго-западному углу могилы, а лицевой частью к противоположной, восточной стенке. Ноги скелета были согнуты в тазобедренном и коленном суставах (в последних примерно под прямым углом). При этом кости голени левой ноги перекрывали стопу правой. Кости правой руки были вытянуты от плеча к правому колену, а кости левой руки согнуты в локте и ее кисть находилась на крестце.

Весь скелет, особенно его череп и таз, кости рук и ног, был интенсивно окрашен красной охрой. Эта же охра окрасила и все дно могилы, на котором встречались чистые белые пятна известковой подсыпки.

Инвентарь погребения. Между коренными зубами верхней и нижней челюсти черепа находилась миниатюрная кремневая стрелка треугольной формы с вогнутым основанием и тонкими зубчатыми боковыми краями (рис. 24, 1; рис. 23, 3). Она изготовлена из светло-желтого полупрозрачного кремня и обработана с обеих сторон тонкой отжимной ретушью. Стрелка, обращенная острием к гортани и основанием к передним зубам, возможно, являлась причиной смерти погребенного. Оба отсутствующих шипа основания, вероятно, были обломаны при попытках извлечь стрелку. Нижние (дистальные) эпифизы костей предплечья правой руки и средняя часть обеих бедренных костей перекрывались лежащими параллельно друг другу остатками четырех деревянных стержней (древки стрел?)

(рис. 24, 2). Следы пятого, более массивного стержня (рис. 24, 3), открытого восточнее предшествующих, шли от середины левой голени в южном направлении, к длинной

стенке камеры. Еще восточнее, между стойкой левой ноги и короткой стенкой камеры, находилось несколько древесных угольков

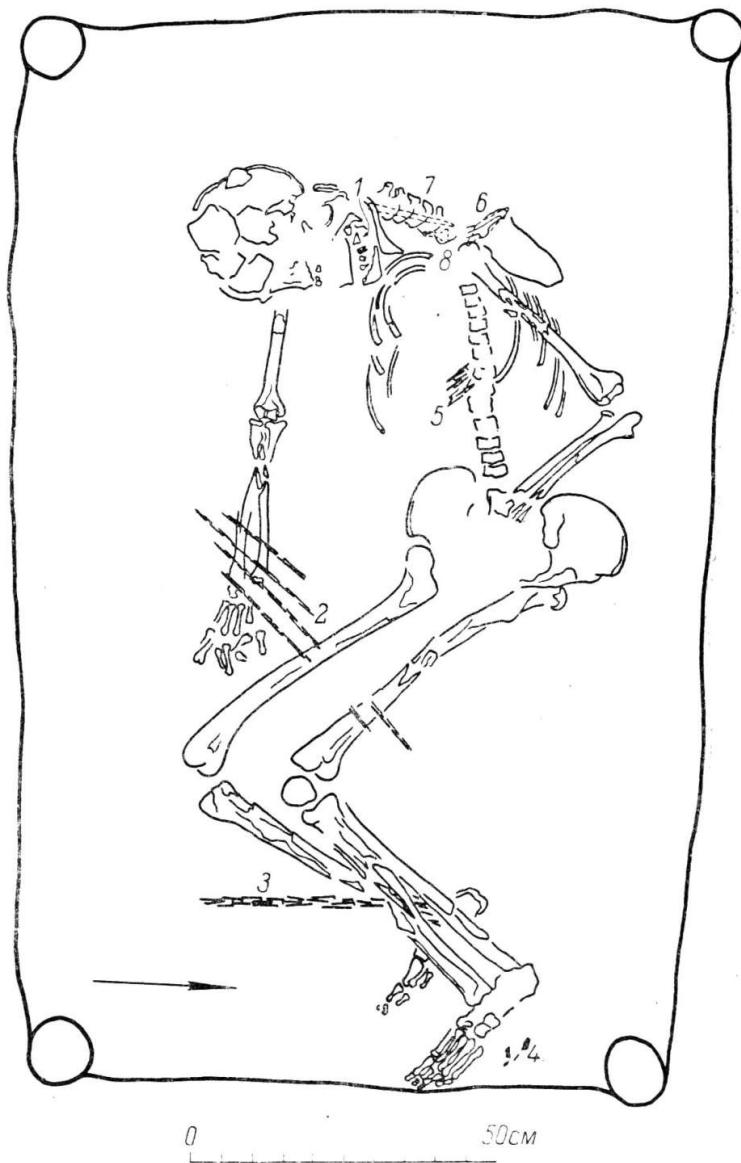

Рис. 24. Курган 30/6. Погребение № 9.

1 — кремневая стрелка; 2 — остатки деревянных стержней; 3 — остатки деревянного стержня; 4 — древесные угли; 5 — остатки деревянной пластины; 6 — бронзовый нож; 7 — бронзовая булавка; 8 — пластинчатый бронзовый предмет Т-образной формы.

(рис. 24, 4). Кроме этого, слабые следы деревянной пластины выявились на позвонках грудного отдела скелета (рис. 24, 5).

При разборе костей погребения под верхним краем левой лопатки был найден окислившийся бронзовый нож катакомбного типа (рис. 24, 6; рис. 23, 2, 5; длина в момент расчистки 12.1 см, наибольшая ширина 2.6 см), лежащий черенком к позвоночнику и острием к северо-западному углу камеры. После извлечения ножа значительная часть его лезвия разрушилась. Южнее ножа под шейными позвонками, в одном направлении с ними, лежала бронзовая булавка уникальной формы (рис. 24, 7; рис. 23, 2, 4). Она была обращена острием к плечику ножа, а головкой к нижней челюсти черепа. Ее стержень (длина 13.7 см, диаметр 0.6 см), круглый в сечении в средней и верхней части и четырехгранный у острия, украшен тремя группами двойных, параллельно идущих, выпуклых валиков. В верхней части, ниже слегка расплощенной головки, между двумя валиками находилось сквозное отверстие. Восточнее острия булавки располагались остатки очень плохо сохранившегося и рассыпавшегося на месте пластинчатого бронзового предмета Т-образной формы (длина около 4 см; рис. 24, 8; рис. 23, 2), а юго-восточнее шляпки булавки, в 4.4 и 9.4 см от нее, лежали две окислившиеся до фиолетового цвета и также рассыпавшиеся серебряные проволочные спирали (рис. 23, 2).

Оканчивая описание результатов раскопок кургана 30/6, обратим внимание на закономерность в распределении двух основных хронологических групп погребений под насыпью. Эта закономерность заключается в том, что все захоронения эпохи бронзы сосредоточивались исключительно в восточной половине кургана, в то время как из шести сарматских погребений только два (впущенное в насыпь погребение № 2 и, по-видимому, наиболее древнее из грунтовых — № 8) находились здесь же, а все остальные были встречены в противоположной, западной, половине. Подобное явление позволяет предполагать, что именно с западной стороны основная насыпь эпохи бронзы была подсыпана и, возможно, неоднократно в сарматское время.

КУРГАН 31/7

Насыпь среднего размера (диаметр 42—46 м, высота около 1 м), располагалась южнее остальных курганов, составляющих некро-

поль. В 1950 г. ее раскопки были начаты С. А. Плетневой. При этих работах были выявлены два погребения: в восточной половине насыпи — позднее захоронение старой женщины («ведьмы»), совершенное по христианскому обряду, в сбитом большими коваными гвоздями массивном деревянном гробу (погр. № 1), а в яме, находившейся в центре кургана под фрагментарно сохранившейся выкладкой из саркелского кирпича, — остатки разрушенного половецкого погребения (погр. № 2).

В 1951 г. при доследовании кургана были обнаружены еще два захоронения — одно (№ 3), относящееся к концу эпохи бронзы, и второе, основное (№ 4), приуроченное к самому началу этой эпохи.

Погребение № 3 (северо-западный сектор насыпи, у центра; рис. 25). Скелет, ориентированный черепом (глубина залегания 0.8 м) на северо-восток и обращенный лицевыми костями черепа на юг, лежал на левом боку. Ноги скелета были сильно согнуты в тазобедренном и коленном суставах, а их колени подтянуты к локти левой руки. Кисти обеих рук, согнутых в локтевом суставе, находились перед лицевой частью черепа.

Инвентарь погребения. Между дистальными концами костей левого предплечья и лобной костью черепа находился лепной горшок (рис. 25, 1) вытянутой баночной формы с несколько расширяющимся в верхней части туловом, которое затем вновь несколько суживалось к отверстию (рис. 26). На пятнистой, желтовато-серой внешней поверхности сосуда местами видны отчетливые, преимущественно вертикальные следы сглаживания частой гребенкой с небольшими зубцами. Под краем венчика на одной стороне поверхности находятся семь косо расположенных и параллельных друг другу, глубоких насечек разной длины. Внутренняя поверхность горшка обработана очень небрежно. Кроме того, при разборе костей скелета был обнаружен небольшой кусочек реальгара, который, возможно, попал сюда случайно. Все кости левой половины черепа находились не на месте, несмотря на отсутствие каких бы то ни было признаков разрушения погребения.

Погребение № 4 (северо-восточный сектор насыпи; рис. 27, А, Б). Место- положение неглубокой грунтовой ямы, спущенной не более чем на 0.4 м с древней днев-

ной поверхности, было определено на горизонте погребенной подпочвы. В дальнейшем при расчистке ямы выяснилось, что она имела

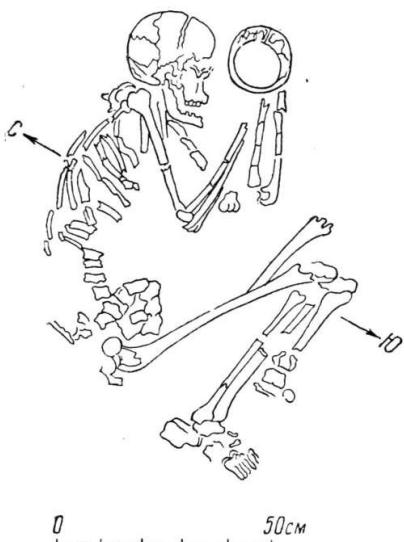

Рис. 25. Курган 31/7. Погребение № 3.

форму неправильного овала размером 1.55×1.23 м, ориентированного продольной осью почти по линии север—юг, и что ее границы очень сильно повреждены норами грызунов.

В верхней части могильной ямы, преимущественно в ее северной половине, находилось пятно подпрямоугольной формы (размеры его около 0.80×0.60 м), окрашенное охрой в красный цвет и ориентированное осью по линии ССВ—ЮЮЗ (рис. 27, А, 1). При этом в границах пятна ярко-красной охры отчетливо различались в виде параллельно расположенных негативных желобчатых отпечатков следы циновки, изготовленной, по-видимому, из стеблей камыша. Под пятном охры, в 3—5 см ниже его и главным образом в его западной части, на площади размером 0.30×0.40 м прослеживалась тонкая, лежащая горизонтально, угольная прослойка (рис. 27, А, 2). Что же касается самого погребения, то его кости, за исключением трубчатых, совершенно истлели, а сохранившиеся были в разной степени перемещены грызунами. Тем не менее длинные кости ребенка в возрасте 3—4 лет, хотя и не занимали своего первоначального положения, но были сосредоточены в северо-запад-

ной части могилы, на том же участке, который был сверху покрыт остатками циновки.

Инвентарь погребения. Рядом с костями находились и предметы погребального инвентаря.¹ Небольшой целый сосуд (рис. 27, Б, 3; В, 6) со слегка сглаженной пятнистой (желтовато-коричневой, в верхней части преимущественно бурой) поверхностью и примесью белых пластинчатых частиц (очевидно, толченой раковины) в серовато-буровом тесте стоял в северной части ямы у ее закругляющейся стенки. Он был остродонным, а в верхней части после плавного перегиба несколько суживающегося далее туловища завершался слегка отогнутым наружу, низким, воронкообразным горлом. Толщина стенок сосуда неравномерная, они значительно утолщаются ко дну.

Орнамент сосуда состоял из располагающихся на обращенном наружу срезе венчика поперечных насечек, нанесенных палочкой.

Рис. 26. Курган 31/7. Лепной сосуд баночной формы из погребения № 3.

Ниже, от края венчика и до основания горла, внешняя поверхность была покрыта прочер-

¹ Нахождение остатков циновки, костей и сопровождающего инвентаря в одной и той же части могилы, очевидно, указывает на то, что вырытая для захоронения яма была значительно меньше тех границ, которые были оконтурены при расчистке, и что грызуны особенно сильно исказили ее южную часть.

ченными сверху вниз, слегка наклоненными штихами. Еще ниже, от основания горла и до перегиба туловища, размещались опоясывающие сосуд, параллельно прочерченные, горизонтальные линии. Отдельные отрезки горизонтальной зоны, образованной этими линиями, были прочерчены группами вертикальных линий, так что участки, заптихованные «в клетку», разделялись отрезками зон, заполненными только горизонтальными линиями.

В 0.30 м к югу от сосуда рядом с лишенной обоих эпифизов плечевой костью лежали две правильные ножевидные пластинки из светло-желтого полупрозрачного кремня с отбитыми поперек верхними концами (рис. 27, *B*, 4; *B*, 7, левая и правая). Третья, наиболее крупная, подобная же пластинка с призматически ограниченной спинкой и также отсеченным верхним концом, находилась юго-восточнее (рис. 27, *B*, 4). Недалеко от первых двух кремневых пластинок, северо-восточнее их, располагались на расстоянии 0.05—0.08 м друг от друга четыре небольшие костяные бусы (рис. 27, *B*, 5; *B*, 5) в форме слегка сдавленного цилиндра. По граням их обоих оснований были нанесены небольшие насечки, несколько заходящие на боковую поверхность. Пятая, аналогичная бусина, наиболее крупная (рис. 27, *B*, 6; *B*, 5, средняя), лежала ближе к горшку. Она, помимо более глубоких насечек по граням противоположных оснований, была украшена тремя группами поперечных нарезок, ритмично повторяющихся на боковой поверхности цилиндра. Каждая из групп этих нарезок состояла из трех, слегка изогнутых в одном и том же направлении, ногтевидных линий.

Кроме перечисленных предметов, по всей площади, на которой распространялись кости, встречались остатки ожерелья в виде небольших цилиндрических и, реже, уплощенных пронизок (рис. 27, *B*, 7). Они сходны по форме, но изготовлены из разного материала и отличаются также характером сверления, при помощи которого были получены сквозные отверстия. Из перламутровых пронизок с шероховатой, частично разрушившейся внешней поверхностью (по-видимому, они приготовлялись из створок обычной раковины *Unio*) большая часть (25 экз.) имела одностороннюю относительно большую по диаметру, коническую сверлину (рис. 27, *B*, 1), а остальные (13 экз.) — двухстороннюю ко-

ническую сверлину (27, *B*, 3). Наряду с описанными находились примерно такого же размера и формы пронизки из серого, полу-прозрачного и более плотного по составу материала с хорошо выраженной двухсторонней кратеровидной сверлиной (7 экз.; рис. 27, *B*, 2) и белые пронизки с хорошо сохранившейся гладкой поверхностью, большей частью меньшие по размеру, изготовленные из какой-то более плотной раковины. Последние (20 экз.) в отличие от всех предшествующих имели правильное цилиндрическое отверстие очень небольшого диаметра (рис. 27, *B*, 4).

Наконец, в 0.07 м к югу от сосуда была обнаружена малахитовая окись какого-то небольшого медного (?), совершенно разрушившегося предмета (рис. 27, *B*, 8). Юго-западнее последнего находился плоский осколок песчаника подтреугольной формы со следами красной охры на частично стертой поверхности (рис. 27, *B*, 9; *B*, 8), а на уровне отпечатков циновки в восточной части могилы — небольшой обломок пластинки из серого кремня (рис. 27, *A*, 10). Кроме того, красная охра в разной степени окрасила все перечисленные выше предметы погребального инвентаря.

Точное положение скелета в могиле нельзя установить, но вероятнее всего, что погребение было ориентировано черепом на север (возможно, с небольшим отклонением на восток или запад). Об этом свидетельствует как ориентировка могильной ямы и остатков циновки, так и нахождение в северо-западном углу ямы целого сосуда, занимавшего, вероятно, свое первоначальное положение и помещенного, по-видимому, у черепа ребенка (в 0.25 м к югу от сосуда была обнаружена нижняя челюсть). Неподалеку от сосуда, к югу от него, находилось пятно медной окиси, а далее — скопление перламутровых пронизок, совпадающих, очевидно, с областью грудной клетки костяка.

КУРГАН 50/18

Курган 50/18 имел в плане овальную форму, близкую к кругу и несколько вытянутую по линии север—юг. Он стоял, как и насыпь 30/6, на плавном подъеме от края первой террасы ко второй. С этим обстоятельством, вероятно, связана большая крутизна северного склона насыпи, чем более

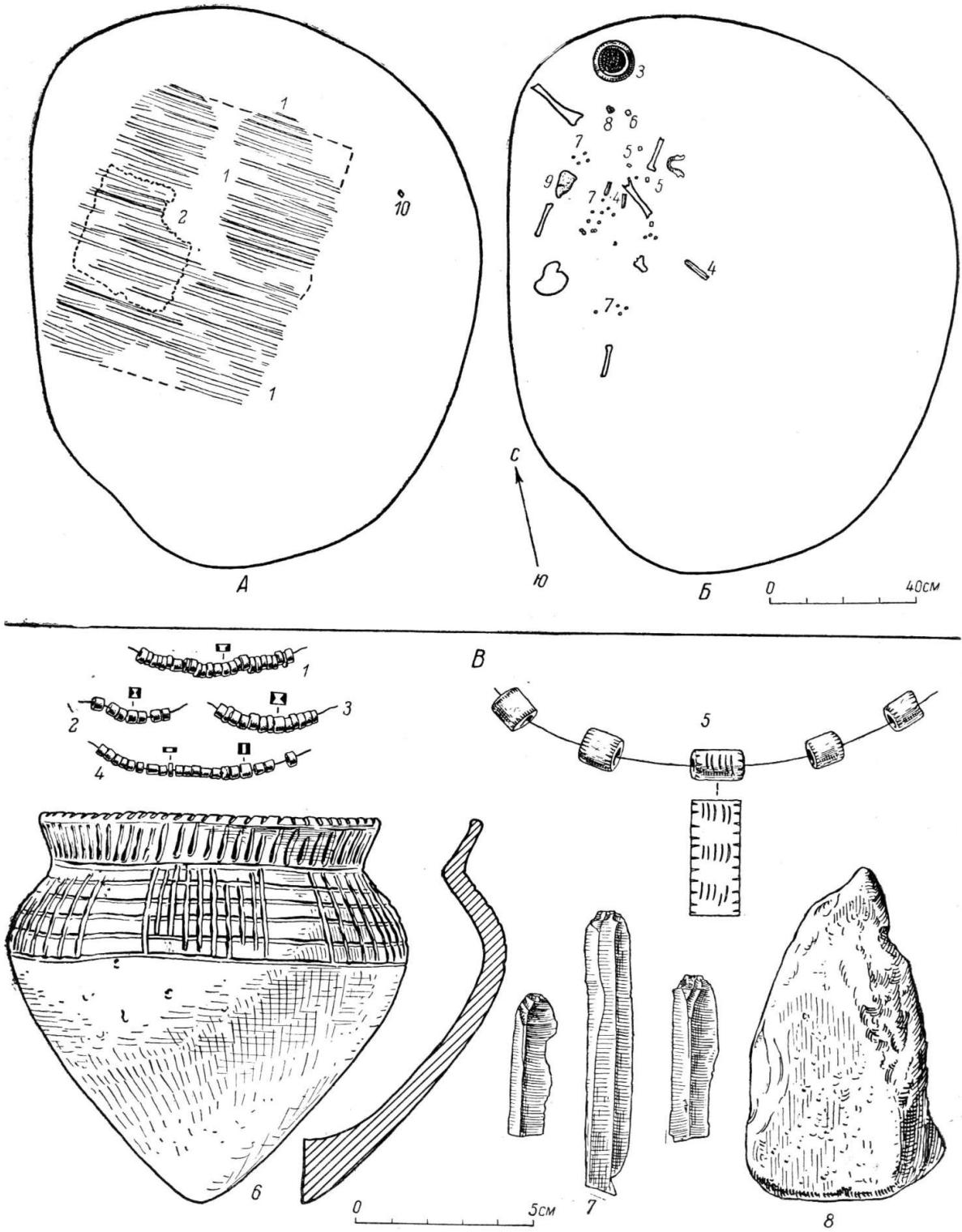

Рис. 27. Курган 31/7. Погребение № 4.

A, B — верхний и нижний планы могильной ямы: 1 — отпечатки камышовой циновки, окрашенные красной охрой, 2 — угольная прослойка, 3 — сосуд, 4 — кремневые пластинки, 5 — kostяные бусы, 6 — крупная kostяная бусина, 7 — мелкие пронизки, 8 — окись меди из разрушающегося небольшого предмета, 9 — осколок песчаника, 10 — осколок кремневой пластинки; В — инвентарь захоронения: 1 — цилиндрические перламутровые пронизки с односторонней конической сверлиной, 2 — сиреевые полупрозрачные цилиндрические пронизки с двухсторонней конической сверлиной, 3 — цилиндрические перламутровые пронизки с двухсторонней конической сверлиной, 4 — белые цилиндрические пронизки с цилиндрической сверлиной, 5 — kostяные бусы цилиндрической формы, 6 — лепной остродонный орнаментированный сосуд, 7 — кремневые ножевидные пластинки с отсеченными концами, 8 — подтреугольный осколок песчаника со следами охры на поверхности.

пологого южного, и некоторое превышение высоты кургана с севера над его высотой со стороны южной полы. Северный, западный и восточный радиусы насыпи равнялись 28 м, а южный радиус — 32 м. Средняя высота кургана около 2.50 м (высота кургана с севера — 2.76 м, с юга — 2.29 м, с запада — 2.48 м, с востока — 2.25 м).¹ У основания насыпи в восточном и северо-восточном секторах на расстоянии 25 м от центра кургана прослеживались очень слабые следы рва, опоясывавшего его в древности (ширина западины рва около 1 м, а глубина не более 3—4 см). Вершина кургана несколько уплощена горизонтальной площадкой диаметром около 4—5 м.

Верхние горизонты насыпи (особенно в северной половине) оказались сильно испорченными одиночными окопами и стрелковыми ячейками времени Великой Отечественной войны, а от вершины кургана в западном направлении спускался заплыvший ход сообщения. Поверхность кургана была усеяна обломками кирпича саркелского типа, гильзами от патронов и т. п. На ней встречались также немногочисленные обломки сосудов эпохи бронзы.

В курганной насыпи выделялись два участка, сложенных из более плотного материала: один из них находился западнее вершины насыпи, на расстоянии 4—6 м от нее, а другой — в 3—4 м восточнее ее. При этом вершины обеих более плотных линз были смешены к югу от протрассированной через центр кургана в направлении запад-восток оси и размещались в границах южной половины насыпи. Следует, однако, оговориться, что происхождение двух участков насыпи, характеризующихся более плотным грунтом, остается неясным и, таким образом, приведенное наблюдение в настоящее время ничего не дает для выяснения истории сложения курганного холма. В целом же этот курган по составу своей насыпи и ее структуре был совершенно аналогичен другому, наиболее крупному кургану некрополя (30/6), раскопанному ранее.

Насыпь срезалась шестикубовым скрепером. При этом по линии запад-восток была оставлена осевая перемычка толщиной

¹ Возможно, что на меньшей высоте кургана по южной линии нивелировки сказалось и то обстоятельство, что в этом направлении периферия его насыпи вплотную подходила к северной оконечности сильно расползшейся насыпи 51/19.

в 4 м. Такая значительная ее ширина была вызвана намерением после исследования южной и северной половин насыпи снять перемычку также скрепером. Однако опыт показал, что, очевидно, в большинстве случаев такой прием оказывается неосуществимым. Некоторые погребения (в данном случае №№ 4, 9, 10, 10-а) частично уходили под перемычку и для их доследования приходилось производить прирезки, уменьшающие ширину перемычки на отдельных участках. Тем самым была исключена возможность прохода скрепера по перемычке и она разбиралась в основном вручную. Этот опыт был учтен при последующих раскопках, когда на срезаемых скрепером насыпях осевая перемычка оставлялась настолько тонкой, насколько это позволяла плотность грунта.

Всего в кургане 50/18 (рис. 28) были обнаружены и исследованы 12 погребений различной сохранности и одна грунтовая, очевидно могильная, яма, в которой полностью отсутствовали какие бы то ни было остатки от захоронения или же сопровождавшего его инвентаря (яма № 8). Из этого числа погребения №№ 5, 6 и 9, как и пустая могильная яма, приурочивались к эпохе бронзы, погребения №№ 3, 4, 10, 10-а, 11 и, вероятнее всего, № 12, не сопровождавшиеся вещами, — к сарматскому времени. Из числа трех последних по времени захоронений (№№ 1, 2 и 7) погребение № 7 следует отнести к древнерусскому времени, а погребения №№ 1 и 2 — по-видимому, к значительно более позднему средневековью.¹ Остановимся первоначально на кратком описании этих трех захоронений, датировка которых еще требует своего уточнения.

Погребение № 1 (юго-западная четверть кургана, неподалеку от его центра). Частично сохранившийся скелет залегал в курганной насыпи на глубине около 1 м (следы могильной ямы не прослеживались). На месте находились кости таза (глубина залегания крестца 0.98 м), обеих ног и левой руки, а также предплечья правой руки. Сохранившиеся ребра были несколько смешены, а череп и остальные кости скелета отсутствовали. Основываясь на расположении сохранившихся на месте костей, можно

¹ На общем плане кургана (рис. 28) они обозначены тем же значком, что и погребение № 7.

полагать, что погребенный был положен на спину в вытянутом положении, с руками, расположенными вдоль туловища, и ориентирован на юго-восток-восток (120°).

Вещественные находки, сопровождавшие захоронение, исчерпывались темным белемнитом с обломанной верхней частью. Белемнит лежал снаружи головки левой бедренной кости, между ней и кистью левой руки, поперечно к оси погребения.

Погребение № 2 (северо-западная четверть насыпи, также неподалеку от ее центральной точки; глубина залегания черепа 1.04 м). Это погребение находилось в деревянном гробовище. Крышка гробовища, прослеживающаяся в виде остатков отдельных плах в пределах площади 1.80×0.65 м, была ориентирована, как и само погребение, по оси запад—восток. Толщина продольных верхних плах достигала 6—9 мм и очень редко 20 мм (в среднем она составляла 3—6 мм). Днище гробовища, сохранившееся значительно хуже, чем крышка, находилось в среднем на 7 см ниже последней (его средняя толщина 4—6 мм). Наклоненный на правую сторону череп скелета был обнаружен за пределами сохранившейся части крышки гроба, восточнее ее края на 10 см и несколько выше ее.

Погребение в целом сохранилось хорошо и нарушения ограничиваются незначительными смещениями отдельных костей. Скелет находился на спине, в вытянутом положении, с руками, протянутыми вдоль туловища. Череп находился на 12 см выше стоп ног и был обращен своим сводом на запад с незначительными отклонениями к югу (260°).

Инвентарь погребения. Под черепом было найдено небольшое бронзовое колечко с несомкнутыми концами, а поверхность черепа в области правой височной

кости была покрыта интенсивным зеленоватым налетом металлической окиси. В правой части скелета несколько выше таза лежали железная ножевидная пластинка, представленная тремя фрагментами (нож?), и сильно разрушенные обломки нескольких железных

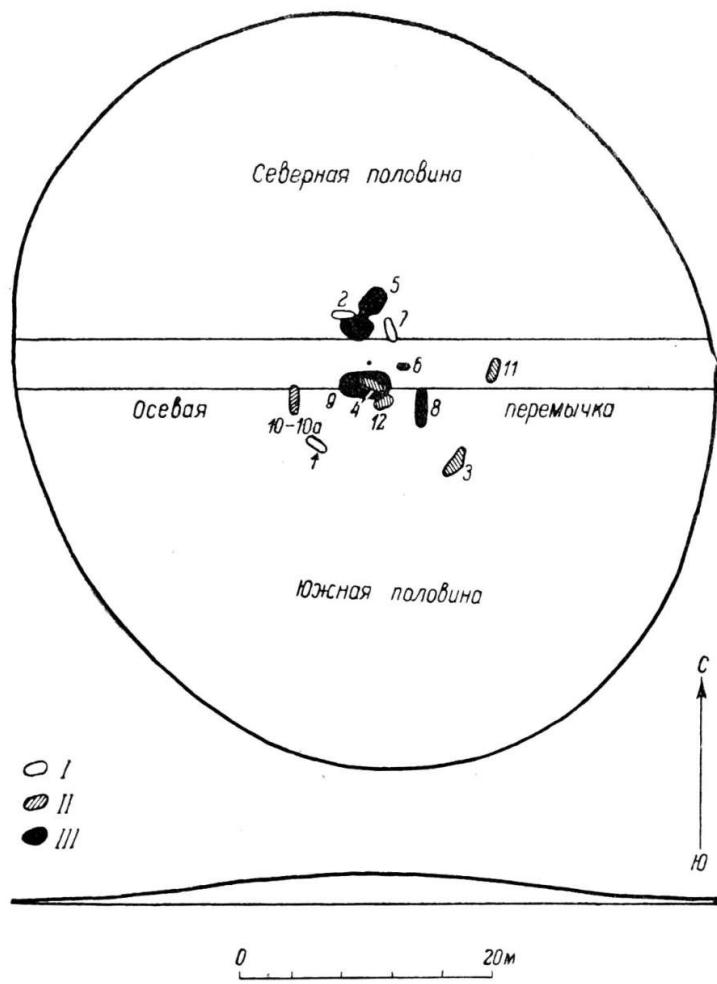

Рис. 28. Курган 50/18. Общий план.

Цифрами (1—11) обозначены номера погребений. I — погребения древнерусского (№ 7) и средневекового (№№ 1 и 2) времен; II — погребения сарматского времени; III — погребения эпохи бронзы.

предметов, назначение которых определить невозможно (один из них, наиболее массивный, имел стержневидный черенок с остатками дерева, другие фрагменты, возможно, составляли часть поясного набора). Кроме того, в различных частях погребения находились крупные железные кованые гвозди с выпуклыми шляпками (всего 6 штук) и фрагменты железных накладок, скреп-

ляющих, по-видимому, в прошлом плахи гробовища. На месте левой ключицы был обнаружен железный пластинчатый наконечник стрелы ромбовидной формы с узким стержневидным черенком (рис. 29, 4); второй такой же наконечник, но несколько большего размера помещался на дне гроба под крестцом. Оба наконечника были обращены остриями к ногам скелета, а черенками, на которых сохранились остатки дерева,— к черепу. Необычное положение наконечников, найденных отдельно один от другого в разных частях скелета, вероятно, указывает на то, что они не принадлежали к погребальному инвентарю и, возможно, были причиной смерти погребенного.

Погребение № 7 (северо-восточная четверть насыпи; глубина залегания черепа 2.15 м). Границы могильной ямы были определены несколько выше горизонта древней дневной поверхности, на глубине около 1.75—1.80 м. Эта яма в своей нижней части достигала в длину 2 м и была значительно более широкой в южном конце (до 0.9 м), чем в северном (около 0.55 м).

Заполнение ямы явственно отличалось от материкового грунта, в который уходила ее нижняя часть. Благодаря тому, что южный конец могилы находился под оставленной осевой перемычкой насыпи, удалось установить, что яма была спущена с современной поверхности кургана. Могильная яма, как и само погребение, была ориентирована на юг-юго-восток. Плохо сохранившийся скелет находился в вытянутом положении, с руками, протянутыми вдоль туловища, на подстилке (из веток тополя и травы?).

У копчика костяка, между ним и лобковой костью, была найдена железная поясная пряжка овальной формы, а справа от скелета, напротив колена и проксимальной части берцовых костей правой ноги, располагались трубчатые кости молодого барана.

Погребения сарматского времени

В отличие от кургана 30/6, где сарматские погребения встречались как в насыпи, так и в грунтовых могилах, при раскопках кургана 50/18 сарматских захоронений в насыпи не было обнаружено. Все выявленные погребения этого времени находились в ямах, впущенных на разную глубину в материк. При этом в двух случаях (погребения №№ 3

и 4), когда захоронения лежали наиболее высоко и их могильные ямы, прорезающие слой погребенной почвы и подпочвы, неизначительно углублялись в материк, границы могил распознавались с некоторым трудом. Что же касается остальных, несколько более глубоких грунтовых могильных ям, то их форма в нижней части была совершенно отчетливой.

Погребение № 3 (юго-восточная четверть насыпи; глубина залегания черепа 2.16 м). Могильное пятно, имевшее вытянутую форму, приближающуюся к пятиугольнику, и ориентированное длинной осью по линии ЮЗ—СВ (размеры осей ямы 1.65 и 0.75 м), было выявлено на границе слоя погребенной подпочвы и материка (глубинная отметка этой границы около 2.14 м). Заполнение могильной ямы состояло из мешаного рыхлого суглинка серо-коричневого цвета. Дно ямы находилось на глубине 2.30 м.

Верхняя часть скелета, ориентированного на юго-запад (240°), лежала примерно на 10 см выше костей таза и ног и при заходе скрепера его ножом была срезана часть лицевых костей черепа. Кости скелета плохо сохранились, во многих местах их положение нарушено кротовинами, а ребра, как и позвонки грудного и шейного отделов позвоночника, отсутствовали вовсе.

Костяк лежал на спине, с вытянутыми ногами, а расположенные вдоль туловища кости левой руки были несколько согнуты в локте и подходили дистальным концом лучевой кости к левой подвздошной кости таза. Такое же положение по другую сторону туловища, по-видимому, занимали кости правой руки, от которой сохранилась лишь фрагментированная плечевая кость. Инвентарем захоронение не сопровождалось. Остатки приношения пищи были представлены находившимися в северо-западной части ямы, у ее угла, костями ноги барана вместе с лопаткой, лежащими в строгом анатомическом порядке.

Пол погребенного установить не удалось, его возраст около 35—40 лет.

Погребение № 4 (центральная часть насыпи, южнее нулевой точки; глубина залегания черепа 2.25 м; рис. 30). Несмотря на несколько большую глубину залегания скелета, контур могильной ямы прослеживался значительно хуже, чем в предшествующем случае (могила № 4 в своем основании была забита матери-

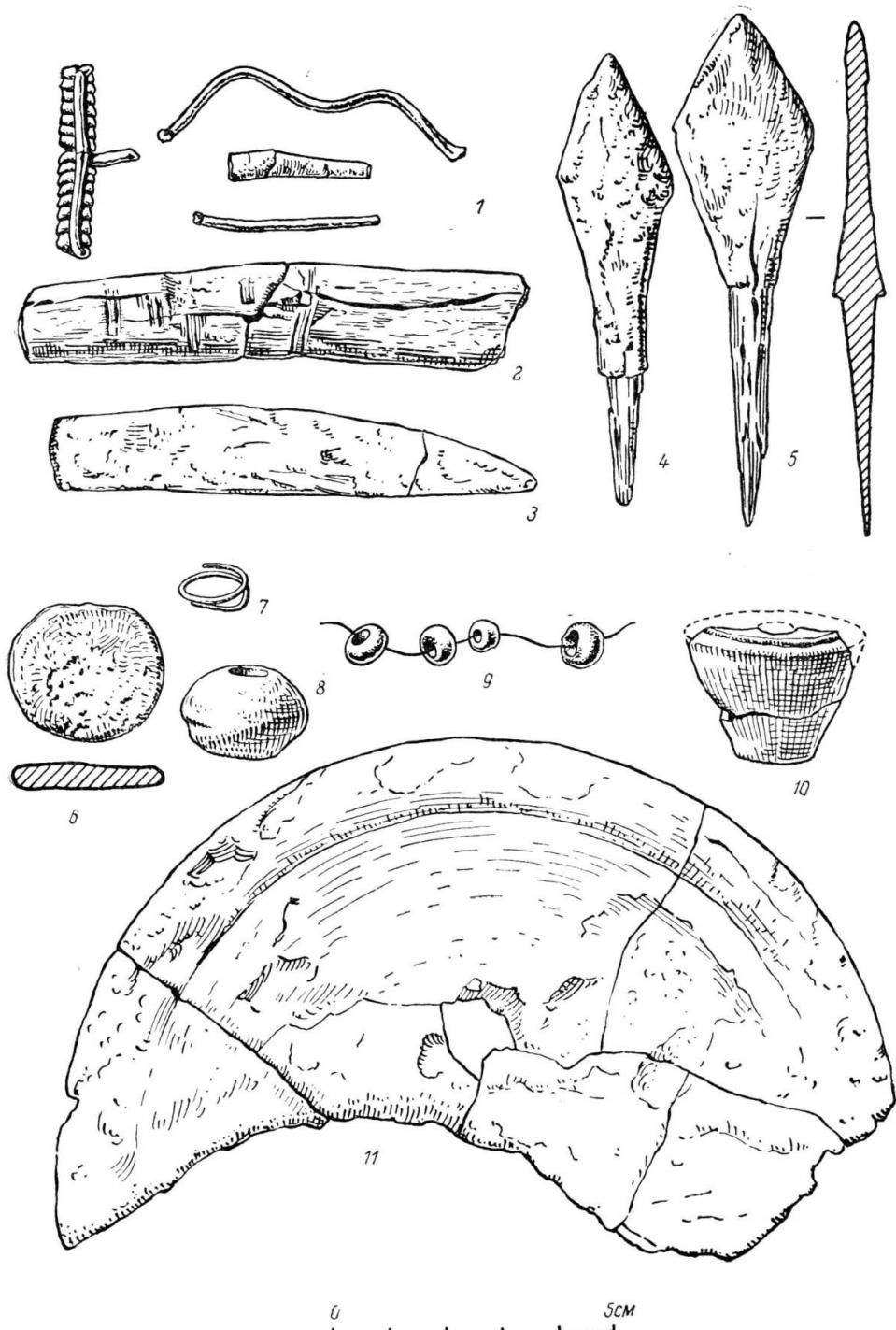

Рис. 29. Курган 50/18. Инвентарь погребений №№ 2 (4, 5), 10-а (6—11) и 11 (1—3).

1 — части бронзовой фибулы; 2 — орнаментированная насечками роговая рукоятка железного ножа; 3 — второй железный нож; 4, 5 — железные наконечники стрел ромбовидной формы; 6 — плоский кружок из обожженной глины; 7 — золотая проволочная спираль; 8 — шаровидно-уплощенное пряслицо из песчаника; 9 — позолоченные стеклянные бусы; 10 — глиняное пряслицо усеченно-конической формы (фрагментировано); 11 — два собирающихся фрагмента круглого бронзового зеркала.

ковым грунтом). Эта яма, ориентированная так же, как и скелет, имела вытянутую подчетырехугольную форму с плавными закруглениями в углах (наибольшая длина 1.02, ширина до 0.65 м).

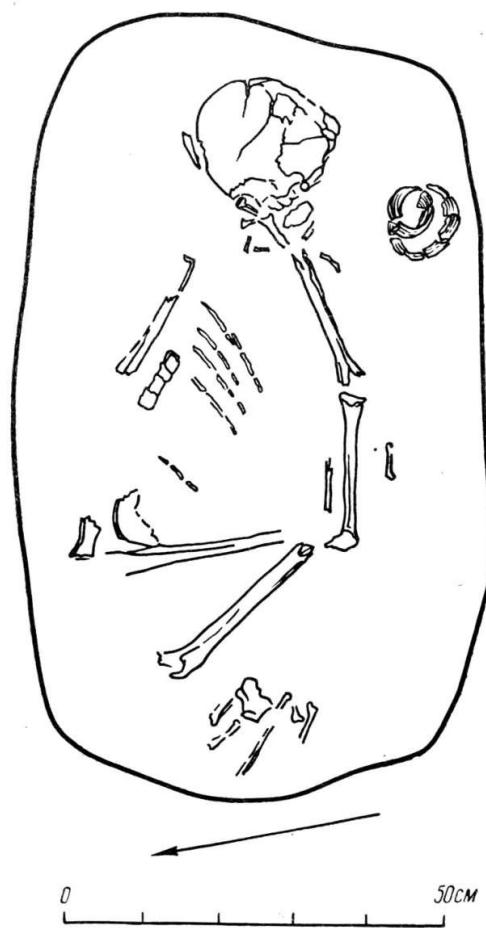

Рис. 30. Курган 50/18. Погребение № 4.

Кости плохо сохранившегося костяка (совершенно истлели ребра и позвонки, за исключением четырех поясничных, таз фрагментирован, у длинных костей разрушены эпифизы) не были потревожены или же смешены, и это позволяет полностью определить его положение. Скелет лежал на левом боку, с ногами, сильно согнутыми в тазобедренном и коленном суставах и подтянутыми коленями к грудной клетке. Кости правой руки, слегка согнутой в локте, были вытянуты от ключицы к колену пра-

вой ноги. Первоначальное положение левой руки неясно: сохранившаяся ее плечевая кость лежала севернее следов позвоночника, в параллельном ему направлении.

Череп захороненного был обращен на юго-восток-восток (ориентировка оси погребения 105°).

Инвентарь погребения. Южнее черепа скелета, на расстоянии 0.1 м от его лицевых костей, находился небольшой желтоглиняный тонкостенный лепной сосуд с уплощенным дном, выпуклым туловом, слегка отогнутым наружу венчиком (диаметр горлышка 7 см; рис. 31, I) и тщательно сглаженной внешней поверхностью.

Пол и возраст погребенного в связи с плохой сохранностью скелета определить не удалось.

Погребение № 10 (юго-западный сектор насypy, неподалеку от ее центра; глубина залегания черепа 2.42 м; рис. 32, А). Могильная яма (2.40×1 м), имевшая удлиненную подпрямоугольную форму с закругленными углами и заполненная рыхлым грунтом серого цвета, была ориентирована почти точно по направлению север-юг. Она была обнаружена и оконтурена на глубине около 2.10 м, на границе погребенной подпочвы и материка. В верхней части заполнения ямы расчищены остатки провалившегося перекрытия, закрывавшего в прошлом полость могилы. Это перекрытие состояло из двух основных продольных дубовых плах (ширина сохранившихся фрагментов до 6 см, толщина до 2 см), лежавших симметрично по оси могилы в 20 см одна от другой, и небольших поперечных плах, покрытых в древности сплошным настилом из кути, от которого сохранились отдельные обрывки. Остатки перекрытия спускались под углом около 30° от длинных боковых стенок могилы к ее центру, где они лежали на глубине большей, чем у стенок, примерно на 12—15 см. Перекрытие провалилось, вероятно, вскоре после совершения захоронения; об этом свидетельствует тот факт, что его плахи лежали непосредственно на костях скелета, не отделяясь от них проложкой земли.

Костяк погребения располагался в яме на глубине 30—40 см от ее верхней поверхности (2.38—2.50 м от нулевого реера), не по продольной оси ямы, а по диагонали, идущей от восточного угла к западному. Как мы увидим ниже, это обстоятельство

связано со вторичным использованием могилы для данного погребения.

Скелет находился на спине в вытянутом положении и был ориентирован на юго-восток (рис. 32, A). Свалившийся набок череп лежал на правой стороне и был обращен лицевыми костями на северо-восток.

небольшое пятно белой подсыпки (ее состав не выяснен). Кроме ножа, при погребенном находился раздавленный сероглиняный лощеный лепной сосуд (рис. 32, A, 1; рис. 31, 2) слабого обжига, с туловом яйцевидной формы, с небольшим вдавленным дном и отогнутым наружу венчиком. Слегка сгла-

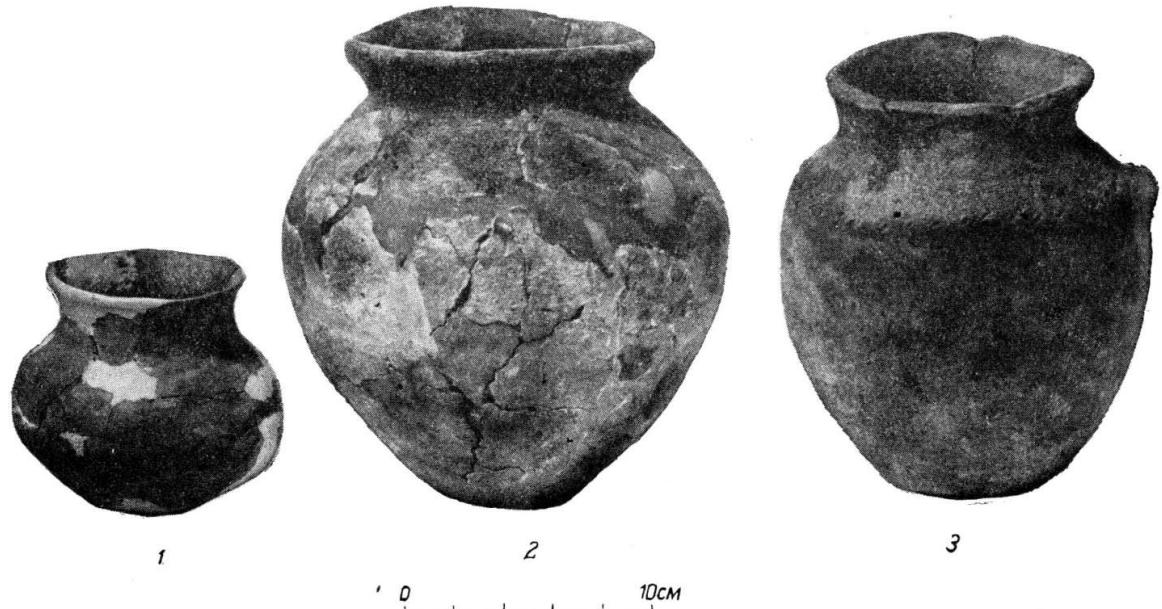

Рис. 31. Курган 50/18. Сосуды сарматских погребений.

1 — тонкостенный лепной сосуд со стяженной поверхностью (погр. № 4); 2 — яйцевидный лепной сосуд с лощеной поверхностью (погр. № 10); 3 — яйцевидный лепной сосуд со слепым ушком (погр. № 11).

Кости обеих вытянутых вдоль туловища рук находились на уровне верхних эпифизов бедренных костей и лежащие плашмя фаланги частично перекрывали большие вертелы соответствующих бедренных костей. Следует также отметить, что вертикальное положение фаланг левой стопы подтверждает мысль о раннем обвале перекрытия, произшедшем до того, как были полностью нарушены связки между отдельными костями. Погребение принадлежало мужчине среднего возраста.

Инвентарь погребения. Оно сопровождалось фрагментированным железным ножом (рис. 32, A, 2; длина лезвия 9 см, ширина 1.5 см), имевшим в древности деревянную рукоятку. Нож лежал западнее дистального конца правой бедренной кости и был обращен черенковой частью к кисти правой руки, под которой было обнаружено

женная внешняя поверхность его пятнистая, буровато-серая. Этот сосуд, оказавшийся при склейке несколько асимметричным, помещался против локтевого сустава левой руки, в 0.12—0.15 м к юго-западу от него.

После того как описанный скелет был разобран, под его берцовыми костями (главным образом правой ноги) и особенно под черепом были обнаружены остатки горизонтального деревянного настила, состоящего, вероятнее всего, из одной, положенной посередине могилы, длинной и широкой (до 0.40 м) тополевой (?) плахи. По восточной длинной стенке могильной ямы с глубины 18—37 см от поверхности, на которой она была выявлена, прослеживались три группы вертикально стоящих или несколько наклоненных верхними концами к северному углу могилы тополевых столбиков (кольев). Остатки этих кольев находились посередине

стенки (следы 5 столбиков, из которых самый большой достигал в ширину 10 см, а другой — 8 см, остальные были значительно меньше), в ее южной части (остатки двух кольев шириной в 8—10 см) и в северном углу могильной ямы (остатки 4—5 небольших кольев). Нижние концы некоторых, вероятно лучше сохранившихся столбиков, уходили на 8—10 см ниже уровня, на котором лежало захоронение, в слой подсыпки, отделявшей погребение № 10 от ранее совершенного захоронения (№ 10-а).

Погребение № 10-а (глубина залегания черепа 2.75 м; рис. 32, Б). Оно было обнаружено на материковом дне описанной выше могильной ямы, которая в нижней части несколько меняла свою форму и становилась более узкой в северном конце за счет более значительного округления северо-западного угла могилы.

Разделяющий верхнее (№ 10) и нижнее (№ 10-а) погребения слой мощностью в 30—40 см состоял из серой мешаной земли, в которой археологические предметы отсутствовали. Что же касается материкового дна могилы, то оно находилось ниже той поверхности, с которой была начата выборка ямы, на 67 см (в южной части могилы), 80 см (в средней части) и 82 см (в северной части). Таким образом, дно могилы по линии продольной оси было не горизонтальным, а несколько наклонным, углубляющимся в северном направлении.

Непосредственно под слоем земли, лежащим между двумя погребениями, были обнаружены остатки сплошного горизонтального перекрытия из дерева, наиболее сохранившегося в южной части ямы. Это перекрытие было образовано тополевыми плахами, лежащими в поперечном направлении. На тополевых плахах в южном конце могилы в продольном направлении лежала доска, а в северной части ямы находились фрагменты нескольких небольших слег, также ориентированных под углом к поперечным тополевым плахам. Продольные и поперечные плахи основы покрывались сплошным слоем истлевшей коры.

Сразу же под перекрытием были расчищены следы боковых стенок плохо сохранившегося деревянного гробовища прямоугольной формы (рис. 32, Б, 9). Длина гробовища 1.70 м, ширина в северной части 0.67 м, ширина в южной, где оно было более узким, — 0.47 м. Оно было несколько

смещено от центра могилы к ее длинной восточной стенке, верхняя часть которой несколько нависала над дном могильной ямы.

Кости скелета плохо сохранились (чертеп и таз, как и длинные кости ног, фрагментированы, у правой руки отсутствовали дистальные концы предплечья и кости кисти, не было также дистальных концов голени правой ноги и стоп обеих ног), но все лежали *in situ* в гробовище на подстилке из кути, от которой осталось белое пятно. Костяк, как и гробовище и могильная яма, располагался по оси ЮЮВ—ССЗ и был направлен черепом на юг-юго-восток. Он лежал на спине с вытянутыми конечностями (руки размещались вдоль туловища, левая кисть — у верхнего конца левого бедра), а раздавленный череп был наклонен направо.

Инвентарь погребения. Погребение оказалось женским и сопровождалось значительным набором вещей. Под черепом были обнаружены два собирающихся обломка круглого бронзового зеркала с валиком по краю на одной поверхности (рис. 32, Б, 1; рис. 29, 11) и тонкая золотая спиралевидная проволока (1 $\frac{3}{4}$ оборота; рис. 29, 7), а справа от черепа перед лицевыми kostями находились небольшое шаровидно-уплощенное пряслице из песчаника (рис. 32, Б, 4; рис. 29, 8), обломок бронзовой ручки (рис. 32, Б, 5), рассыпавшийся при разборе захоронения, две небольшие окатанные гальки (рис. 32, Б, 2), плоский глиняный кружок (рис. 32, Б, 3; рис. 29, 6), четыре целые стеклянные позолоченные бусины (рис. 32, Б, 6; рис. 29, 9) и их обломки. Кроме того, в погребении были найдены: прямоугольная пронизка (под правым плечом) и пронизка вытянутой, бочкообразной формы (под шейными позвонками), фрагмент глиняного пряслица усеченно-конической формы (у правого бедра; рис. 32, Б, 7; рис. 29, 10), мелкие бусы (между ступнями ног — вероятно, были нашиты на обувь; рис. 32, Б, 8), медная бусина.

Погребение № 11 (примерно в 10 м восточнее центра кургана; глубина залегания черепа 2.45 м; рис. 29, В). Границы могильной ямы (рис. 32, В) были выявлены на глубине 2.10 м. В верхней части она имела вытянутую прямоугольную форму (2.05 × 1.00 м) с закругленными углами. Дно ямы, ориентированной по оси ЮЮВ—ССВ и впущенное в материк, лежало в сред-

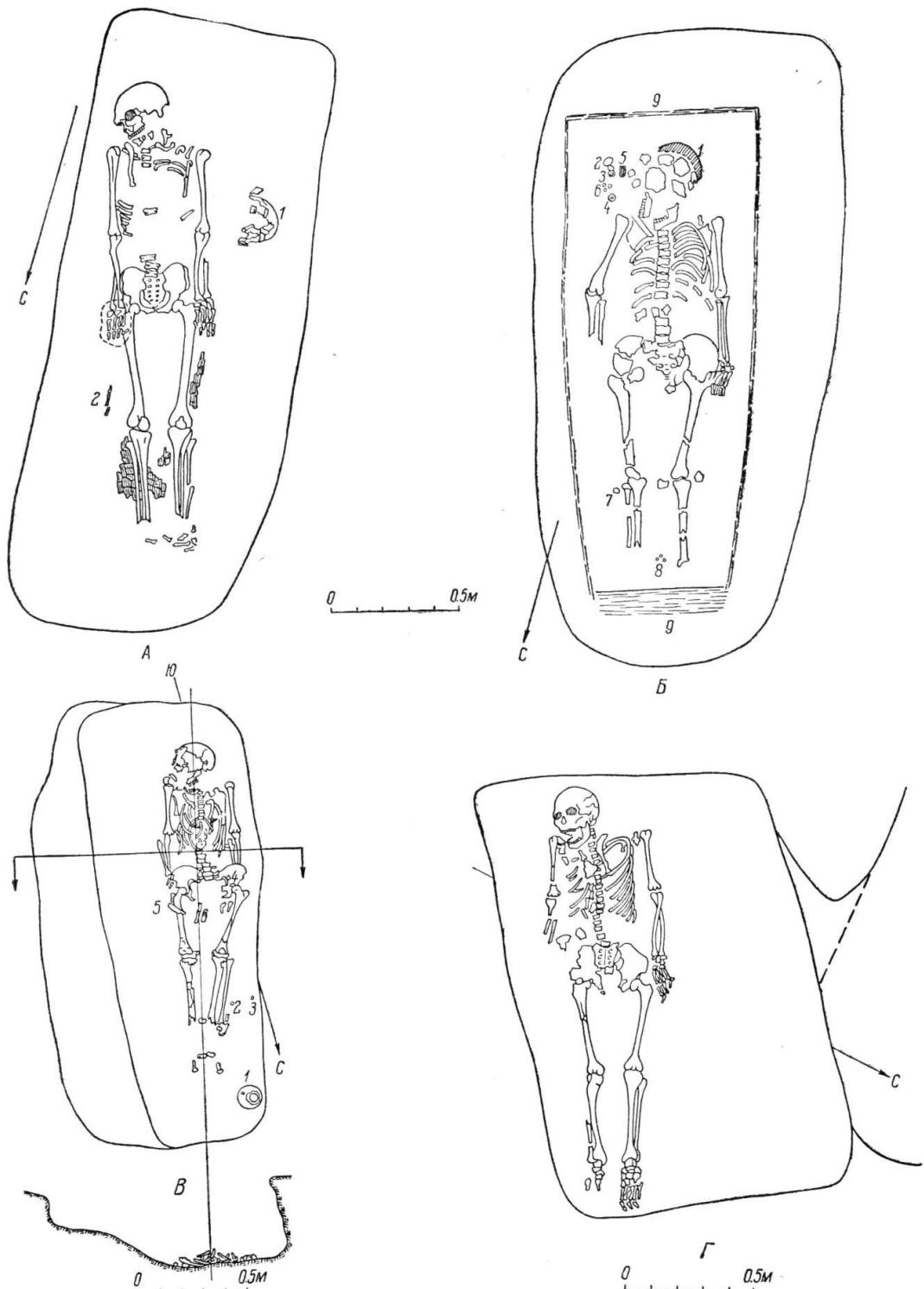

Рис. 32. Курган 50/18. Сарматские погребения.

А — погр. № 10: 1 — сосуд, 2 — железный нож; Б — погр. № 10-а: 1 — два собирающихся фрагмента бронзового щита, 2 — две окатанные гальки, 3 — глиняный кружок, 4 — прядильце (песчаник), 5 — обломок бронзовой ручки, 6 — стеклянные бусы, 7 — фрагменты глиняного пряслица, 8 — мелкие стеклянные бусы, 9 — следы гробовщика; В — погр. № 11: 1 — сосуд со слепым ушком, 2, 3 — фрагменты бронзовой фибулы, 4 — окись от бронзовой фибулы на костях таза, 5 — железный нож, 6 — второй железный нож с орнаментированной насечками роговой рукояткой; Г — погр. № 12.

нем на 50 см глубже той поверхности, с которой началась ее расчистка.

При расчистке ямы было выяснено, что вдоль длинной восточной стенки ее имелась материковая ступенька шириной от 0.12—0.25 м (в южной части) до 0.34 м (в северной части). Таким образом, в своем основании могила была еще более узкой, особенно в северном конце (ширина до 0.5 м). Слегка наклоненная к продольной оси ямы площадка ступеньки в поперечном разрезе плавно соединялась с профилем дна могилы. Эта площадка была расположена на 25—32 см ниже горизонта начала расчистки и в среднем на 18—22 см выше дна могилы. По восточному краю она была ограничена отвесной стенкой могилы. Следует отметить, что в рыхлом гумусированном заполнении ямы над материковой ступенькой встречались остатки тонкой коры от сучьев, которыми в древности, вероятно, была перекрыта эта ступенчатая часть камеры.

Скелет, у которого отдельные кости были либо смещены (ребра, часть позвонков, стопы ног), либо частично повреждены грызунами (череп, таз, левая голень), лежал вдоль западной длинной стенки могилы, которая несколько выступала в своей верхней части, нависая над дном (особенно значительно в южной части, у черепа). Костяк помещался в деревянном гробовище, остатки стенки которого были прослежены на материковом дне могилы вдоль левой стороны костяка, а остатки днища — под костями грудной клетки. Скелет лежал на спине, был вытянут и ориентирован черепом, свалившимся на правую сторону, к правой ключице, на юг-юго-запад. Кости рук лежали вдоль туловища, причем дистальные концы костей предплечья обеих рук и кость левой руки перекрывались соответствующими подвздошными костями таза.

Инвентарь погребения. В северном углу ямы на дне ее стоял красноглиняный лепной горшок яйцевидной формы (высота 18 см), суживающийся к небольшому уплощенному дну, с узким горлом (рис. 32, B, 1; рис. 31, 3). Венчик горшка был слегка отогнут наружу, а на плечиках помещалось небольшое слепое ушко, на уровне которого сосуд опоясывался линией ямочных вдавлив. В 15 см к северу от стопы левой ноги была найдена часть сильно окислившейся бронзовой арбалетовидной фибулы (рис. 32, B, 2); другие фрагменты от этой же фибулы

находились между проксимальной частью берцовых костей левой ноги и длинной западной стенкой могилы (рис. 32, B, 3). Пятно бронзовой окиси на левой подвздошной кости таза (рис. 32, B, 4) указывает на то, что фибула (рис. 29, 1), очевидно, первоначально помещалась в области пояса, а затем была разрушена и перемещена по частям грызунами. Верхняя часть правой бедренной кости перекрывалась лезвием железного ножа (рис. 32, B, 5; рис. 29, 3), который был, возможно, вложен в кисть правой руки. Второй железный нож, с роговой рукояткой (длина лезвия 4.5 см, ширина его 0.7 см, длина рукоятки 9.5 см, ее толщина в поперечнике 2.5 см), украшенной четырьмя группами двойных насечек (рис. 32, B, 6; рис. 29, 2), помещался вблизи от первого ножа — с внутренней стороны правой бедренной кости и, возможно, ранее висел на поясе.

Нельзя не обратить внимания на то, что это захоронение, как и сарматские погребения №№ 10—12, открытые в 1950 г. в кургане 30/6, вероятно, было помещено в неглубоком подбое, свод которого находился на границе погребенного гумуса, слоя подпочвы и нижней части курганной насыпи и обрушился в древности. На возможность подобного предположения указывают как некоторое нависание длинной западной стенки над дном могилы и наличие ступеньки вдоль противоположной, восточной стенки, так и смещение погребения к западной стенке (рис. 32, B, разрез), лучшая сохранность гробовища в этой части, признаки существования простого перекрытия, не распространившегося на всю площадь могилы, а связанного только с местоположением ступеньки.

Погребение № 12 (южная половина насыпи, вблизи от центра кургана; рис. 32, Г). Как указывалось выше, это погребение не сопровождалось инвентарем и поэтому его отнесение с сарматскому времени не может считаться бесспорным. Могильная яма (рис. 33, 2, 3), имеющая в плане форму параллелограмма со слегка закругленными углами (размер 1.70×1.10 м), примыкала к юго-восточному углу более древней и большей по размерам могилы эпохи бронзы (см. погр. № 9) и частично срезала его. Продольная ось ямы была ориентирована по линии СВ—ЮЗ, а ее стенки отвесно спускались ко дну, наход-

дившемуся на 1.40—1.65 м ниже горизонта расчистки ям №№ 9 и 12 (выборка ямы начата с глубины 2.20 м), в среднем на 1 м ниже дна могилы № 9. В заполнении верхней части могильной ямы № 12, состоящем из очень плотного темного суглинка, наряду с фрагментами горшка с лощеной поверхностью были встречены мелкие обломки более древнего сероглиняного лепного сосуда с примесью толченой раковины в тесте с шнуроным орнаментом на поверхности. Ниже характер заполнения ямы менялся и до дна шла серая, влажная, мешаная земля.

В слое этой засыпи, не на материковом дне ямы, а выше его в среднем на 0.60—0.80 м, лежал скелет на спине, в вытянутом положении, с руками вдоль туловища (глубина залегания черепа 2.90 м; рис. 32, Г). Он был ориентирован на юго-запад-запад и занимал не середину ямы, которая была по длине несколько мала для него (череп и фаланги левой ноги вплотную подходили к противоположным коротким стенкам могилы), а был смещен к юго-восточной стенке. Сохранность погребения удовлетворительная (из повреждений следует отметить смещение ребер правой стороны грудной клетки грызунами и разрушение ими же нижней части предплечья и кисти правой руки). Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. На левой теменной кости черепа различались следы удара острым оружием, что, по-видимому, и явилось причиной смерти.

Ниже этого погребения при выборке заполнения нижней части ямы не было обнаружено ни остатков костей скелета, ни предметов погребального инвентаря. Таким образом, в данном случае соотношение погребения № 12 и могильной ямы, в которой оно занимало такое необычное положение, остается неясным. Вполне возможно, что погребение № 12 в этой яме было вторичным и помещено после того, как более раннее захоронение оказалось полностью уничтоженным. Однако время сооружения самой могилы, как и дата погребения № 12, остаются неопределенными. Очень слабо прослеживающиеся следы работы на стенах ямы не позволяют установить это.

Погребения эпохи бронзы

Из трех погребений эпохи бронзы неподтвержденным оказалось лишь одно, № 5, находившееся в катакомбе. Погребение № 9,

помещенное в грунтовой могиле и являющееся, по-видимому, несколько более древним, чем катакомбное захоронение, было полностью разрушено в древности, очевидно при ограблении. Фрагментарно сохранилось и впущенное в насыпь кургана погребение № 6.

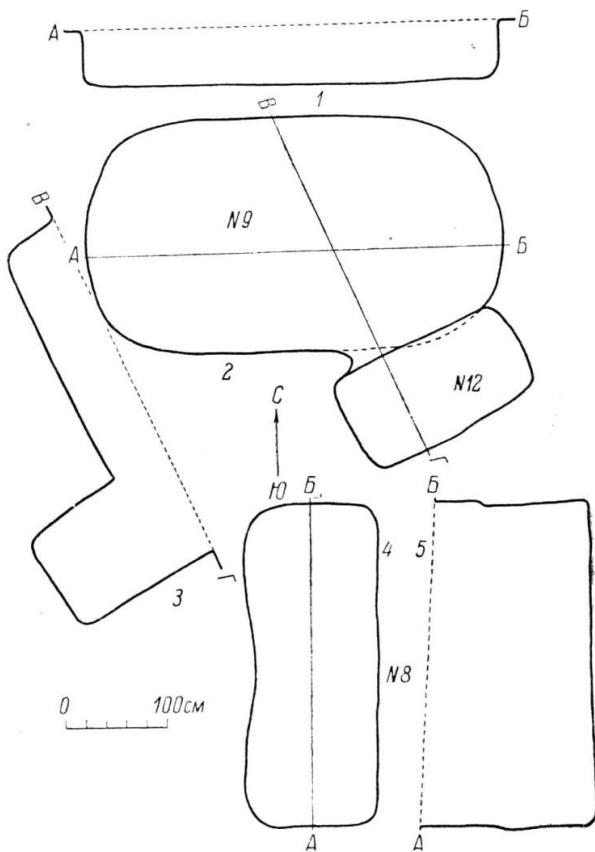

Рис. 33. Курган 50/18. Могильные ямы №№ 8, 9 и 12. План и профили.

1 — продольный разрез могилы № 9; 2 — план могил №№ 9 и 12; 3 — разрез тех же могил; 4 — план ямы № 8; 5 — разрез ямы № 8.

Погребение № 5 (рис. 34). Местонахождение ведущего в катакомбу колодца, благодаря тому что он был заполнен почти чистым материковым грунтом, было установлено на глубине около 1.9—2.10 м при разборке нижней части курганной насыпи и погребенного под ней почвенного слоя. Этот колодец, находившийся севернее центральной точки кургана, имел подпрямоугольную форму со слегка закругленными северным и северо-восточным углами и выпуклой короткой юго-западной сто-

роной (оси колодца 2.30 и 1.80 м) и ориентировался длинной осью по линии ЮЗ—СВ (рис. 34, 1). Как выяснилось после выборки

боты древними землекопными инструментами. Последние состояли из вертикальных или же слегка наклонных, проложенных

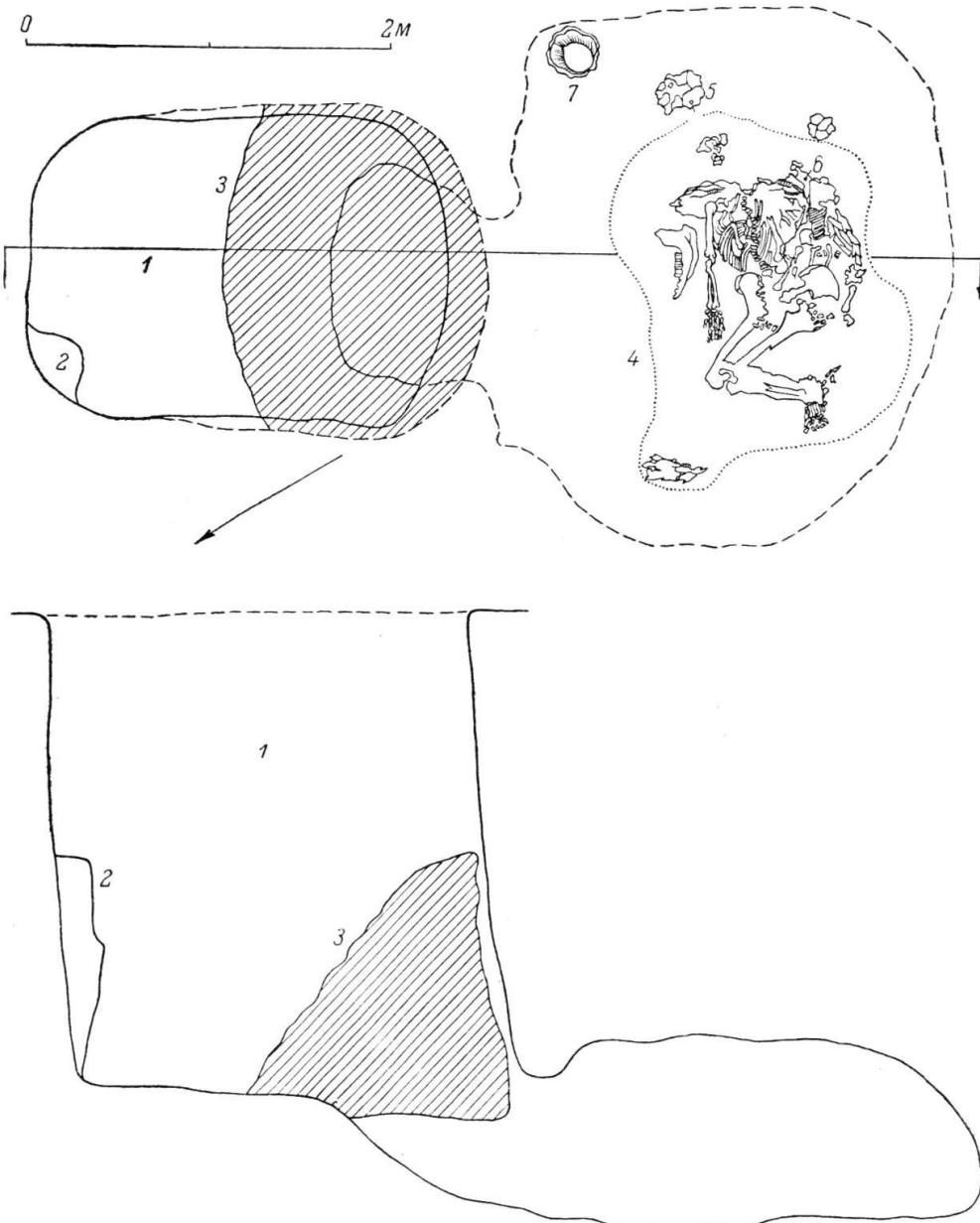

Рис. 34. Курган 50/I8. Погребение № 5. План и разрез.

1 — колодец катакомбы; 2 — материковая ступенька входного колодца; 3 — материковая пробка, закрывающая устье катакомбы; 4 — границы белого пятна на дне катакомбы (остатки подстилки из кути?); 5 — серебряное колечко; 6 — остатки бронзовой спирали; 7 — донная часть сосуда (курильница).

заполнения колодца, его стенки отвесно спускались ко дну, а на их материковой поверхности хорошо сохранились следы ра-

желобчатых полос шириной до 2—3 см и глубиной обычно от 0.4 до 0.8 см. Как характер поверхности проложенных полос, так и сохра-

нившиеся в некоторых местах негативные отпечатки рабочего конца орудия позволяют говорить о деревянных клиньях (по крайней мере двух типов), при посредстве которых вырывалась яма. При этом описанные следы (их наибольшая длина составляет от 0.7 до 1.1 м) располагались на стенках колодца в виде трех горизонтальных ярусов проложенных полос, что свидетельствует об од-

было ориентировано длинной осью (2.92 м) с северо-запада на юго-восток, т. е. в направлении, поперечном оси колодца. Ширина dna катакомбы 2.38 м. Дно катакомбы лежало на 0.75 м ниже dna колодца, в центральной части последнего, и было покрыто слоем мелко отмученного суглинка (мощность около 0.40 м), принесенного сюда проникавшими водами. Высота хорошо со-

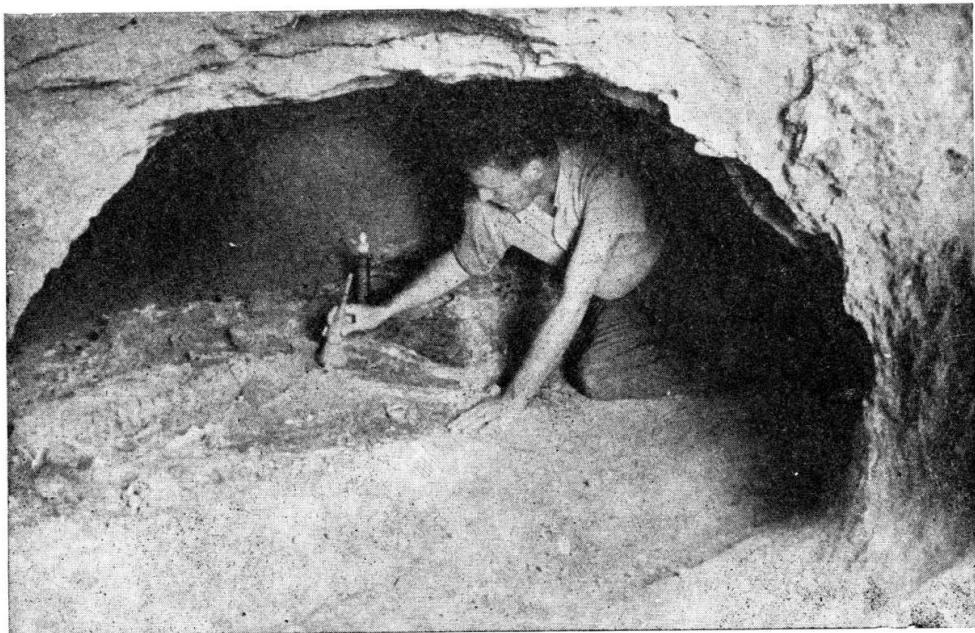

Рис. 35. Курган 50/18. Погребение № 5. Расчистка катакомбы.

новременном углублении всего колодца сначала на первую глубину (так сказать, на «первый штык»), а затем далее. Следует также отметить, что аналогичные следы работы прослеживались и на своде катакомбы, а в северном углу входного колодца сохранилась небольшая, вырубленная в материке ступенька (рис. 34, 2).

Дно колодца от центра значительно понижалось к юго-западной короткой стенке, в которой находился сводчатый вход в катакомбу. Устье катакомбы было забито пробкой из больших плотных материковых глыб (рис. 34, 3), причем между пробкой и стенкой колодца сохранилась узкая щель, по которой вода, замывшая поверхность стенки, неоднократно проникала в погребальную камеру. Основание катакомбы имело неправильную, трапециевидно-овальную форму и

хранившегося и почти не осыпавшегося потолка катакомбы над ее полом доходило до 1 м.

При расчистке (рис. 35) на две катакомбы были открыты два плохо сохранившихся скелета — взрослого и ребенка, лежащие на белом пятне (по-видимому, остатки подстилки из кути; рис. 34, 4). Скелет основного захоронения, взрослого, ориентированный на восток, лежал на правом боку с согнутыми в обоих сочленениях ногами. Правая рука его была вытянута от плеча к дистальному концу правой бедренной кости. Из костей значительно хуже сохранившейся левой руки плечевая размещалась вдоль костей туловища, кости предплечья, по-видимому, были согнуты в локтевом суставе, а фаланги обнаружились на месте отсутствующих лобковых костей

таза. Что же касается черепа, то он оказался совершенно разрушенным и сплющенным и его остатки находились в 0.56 м к востоку

рого являлись найденные на дне катакомбы челюсти и, в меньшем количестве, кости конечностей коровы и барана. Эти кости располагались главным образом слева от детского скелета, в восточной части обоих погребений и справа от грудной клетки захоронения взрослого.

Инвентарь погребения. Инвентарь, сопровождавший двойное погребение, состоял из серебряного, сильно окислившегося колечка (рис. 34, 5; рис. 36, 1; найдено среди остатков костей черепа скелета взрослого), также плохо сохранившегося и рассыпавшегося при разборе погребения бронзового спирального завитка (рис. 34, 6; лежал под челюстью барана, несколько восточнее шейных позвонков ребенка) и курильницы (рис. 34, 7).

В качестве курильницы была использована донная часть большого сероглинянного лепного сосуда (рис. 36, 2), внешняя поверхность которого была украшена до самого дна пересекающимися группами парал-

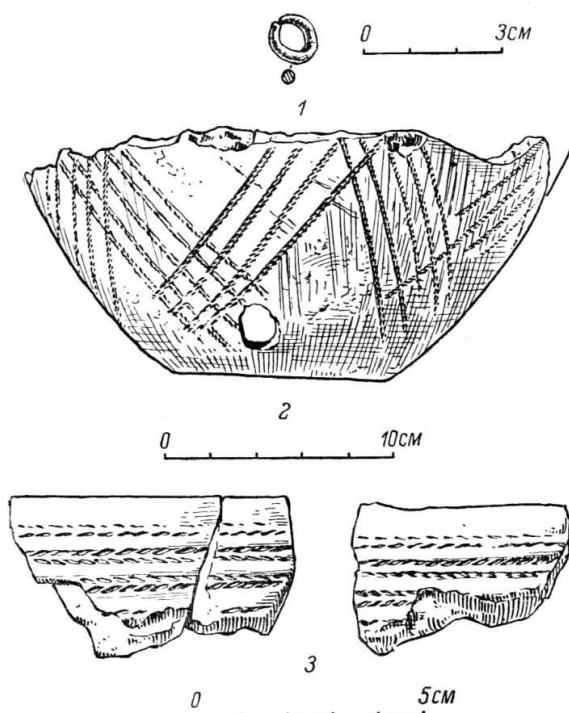

Рис. 36. Курган 50/18. Инвентарь погребений №№ 5 (1 и 2) и 9 (3).

1 — серебряное колечко; 2 — донная часть орнаментированного лепного сосуда (курильница); 3 — фрагменты венчика лепного сосуда со шнуровой орнаментацией.

от верхних позвонков, уже за пределами пятна белого тленя.

На 0.16 м южнее скелета взрослого, против его позвоночника, располагался скелет ребенка, лежавший на спине с вытянутыми ногами (нижние концы бедренных костей и берцовые кости перекрывались подвздошной костью таза взрослого) и, по-видимому, с протянутыми вдоль туловища левой и правой руками. Детский скелет ориентировался так же, как и взрослый, а остатки его черепа в виде овального пятна совершенно истлевших и спрессованных костей были обнаружены в 0.48 м к востоку от его же шейных позвонков.

Скелет захоронения взрослого в ряде мест, причем особенно интенсивно у стоп ног, был посыпан охрой.

Оба погребения сопровождались обильным приношением пищи, остатками кото-

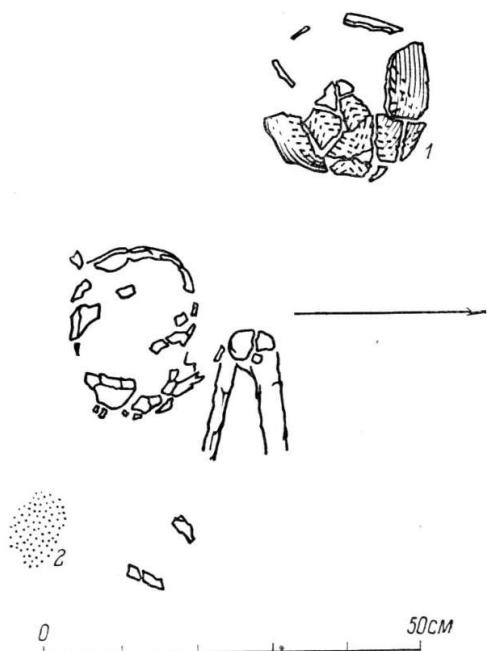

Рис. 37. Курган 50/18. Погребение № 6.
1 — фрагменты лепного орнаментированного горшка;
2 — пятно охры.

льных оттисков двойного шнура. На этой внешней, слегка сглаженной поверхности, а еще более отчетливо на внутренней поверх-

ности заметны следы работы гребенчатым штампом. В изломе черепок темно-серый, без существенных примесей в тесте. Курильница стояла на небольшой материковой приступке в восточном углу катаомбы. На дне курильницы находились зола, угли и несколько мелких обломков кальцинированных костей, а в ее боковой стенке у дна было пробито небольшое отверстие овальной формы.

Погребение № 6 (рис. 37). Оно открыто в центральной части насыпи, в 2 м к востоку от нулевого репера. Большая часть захоронения разрушена окопом военного времени, на месте сохранился только фрагментированный череп (глубина залегания 0.97 м), лицевые кости которого были особенно сильно повреждены, часть плечевой кости и ключицы левой руки. Эти кости были покрыты красной охрой. Кроме того, пятно такой же охры находилось в 0.10 м к югу от черепа (рис. 37, 2). Судя по положению сохранившихся костей, скелет был ориентирован на запад и, вероятно, лежал на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища.

Инвентарь погребения. В 0.20 м к северо-западу от черепа находился раздавленный землей горшок (рис. 37, 1). Поверхность выпуклого тулона этого сероглиняного лепного сосуда, обращенного горлом на юг, а днищем на север, была украшена гребенчатым чеканом, образующим елочный орнамент (рис. 38, 1). На свободной от этого орнамента поверхности низкого горла со слегка отогнутым наружу краем отчетливо заметны следы сглаживания в виде вертикальных и, на одном участке, горизонтальных борозд. На одной стороне горшка на уровне основания горла рядом располагались два отверстия, проделанные в уже обожженном черепке и являющиеся следами древней реставрации (рис. 38, 2).

Погребение № 9 (рис. 33, 1—3). Грунтовая яма вытянуто-овальной формы с почти параллельными длинными сторонами и выпуклыми короткими находилась в центре кургана, несколько южнее его высшей точки, и была ориентирована продольной осью по направлению запад—восток (размеры ямы 4×2.3 м). Она была опознана на несколько большей глубине (около 2.20—2.30 м), чем колодец катаомбы № 5, и поэтому, вероятно, является наиболее древней из числа ям, открытых при рас-

копках кургана. Заполнение ямы, состоящее из слежавшегося темного суглинка с редкими примазками мелких комков чистого материка, резко отличалось от ржаво-желтого материального суглинка, в который могила была впущена. Стенки ямы вертикально спускались к горизонтальному дну, лежащему на 0.65 м ниже того уровня, на котором были определены границы ямы.

При выборке заполнения ямы в разных местах ее были найдены отдельные обломки костей человеческого скелета, которые встречались начиная с глубины 0.10—0.15 м от горизонта расчистки (части женского таза, зубы *adultus*) и до дна могилы (плечевая кость, мелкие фрагменты черепа и др.). На обломках черепа и других костей сохранились явные следы красной охры; кроме того, отдельные крупинки ее встречались в виде примазок в заполнении ямы.

На разных глубинах в засыпи могилы найдены мелкие обломки одного и того же сосуда эпохи бронзы — темно-серого в изломе, с примесью толченой раковины в тесте и более светлыми, серыми, внешними поверхностями. Форма всего сосуда не может быть восстановлена. Вероятнее всего, он был чащевидным (диаметр по венчику около 12 см). Его внешняя поверхность украшалась орнаментом из параллельно расположенных, горизонтальных оттисков двойного шнура, располагавшихся непосредственно под венчиком и далее ниже его (рис. 36, 3). На одном небольшом фрагменте сохранился и другой орнамент — из параллельно продавленных прямых линий.

Юго-восточный угол могилы был задет и слегка срезан более глубокой, подпрямоугольной ямой меньшего размера, ориентированной осью по линии ЮЗ—СВ и содержащей погребение № 12, лежащее на слое подсыпи. Заполнение последней могилы в верхней части было аналогично заполнению ямы № 9, в обоих случаях встречались на разных глубинах фрагменты того же сосуда со шнуровым орнаментом. Очевидно, или с оружием этой подпрямоугольной глубокой могилы, или с впусканiem в нее вторичного погребения № 12 следует связывать полное разрушение и ограбление захоронения эпохи бронзы в яме № 9.

Кроме перечисленных погребений, к эпохе бронзы также относится уже упоминавшаяся грунтовая яма № 8 (рис. 33, 4, 5), находившаяся в центральной части

кургана, на 4.5 м юго-восточнее нулевой точки. Эта яма имела вытянутую прямоугольную форму с закругленными углами

ницы были определены на глубине около 2 м — на горизонте древней дневной поверхности, а стенки отвесно спускались

Рис. 38. Курган 50/18. Погребение № 6.

1 — лепной орнаментированный горшок; 2 — его верхняя часть со следами древней реставрации (деталь).

(длина 3.10 м, средняя ширина 1.30 м) и была ориентирована по линии север—юг с небольшим отклонением в северной части на запад, а в южной — на восток. Ее гра-

к ровному горизонтальному дну (на глубине 3.62 м).

Заполнение ямы было совершенно стерильным и не содержало никаких находок.

Точно так же и на ее материковом дне не было обнаружено никаких следов, которые бы свидетельствовали о наличии в ней в древности захоронения или же какого бы то ни было погребального инвентаря.

Таким образом, точное назначение этой большой ямы, как и причины, по которым она осталась совершенно пустой, не может быть раскрыто. Между тем ее датировка эпохой бронзы вряд ли может быть подвергнута сомнению. Основаниями для такого определения времени ее появления служит как горизонт, с которого она, очевидно, была спущена (погребенная дневная поверхность), так и, главным образом, отчетливо сохранившиеся на ее вертикальных материковых стенах следы работы по их выравниванию. Следы состояли из проложенных узких желобчатых полос и затесов, совершенно аналогичных следам работы на стенах колодца, ведущего в катакомбу (погр. № 5), и были оставлены вбиваемым в материковый грунт заостренным деревянным клином.

Вторая открытая при раскопках кургана яма, которая не была связана с погребением и, очевидно, относилась к значительно более позднему времени, имела необычную для могилы форму. Она была обнаружена при разборке первоначально оставленной осевой перемычки восточнее нулевого репера, неподалеку от описанной выше ямы. Эта вторая яма прослеживалась в насыпи с глубины 0.9 м, где она имела форму небольшого квадратного колодца (со сторонами 0.75—0.80 м), ориентированного по странам света. Ниже яма, несколько расширяясь и приобретая неправильную форму, уходила наклонно в северном направлении до глубины 2.60 м. Мешаное заполнение ямы состояло из чередующихся и в нижней части косо залегающих, неровных, тонких прослоек материкового грунта и гумусированного суглинка, из которого была сложена курганская насыпь. Сделанные при выборке заполнения верхней части ямы и вблизи от нее, на том же горизонте, с которого яма прослеживалась, находки нескольких фрагментов сосудов амфорного типа, изготовленных на гончарном круге, указывают, очевидно, на то время, когда она была вырыта.

Вероятнее всего, этот колодец является свидетельством древних раскопок курганов населением Белой Вежи, которые в данном

случае не дали результатов. О том, что подобные раскопки практиковались сравнительно часто и не всегда были бесплодными, говорят довольно многочисленные находки предметов, возможно происходящих из захоронений эпохи бронзы и скифо-сарматского времени, в курганах Нижнего Подонья, обнаруженные при исследовании славянского слоя Саркела—Белой Вежи в 1949—1951 гг. (кремневая стрелка катакомбного типа, бронзовый срубный нож и обломок сверленого молота, скифское бронзовое зеркало, пастовая фигурка льва и др.).

Заканчивая описание раскопок кургана, следует остановиться на одной особенности его плана (рис. 28), а именно на сосредоточении большинства выявленных захоронений в южной части насыпи. Во второй, северной половине кургана находились лишь катакомбная могила (№ 5), с которой, возможно, была связана подсыпка начальной курганной насыпи, и два наиболее поздних захоронения (№№ 2 и 7).

КУРГАН 51/19

Малый курган 51/19 располагался южнее кургана 50/18. При этом южная оконечность насыпи 50/18 сливалась с северной оконечностью насыпи 51/19 (расстояние между центральными точками обоих курганов, которые лежали по одной линии — север—юг, составляло 53 м). В плане курган суживался в северном направлении и имел форму неправильного овала. Оси его насыпи составляли 33 м (направление запад—восток) и 41 м (север—юг) при высоте от 0.65 до 0.75 м; насыпь сливалась с рельефом местности.

На поверхности кургана различались следы от двух заплыvших одиночных стрелковых ячеек: одна из них находилась в юго-западной четверти насыпи, вторая — у основания восточной полы кургана.

Как и у больших курганов описываемой группы (30/6, 50/18), плотность грунта, слагающего насыпь, в центре кургана оказалась значительно мягче, чем в периферийной части. В то же время, очевидно, эта насыпь в связи с малыми размерами не могла принадлежать к курганам так называемого типа «верблюд», состоящим из двух первоначально самостоятельных, а затем слившихся вместе небольших насыпей. Вероятнее всего, различную плотность насыпи на отдельных

участках следует объяснить в данном случае почвенными процессами, происходящими в курганной насыпи в течение длительного

ребра и позвонки, нижняя челюсть), часть разрушена (правая подвздошная, кости таза, эпифизы голени и др.) или же отсутствовала (левое плечо, правое предплечье, стопы ног), лежал на спине и был ориентирован на

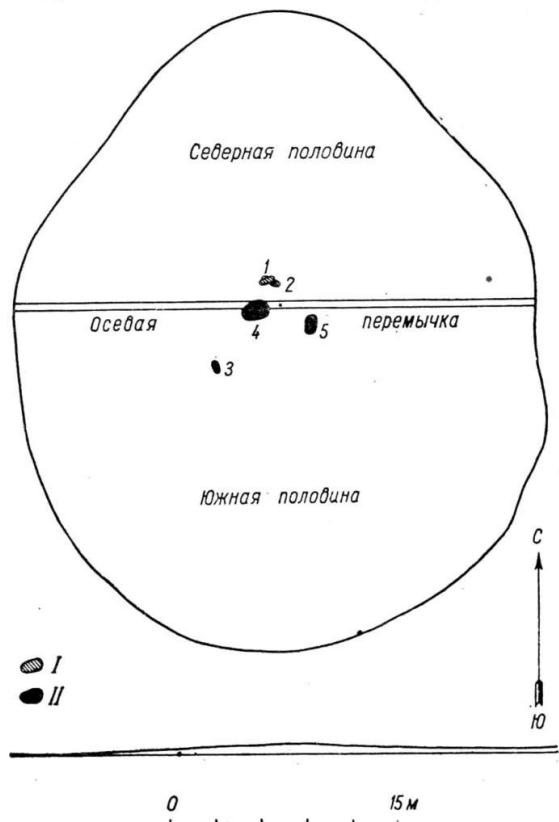

Рис. 39. Курган 51/19. Общий план.

Цифрами (1—5) обозначены номера погребений. I — погребения сарматского времени; II — погребения эпохи бронзы.

периода времени (возможно, постоянным отложением мелких отмеченных частиц грунта на склонах насыпи).

Курган снимался скрепером. Осевая перемычка, оставленная по направлению запад—восток, имела толщину в 0.50 м. Всего при раскопках кургана было выявлено пять погребений (рис. 39), из которых три (№№ 3, 4 и 5) относились к эпохе бронзы и два, по-видимому связанные между собой, но не совсем одновременные, — к сарматскому времени (№№ 1 и 2).

Погребение № 1 (северная половина насыпи, в 1.80 м к северо-западу от центра; глубина залегания черепа 0.84 м; рис. 40). Оно принадлежало ребенку (мальчику?) в возрасте 7—8 лет. Скелет, часть костей которого была смещена (отдельные

Рис. 40. Курган 51/19. Погребение № 1.

1 — кость овечьей ноги; 2 — сосуд баночного форм; 3 — орнаментированный сосуд баночного форм; 4 — стеклянный бисер; 5 — стеклянная круглая подвеска; 6 — раковинка.

юго-запад-запад (250°). Череп располагался на левой стороне и был обращен лицевыми kostями на северо-запад. Плечевая кость правой руки и предплечье левой размещались вдоль туловища.

Инвентарь погребения. Погребение сопровождалось двумя лепными горшками, перламутровыми и пастовыми

пронизками и приношением пищи, остатками которой являлись кости ноги овцы вместе с лопаткой, лежащие в анатомическом порядке и перекрывающие середину правой большой берцовой кости детского скелета (рис. 40, 1). Один из сосудов находился в ногах, правее оси погребения (рис. 40, 2; рис. 41, 1). Он имел форму, близкую к баночной, со слегка вздутым туловом (верхняя часть сосуда не сохранилась, диаметр дна 6 см, диаметр тулов 10 см). Тесто в изломе черное, без примесей. Внешняя желтоватая с отдельными серыми пятнами поверхность не орнаментирована. На дне сосуда находились кости стопы молодого барана. Второй сосуд, больший по размеру, стоял справа от черепа на месте правой ключицы (рис. 40, 3; рис. 41, 2). Он также имел вытянутую баночную форму, но более заметно расширялся посередине высоты (высота сосуда 17 см, диаметр дна 6.5 см, диаметр венчика 12 см, диаметр тулов 16 см). По слегка отогнутому наружу краю венчика были нанесены косые насечки. Следы лощения на внешней, слегка сглаженной и неравномерно обожженной поверхности обоих горшков отсутствовали.

В той же части погребения, где находился второй сосуд, справа от черепа (в области шейных позвонков) были найдены 33 стеклянные бисеринки (синие и желтые с посеребренной поверхностью; рис. 40, 4; рис. 42, 3), круглая плоская подвеска светло-зеленого стекла (рис. 40, 5; рис. 42, 2) с ирризионированной поверхностью и одна маленькая спиральная раковина (рис. 40, 6; рис. 42, 1), являющаяся, очевидно, остатками шейного ожерелья.

При разборке этого погребения под его костями были открыты кости туловища захоронения № 2, лежащего на 14—20 см ниже погребения № 1 и ориентированного отлично от него.

Погребение № 2 (у центра насыпи, на том же участке северной половины, что

и погребение № 1; глубина залегания черепа 1. 07 м; рис. 43). Скелет мужчины возмужалого возраста, ориентированный черепом на восток с небольшим отклонением к югу, лежал на левом боку со скорченными ногами. Руки находились по одну сторону от костей корпуса, южнее их. При этом левая рука была

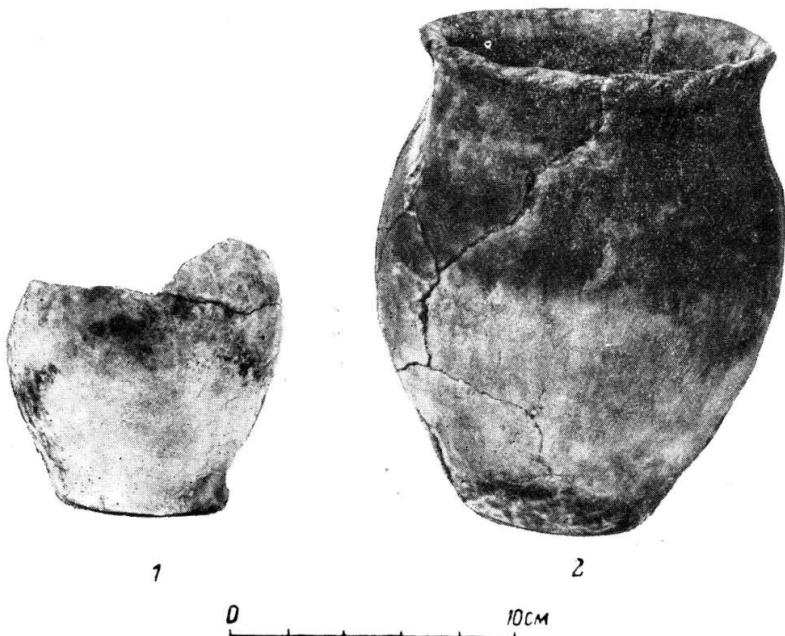

Рис. 41. Курган 51/19. Сосуды из погребения № 1.

1 — лепной сосуд баночной формы; 2 — лепной сосуд баночной формы с насечками по венчику.

вытянута от лопатки к коленям, а перекрывающая ее правая рука была согнута в локте.

Инвентарь погребения. Южнее лежащего на левой стороне черепа перед его лицевой частью находился лепной сероглиняный сосуд с низким овальным туловом и невысоким горлом, имеющим отогнутый наружу край (рис. 44). Темновато-серая поверхность сосуда, на которой сохранились основания отбитой вертикальной ручки, была тщательно залощена. Между сосудом и лицевыми костями черепа находились кости барана, а у колена левой ноги была обнаружена небольшая стеклянная подвеска светло-зеленого цвета, напоминающая по форме бутылочку.

Погребения №№ 1 и 2, вероятно, были совершены не одновременно (разделялись прослойкой земли и были различно, почти диаметрально противоположно, ориентиро-

ванны), а через некоторый промежуток времени одно после другого (сначала погр. № 2, а затем погр. № 1) и помещались в двух мо-

ленном суставах, так что колени были подтянуты к грудной клетке. Правая рука была согнута в локте, а кости левой руки

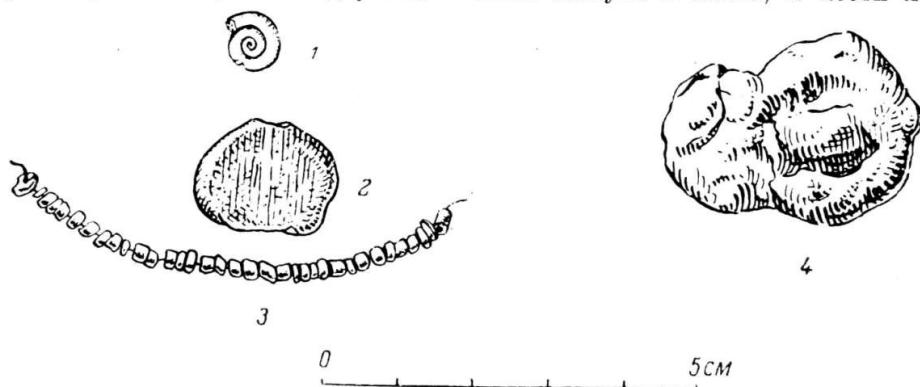

Рис. 42. Инвентарь погребения № 1 кургана № 51/19 (1—3) и погребения кургана № 52/20 (4).

1 — спиральная раковинка; 2 — круглая плоская подвеска из светло-зеленого стекла; 3 — посеребренные бисеринки из синего и желтого стекла; 4 — железная поясная пряжка.

гильных ямах, которые, по-видимому, не случайно совпали по своему местоположению в насыпи.

Погребение № 3 (юго-западная четверть насыпи; глубина залегания черепа

отсутствовали полностью. Инвентарем захоронение не сопровождалось, но, основываясь на положении скелета, погребение можно с наибольшим вероятием отнести к эпохе бронзы.

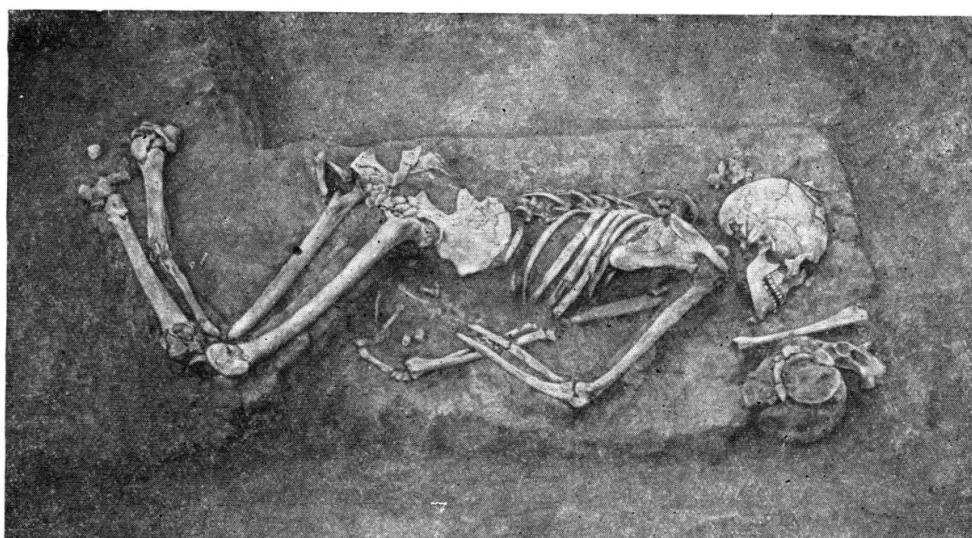

Рис. 43. Курган № 51/19. Погребение № 2.

0.93 м). Оно сохранилось плохо, но общее положение скелета устанавливается достаточно точно. Он лежал на левом боку и был ориентирован на юг-юго-восток (165°). Ноги были сильно согнуты в тазобедренном и ко-

Погребение № 4 (центральная часть насыпи в 0.75 м к западу от нулевого репера; глубина залегания черепа около 1.75 м). Оно находилось в грунтовой яме, выявленной на глубине около 1.05 м. Эта

яма (ее размеры $1.73 \times 1.15 - 1.30$ м; рис. 45) имела вытянутую, прямоугольно-трапециевидную форму со слегка выпуклыми стен-

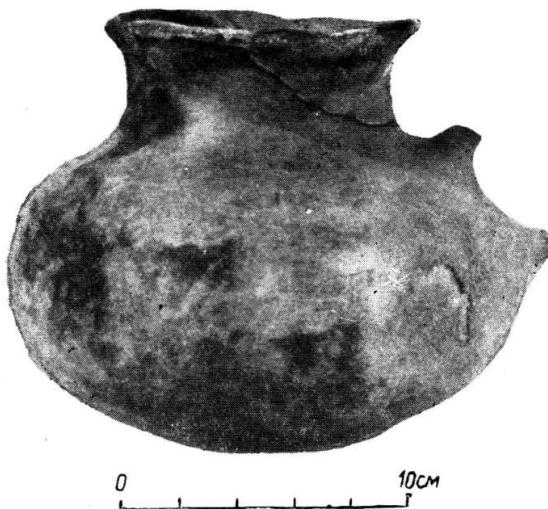

Рис. 44. Курган № 51/19. Сосуд из погребения № 2.

ками и закругленными углами. Она была ориентирована продольной осью примерно по линии запад—восток и несколько расширялась в восточном направлении. Длинная северная стенка ямы вертикально спускалась к горизонтальному дну могилы, лежащему на глубине около 1.80 м; противоположная ей южная стенка в западной части несколько нависала над дном, а короткие — западная и восточная — стенки имели в нижней части по небольшой ступеньке-приступке с узкой площадкой (шириной до 0.20 м), расположенной выше дна на 0.25—0.40 м и наклоненной к середине могилы. Заполнение ямы состояло из рыхлого серого грунта однородного состава, который легко отделялся от материковых стенок. Тем не менее на этих стенках не прослеживалось каких бы то ни было следов работы древним землекопным инструментом.

На дне могилы, выстланном в прошлом циновкой из кути, от которой сохранилось подпрямоугольное белесое пятно различной плотности (рис. 45, 1), было обнаружено неподревоженное захоронение, большая часть костей которого полностью истлела и превратилась в труху. Этот скелет, расположавшийся не точно в центре могилы, а несколько юго-восточнее ее, покоялся на правом боку в скорченном положении с силь-

но согнутыми в обоих суставах ногами. Череп, ориентированный сводом на запад, перекрывал верхние ребра грудной клетки. Вещами захоронение не сопровождалось. В трех местах дна могилы поверх выстилающей его циновки находились пятна темно-красной охры (рис. 45, 2; одно — западнее колен и юго-восточнее нижнего эпифиза правой плечевой кости, второе — у пяточных костей, третье, самое малое, — в нескольких сантиметрах севернее совершенно разрушившегося таза). В треугольнике между бедренными и берцовыми костями ног поверх слоя тленя от циновки лежало пятно плотной белой массы (?) неопределенного состава (рис. 45, 3).

Возраст погребенного, судя по зубам, — juvenis. ■■■

Погребение № 5 (юго-восточная четверть насыпи в 2.10 м к юго-востоку от центра; рис. 46). Оно находилось в значи-

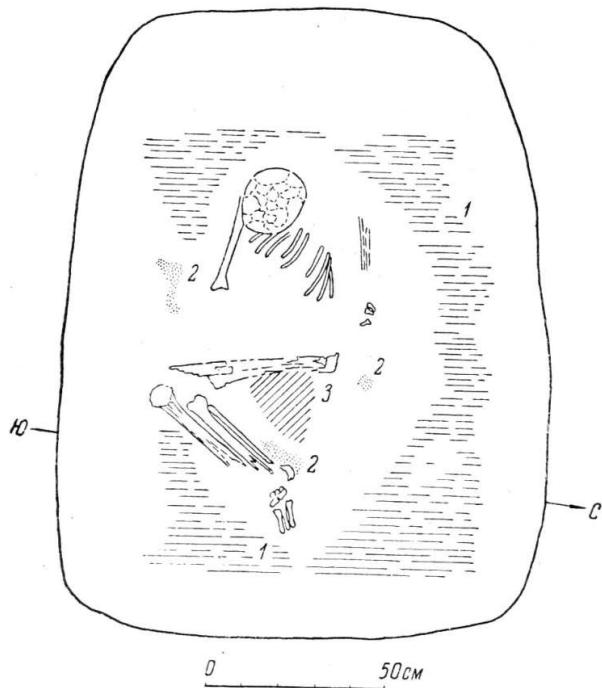

Рис. 45. Курган № 51/19. Погребение № 4.
1 — белесое пятно на дне могилы (остатки циновки из кути);
2 — пятна ярко-красной охры; 3 — пятно плотной белой массы.

тельно меньшей по площади грунтовой яме, вытянутой прямоугольной формы, с закругленными углами и несколько выпуклой западной длинной стороной. Яма была ориен-

тирована продольной осью почти точно по линии север—юг, а ее границы определились на том же уровне, что и границы могилы № 4, т. е. при зачистке горизонта погребенной подпочвы и верхней поверхности материка.

В могиле находилось сравнительно хорошо сохранившееся захоронение ребенка

Рис. 46. Курган 51/19. Погребение № 5.

(мальчика?) в возрасте 9–10 лет (глубина залегания черепа около 1.80 м), располагавшееся на спине. Кости ног, согнутые ранее в коленях и поднятые вверх, распались на обе стороны и образовали ромбовидную фигуру. Кости правой руки были вытянуты вдоль грудной клетки, параллельно позвоночнику, а левая рука согнута в локте. Кисть каждой руки перекрывала верхнюю часть бедренной кости соответствующей ноги.

Инвентарь погребения. Захоронение сопровождалось целым яйце-

видным горшком с очень низким отчененным цилиндрическим горлом (рис. 47, 1). Он помещался между локтем правой руки и длинной восточной стенкой могилы. Его внешняя, слегка сглаженная поверхность, на которой местами прослеживаются штрихи, является пятнистой — серовато-желтой и, преимущественно в верхней части, темно-серой. Книзу от основания горла располагаются три горизонтальных ряда отпечатков веревочки. По верхнему ряду на расстоянии 2–4 см друг от друга повторяются довольно глубокие ямочные вдавления (на внутренней поверхности им соответствуют выпуклины). От нижней (третьей) полосы веревочки и примерно до середины туловища свешиваются шесть шевронов, боковые стороны которых очерчены отпечатками двух параллельных друг другу веревочных линий. Площадь этих свисающих треугольников защищирована параллельными друг другу, горизонтально ориентированными оттисками той же веревочки. В разрезе черепок сосуда несколько утолщается от венчика к дну. На его внутренней поверхности более однородного, темно-серого тона хорошо видны штрихи, полученные в процессе формовки сосуда.

Шесть неправильных по форме отщепов из темно-серого кремня были найдены восточнее проксимального конца правого плеча, а один такой же отщеп — у головки левой плечевой кости. Кроме этого, в погребении были обнаружены два обломка створок раковины (рис. 47, 2) и целый скелет зайца, кости которого лежали в строгом анатомическом порядке (рис. 46). Этот скелет располагался несколько выше и южнее черепа детского скелета, вдоль восточной половины короткой южной стенки материковой ямы, и был направлен своим черепом к юго-восточному углу могилы.

Кроме перечисленных выше погребений, в 5.3 м к северу от черепа захоронения № 3 на глубине 0.90 м были открыты остатки поздней кремации, лежащие на выкладке из кирпичей саркелского типа.¹ Уцелевшая часть выкладки состояла из четырех горизонтально положенных кирпичей, образующих квадрат, ориентированный осьми по странам света. Вокруг сохранившегося фрагмента выкладки

¹ На этих кирпичах сохранились следы известия, что, очевидно, свидетельствует об их вторичном использовании.

находились обломки такого же битого кирпича, а у восточной стороны квадрата были обнаружены небольшое пятно золы и отдельные обломки кальцинированных костей человека и животного (диаметр пятна около 18—20 см).

Следует отметить также некоторые отдельные находки, сделанные при разборе насыпи и не связанные с захоронениями. Так, в юго-западной четверти насыпи, в 8 м к югу-юго-западу от центра кургана, на глубине около 0,62 м от нулевого репера и 0,30 м от современной поверхности насыпи был обнаружен хорошо сохранившийся бронзовый кованый кельт с неполностью сомкнутой втулкой, покрытый плотным слоем благородной темно-зеленой патины (рис. 47, 3).

Помимо бронзового кельта, под юго-восточной полой кургана в 10,20 м от центра, в направлении юго-восток-восток, были найдены лежащие вместе восемь обломков одного и того же толстостенного сосуда эпохи бронзы с широкими бороздами на поверхности — следами сглаживания пальцами до обжига. Эти обломки находились на глубине 0,85 м, что, вероятно, соответствует уровню древней дневной поверхности, перекрытой затем курганной насыпью.

КУРГАН 57/25

Курган, обозначенный номером 57/25, являлся всхолмлением, находящимся на небольшом расстоянии к северо-востоку от насыпи 50/18 (расстояние между их центрами 66 м). Высота всхолмления, имевшего в диаметре около 30—32 м, не превышала 0,40—0,50 м, и оно с трудом различалось на современной поверхности. До раскопок нельзя было точно определить, является ли оно искусственной надмогильной насыпью

или же представляет элемент естественного рельефа.

Холмик, оказавшийся небольшой и к тому же сильно расплывшейся курганной

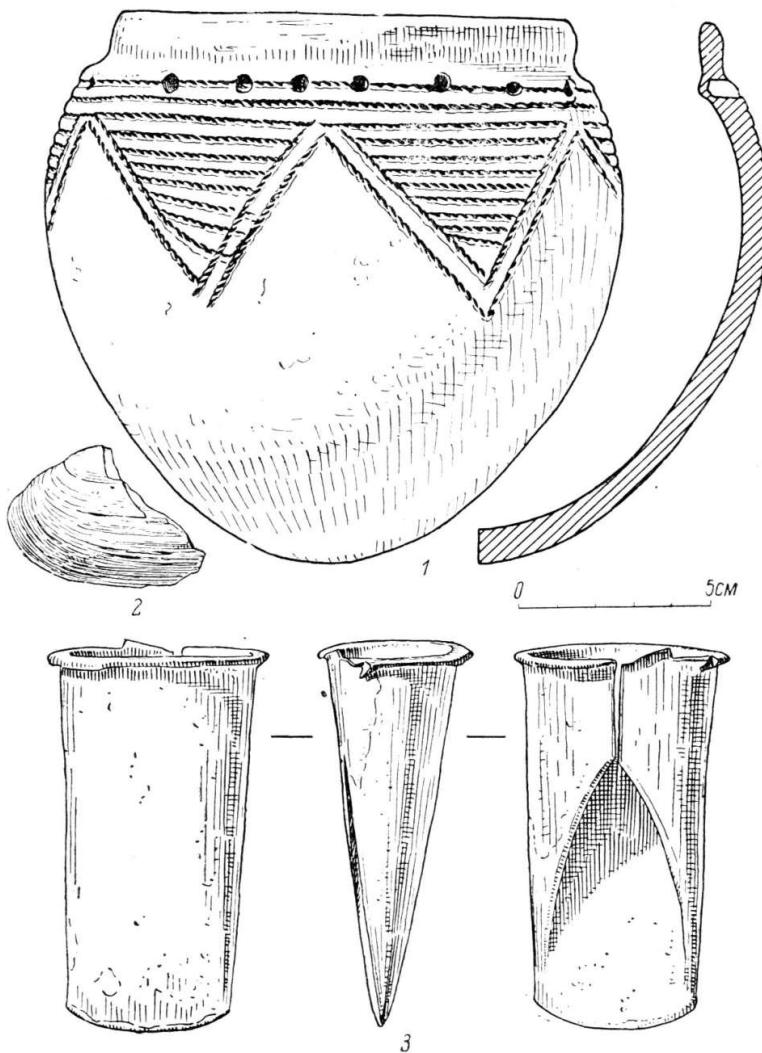

Рис. 47. Курган 51/19. Инвентарь погребения № 5 (1, 2) и найденный в насыпи кельт (3).

1 — яйцевидный лепной горшок со шнуровым и ямочным орнаментом; 2 — фрагмент створки раковины; 3 — бронзовый кованый кельт.

насыпью, раскапывался вручную по четырем секторам (радиус раскопа 7 м), которые были разделены осевыми перемычками, ориентированными по странам света (рис. 48).

В разрезе насыпи выявились следующие горизонты: а) пахотный слой (мощность 0,20 м) темно-серого цвета с включением обломков битого кирпича; б) слой мешаного

суглинка (0.40 м) серовато-коричневого цвета, плотный, с вертикальной трещиноватостью; в) постепенно светлеющий слой суглинка (0.25 м), имеющий переходный характер от предыдущего слоя к материиковому суглинку светло-желтого цвета. При снятии курганной насыпи по штыкам в ней не были открыты захоронения, а зачистка

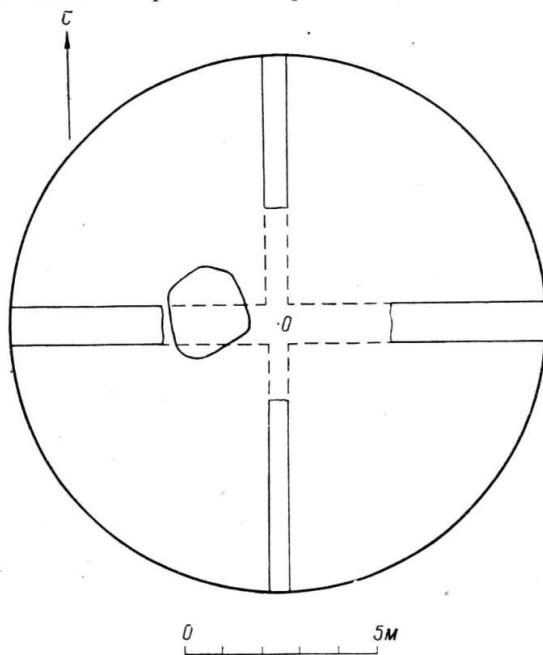

Рис. 48. Курган 57/25. Общий план.

дна раскопов на уровне материка также не вывела явных следов грунтовых ям. Тогда было приступлено к съему крестовины, образованной осевыми перемычками. При этом в центре насыпи, в месте пересечения обеих перемычек, на глубине 0.15—0.20 м от поверхности были обнаружены остатки погребения (ребра и обломки некоторых других, беспорядочно лежащих костей), совершенно разрушенного распашкой. Несомненно, что это захоронение относились к позднему времени и, вероятнее всего, являлось калмыцким. Ниже погребения, под западной осью основной перемычки в той ее части, которая приымкала к центру, была открыта единственная в кургане могильная яма.

Грунтовая могильная яма (рис. 49, 1) помещалась западнее центра кургана, несколько выдаваясь своей северной суживающейся частью за пределы перемычки на площадь северо-западного сектора. Заполнение

и ямы состояло из серой мешаной земли, несколько отличающейся по цвету от более светлого материка. Эта яма имела неправильную форму, приближающуюся к пятиугольной, а само погребение в ней было ограблено и разрушено в древности. В процессе расчистки сложилось впечатление, что первоначально захоронение было совершено в яме значительно меньших размеров, вытянутой прямоугольной формы со слегка закругленными углами. Эта могильная камера, у которой непотревоженными оказались южная, западная и восточные стороны, была ориентирована продольной осью по линии ЮЗЗ—СВВ (азимут 250°) и имела примерные размеры около 1.75×1.15 м. Затем, при древних грабительских раскопках, спущенный сверху колодец прорезал длинную северную стенку ямы и изменил ее форму в этой части, образовав треугольный выступ, обращенный на северо-запад. Это предположение, по-видимому, подтверждается тем, что северо-западная граница ямы определялась с особым трудом, так как в этой части ее заполнение едва отличалось от материка.

Кости совершенно разрушенного скелета были обнаружены в нижней части заполнения ямы или же на ее дне на глубине от 1.30 до 1.60 м от вершины кургана (т. е. на глубине от 0.45 до 0.75 м от горизонта расчистки). Они были разбросаны по всей площади могилы. Однако большая их часть (череп на глубине 1.30 м, кости рук и берцовидные кости) сосредоточивались в северо-западной части ямы. Второе скопление костей (левое бедро, ребра и др.) находилось в юго-западном углу могилы, а отдельные кости (правое бедро и др.) встречались между этими двумя группами. Погребение принадлежало мужчине возмужалого возраста (около 35—40 лет).

Инвентарь погребения. Вдоль северо-западного и восточного краев ямы, а также в ее юго-восточной части на одной глубине с костями скелета располагались вперемешку обломки от разных сосудов, сопровождавших захоронение и разбитых, вероятно, при его ограблении. Эти обломки принадлежали трем сосудам. У одного из них (рис. 49, 2), имеющего форму горшка со вздутым туловом и отогнутым наружу венчиком, в сером тесте содержатся включения мелких белых частиц (толченая раковина?). Внешняя поверхность тщательно залощена. У основания низкого горла располагается горизонтальная, легко прочерченная, двой-

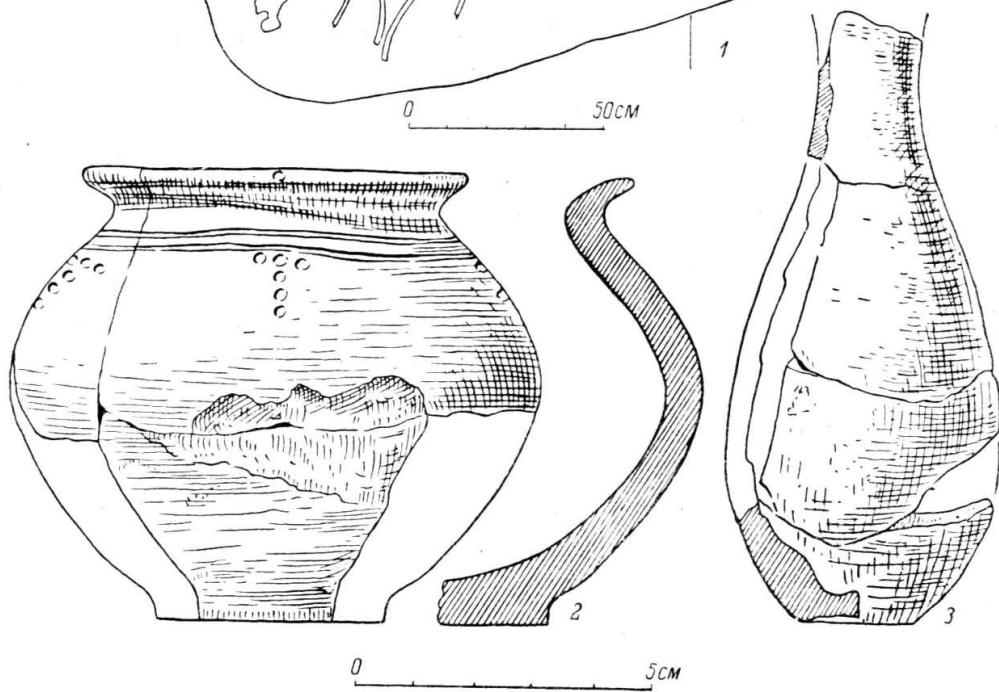
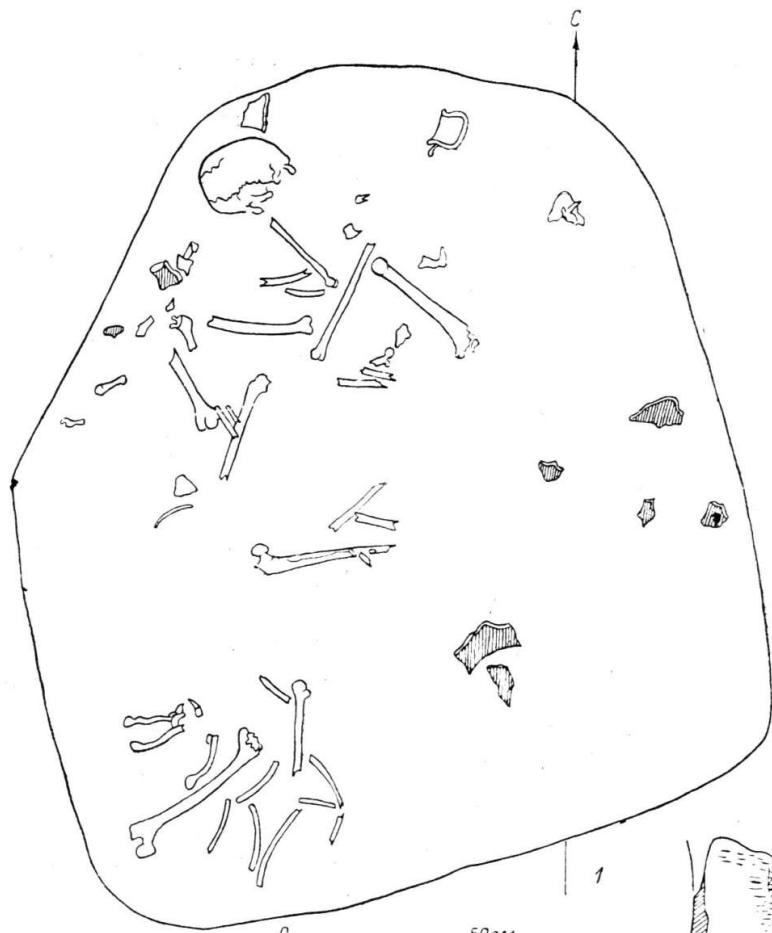

Рис. 49. Курган 57/25.

1 — план могильной ямы; 2, 3 — инвентарь погребения: 2 — орнаментированный горшок с лощеной внешней поверхностью, 3 — амфориск.

ная линия, под которой по окружности ритмично повторяется четыре раза Т-образная композиция из шести небольших ямных вдавлений (три по горизонтали и три по вертикали). Дно сосуда оформлено в виде низкой кольцевой ножки. Второй сосуд, форма которого в связи с отсутствием фрагментов днища и верхней части, не может быть восстановлена даже примерно, был более крупным по размерам и имел черную залощенную внешнюю поверхность и сравнительно тонкие стенки. Наконец, третий сосудик (амфориск) был, в отличие от двух предшествующих, изготовлен на гончарном круге, о чем явственно свидетельствуют круговые горизонтальные желобки на внутренней поверхности. В отличие от двух первых, он был, кроме того, равномерно обожжен до желтовато-розового цвета. Он имел небольшое, уплощенное, слегка вдавленное дно, вытянутое тело и очень узкое, цилиндрическое горло (рис. 49, 3).

Помимо фрагментов сосудов, в центре могилы были найдены два куска мела размерами примерно 4×3 см.

Основываясь на положении костей скелет-

та в разных частях ямы в нижнем слое ее заполнения и на материковом дне, можно предполагать, что ограбление было произведено вскоре после совершения захоронения — до провала перекрытия могилы, но уже после утраты всяких связок между костями, так как ни в одном случае кости не лежали в анатомическом порядке.

Очевидно, описанный курганный некрополь пространственно рос в одном направлении — с юга на север. Так, наиболее ранние захоронения (ямного типа и времени) были обнаружены в курганах 31/7 (насыпь среднего размера) и 51/19 (малая насыпь), расположенных южнее остальных курганов группы. В курганах 30/6, 50/18 (наиболее значительные насыпи в группе) и 58/26 (малая насыпь) основные погребения относились к более позднему периоду — катакомбному времени. Наконец, курган 56/25 (самая малая насыпь), расположенный в северо-восточной части могильного поля, содержал захоронение сарматского времени и был, очевидно, насыпан значительно позже предшествующих.

КУРГАН У хут. КРАСНЫЙ ЯР (52/20)

Как уже указывалось, одиночный курган 52/20 располагался между хут. Поповым и хут. Красный Яр, восточнее первого из них, на краю левого коренного берега Дона. Высота бровки берега над поймой в месте расположения кургана составляла около 6—7 м. Периферия восточной полы кургана пересекалась проселочной дорогой, идущей из хут. Соленого и хут. Попова в хут. Красный Яр. Насыпь имела овальную форму, вытянутую по оси север—юг, причем высшая точка ее была смешена в северном направлении на 3—4 м относительно геометрического центра насыпи (радиусы насыпи: северный — 18 м, южный — 24 м, западный — 14 м; край восточной полы был испорчен дорогой и точные очертания насыпи в этой части не удавалось выявить). Средняя высота кургана достигала 0.94 м (высота с севера — 0.91 м, с юга — 0.97 м, с запада — 0.87 м).

Курган раскапывался вручную по четырем секторам радиусом в 6 м (рис. 50, 1; рис. 51, 1), а земля от края раскопа отвозилась скрепером. Разрез курганной засыпи оказался исключительно интересным и своеобразным: в основании насыпи, сложенной

из аморфного гумусированного суглинка серого цвета (рис. 51, 2, А), на 0.70 м ниже нулевого репера было обнаружено круглое пятно (диаметр 15—15.5 м) светло-серого, плотного, песчаного грунта (рис. 51, 2, Б; средняя мощность около 0.10—0.12 м), являющееся искусственной подсыпкой под насыпь. Под этим пятном очень хорошо сохранился горизонтальный слой погребенного гумуса (мощность в среднем 0.10—0.15 м), отмечающий древнюю дневную поверхность (рис. 51, 2, В).

Могильная яма, пробивающая древнюю дневную поверхность и пятно искусственной песчаной подсыпки, находилась под южной половиной основной осевой перемычки, в 3.5 м к югу от центра кургана (рис. 50, 2; рис. 51, 1, 3—5). При расчистке оказалось, что это пятно является неглубоким входным колодцем в небольшой подбой овальной формы, расположенный западнее колодца и ориентированный осью с юго-востока на северо-запад. Заполнение подбоя и колодца выбиралось с большим трудом, будучи очень похожим на грунт материка (тяжелая супесь палево-коричневого цвета). Дно подбоя, как

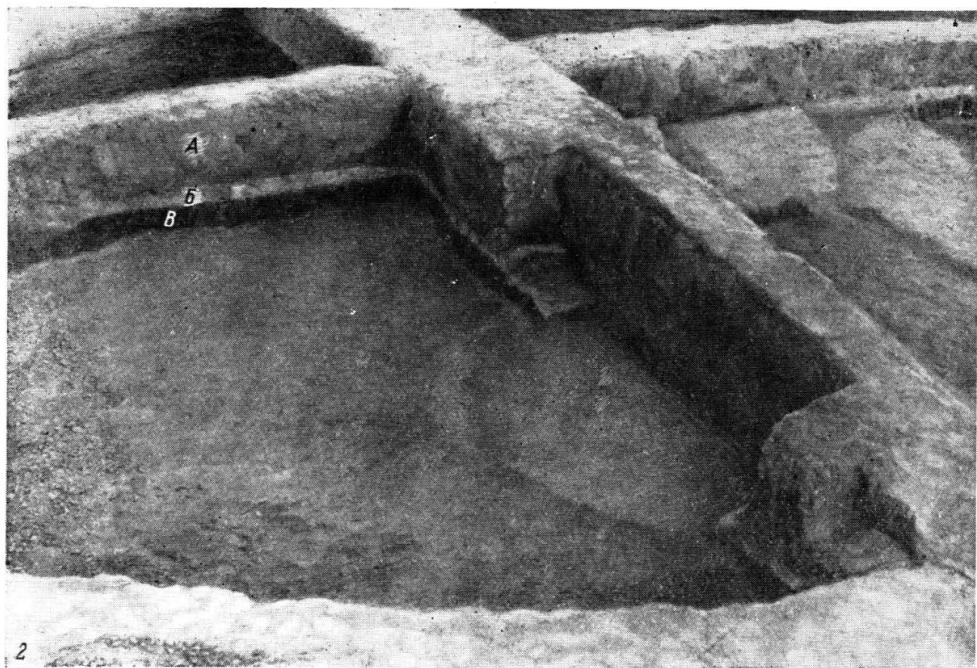
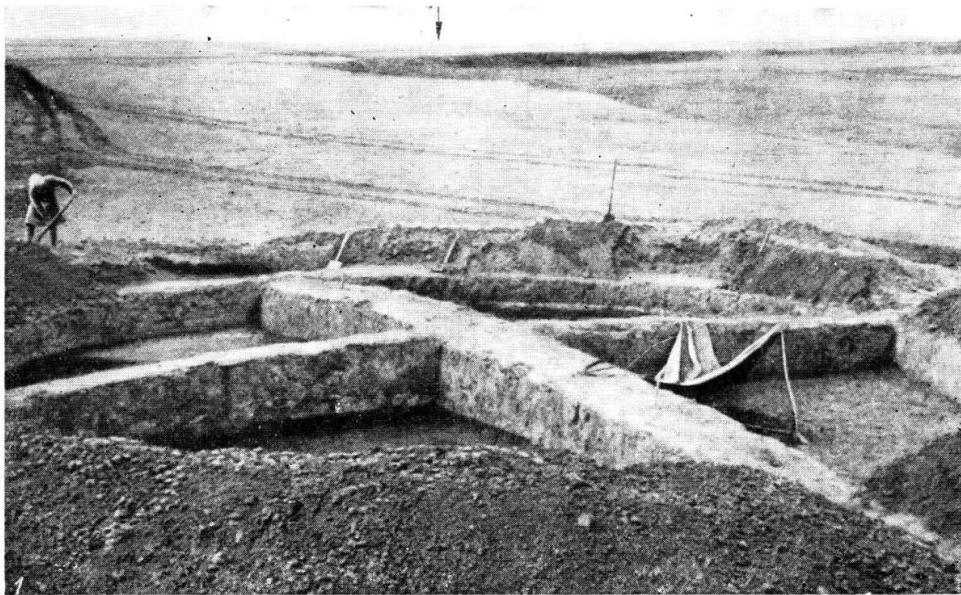

Рис. 50. Раскопки кургана 52/20 у хут. Красный Яр.

1 — общий вид раскопок кургана (стрелкой показано местонахождение городища Саркел—Белая Вежа); 2 — общий вид юго-западного сектора раскопа; западная ось перемычки: А — серый аморфный гумусированный суглинок, слагающий насыпь кургана; В — искусственная подсыпка из светло-серого песчаного грунта, В — слой погребенного гумуса; у южной перемычки, в месте врезки в нее, видно обозначившееся пятно ямы, ведущей в подбой.

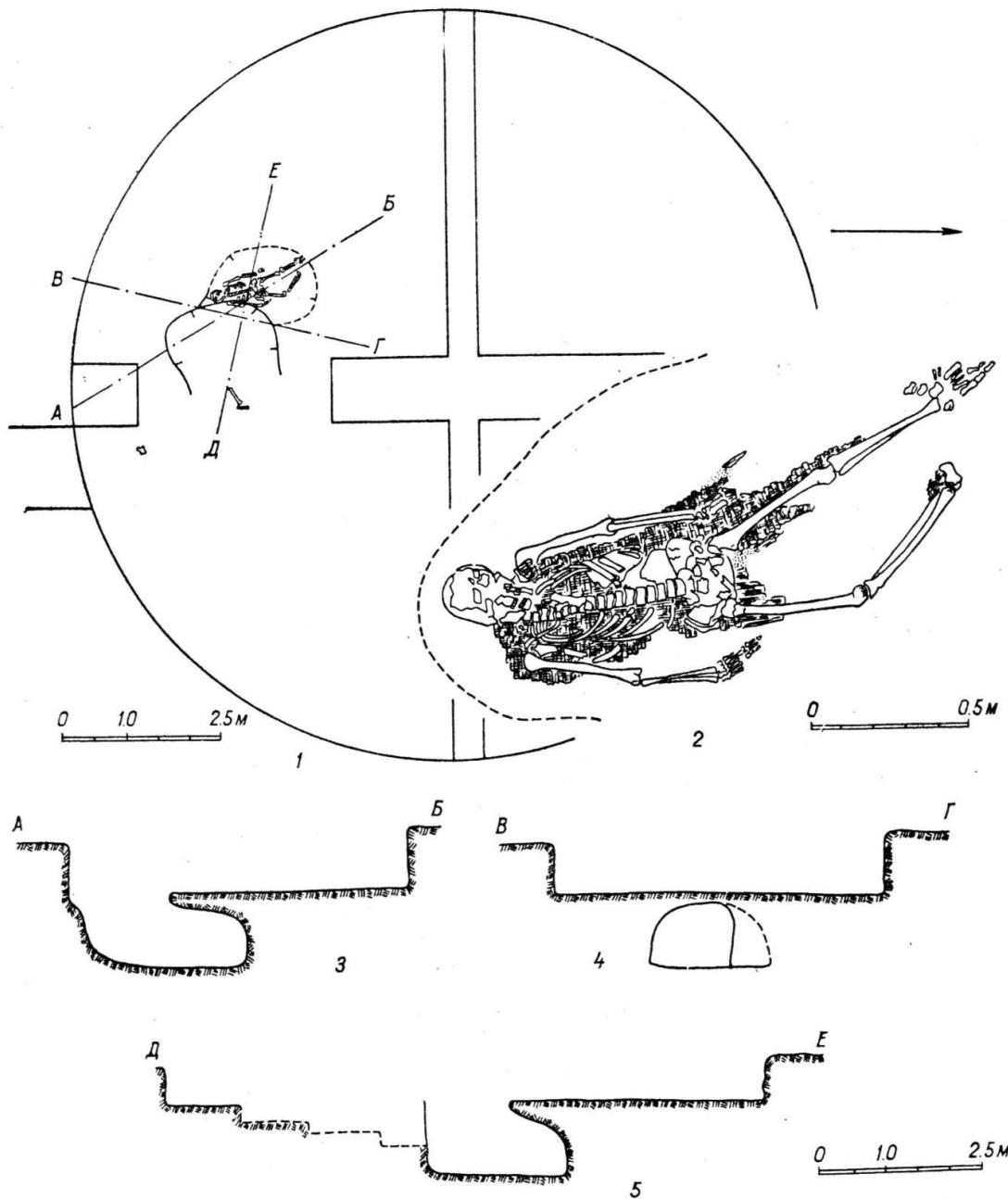

Рис. 51. Курган 52/20 у хут. Красный Яр.

1 — общий план раскопа; 2 — план погребения (пунктиром показаны границы дна подбоя); 3—5 разрезы подбойной могилы.

и дно колодца, находилось на глубине 2.13—2.27 м, а наибольшая высота свода подбоя над дном достигала 0.9—1 м.

В подбое было обнаружено частичное сожжение. Скелет (рис. 51, 2), некоторые кости которого обгорели, лежал на спине и был ориентирован на юг с некоторым отклонением на восток. Кости рук были вытянуты вдоль туловища, левая нога также вытянута, а правая слегка согнута в колене. Большая

Выше были изложены результаты раскопок шести курганов, находившихся вблизи хут. Попова Романовского района. Эти курганы, как и насыпи второго большого могильника,¹ размещались в границах зоны затопле-

части костей скелета (особенно в области грудной клетки и таза) была покрыта слоем золы, мощность которого достигала 6 см.

Погребение сопровождалось железной пряжкой, которая позволяет датировать его временем около VI—VII вв. н. э. (рис. 42, 4).

Отметим, что как подбой с погребением, так и пятно песчаной подсыпки были значительно (до 3.5 м) смещены к югу относительно современного центра кургана.

который, при проведении значительных археологических работ в смежных областях степной полосы, представлялся все более ощущаемым «белым пятном» на карте эпохи бронзы и раннего железа. Сейчас эта ла-

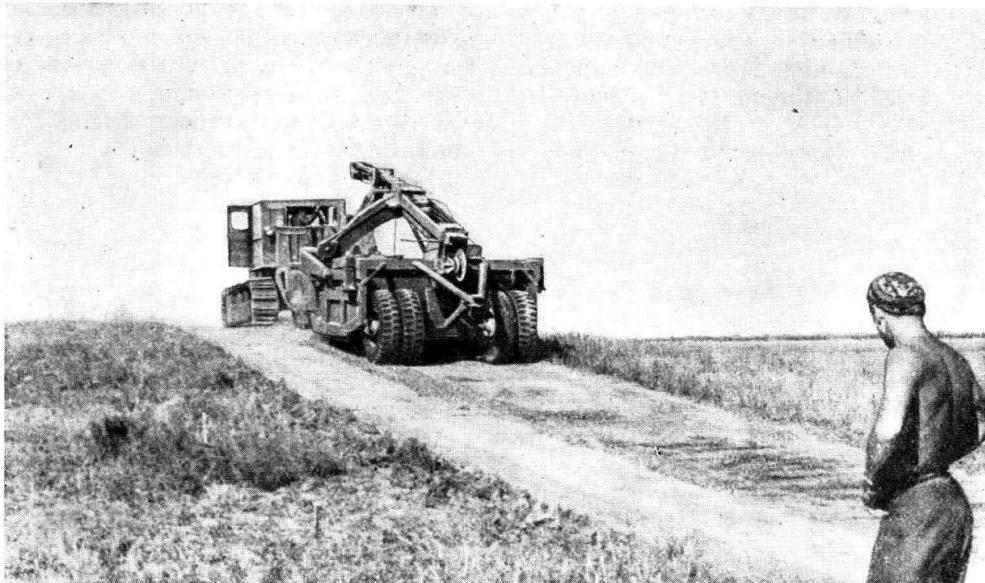

Рис. 52. Курган 30/6. Скрепер снимает первые полосы на восточной половине насыпи вдоль размеченной осевой перемычки. 1950 г.

ния и составляют лишь небольшую часть тех многочисленных курганов, которые в настоящее время поглощены водами Цимлянского моря.

Несмотря на несколько ограниченный объем работ по раскопкам курганов в 1950—1951 гг., они бесспорно дали существенные результаты. При этих раскопках были вскрыты две курганные группы в том районе,

куна в значительной степени заполнена и собранные материалы позволяют полнее охарактеризовать историю нижнего течения Дона и особенно его северного отрезка в эпоху бронзы и раннего железа.

Очевидно, полученные данные в основном не меняют общих сложившихся представлений. Вместе с тем при их сопоставлении можно внести некоторые уточнения в вопросы хронологии и территориального распространения отдельных культурных вариантов.

Такое обобщение всего добывшего раскопками материала будет правомерно после

¹ Отчетная статья А. А. Иессена об этих раскопках намечена к опубликованию в IV томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

публикации результатов раскопок второй (Соленовской) курганной группы. В данном же случае следует напомнить об одном из наиболее интересных моментов в раскопках курганов у хут. Попова — о детском захоронении (погр. № 4) кургана 31/7. Оно, вероятно, относится к числу наиболее древних ямных погребений, которые в дальнейшем, возможно, будут выделены в особую хронологическую группу. Сопровождавший его остродонный сосуд по своей форме довольно близок к одному из типов сосудов надпороjkско-приазовского неолита. Этот факт в сочетании с некоторыми другими (надо признаться, пока немногочисленными) позволяет поставить вопрос о синхронности одного из этапов надпороjkско-приазовской неолитической культуры и раннего звена ямной культуры. Тем самым открывается совершенно новый аспект археологической карты юга европейской части СССР в конце III тысячелетия до н. э.

Одним из побочных результатов работы

отряда является предпринятый им первый опыт использования скреперов для срезания насыпей (рис. 52) и разработка некоторых элементарных начал такой «машинной» методики. За прошедшие шесть лет землеройно-транспортные машины широко вошли в практику работы больших археологических экспедиций. В ряде случаев при этом наряду со скрепером на курганах широко применяется бульдозер и результаты его работы иногда оцениваются положительно.

С последним мы согласиться не можем. Опыт работы отряда в течение двух полевых сезонов показал, что удовлетворительные результаты при съеме насыпей машиной дает только скрепер. Бульдозер, по нашему мнению, может применяться лишь в самых крайних случаях (при отсутствии скрепера и исключительной срочности работ, при большой плотности грунта насыпи и т. п.) и только при том условии, что насыпь не насыщена многочисленными впускными захоронениями.

Л. Г. Вуич

ЧЕРЕПА ИЗ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ НИЖНЕГО ДОНА

Во время полевых работ Волго-Донской археологической экспедиции, руководимой М. И. Артамоновым, были произведены раскопки двух групп курганов, расположенных на левом берегу Нижнего Дона. Раскопанные отрядом А. Д. Столяра в 1950—1951 гг. пять курганов (30/6, 31/7, 50/18, 51/19, 57/25) находились в 2—2.5 км восточнее Саркела — Белой Вежи на краю надпойменной террасы по дороге в хут. Красный Яр.¹ Шестой курган этой группы (58/26) раскопан А. А. Иессеном. Он же раскопал курганный группу, располагавшуюся в 8 км к югу от Саркела по дороге на Ново-Соленовск и названную Соленовской (Сол. 1, Сол. 2, Сол. 3, Сол. 4, Сол. 5).

Первая группа курганов содержала захоронения, относящиеся к эпохе бронзы, и более поздние погребения, датируемые временем с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Вторая группа заключала преимущественно погребения эпохи бронзы и лишь небольшое количество более поздних.

1. ЭПОХА БРОНЗЫ (III—I

Антропологический материал эпохи бронзы, полученный нами на месте раскопок, состоял из 34 костяков, распределение которых по полу и возрасту показано в табл. 1.

Костный материал, как правило, отличается очень плохой сохранностью, черепа раздавлены и лишь частично восстановлены. В связи с этим нам удалось исследовать, и то далеко не в полной мере, только 9 черепов.

¹ См. отчетную статью А. Д. Столяра «Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.» в настоящем томе (стр. 348 и сл.).

Антропологический материал в сочетании с археологическими данными представляет исключительный интерес, помогая подойти к этногенезу более позднего населения, занимавшего указанную территорию в I тысячелетие н. э.

Данные о древнем населении Нижнего Дона в антропологической литературе отсутствуют. Наиболее близким в территориальном отношении является материал по антропологии древнего населения Поволжья, который приведен в работах Г. Ф. Дебеца,¹ Т. А. Трофимовой² и В. В. Гинзбурга.³ Из них самым полным исследованием по интересующему нас вопросу является работа В. В. Гинзбурга, в которой он охватил большое количество скелетов из погребений древнего населения южного Поволжья.

Собранный и изученный нами костный материал можно разбить на две самостоятельные группы: черепа эпохи бронзы и черепа из погребений сарматской культуры.

ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.)

Ниже дается их индивидуальная характеристика. Цифровой материал оказался воз-

¹ Г. Ф. Дебец. 1) Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антрополог. журн., 1936, № 1; 2) Палеоантропология СССР. Тр. Инст. этнографии АН СССР, т. IV, М.—Л., 1948.

² Т. А. Трофимова. 1) Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. Инст. этнографии АН СССР, т. VII, М.—Л., 1949; 2) Черепа из Гулькинского могильника ананьевской культуры. МИА, № 42, 1954.

³ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по

Таблица 1

Пол	Детский младший	Детский старший	Юношеский	Возмужалый	Зрелый	Старческий	Всего
Мужчины	—	—	—	4	7	2	13
Женщины	—	—	1	2	2	—	5
Не определен	11	5	—	—	—	—	16
Всего	11	5	1	6	9	2	34

можным привести в весьма ограниченном виде, лишь для части черепов (табл. 2).

1. Курган 51/19, погр. 5 (инв. № 6071-5).¹ Древнеямное время. Череп принадлежал ребенку 9—10 лет. Сохранились лишь обломки черепа. Мозговой череп явно брахиократный.

2. Курган Сол. 1, погр. 32 (инв. № 6071-21). Ранняя бронза: рубеж древнеямного и катакомбного времени. Мужчина возмужалого возраста. Массивный череп с длинной, широкой и средневысокой черепной коробкой, мезократного (на границе с брахиократией) типа сфеноидной формы; небольшой наклон лба, хорошо выраженные надпереносье и надбровные дуги; среднеширокое и низкое лицо (по лицевому указателю — широколицый), высокий, среднеширокий нос, средневысокие и среднеширокие глазницы, средние углубленные клыковые ямки, среднее выступание носа, fossa praenasalis.

Антropологический тип — европеоидный, с элементами андроновского типа.

3. Курган Сол. 3, погр. 5 (инв. № 6071-20). Ранняя бронза: конец древнеямного или начало катакомбного времени. Мужчина старческого возраста. Сохранился обломок сильно деформированного черепа, входившего в состав тройного захоронения (вместе с двумя детскими костяками). Определение расового типа невозможно.

4. Курган 30/6, погр. 9 (инв. № 5940-6). Катакомбное время (1700—1500 гг. до н. э.). Мужчина возмужалого возраста. По сохранившимся обломкам мозговой череп можно определить как мезо-брахиократный. Имеется метопический шов. Расовый тип определить невозможно.

антропологическим материалам Калиновского могильника). МИА, № 60, 1958.

¹ Инвентарные номера даны по инвентарию Музея антропологии и этнографии АН СССР, где находятся коллекции.

5. Курган Сол. 2, погр. 2 (инв. № 6071-17). Катакомбное время. Мужчина зрелого возраста. Резко выраженный долихократный мозговой череп; средненаклонный лоб, хорошо выраженное надпереносье и больше среднего выраженные надбровные дуги; сильно выступающий нос, fossa praenasalis.

Антрапологический тип — европеоидный.

6. Курган Сол. 1, погр. 16 (инв. № 6071-16). Катакомбное время, поздний период. Мужчина возмужалого возраста. Череп отличается длинной, узкой и средневысокой черепной коробкой, гипердолихократный; средненаклонный лоб, средне выраженные надпереносье и надбровные дуги; узкое, высокое лицо, очень высокие, почти квадратные глазницы, средне углубленные клыковые ямки, узкий, высокий, резко выступающий нос, fossa praenasalis.

Антрапологический тип — европеоидный, средиземноморский.

7. Курган 30/6, погр. 16 (инв. № 5940-9). Катакомбное время. Мужчина зрелого возраста. Сохранились лишь фрагменты лобной части и обеих теменных костей. Черепная коробка долихо-мезократная с прижизненной лобно-затылочной деформацией; резко выраженное надпереносье и средне развитые надбровные дуги.

Антрапологический тип — европеоидный.

8. Курган 30/6, погр. 15 (инв. № 5940-8). Срубное время (конец II тысячелетия до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Сохранившиеся кости черепа отличаются крупными размерами. На чешуе затылочной кости хорошо выражен мышечный рельеф. Черепная коробка, по-видимому, длинная и довольно узкая, т. е. долихократная; покатый лоб, средне развитые надбровные дуги; средневысокое, по-видимому неширокое, лицо, низкие глазницы, резко выступающий нос с загнутым книзу краем носовых костей, довольно плоские клыковые ямки, резко выступающий вперед горизонтальный профиль лица.

Таблица 2

Индивидуальные измерения мужских черепов бронзовой эпохи в районе Саркела

№ по Мартину	Признаки	Череп № 2	Череп № 6	Череп № 5	Череп № 9
		кург. Сол. 1, погр. 32	кург. 19, погр. 16	кург. Сол. 2, погр. 2	кург. 58/26, погр. 8
		рубеж древнеямного и катаомбного времени	катакомбное время	катакомбное время	поздняя бронза, X—VIII вв. до н. э.
	возмужалый	возмужалый	возмужалый	зрелый	зрелый
1	Продольный диаметр	191	195	—	176
8	Поперечный диаметр	151	134	—	145 ?
45	Скуловой диаметр . .	137 ?	131	—	—
48	Верхняя высота лица	66	76	—	73
55	Высота носа	67	58	—	52
54	Ширина носа	25	23	—	30
51	Ширина орбиты (от mf)	43	42	—	41 ?
52	Высота орбиты	33	38	—	30
43/1	Бималиярная хорда . .	102	100.5	—	—
—	Выступание назиона над б/м хордой	19.2	20	—	—
—	Зигомаксиллярная хорда	93	89.3	—	—
—	Выступание субспинальной точки	19.8	25.2	—	—
—	Дакриальная хорда	—	20	—	—
—	Дакриальная высота	—	17	—	—
—	Симотическая хорда	6.8	9	—	—
—	Симотическая высота	3.8	6	—	—
—	Черепной указатель	79.1	68.7	—	82.4
—	Лицевой указатель . .	—	58.0	—	—
—	Носовой указатель . .	—	39.7	—	57.7
—	Орбитный указатель	76.7	90.5	—	73.2
—	Форма черепной коробки	Сфеноид.	Овоид.	—	Сфеноид.
—	Наклон лба (0—3)	2	2	2	2
—	Развитие надпереносья (1—6)	4	3	4	4
—	Развитие надбровных дуг (1—3)	3	2	2	2
—	Выступание носа (1—3)	3	3	3	2
—	Глубина клыковой ямки (0—4)	2	2	—	2
—	Нижний край грушевидного отверстия	F. pr.	F. pr. ?	F. pr.	Antr.
—	Передненосовая ость	2	3	3	—
—	Типологическая характеристика	Европеоидный, мезокраний, с элементами андроновского типа.	Европеоидный, гипердолихокраний, средиземноморский.	Европеоидный, долихокраний.	Европеоидный, брахиокраний.

Антropологический тип — европеоидный.

9. Курган 58/26, погр. 8 (инв. № 6071-10). Поздняя бронза (X—VIII вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Массивный череп характеризуется среднедлинной, среднеширокой и средневысокой черепной коробкой, брахиокраний; средненаклонный лоб с довольно хорошо выраженным надпереносьем и средне развитыми надбровными дугами;

лицо широкое и средневысокое, нос широкий, край грушевидного отверстия антропинный. Незначительная кольцевая теменная деформация.

Антropологический тип — европеоидный.

Из приведенной индивидуальной характеристики исследованных нами черепов ясно, что говорить о «среднем» их типе (укладывающемся в пределах индивидуальных вариа-

ций) на основании даже столь небольшого материала не представляется возможным. Несомненной является лишь их принадлежность к европеоидной расе.

В «Палеоантропологии СССР» Г. Ф. Дебец характеризует антропологический состав племен эпохи бронзы в степной полосе Русской равнины какprotoевропеоидный (кроманьонский), более массивный в более ранних (древнеямных) и более грацильный в более поздних (срубных) погребениях. Черепа катакомбного времени (их немного) отличаются, по Г. Ф. Дебецу, от древнеямных и от срубных более высоким черепным указателем.

Наш материал не укладывается в эту схему. Во-первых, брахицраны встречаются и в древнеямных (детский череп № 1 из кургана 51/19, погр. 5) и в поздних погребениях (мужской череп № 9 из кургана 58/26, погр. 8). Во-вторых, среди черепов катакомбного времени встречены и долихокранные. В-третьих, по крайней мере один из долихокранных черепов (мужской череп № 6 из кургана Сол. 1, погр. 16) отличается высоким и узким лицом, высокими орбитами, что сбли-

жает его не с кроманьонским, а с средиземноморским антропологическим типом Передней Азии и соседних областей (например, памирские саки).¹

Располагая ограниченным материалом, трудно доказывать наличие особых антропологических типов. Однако В. В. Гинзбург в отношении исследованных им 16 черепов бронзовой эпохи Стalingрадского Заволжья пришел к тому же выводу. Часть черепов он относит к средиземноморскому типу, устанавливая их сходство с черепами населения Прикаспийских степей, а два черепа андроновского типа считает сходными с черепами времени бронзы Саратовского Заволжья.

Следует указать, что В. В. Гинзбург отмечает большой процент деформированных черепов эпохи ранней бронзы. В нашем же материале незначительная прижизненная деформация отмечена только у двух черепов эпохи поздней бронзы.

Таким образом, исследование антропологических материалов Волго-Донской экспедиции позволяет говорить о неоднородном антропологическом составе племен бронзового века степной полосы Русской равнины.

2. САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ (IV в. до н. э.—IV в. н. э.)

Исследованный нами на месте раскопок антропологический материал состоял из 22 костяков, распределение которых по полу и возрасту представлено на табл. 3. Три из этих скелетов относятся к раннесарматскому времени, остальные близки к рубежу нашей эры.

Большая часть костяков отличалась плохой сохранностью. Черепа за редким исключением были сильно разрушены. Поэтому удалось исследовать из указанного числа, и то лишь частично, 15 черепов.

Кроме весьма скучного цифрового материала, приведенного в табл. 4, мы даем ниже индивидуальную характеристику каждого черепа.

1. Курган 58/26, погр. 9 (инв. № 6071-11). Савромат (VII—VI вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп крупный, брахицранный, сфероидной формы; прямой лоб, средние развитые надпереносье и надбровные дуги; низкое и широкое лицо, средневысокие орбиты, мелкие клыковые ямки, fossa praena-salis, средне выраженная носовая ость.

Антропологический тип — европеоидный, андроновский.

2. Курган 58/26, погр. 10 (инв. № 6071-12). Савромат (VI—V вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп незначительных размеров, брахицранный; лицо асимметричное, очень низкое (58 мм) и довольно широкое, очень низкие глазницы, низкий, довольно узкий и сильно выступающий нос, сильно углубленные клыковые ямки, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный, приближающийся к андроновскому.

3. Курган 51/19, погр. 2 (инв. № 6071-4). Савромат (?). Мужчина взрослого возраста. Череп крупный, мезо-брахицранный; средний наклон лба, средне развитые надпереносье и надбровные дуги; альвеолярный прогнатизм.

Антропологический тип — европеоидный.

4. Курган 57/25, погр. 1 (инв. № 6071-7). Сармат. Мужчина взрослого возраста. Череп характеризуется среднедлинной и среднеширокой черепной коробкой, мезо-брахицранный; средний наклон лба и средне

¹ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. Кратк. сообщ. Инст. этнографии АН СССР, т. XI, 1950.

Таблица 3

Пол	Детский младший	Детский старший	Юношеский	Возмужалый	Зрелый	Старческий	Всего
Мужчины	—	—	2	3	6	—	11
Женщины	—	—	—	2	5	—	7
Не определен	3	1	—	—	—	—	4
Всего	3	1	2	5	11	—	22

выраженное надпереносье, слабо развитые надбровные дуги; средне углубленные клыковые ямки, среднее выступание носовых костей.

Антропологический тип — европеоидный.

5. Курган 30/6, погр. 13 (инв. № 5940-7). Сармат (II в. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп характеризуется короткой и широкой черепной коробкой, брахицераный; лоб прямой, со средне выраженным надпереносием и надбровными дугами; лицо среднеширокое и средневысокое, нос среднеширокий, сильно выступающий, глазницы высокие, клыковые ямки среднеглубокие, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный, близкий к типу Среднеазиатского Междуречья.

6. Курган 58/26, погр. 6-а (инв. № 6071-9). Сармат (II в. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Мозговой череп, по-видимому, брахицераный, хотя посмертная деформация черепа затрудняет точное определение его формы; лоб довольно широкий, средненаклонный, со средне выраженными надбровными дугами; лицо значительно выступающее в горизонтальной плоскости, со средне-углубленными клыковыми ямками, fossa praenasalis.

Антропологический тип — европеоидный.

7. Курган 50/18, погр. 10 (инв. № 6071-4). Сармат. Мужчина зрелого возраста. Череп брахицераный; средний наклон лба, средне развитые надбровные дуги; лицо низкое, среднеширокое, с низкими глазницами, со средне углубленными клыковыми ямками, со сглаженным нижним краем грушевидного отверстия.

Антропологический тип — европеоидный.

8. Курган 58/26, погр. 11 (инв. № 6071-13). Сармат (II-I вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп характеризуется среднедлин-

ной, среднеширокой и низкой (?) черепной коробкой овоидной формы, мезокраний; средний наклон лба, средне выраженные надпереносье и надбровные дуги; лицо среднеширокое и средневысокое, нос узкий и короткий, глазницы средней высоты, клыковые ямки глубокие, носоваяость довольно сильно выступающая, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный.

9. Курган 50/18, погр. 11 (инв. № 6071-2). Сармат. Мужчина (?), подросток. Сохранилась лишь часть мозгового черепа, последний брахицераный, сфероидной формы.

10. Курган 58/26, погр. 5 (инв. № 6071-8). Сармат (около II в. до н. э.). Женщина возмужалого возраста. Череп характеризуется довольно короткой, среднеширокой и средневысокой мозговой коробкой, брахицераный; прямой лоб, слабо выраженные надпереносье и надбровные дуги, средневысокое и среднеширокое лицо, узкий нос, высокие глазницы, слабо выраженные клыковые ямки, средне выступающий нос, сглаженный нижний край грушевидного отверстия; альвеолярный прогнатизм.

Антропологический тип — европеоидный, близкий к типу Среднеазиатского Междуречья.

11. Курган 30/6, погр. 5 (инв. № 5940-4). Сармат. Женщина зрелого возраста. Череп небольшого размера, со среднедлинной и среднеширокой черепной коробкой, мезокраний; прямой лоб, слабо развитое надпереносье и средне выраженные надбровные дуги; узкое и низкое лицо, среднеширокий нос, высокие глазницы, очень глубокие клыковые ямки (левая — 3, правая — 4) и антропинный нижний край грушевидного отверстия.

Антропологический тип — европеоидный.

12. Курган 50/18, погр. 12 (инв. № 6071-3). Сармат (?). Женщина зрелого возраста. На

Индивидуальные измерения черепов сармат

№ по Мартину	Признаки	Череп № 1	Череп № 2	Череп № 3	Череп № 4	Череп № 5
		кург. 58/26, погр. 9	кург. 58/26, погр. 10	кург. 51/19, погр. 2	кург. 57/25, погр. 1	кург. 30/6, погр. 13
		савромат (VII—VI вв. до н. э.)	савромат (VI—V вв. до н. э.)	савромат (?)	сармат	сармат (II в. до н. э.)
		муж. зрелый	муж. зрелый	муж. возму- желый	муж. возму- желый	муж. зрелый
1	Продольный диаметр черепа	181	—	186	180	—
8	Поперечный диаметр черепа	—	—	—	138	—
17	Высотный диаметр (ba—br)	—	—	—	—	—
20	Высотный диаметр (po—br)	—	—	—	—	—
9	Наименьшая ширина лба	105	—	—	106	102
5	Длина основания черепа	—	—	—	—	—
45	Скуловой диаметр	—	144?	—	—	—
48	Верхняя высота лица	—	58	—	—	—
46	Средняя ширина лица (zm—zm)	—	—	—	—	—
55	Высота носа	—	—	—	—	—
54	Ширина носа	—	—	—	—	—
51	Ширина орбиты (om—mf)	—	—	—	—	—
52	Высота орбиты	—	—	—	—	—
43/1	Бималярная хорда (fmo—fmo)	—	—	—	—	—
—	Выступание назиона над б/m хордой	—	—	—	—	—
—	Зигомаксиллярная хорда	—	—	—	—	—
—	Выступание субзигомаксиллярной точки	—	—	—	—	—
—	Дакриальная хорда	—	—	—	—	—
—	Дакриальная высота	—	—	—	—	—
—	Симотическая хорда	—	—	—	—	9.4
—	Симотическая высота	—	—	—	—	4.2
—	Черепной указатель	—	—	—	76.7	—
—	Форма черепной коробки	Сфеноид.	—	—	Сфеноид.	Сфеноид.
—	Наклон лба (0—3)	1	—	2	2	1
—	Развитие надпереносья (1—3)	3	—	3	3	3
—	Развитие надбровья (1—3)	2	—	2	1	2
—	Выступание носа (1—3)	—	3	—	2	2
—	Глубина клыковой ямки (0—4)	1	3	—	2	2
—	Нижний край грушевидного отверстия	F. pr. 3	Antr. 4	—	—	Antr. 4
—	Передненосовая ость (1—5)	Андронов- ский.	Европеоидный, приближа- ющийся к андронов- скому.	Европеоид- ный, мезо- брахиокран- ный.	Европеоид- ный, брахи- окранный, Среднеазиат- ского Меж- дуречья.	Европеоид- ный, мезо- окранный.

Таблица 4

сарматского времени в районе Саркела

Череп № 6	Череп № 7	Череп № 8	Череп № 10	Череп № 11	Череп № 12	Череп № 13	Череп № 14
кург. 58/26, погр. 6а	кург. 50/18, погр. 10	кург. 58/26, погр. 11	кург. 58/26, погр. 5	кург. 30/6, погр. 5	кург. 50/18, погр. 12	кург. 58/26, погр. 12	кург. 58/26, погр. 13
сармат (II в. до н. э.)	сармат	сармат (II—I вв. до н. э.)	сармат (около II в. до н. э.)	сармат	сармат (?)	сармат (II в. до н. э.)	сармат (около II в. до н. э.)
муж. зрелый	муж. зрелый	муж. зрелый	жен. возму- жальный	жен. зрелый	жен. зрелый	жен. зрелый	жен. зрелый
—	187?	185	170	180	165??	166?	163?
—	153?	145?	140	138	145??	157?	154?
—	—	131	—	—	122	—	—
—	—	104?	112	—	108	—	—
—	—	97	94	92	96	—	—
—	—	—	93	—	92	—	—
—	—	136?	128	—	126	—	—
—	—	71	69	58	65	—	—
—	—	93	91	83	92	—	—
—	—	71	49	46	48	—	—
—	—	24	22	24?	24	—	—
—	—	43	40	41?	42	—	—
—	—	34	34	35	34	—	—
—	—	98	105	90	97	—	—
—	—	—	15	—	15.5	—	—
—	—	—	92.5	—	91	—	—
—	—	—	23	—	20.5	—	—
—	—	—	19.5	—	20.2	—	—
—	—	—	9	—	11	—	—
—	—	—	8	—	11.2	—	—
—	—	—	4	—	5.0	—	—
—	81.8?	78.4?	82.4	76.7	87.9	88.5?	94.5?
—	2	Овоид.	Овоид.?	Пентагоноид.	Сфериоид.	—	Сфериоид.
—	2	2	1	1	1	1	1
—	—	3	2	2	2	—	2
—	2	2	1	2	1	2	1
—	—	—	2	—	2	—	—
2	2	3	1	Слева 3, справа 4	2	3	3
F. pr. 2	F. pr. 3	Antr. 3	Inf. 2	Antr. 2	Antr. 3	Antr. —	Antr. 2
Европеоид- ный, бра- хикран- ный.	Европеоид- ный, бра- хикран- ный.	Европеоид- ный, мезо- кранный.	Европеоид- ный, Сред- неазиат- ского Междуречья.	Европеоид- ный, мезо- кран- ный.	Европеоид- ный, бра- хикран- ный, Средне- азиат- ского Меж- дуречья.	Европеоид- ный, бра- хикран- ный, Средне- азиат- ского Меж- дуречья.	Европеоид- ный, бра- хикран- ный, Средне- азиат- ского Меж- дуречья.

мозговом черепе на левой теменной кости имеются следы смертельного удара острым оружием. Череп характеризуется короткой, широкой и средневысокой мозговой коробкой сфероидной формы, брахицераный; прямой лоб, слабо развитые надпереносье и надбровные дуги; низкое и узкое лицо, среднеширокий нос, средней высоты глазницы, средне углубленные клыковые ямки, средне выступающий нос, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антрапологический тип — европеоидный, близкий к типу Среднеазиатского Междуречья.

13. Курган 58/26, погр. 12 (инв. № 6071-14). Сармат (II в. до н. э.). Женщина зрелого возраста. Череп характеризуется короткой и широкой черепной коробкой, брахицераный; прямой лоб, средне развитые надбровные дуги; лицо среднеширокое и средневысокое (ближе к низкому), клыковые ямки глубокие, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антрапологический тип — европеоидный, Среднеазиатского Междуречья.

14. Курган 58/26, погр. 13 (инв. № 6071-15). Сармат (около II в. до н. э.). Женщина зрелого возраста. Череп посмертно деформированный, с короткой и широкой черепной коробкой сфероидной формы, брахицераный; прямой лоб, слабо выраженные надпереносье и надбровные дуги; лицо, по-видимому, средневысокое и среднеширокое, глазницы низкие (на границе со средними), клыковые ямки глубокие, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антрапологический тип — европеоидный, Среднеазиатского Междуречья.

15. Курган 30/6, погр. 8 (инв. № 5940-5). Сармат (III-II вв. до н. э.). Женщина зрелого возраста. Брахи-мезокераный череп с прямым лбом, со средне развитым надпереносьем, по-видимому с высокими глазницами, с антропинным нижним краем грушевидного отверстия.

Антрапологический тип — европеоидный.

Таким образом, все черепа исследованной нами серии являются европеоидными, мезо-брахицераного типа (с преобладанием брахицеранного); лоб слабо наклонный, надпереносье и надбровные дуги средне развитые; лицо среднеширокое и средневысокое (с тенденцией к низкому), глазницы средневысо-

кие, нос средне выступающий, клыковые ямки довольно глубокие, большой процент fossa praenasalis. Только два савроматских черепа выпадают из этой серии, характеризующиеся чертами андроновского типа: низким, широким лицом, сильно выступающим носом.

Женские черепа в основном обладают чертами, характеризующими и мужские черепа. Однако серия женских черепов более однородна и обладает чертами европеоидного типа Среднеазиатского Междуречья.

Черепа придонских сарматов (особенно женские) обнаруживают значительное сходство с сарматскими черепами Нижнего Поволжья, описанными Г. Ф. Дебецом, в особенности же с черепами выделенной им «астраханской группы». Общим для тех и других является принадлежность к европеоидному типу (брахицерания, среднеширокое и средневысокое лицо, среднее развитие надпереносья и довольно глубокие клыковые ямки).¹ Недостаточность нашего цифрового материала не позволяет сделать более детальное сопоставление обеих групп.

Серия изученных В. В. Гинзбургом черепов из Калиновского могильника в Сталинградском Заволжье, датируемых сарматским временем, довольно сильно отличается от нашей группы. Основным типом Сталинградского Заволжья является европеоидный долихо-мезокераный тип с узким и низким лицом, низкими глазницами. Однако, если провести сравнение изученных нами черепов с выделенной В. В. Гинзбургом группой «ранних сарматов» (IV-II вв. до н. э.), то обнаружатся довольно отчетливые черты сходства как по черепному указателю (средний брахицераный), так и по всем почти остальным признакам: наклон лба, степень развития надпереносья и надбровных дуг, ширина и высота лица, высота глазниц, глубина клыковых ямок.²

Имеется также некоторое сходство между изученными нами черепами и черепами сармат Северного Кавказа из ст. Усть-Лабинской, описанными В. В. Бунаком.³

¹ Г. Ф. Дебец. Палеантрапология СССР, стр. 167 и сл.

² В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья, МИА, № 60, 1958.

³ В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антрапологическом освещении. Сб. МАЭ, т. XIV, 1953.

Следовательно, сарматское население Придонья, составляя довольно однородную в антропологическом отношении группу, обнаруживает наибольшее сходство с сарматами Нижнего Поволжья в целом и в то же время заметно отличается от сарматского населения Среднего Поволжья. Лишь наиболее раннее население Среднего Поволжья обнаруживает сходство с населением Придонья.

То обстоятельство, что черепа андроновского типа относятся, по определению А. А. Иессена, к савроматскому периоду, могло бы свидетельствовать о раннем проникновении этого типа из Казахстана. Впрочем, последнее не обязательно, так как

брахиокраные массивные черепа встречаются, как показывают наши материалы, и в местных курганах эпохи бронзы.

Полученные нами результаты не противоречат выводам, приведенным археологом К. Ф. Смирновым: «Основной территорией формирования сарматских племен являлись Задонские и Поволжско-уральские степи, где, начиная с VI в. до н. э., прослеживается более чем тысячелетнее развитие одной и той же культуры».¹

¹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», Изд. АН СССР, М., 1954.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	— Археологическая комиссия.	ИАН	— Известия Академии наук.
АЭХЭ	— Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.	Изв. I—XV АС	— Известия I—XV археологических съездов.
ВДИ	— Вестник древней истории.	ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.	ИКДР	— История культуры древней Руси
ГИМ	— Государственный исторический музей.	Ипат. лет.	— Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
ДИМ	— Днепропетровский исторический музей.	КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ДРАН	— Доклады Российской Академии наук.	МАО	— Московское археологическое общество.
ЖИКМ	— Ждановский историко-краеведческий музей.	МАР	— Материалы по археологии России.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.	МАЭ	— Материалы по археологии и этнографии.
ЖС	— Живая старина.	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ЗАН	— Записки Академии наук.	МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1938.
ЗАО	— Записки Археологического общества.	НИКМ	— Новочеркасский историко-краеведческий музей.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества.	ОАК	— Отчеты Императорской археологической комиссии.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.	СА	— Советская археология.
ЗОРСАРО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.	СЭ	— Советская этнография.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.	ТВОАО	— Труды Восточного отделения Археологического общества.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии.	ТИКМ	— Таганрогский историко-краеведческий музей.
		Тр. I—XV АС	— Труды I—XV археологических съездов.
		SK	— Seminarium Kondakovianum

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа	7
И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона	85
С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях	151
И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища	227
И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение	263
И. И. Ляпушкин. Курганный могильник близ Карнауховского поселения	315
И. И. Ляпушкин. Средневековое поселение близ ст. Суворовской	323
И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница	337
А. Д. Столляр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.	348
Л. Г. Вуич. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона	417
Список сокращений	426

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР . № 62
ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ . Том I

*

Утверждено к печати

*Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *К. И. Кочергин*

Технический редактор *P. A. Аронс*

Корректоры *Г. А. Аухимович, Л. А. Петрова
и Л. В. Семенова*

*

Сдано в набор 17/II 1958 г. Подписано к пе-
чати 2 VI 1958 г. РИСО АН СССР № 97-8В.
Формат бумаги 84×108/16. Бум. л. 13³/8. Печ.
л. 263³/4=43,87 усл. печ. л. + 14 вкл. Уч.-изд.
л. 43,3+14 вкл. (2,44). Изд. № 491. Тип. зак.
№ 554. М-20707. Тираж 2000.

Цена 29 р. 90 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линии, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Колонка</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
51	Правая	28 сверху	954 г.,	964 г.,
152	Правая	11—10 снизу	летопись,	летопись (СПб, 1871),
154	Рис. 1	На карте	Вулааспон	Вулааспон
180	Левая	4 сверху	державшую	держащую
189	Левая	9 »	подуктивный	продуктивный
192	Правая	18 »	Явдиерти	Явдиирти
216	Правая	21 снизу	незамедлили	не замедлили
220	Левая	5 сверху	происходящими	происходившими
247	Правая	22 снизу	очистке	зачистке
253	Правая	3 сверху	(рис. 3, 3).	(рис. 3, 1).
299	Левая	7 »	до 30 м	до 35 м
308	Левая	1 »	(рис. 52, 3	(рис. 52, 7
308	Правая	19 »	ровном	равном
323	Левая	7 снизу	отложениях	обнажениях
333	Правая	4 »	пола	пода
349	Рис. 1	На рисунке	Кореной	Коренной
357	Рис. 6	13 снизу	—	1—
368	Правая	28 сверху	погребальной	погребальной
386	Левая	18 снизу	из трех,	из пяти,
404	Правая	2 сверху	подвздошная,	подвздошная
			кость	кость
419	Таблица 2, третья графа	5 строка цифр сверху	67	47
419	Таблица 2, третья графа	18 строка цифр сверху	—	53.2
421	Правая	38 снизу	короткий,	высокий,
423	Третья графа	8 строка цифр сверху	71	51